

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

НЕ РАССТАНУСЬ С МОЛОДЕЖЬЮ, БУДУ...

*Сборник научных статей к 80-летию
профессора Ю. Р. Вишневского*

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2018

УДК 929:316+316.346.32-053.6
ББК 60.5-8+60.542.15
Н 38

Под общей редакцией
доктора философских наук Ю. Р. Вишневого

Рецензенты:

С. В. Аржанухин, профессор, доктор философских наук
(Уральский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ);
О. Н. Новикова, заведующий кафедрой, кандидат педагогических наук
(Уральский государственный лесотехнический университет)

Н 38   **Не расстанусь с молодежью, буду...** : сб. науч. статей к 80-летию
проф. Ю. Р. Вишневого / [под общ. ред. Ю. Р. Вишневого ;
отв. за вып. Д. Ю. Нархов]. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. —
343 с.

ISBN 978-5-7996-2311-1

В сборнике представлены результаты социологических исследований молодежи, образования, социального партнерства, социальной безопасности. Авторы публикаций – ученые из различных российских регионов.

Сборник предназначен для всех, кто профессионально связан с молодежной проблематикой (работники сферы молодежной политики, организаторы молодежных общественных объединений, студенты, аспиранты, учителя и научно-педагогические работники вузов и колледжей и др.).

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Института государственного управления и предпринимательства УрФУ*

Содержание

I. «КАК ХОРОШО БЫТЬ ЮБИЛЯРОМ, КАК ХОРОШО БЫТЬ ЮБИЛЯРОМ...»	7
Ю. Р. Вишневский	
ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: НА ПЯТЬ ЛЕТ БЛИЖЕ К 100-ЛЕТИЮ (О СЕБЕ, СВОИХ РОДНЫХ, ДРУЗЬЯХ, КОЛЛЕГАХ).....	7
А. А. Дзевенис	
«КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...»	15
Б. З. Докторов	
ВИШНЕВСКИЙ Ю.Р.: «В СЛОЖНЫХ СИТУАЦИЯХ Я ПОСТОЯННО ДУМАЮ, КАК МНОГО НА МОЕМ ПУТИ ВСТРЕТИЛОСЬ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ МНОГОМУ МЕНЯ НАУЧИЛИ» (ДВЕ БЕСЕДЫ С Б.З. ДОКТОВЫМ).....	20
Г. Е. Зборовский	
СОЦИОЛОГ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	56
Е. В. Зайцева	
МОЙ УЧИТЕЛЬ – ЗВЕЗДА ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ	63
В. В. Запарий	
ЮРИЙ РУДОЛЬФОВИЧ ВИШНЕВСКИЙ: ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАНА ФГО О ЮБИЛЕЕ И ЮБИЛЯРЕ	70
Л. Н. Боронина, З. В. Сенук	
РИЗОМАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРОФЕСССОРА ВИШНЕВСКОГО	74
А. К. Клюев	
ГОЛОС ВИШНЕВСКОГО	79
II. ПРЕДМОЛОДЕЖЬ, МОЛОДЕЖЬ, МОЛОДАЯ СЕМЬЯ – ОБЪЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА	82
В. А. Мансуров, Е. И. Пронина	
К 60-ЛЕТИЮ ССА/ РОС.....	82
М. М. Акулич, И. Ильина	
ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА ...	90
П. А. Амбарова	
НЕ РАССТАНУСЬ С УНИВЕРСИТЕТОМ, БУДУ ВЕЧНО МОЛОДЫМ.....	97
А. П. Багирова	
ПОДГОТОВКА МОЛОДЕЖИ К РОДИТЕЛЬСКОМУ ТРУДУ, ОСНОВАННАЯ НА ПОНИМАНИИ СЛОЖНОСТЕЙ И ПРЕИМУЩЕСТВ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ	107

Л. Н. Банникова, Э. Б. Коровина	
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДОГО ИНЖЕНЕРА	113
Ю. Р. Вишневский, С. Ю. Вишневский, Т. Б. Багирова, О. Р. Белова	
БУДУЩЕЕ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ	121
Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Д. Ю. Нархов, Т. А. Орешкина	
БУДУЩЕЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА.....	129
С. Ю. Вишневский, Ю. Р. Вишневский, Н. Г. Чевтаева	
АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ М.М. КОВАЛЕВСКОГО О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ	138
Ю. Р. Вишневский, Д. Ю. Нархов, П. С. Мосеева, Е. В. Кеммет	
РЕГИОН КАК ПРОСТРАНСТВО САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ.....	146
В. В. Гаврилюк, Т. В. Гаврилюк	
ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ОБРАЗ УСПЕШНОГО БУДУЩЕГО В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ	156
И. Л. Грошев, Л. И. Грошева, И. А. Грошева	
БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ	169
Я. В. Дидковская	
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА	185
Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин	
СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА В ОЦЕНКАХ И МНЕНИЯХ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СТРАНЫ.....	195
Е. Н. Заборова, О. В. Мылтасова	
РАБОТАЮЩИЙ СТУДЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ.....	202
В. П. Засыпкин	
СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ИЗ ОПЫТА МОНИТОРИНГА И ПРОФИЛАКТИКИ.....	214
Ю. А. Зубок, В. И. Чупров	
СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА.....	218
С. Г. Зырянов, Д. В. Аверьянова, В. М. Зырянова	
МОЛОДЕЖЬ – О ЖИЗНИ В ЧЕЛЯБИНСКЕ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ ГОРОДА	233
А. Г. Кислов, И. В. Шапко	
ДЕВАЛЬВАЦИЯ ТРУДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ	242

Л. Н. Коган, Б. С. Павлов	
ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ «ДИНАСТИЙНОСТЬ» РАБОЧИХ СЕМЕЙ НА УРАЛЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ.....	247
А. А. Козлов	
ПАРАДИГМЫ «РОССИЯ» И «ЗАПАД» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ ..	262
Д. Л. Константиновский	
ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА: НОВАЯ СИТУАЦИЯ	268
Н. И. Лапин	
О ПРОБЛЕМЕ САМОРАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА	275
А. В. Меренков	
ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА	289
Б. С. Павлов, Е. И. Пронина, Д. Б. Павлов	
УЧЕБА СТУДЕНТА В ВУЗЕ КАК НЕПРОСТОЙ СТАРТ ВО ВЗРОСЛУЮ ТРУДОВУЮ ЖИЗНЬ	299
М. В. Певная, А. А. Кузьминчук	
ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА УНИВЕРСИТЕТОВ, ОРГАНОВ ВЛАСТИ, СТЕЙКХОЛДЕРОВ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ	309
Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев	
ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ, ЕЁ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И МОЛОДЕЖИ.....	319
З. Х. Саралиева, С. А. Судьин	
СЕМЬЯ И ЗДОРОВЬЕ: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ КОНТЕКСТЫ.....	326
Ф. С. Файзуллин	
СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ	331
Об авторах	338
About authors.....	341

I. «КАК ХОРОШО БЫТЬ ЮБИЛЯРОМ, КАК ХОРОШО БЫТЬ ЮБИЛЯРОМ...»

Ю. Р. Вишневский

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ: НА ПЯТЬ ЛЕТ БЛИЖЕ К 100-ЛЕТИЮ (О СЕБЕ, СВОИХ РОДНЫХ, ДРУЗЬЯХ, КОЛЛЕГАХ)

Конечно, обидно, что годы уходят,
Конечно, обидно, что их не уймешь,
Но дети и внуки по улицам ходят,
А значит, не зря ты на свете живешь!

[1, с. 3]

Именно такой – оптимистичный – подход у меня сформировался несколько лет назад – с учетом и моих нумерологических увлечений, и осмысления известного выражения «не важно, сколько, важнее – как считать». Действительно, слоган предыдущего юбилея был «100 без 25», а сегодня уже грядет – «100 без 20», молодежи!! Впрочем, если следовать буквальному значению понятия «юбилей» (от позднелат. *jubilaeus*, от др.-евр. *יובל* /йовэль/ – торжество, празднество по поводу пятидесятилетия, столетия, тысячелетия), то эти 20 лет надо было бы и подождать.

Но самое трудное в жизни – «ждать и догонять». И мудрые люди уже давно уточнили: юбилей – празднование годовщины (выражающейся в круглых и крупных числах, обычно кратных 5). А еще более мудрые (как мой учитель, коллега и друг, выдающийся советский, российский, уральский социолог, философ, культуролог и т.д., Лев Наумович Коган) уточнили, что у женщины после 55 лет, а у мужчины после 60 лет каждый следующий день рождения – юбилейный. Слава богу, возможное повышение возраста выхода на пенсию меня не коснулось (надеюсь, что и моих сыновей – Сергея и Виктора – оно не коснется). И я свято выполнял завет Когана, правда, не допуская отождествления «круглого», «полукруглого» и «обычного» юбилеев. Как справедливо заметил мой коллега по Нижнетагильскому пединституту и большой друг – Леонид Абрамович Марголин [1, с. 72]:

Как хорошо быть юбиляром,
Как хорошо быть юбиляром,
Лучше заняться я, пожалуй, и не найду,
Буду теперь я юбиляром,
Буду я точно юбиляром,
В этом... и каждом следующем году.

Эти слова дали название первому разделу настоящей книги.

В чем-то мы, с моей любимой женой, Вишневской Ниной Ивановной, даже перевыполнили завет Когана, отметив «алюминиевую свадьбу» (которая, как известно, празднуется через 37,5 лет после «зеленой» /первой/). Но, к сожалению, после «золо-

той» свадьбы отмечаются гораздо реже (пока удалось отпраздновать всего два раза за 10 лет – «изумрудную» /55/ и «бриллиантовую» /60/).

О себе (после откровенного интервью с Борисом Докторовым и статьи Кати Зайцевой, до оценок которой мне еще тянуться и тянуться) хотелось бы добавить очень немного. К тому же пять лет назад в юбилейном сборнике [2] я подробно и «научно» проанализировал основные события своей жизни и факторы, определившие то, что она сложилась именно так, как сложилась. Итак, уже 1,5 года я не веду кафедру (эстафету подхватила Мария Владимировна Певная), хотя продолжаю работать (не на целую ставку) – даже на двух кафедрах (+ кафедра «Организации работы с молодежью», которая под руководством Александра Владимировича Пономарева успешно идет к своему 10-летию). На V Всероссийском конгрессе социологов (к подготовке которого мы – с Валерием Андреевичем Мансуровым – нашим Президентом РОС, Гарольдом Ефимовичем Зборовским, Полиной Анатольевной Амбаровской и многими другими коллегами приложили немало усилий) был переизбран вице-президентом РОС, активно продолжаю и организационную, и исследовательскую работу по линии РОС. Из семейных событий – самое яркое уже отмеченная выше «бриллиантовая свадьба».

Теперь об авторах этого сборника. Вряд ли сегодня нуждается в особых представлениях Борис Зусманович Докторов. Он умудрился из своего «калифорнийского далека» – на основе оригинального биографического метода – воссоздать историю советской (после возрождения в 1950-1960-х гг.) и современной российской социологии в «лицах». Через Гарольда я познакомился с Борисом и мы подружились. Борис прилетал в Екатеринбург (на Конгресс и поработать с нашими студентами). В 2016 г. он привлек нас к подготовке статьи в «Социологический журнал» о Захаре Ильиче Файнбурге, в 2017 г. – о нашем Учителе, Льве Наумовиче Когане.

Кстати, *Коган* присутствует и среди авторов этого сборника. Его ученик, сменивший Л. Н. Когана в руководстве отделом социологических исследований УрО РАН, – *Борис Сергеевич Павлов* (благодаря Когану, и мой многолетний друг) – представил совместную статью об опыте изучения рабочих «династий» на Урале в 1970-х годах.

К сожалению, нет статьи Валерия Трофимовича Шапко, творческое содружество с которым составляет неотъемлемый компонент моего научного пути. За 9 лет после его безвременной кончины (как же быстротечно идет время!?) на ежегодных конференциях, посвященных его памяти, было опубликовано немало наших совместных статей и докладов. В нынешнем сборнике среди авторов все-таки есть *Шапко* – это *Ира (Ирина Валерьевна)*, его дочь, и ее муж, *Саша Кислов (Александр Геннадьевич)*. Их совместная публикация – дань уважения и любви к самым дорогим нам по жизни людям. Но в последние годы у меня с Сашей возникли и самостоятельные, дружеские отношения. Он стал самым главным моим информатором и по научным, и по околонаучным проблемам.

Статья моего друга со студенческих лет – *Анатолия Александровича Дзевениса* – позволит читателю лучше понять атмосферу тех лет, когда происходило мое становление как ученого (может быть, точнее сказать – исследователя).

Статья бывшего декана (впрочем, деканы не бывают «бывшими») ФГО УГТУ-УПИ – *Владимира Васильевича Запария* – отражает другой (и по времени, и функционально) этап моей карьеры – заведование кафедрой социологии в крупнейшем техническом вузе Урала, кафедры, которая на рубеже веков становилась выпускающей, начав подготовку «менеджеров в социальной сфере»

Об информационном значении статьи *Екатерины Васильевны Зайцевой* я уже писал, подчеркну лишь, что личностный, сочувствующий и сопереживающий тон статьи, не мог меня не тронуть, тем более что она не была «любимой» моей аспиранткой, да и после защиты наши отношения были далеко не безоблачными.

Понятно, что в основном авторами статей стали коллеги по кафедре. Особый (не побоюсь использовать термины Ж.Т. Тощенко – «парадоксальный», «кентаврический») характер имеют статьи Гарольда Ефимовича Зборовского и совместная статья ученых секретарей двух кафедр, на которых я работаю – Людмилы Николаевны Борониной и Зинаиды Викторовны Сенок.

Знакомством (а позднее – многолетней дружбе) с Гарольдом я обязан Когану, его трепетному отношению к своим ученикам и, что не менее значимо, – к их взаимоотношениям между собой. Гарольд, родившийся на полгода позже меня (отмечаю это без злорадства, но фиксирую, что уже начал подготовку к его юбилею), в силу многих обстоятельств защитился на три года раньше меня. К моменту нашего знакомства он уже был известен исследованиями досуга и свободного времени. Позднее наши отношения в формально-служебном плане варьировали (сначала я работал под его руководством в Российском профессионально-педагогическом университете и Гуманитарном университете, где ему удалось создать серьезнейшие социологические центры; затем – он, уже под моим руководством – в УрФУ, причем работа его научной группы заметно расширила масштабы и объемы НИР и кафедры, и Института государственного управления и предпринимательства, в состав которого кафедра вошла; наконец, сегодня оба мы в одном статусе – профессора кафедры). Но неизменными оставались наши дружеские отношения. Особо выделяю ряд моментов сотрудничества: прежде всего, это – совместная «на троих» (я, Валера, Гарольд) работа над трехтомником нашего Учителя; затем – его редакторская работа над первым томом (к сожалению, пока только первым) моей монографии по истории зарубежной социологии образования, посвященной памяти Валеры; наконец, обобщение истории уральской социологии и Уральских социологических чтений (к их юбилею – XX чтениям). Но вернусь к его статье – вместо ожидаемой серьезной научной статьи (по материалам хотя бы последних исследований его научной группы) я получаю статью, насыщенную и юмором, и симпатией, сочетающую научность и глубину с единичным предметом исследования, в качестве которого выступаю я. Кроме искренних слов благодарности, ничего не могу сказать.

Если статья от Гарольда поступила одной из первых, то статья Люды и Зины была одной из последних. Но и в этом тоже парадокс – по стилю и духу, по ироничности и остроумности, по выраженности чувства любви и признательности – они совпали. Не думаю, что их изыски о моей «ризоматической культуре» заметно обогатят социологию модерна и постмодерна, но сделано это красиво и душевно. Люда Боронина почти все годы моего заведования кафедрой была «резервом». Без «трилюдия (3 Люды – Боронина, Якурнова, Банникова), позднее переросшего в «ОЛЮТО» (Оля Белова, Люда Боронина, Тома Багирова) вряд ли нашей кафедре удалось бы достигнуть многих успехов¹.

По своим стилистическим особенностям и тональности, по своей парадоксальности близка к этим статьям и статья директора нашего института *Алексея Константиновича Ключева*. Как выяснилось, когда-то я мог бы стать его научным руководителем. Но и без этого он успешно защитил диссертацию, стал кандидатом философских наук. И научный багаж, и «комсомольское прошлое» позитивно повлияли на его формирование как организатора научных исследований и образовательного процесса. В рамках реорганизаций, начавшихся после создания УрФУ, мы выбрали переход в ИГУП. Понимаю, что я был не самым спокойным подчиненным Алексея Константиновича. Но многолетнее преподавание управленческих дисциплин (в том числе, стратегического и инновационного менеджмента, социальных технологий) убеждают, что и видение проблем, и определение путей их решения на разных уровнях управления (в частности, у директора Института, и заведующего кафедрой, даже опытного) не совпадают. Ныне я считаю наш переход – при всех его издержках (тем более что многие из них носили не узко институтский, а общеуниверситетский характер) – правильным. И особо признателен Алексею Константиновичу за поддержку наших исследований – и «Студента-1995-2016», и «Гражданской культуры молодежи Свердловской области».

Среди статей докторов нашей кафедры отмечу статьи *Полины Амбаровской* (она пришла на кафедру после защиты кандидатской диссертации – это был исторический день для нашего совета, защищались трое – две мои, Даша Баранова и Аня Коробейникова, и Полина – с одной кафедры; плодотворно работала моим замом по науке; затем под руководством Гарольда защитила докторскую); *Людмилы Николаевны Банниковой* (одна из «трех Люд», в научном плане мы с ней много сотрудничали и в исследовании «повседневной культуры» студенчества, и в мониторинге «Студент», и в грантах по воспроизводству инженерных кадров, которыми она руководила; особые воспоминания у меня от совместного повышения квалификации в Праге, Пражском экономическом университете, когда по ее инициативе мы даже посетили уникальный костел «Святой Людмилы»); *Анечки Багировой* (одной из моих первых аспиранток, которую вместе с ее подругой – Настей Бельковой – очень привечала у

---

¹ Впрочем, чтобы сохранить оценку стиля руководства нашей кафедры как «демократического», не могу не отметить и значимую роль во всех наших делах бессменного профорга – Светланы Ивановны Минеевой – и тех, кого определяют аббревиатурой УВП, но чья роль не только «вспомогательная» (Лариса Левина, Люда Сидоренко, Женья Загороднова).

нас дома Нина Ивановна; докторскую она защищала уже по экономике, развивая новое направление в социологии и экономике труда – исследование родительского труда); *моего старшего сына – Сергея* (в последние годы по социологии мы публикуем чаще совместные статьи – как результат устных дискуссий и обсуждений; индивидуальная публикационная активность Сережи связана преимущественно с философией, дальнейшей разработкой концепции призвания); *Яны Дидковской* (единственной, чьим и научным руководителем, а затем и консультантом был я; Яна осталась верной проблеме профессиональной карьеры, заметно углубив за эти годы ее концептуальную разработку; сейчас уже под ее руководством я активно участвую в грантовом исследовании представлений о будущем молодежи индустриальных регионов); *Маши Певной* (защитившей кандидатскую под моим руководством, докторскую – под руководством Гарольда; мужественно принявшей у меня эстафету руководства нашей кафедрой).

Как бы особняком стоят *Елена Николаевна Заборова* и *Наталья Геннадьевна Чевтаева*. Первая была одной из тех «почти десятка молодых», кого я отправил в аспирантуру, став в 1982 г. заведующим кафедрой научного коммунизма УПИ. Позднее она в УрГЭУ стала известным специалистом по социологии города, защитив докторскую диссертацию, возвращалась на нашу кафедру, сейчас вновь работает в УрГЭУ, сохраняя с кафедрой самые тесные связи, оставаясь «нашей». Вторая прославилась тем, что проработала на кафедре всего месяц, но затем – работая и на дружественной кафедре философии, и в УрАГСе, постоянно участвовала в жизни и работе кафедры. Для меня особенно значимым было сотрудничество с Наташей в качестве консультантов негосударственной общеобразовательной школы «Гелиос». Наша с ней статья как бы выбивается из общей молодежной тематики монографии. Но у нее – нелегкая судьба. Организаторы конференции, посвященной 100-летию «Общества Ковалевского», по техническим причинам пропустили ее при окончательной редакции сборника материалов (единственным «утешением» было, что не опубликовали и статью В. А. Мансурова). Но статья уже вошла в наши списки публикаций. И ее размещение в нашем сборнике – своеобразное восстановление справедливости. К тому же с переходом в ИГУП все резче проявляется перекос в тематике наших статей: в них больше социологии молодежи, образования, культуры, чем социологии управления. Статья – определенный шаг в преодолении этого перекоса.

Любое исследование предполагает теоретико-методологическое обоснование. Наиболее общий (общесоциологический) характер в данном отношении носит статья *Николая Ивановича Лапина*, в которой развивается его концепция антропосоциокультурной эволюции. Для меня Николай Иванович особенно значим той ролью, которую он сыграл в организации и – главное – в сохранении и развитии Российского общества социологов. Не скрою, его прорывные, новаторские идеи (актуализация наследия К. Маркса; обогащение социокультурного подхода; разграничение фундаментальных ценностей и ценностей периферии; и т.д.) уже давно являются ориентиром для наших исследований социокультурного развития молодежи Среднего Урала

(их обобщение представлено в нашей совместной статье с *Дмитрием Юрьевичем Нарховым*, человеком, ставшим в последние годы не просто соавтором, но именно со-исследователем, чей научный потенциал, сформировавшийся в сотрудничестве с Галиной Борисовной Кораблевой, позволяет ставить и решать перспективные задачи научного роста и карьеры).

Интересное концептуальное обобщение состояния и перспектив нашей отраслевой науки – социологии молодежи – содержит статья *Юлии Альбертовны Зубок* и *Владимира Ильича Чупрова*, выступающих в последние годы несомненными лидерами научного юнологического сообщества¹. К ней примыкают статьи ряда известных социологов молодежи, образования, семьи:

– *Зарэтхан Хаджи-Мурзаевны Саралиевой* (этот человек, которого мы, ее друзья, по-старинке любовно называем Зара Михайловна, смогла не только создать в ННГУ один из известнейших центров социологии, но и сделать его притягательным для коллег, единомышленников; лично я за последние годы был участником проводимых ею научных конференций и заседаний руководимого ею диссертационного совета 14 раз, больше только в Благовещенске, где я заканчивал пединститут; наши отношения переросли в дружбу семьями, несмотря на расстояния, она подружилась с моей женой);

– *Анатолия Александровича Козлова* (ученик Владимира Тимофеевича Лисовского, он первым – еще в лихие 1990-е гг. – обратил внимание на недопустимость пренебрежения гражданственностью и патриотизмом молодежи; среди юнологов его отличает преимущественно оптимистическая оценка молодежи, характеристика ее как позитивного фактора социального развития);

– *Давида Львовича Константиновского* (ученик Владимира Николаевича Шубкина, внес огромный вклад в развитие отечественной социологии образования: обобщая материалы исследований за 50 лет, он исследовал динамику мотивации «школа – вуз», изменение форм и проявлений социального неравенства в образовании, жизненные и образовательные стратегии и траектории молодежи; мое личное знакомство с этим замечательным человеком состоялось, благодаря Гарольду; в последние годы я был оппонентом у его аспирантки, а он – у моей докторантки);

– *Тамары Керимовны Ростовской* (которая многие годы не только как управленец, успешно занималась реализацией государственной молодежной политики, но и внесла серьезный вклад в концептуальную разработку ее целей, принципов и направлений, особенно, молодой семьи, патриотизма и гражданственности).

Следующий круг авторов – мои коллеги-социологи Большого Урала, те, вместе с кем нам удалось сохранить многие традиции Уральской социологической школы – Уральских социологических чтений, Когановских, Аитовских и Файнбургских чтений, многочисленных региональных исследований.

Среди них, прежде всего, выделяю:

---

¹ С согласия авторов в сборник включена – в редакторской обработке и с сокращениями – их ранее опубликованная статья.

– *Анатолия Васильевича Меренкова* (после Когана он возглавил кафедру и диссертационный совет, в рамках организации УрФУ мы оказались в одном университете, в последние годы – изучал динамику экономических и политических ориентаций студенчества, углубляя социологию личности, акцентировал внимание на недопустимость в рамках социокультурного анализа недооценки биосоциальной природы человека);

– *Сергея Григорьевича Зырянова и его замечательную жену – Валерию* (после знакомства – более 30 лет назад на ИПК в МГУ – мы не только взаимодействовали на уровне организации чтений, конференций, но и подружились, причем семейно – они были у нас на золотой и бриллиантовой свадьбе; Сережа особенно значим для меня в связи с тем вниманием и заботой, которую он проявляет о самом старшем из оставшихся «коганят» – Владимире Самойловиче Цукермане, выдающемся социологе культуры, развившем и углубившем идеи Когана о народной культуре, остроумнейшем человеке, единственном среди нас, кто мог почти на равных соревноваться на этом поприще с Учителем);

– *Фаниля Саитовича Файзуллина* (с которым почти 40 лет назад нас познакомили учителя – Коган и Аитов, с тех пор мы дружим, радуемся успехам друг друга – я лично горжусь, что Фаниль – академик, действительный член АН РБ, его работы – особенно по этносоциологии – получили широкую известность);

– наших тюменских коллег – *Марию Михайловну Акулич, Веру Владимировну Гаврилюк* и членов «социологической семьи» *Грошевых* (связи с тюменскими социологами стали особенно тесными после создания Уральского федерального округа, мы активно участвуем в Тюменских социологических форумах, в работе диссертационных советов в ТюмГУ и ТюмГИУ, мы выразили свою поддержку Игорю Грошеву, которому пришлось через суд защищать свободу социологического исследования, мы с уважением относимся к «пионерам» тюменской социологии – Кларе Григорьевне Барбаковой и Геннадии Филипповичу Куцеву, мы радуемся рождению нового поколения социологов в Тюмени).

Наконец, но не менее значимый для меня еще один круг авторов – руководители РОС и его региональных отделений. Это, прежде всего, Президент РОС *Валерий Андреевич Мансуров* (человек огромной души и неиссякаемой энергии, участвующий в мероприятиях на Урале не менее 2-3 раз ежегодно, недавно мы с Гарольдом от всех уральских социологов поздравили его с юбилеем) и исполнительный вице-президент *Елена Ивановна Пронина*. Их поздравление связало мой скромный юбилей с нашим общим праздником 60-летием РОС. Это *Елена Николаевна Икингрин, Надежда Васильевна Дулина, Владислав Павлович Засыпкин*. Именно в содружестве с ними (и многими другими региональными руководителями РОС) удалось разработать и неоднократно реализовать на практике своеобразный тип исследования – федеральное исследование РОС с гнездовой выборкой по регионам. И это содружество укрепляло нашу дружбу и взаимопомощь.

А закончить это введение мне бы хотелось, как и 15 лет назад [1, с. 13], словами своей бывшей аспирантки, кандидата социологических наук, А. П. Коробейниковой:

Хочу, чтоб всем всего и много,
Чтоб в новом веке или дне,
Была надежда на поддержку
В науке, жизни и везде...

Мы в ответе перед всеми, кто приручил нас и кого приручили мы!!!

Библиографические ссылки

1. Любовью на любовь (в кругу родных, близких, друзей, коллег и студентов). Из семейного архива профессора УГТУ-УПИ Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2003. – 92 с.
2. Вишневский Ю. Р. Жизнь социолога в ракурсе социологии жизни // Актуальные проблемы социологии: коллективная монография / отв. ред. Ю. Р. Вишневский. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. – 525 с.

«КАК МОЛОДЫ МЫ БЫЛИ...»

Статья посвящена творчеству известного российского социолога Ю. Р. Вишневого. Раскрываются ключевые идеи его работ, особенности его общепризнанного таланта, грани его творческой личности.

Ключевые слова: Ю. Р. Вишневский, социология, социология молодежи, исследование.

A. Dzevenis

«HOW YOUNG WE WERE...»

Abstract. The article is devoted to the work of the famous Russian sociologist. It reveals the key ideas of his works, the features of his generally recognized talent, the facets of his creative personality.

Keywords: Y. R. Vishnevsky, sociology, sociology of youth, research.

С высоты своих лет смотрю на наши студенческие годы как на лучшее время жизни. Это не только учёба, но и активная общественно-полезная деятельность, работа в СНО, участие в кружках художественной самодеятельности, занятия спортом. Хорошим материальным подспорьем (при успешной учёбе) была стипендия. Конечно, иногда приходилось и подрабатывать, учась. Сегодня же студенты часто вынуждены работать, «подучиваясь». В Дальневосточном госагроуниверситете обычной стипендии хватает лишь на пять обедов. Но ведь многим нужно ещё оплачивать и собственную дорогостоящую учёбу, и транспорт.

Основной момент нашего обучения – нас стимулировали к поиску, творчеству, самостоятельности. Одно из самых ярких событий нашей молодости – студенческая этнографо-археологическая экспедиция, которую совершили летом 1959 года Володя Евдокимов (инициатор и организатор экспедиции), ещё два Володи – Клещёв и Колпин, Валера Шевченко и Толя Дзевенис [6].

После экспедиции газета *«Комсомольская правда»* 11 ноября 1959 г. писала следующее. Учёные-геологи не так давно обнаружили район новых месторождений железных руд, расположенный на севере Амурской области. По мнению специалистов, эти месторождения могут стать крупной сырьевой базой для дальневосточной чёрной металлургии. Сейчас уточняются границы месторождений, составляются подробные геологические карты. Группа комсомольцев – студентов пятого курса Благовещенского пединститута по совету местных геологов решила свои летние каникулы посвятить походу к верховьям Зеи, на отроги Станового хребта. Свыше двух месяцев длилась экспедиция маленькой группы смельчаков по девственной суровой тайге. Студенты вели ежедневный дневник похода. Привезённые ими находки, образцы пород и записи были переданы в Благовещенске Амурской геологической экспедиции. Сейчас эти материалы обрабатываются. Многие из них представляют большой интерес. Так, например, студенты обнаружили залегания ценных минера-

лов, в которых нуждается ряд отраслей нашей промышленности. В будущем году туда направится специальная экспедиция. В результате экспедиции мы собрали материал по археологии, по истории партизанского движения в северных районах Амурской области, по эвенкийскому эпосу, истории колхозного строительства. Кроме того, были собраны образцы угля, кварца, железа и пород-спутников редких металлов.

Экспедиция сыграла значительную роль в жизни её участников. В. Шевченко, искренне полюбив этот суровый край, после института и службы в Армии, вместе со своей женой учительницей и сыном двадцать лет проработал учителем истории в пос. Бомнак. К горькому сожалению, быстро «сгорел» на работе и рано ушёл из жизни. В. Евдокимов неоднократно обращался к северным сюжетам в своём литературном творчестве и написал об эвенках серьёзную брошюру. Вспоминается шутка одного из участников экспедиции, когда Володя издал первую часть романа «Золотой Гиллой»: «Ты, Евдоха, не балуй, а заканчивай Гиллой». Но, к сожалению, книга не была дописана. А Володи, после длительной болезни, не стало. А. Дзевенис продолжил научные исследования и защитил по культуре эвенков кандидатскую диссертацию.

К чему я вспомнил об этой экспедиции в связи с юбилеем моего друга со студенческих лет и до сегодняшних дней – Юры Вишневого? Его не было с нами, но у него была другая экспедиция – Чита – Улан-Удэ – Иркутск. Кстати, именно она оказалась судьбоносной для Юры и Нины, вернувшись из нее, они решили поженились, и вот уже отметили недавно бриллиантовую свадьбу.

Именно с этих экспедиций начался наш путь в науку. И на этом пути мой соратник по институту и друг, вечный отличник в учёбе, бессменный и блестящий староста-организатор нашей группы, Юра Вишневский *достиг* немало. Ныне он доктор философских наук, профессор, почётный профессор УрФУ, председатель УрО РОС. Он не теряет связи со своими однокурсниками. Шутка ли 14 лет он ежегодно приезжает в Благовещенск и мы собираемся, «вспоминая минувшие дни»... Да редуют наши ряды, но мы верны памяти студенческих лет... К 50-летию нашего выпуска историков-филологов и 80-летию Благовещенского государственного педуниверситета Юрий Рудольфович выпустил книгу «Достойно мы по жизни шли» [2]. В книге экспедиции оценены как самые яркие события нашего выпуска, подробно прослежены судьбы выпускников.

Научная деятельность моего друга уже многие годы связана с социологией молодежи. Каждый его приезд был связан с подарком мне новой монографии по итогам очередного исследования.

И завершить эту статью хотелось бы мнением философа, культуролога о современной молодежи. Социологи о современной молодёжи говорят, что она не лучше и не хуже нас (в молодости), она – другая. Другая, на наш взгляд, – это в чём-то лучше, ибо с заборов и стен зданий исчезли скабрёжности – «незрелые плоды народного ума» (Пушкин А. С.). Перед автором этой статьи придерживают двери при вы-

ходе из магазина, ему уступают место в транспорте. Современным выпускникам труднее, чем было нам, устраиваться в жизни. Мы по окончании институтов и университетов распределялись, а им нужно искать работу самостоятельно. Мы, прибывая на место назначения, обеспечивались жилплощадью. Им, в лучшем случае – ипотечная кабала.

Вместе с тем, тогда на сознании индивида сказывалась тотальная идеологизация, сейчас – наглое, крайне-нахальное, бесстыдное телевидение под девизами «Обогащайся!», «Бери от жизни всё, что можешь!». Оно навязывает примитивный китч, пошлость, разлагает и развращает сознание людей, игнорирует мораль и нравственность. Вспоминается древняя притча. Сократ сидел со своими учениками, а мимо проходила гетера. Она сказала ему: «Вот ты их учишь-учишь, а стоит мне махнуть юбкой, и они все оставят тебя и пойдут за мной». «Ещё бы, – ответил Сократ, – ведь вниз идти гораздо легче, чем вверх».

Правда, сегодня повсеместно распространена сеть Интернета, её доступность, возможность найти любую интересующую информацию, не выходя из дома, наличие электронных библиотек сказывается на современной молодежи. Однако мы имели более тесный контакт с книгой, этим по слову писательницы И. Одоевской, лекарством против ограниченности, самодовольства, нравственного тупика. Академик С. О. Шмидт говорит, что чтение книг отражается на самой способности *мыслить*. Интернет ускоряет и облегчает работу, но мыслить не научит. Чтение – это, по сути, есть борьба за *духовную* встречу, читать – значит искать и находить. Писатель Б. Стругацкий говорил, что жить в значительной степени означает читать. Книга – это же потенциальный носитель культуры. Воспроизводя мысль А. И. Герцена, скажем, что кроме свободы слова, надо бы иметь свободу слуха. Свободу быть услышанным! Министрство культуры должно стать главным (Капица С.). Надо, полагает академик Е. Велихов, «восстановить нашу роль, роль России. Мы сыграли огромную роль в развитии цивилизации. И в науке. И в искусстве. Но может произойти так, что вот сыграли и всё. Исчезнем, как печенег. А не хотелось бы исчезнуть» [5].

А книга не умирает. Лев Толстой задолго до электронной революции пророчески писал: «Суть книги вечна, какой она была ранее, такой останется и теперь, такой перейдёт и в далёкое будущее: суть эта – увековечивание мысли, воплощение её возможности в доступном виде посредством мысли или видимых знаков». Человечество помнит настоящие гимны Книге в картинах Ф. Трюффо и огромный страх за Книгу у Р. Брэдбери в антиутопии «451 градус по Фаренгейту», рисующее мрачное бескнижное будущее. Книгами полнится интернет, растёт количество аудиокниг. Г. Яропольский, поэт и переводчик, отвечая на вопрос «Где взять душевные силы для полноценного существования в наше время депрессивного мироощущения?» сказал: «В себе. У меня своя гипотеза: в каждом человеке есть некий «хрустальный шар» – «Шар хрустальный – вот всё, что я помню о нём: / он был небом завещан. / Опустить его в тигель, испробуй огнём / ни царапин, ни трещин». Стихи всегда выручают».

Для культурного развития России остаётся открытым вопрос о необходимости возвращения в культуру государства: госзаказы, привилегии, особое законодательство. Власти десятилетиями обещают улучшить материальное положение культурных работников, сделать достойными их зарплаты. «Но воз и ныне там». Или такой факт: у нас на одного жителя приходится пять книг и брошюр и 50 бутылок водки. При Петре I, чтобы сделать книгу доступной, книгоиздательство возросло в двадцать раз. Царь повелевал бесплатно кормить тех, кто готов читать книги. Последние зарубежные исследования свидетельствуют, что развитое книгоиздательство является показателем не только высокой нравственности, но и важным фактором развития экономики общества.

Безусловно, вопрос о книге и книгоиздательстве – это только одна из сторон мирового кризиса в культуре. Русский мыслитель Иван Ильин, говоря о всемирном кризисе культуры, замечал: культура «сорвалась на том, что не сумела сочетать трёх основ, трёх законов духа – свободы, любви и предметности [3]». Молодёжь нашего времени находилась в более низкой фазе всечеловеческого кризиса культуры. Современная молодёжь втянута в тяжелейшую полосу этого кризиса. Выход из него Ильин соотносил с «сочетанием трёх основ – духа свободы, любви и созидательной деятельности» [там же]. Тогда «хвалить не будут дурное дело, а доброе считать чудачеством опасным», тогда «добро добром пребудет и под личиной зла» (В. Шекспир).

Ещё И. Кант определил: вне гуманизма и духовности, духовного обогащения личности, нет истинной культуры. Всё разлагающее эти ценности является антикультурой. Цивилизация, взятая без духовного измерения, порождает опасности технического самоуничтожения человечества. Для Канта было присуще «воспитание воспитания» как «очеловечивание» человека, его «выделывания», что существенно углубляло определение социальной сущности воспитания. С возрастанием социальной роли воспитания, с уверенностью, «что, благодаря воспитанию, человеческая природа будет прогрессировать», что ей можно придать форму, «которая соответствовала идеалу», мыслитель связывал «перспективу более счастливого будущего человечества»[1].

Личностный характер у Канта имеет основной ориентир Просвещения – «*Sapere aude!*» – имей мужество пользоваться собственным умом [4, с. 27]. Такой характер трактовки Просвещения отражает более общее понимание истории Кантом как процесса самосовершенствования человеком самого себя. Именно нравственное самосовершенствование человека – основа совершенствования человечества. Кант обосновал важнейшую социальную роль науки и образования: формировать у молодёжи, у масс «мужество пользоваться собственным умом», преодолевать стереотип «не рассуждать». Но Кант понимал и предупреждал воспитателей – и современников, и будущих поколений – насколько сложно в воспитании «совместить... подчинение необходимости со способностью пользоваться свободой» [4, с. 28-31].

Библиографические ссылки

1. Бим-Бад Б. М. Лекции Иммануила Канта «О педагогике»: перевод и комментарий. Предисловие [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bim-bad.ru/docs/on_education_by_kant_comments_by_me.pdf
2. Достойно мы по жизни шли. – Екатеринбург ; Благовещенск. 2010. – 125 с.
3. Ильин И. А. Наши задачи. – Москва, 1954, Т. 2. – 114 с.
4. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Соч. (под общ. ред. В. Ф. Асмуса, А. В. Гулыги, Т. И. Ойзермана. – Москва: Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.
5. Цыганов А. Евгений Велихов: мы перестаем отслеживать цель // Эхо планеты. – 2010. – № 6.
6. Шевченко В. Н. От Амура до Онёни // Записки Амурского обл. музея краеведения и общества краеведения. – Т. 5. – Благовещенск: Амурское книжное изд-во, 1961. – С. 50-92.

Б. З. Докторов

ВИШНЕВСКИЙ Ю. Р.: «В СЛОЖНЫХ СИТУАЦИЯХ Я ПОСТОЯННО ДУМАЮ, КАК МНОГО НА МОЕМ ПУТИ ВСТРЕТИЛОСЬ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫЕ МНОГОМУ МЕНЯ НАУЧИЛИ» (ДВЕ БЕСЕДЫ С Б. З. ДОКТОРОВЫМ)

Статья посвящена творчеству известного российского социолога Ю. Р. Вишневого. Раскрываются ключевые идеи его работ, особенности его общепризнанного таланта, грани его творческой личности.

Ключевые слова: Ю. Р. Вишневский, социология, социология молодежи, исследование.

B. Z. Doktorov

VISHNEVSKY YU. R.: "IN DIFFICULT SITUATIONS I IS CONSTANT I THINK HOW MUCH ON MY WAY MET PEOPLE, WHICH TAUGHT ME TO MUCH" (TWO CONVERSATIONS WITH B. Z. DOKTOROV)

Abstract. The article is devoted to the work of the famous Russian sociologist. It reveals the key ideas of his works, the features of his generally recognized talent, the facets of his creative personality.

Keywords: Y. R. Vishnevsky, sociology, sociology of youth, research.

Введение (от Б. З. Доктора)

Перед вами – рассказ Юрия Рудольфовича Вишневого о своей жизни, исследовательской и преподавательской деятельности, об учителях, добрых коллегах, друзьях. В целом складывается образ серьезного ученого, многолетнего исследователя сложных социальных процессов, преподавателя – искренне болеющего не только за своих студентов, аспирантов, докторантов, коллег по кафедре, но за образование в стране в целом. Образ – живого, «заводного» человека, готового и умеющего наполнить своим оптимизмом окружающих.

И глядя на то, что Ю. Р. Вишневский на протяжении многих десятилетий изучает молодежь, так и хочется спросить его: «Что первично? Его напористое, молодое отношение к жизни или его преданность изучаемой молодежной проблематике?». Так или иначе, мы наблюдаем крепкий союз личного и общественного, счастливый для Юрия Рудольфовича и весьма плодотворный для отечественной социологии.

Затрону еще один очень важный историко-социологический момент. Настоящее биографическое интервью, как и любое другое – сугубо личное и раскрывает перед нами жизнь – скорее профессиональный срез жизни конкретного человека. Вместе с тем, эта беседа, одна из теперь свыше 175, проведенных мною, начиная с 2005 г. [См.:1]. Речь идет о массиве интервью с советскими/российскими социологами всех поколений, что составляет информационную базу для изучения прошлого, настоящего и немного будущего нашей социологии. В развиваемой мною классификации выделено семь поколений социологов, создавших и создающих нашу науку,

Ю. Р. Вишневский представляет поколение III. Оно объединяет тех, кто родился в интервале 1935-1946 гг. Старшим – уже за 80 лет, младшим – за 70; к настоящему времени беседы проведены с 38 социологами этой когорты.

Сейчас это поколение совместно с небольшим количеством представителей первых двух когорт образует старшую часть российского социологического сообщества. Члены поколения III активно участвуют и в развитии науки, и в подготовке новых социологов. Историей послевоенной советской / российской социологии на них возложена миссия сохранить ранее наработанное, рассказать «новобранцам» и то, что и как происходило, и активно содействовать развитию новых трендов в методологии и технологии познании современного российского общества.

Юрий Рудольфович Вишневский, уже свыше полувека не расстающийся с молодежью, с честью выполняет возложенную на его поколение миссию. Более того, он – один из правофланговых этого движения.

Ю. Р. Вишневский уже многие годы живет и работает в Екатеринбурге (Свердловске), я – около четверти века живу в Калифорнии. Но ни расстояние, ни большая разница во времени – не помеха нашим дружеским беседам. Ведь есть электронная почта. Первое интервью состоялось в 2014 году, второе – на рубеже 2017 и 2018 годов. Очень надеюсь на то, что будет и третье.

Юрий, совсем недавно ты отметил свое 75-летие, так что наша беседа – постюбилейная. Ты согласишься, многое забывается, но не детство, не родители... Пожалуйста, расскажи, насколько глубоко ты знаешь историю своей семьи, где родился, чем занимались твои родители?

К сожалению, это – беда нашего поколения, но я могу сказать что-то лишь о своих бабушке и дедушке (по линии мамы). Мой дед – Брейман Лев Яковлевич – был известным одесским юристом (член коллегии адвокатов Одессы) и одновременно – редактором журнала «Вся Одесса». Но деда своего я видел лишь на нескольких семейных фотографиях, чудом сохранившихся в условиях предвоенного и военного времени. Его арестовали в 1937 г. (до моего рождения) и лишь недавно мы получили информацию, что он умер в тюрьме. Много позднее я узнал, что в 1917 году он написал и издал книгу «Кредо социалиста-революционера». Могу лишь предполагать, не она ли послужила основным поводом для его ареста.

Больше я знаю о бабушке – Брейман Адель Юльевне. Лишь в 1956 г. (когда мне было уже 18 лет) – после XX съезда – родители рассказали мне, что бабушка училась в Сорбонне. Но детей она рожала в Одессе – в 1910 г. мою маму – Юлию Львовну (после чего продолжила учебу), в 1914 г. – моего дядю Витю. Но началась I мировая война, а затем – революция, и бабушка в Сорбонну уже не вернулась. Это не помешало ей стать известным юристом, – сначала в Одессе, а в войну – в Ярославле. Всю войну я провел с бабушкой в Ярославле (правда, в основном в детсаде). В 1947 г. бабушка умерла. Меня долго интересовал вопрос: «Что мог делать в войну адвокат?». В 1966 г. мы со старшим сыном Сергеем были в Ярославле. Я по детским смутным воспоминаниям нашел наш дом, где мы встретили женщину, хорошо знав-

шую бабушку и рассказавшую нам, как много она в войну помогала людям, защищала их права.

Мама – в плане рождения детей – повторила бабушкин опыт. И в паспорте у меня (я родился в 1938 г.), и у старшего брата (Толик – 1932 г.) стоит Одесса. Спустя несколько месяцев после моего рождения, папу – Рудольфа Вениаминовича Вишневого, арестовали. По происхождению он – из бедной местечковой еврейской семьи, его отец был сапожником. Папа окончил в 1932 г. Одесский медицинский институт, затем – по комсомольскому призыву – служил в милиции и армии, где достаточно быстро продвигался и к моменту своего ареста в 29 лет (!?) был начальником медсанчасти танковой бригады под Уссурийском. Обвинения в его адрес были (как обычно в те времена) абсурдными – сначала (до ареста Блюхера) его обвиняли, что он хотел убить Блюхера, а потом – что он хотел хинином отравить всю бригаду (хотя столько хинина не было во всей стране). Мама многие годы хранила телеграмму от подруги из Уссурийска: «Люся не приезжай, мужа нет». Может быть, абсурдность обвинения, а может и счастливое стечение обстоятельств, но папу через год выпустили, восстановили в звании и даже дали им с мамой путевки. Так и окончилась моя «одесская жизнь». В войну папа все время был начальником прифронтовых госпиталей, а в 1945 г. он был назначен начальником госпиталя в Пушкине под Ленинградом, где и прошло мое детство. В 1952 г. не без влияния «ленинградского дела» и «дела врачей» его вновь направили на Дальний Восток – в Благовещенск. В целом после 29 лет медицинской службы в армии он в 1958 г. переехал на Урал (в Нижний Тагил), где проработал врачом еще 12 лет. Я понимал, что мой отец – высококвалифицированный и профессиональный врач, внимательный к людям. Но особенно в этом мне пришлось убедиться по весьма печальному поводу – в последний путь его провожали тысячи тагильчан...

Мама была душой, интеллектуальным центром нашей семьи. Она так и не получила высшего образования (из-за «буржуазного происхождения»), но прекрасно музицировала, пела. Перед войной (уже как офицерская жена) она поступила на Высшие экономические курсы. Но – с началом войны она ушла на фронт медсестрой, и так и работала уже и после войны. Главное, что мне досталось от родителей, – понимание «надо быть профессионалом в своем деле» и – самое главное – уважать людей.

Удивительно, как ты нашел нужный дом в Ярославле и даже встретил женщину, помнившую твою бабушку... Про Пушкин конца 1940-х – начала 1950-х не спрашиваю, я – ленинградец, потому знаю, а вот о жизни в Благовещенске, пожалуйста, расскажи подробнее. Особенно о школе, о том, что могло повлиять на твой профессиональный выбор.

Детство в Пушкине, я пошел в первый класс в школу у городского базара, где – как потом выяснилось – училась Анна Ахматова, жили мы напротив Екатерининского парка, рядом с адмиралтейством, сформировало у меня гуманитарную направленность, которая с переездом в Благовещенск лишь усилилась.

Учился я в школе №1, школа была мужской; лишь в 1955 г., когда мы были в 10-м классе, она стала смешанной, но нас так и не объединили. В нашем классе сложилось четкое разграничение на «физиков» и «лириков», что не мешало очень теплым дружеским отношениям. И, кстати, на всю жизнь мне запомнились не только учителя истории (Вячеслав Васильевич, Римма Андреевна – наш директор) и литературы (Ленина Леонтьевна), но и математики (Иван Генрихович), физики (Дора Ефтеевна). Учились мы все очень хорошо – две трети класса окончили школу с золотыми или серебряными медалями. Из событий общественной жизни особенно запомнились смерть Сталина, ощущением всеобщего горя, и 300-летие объединения России и Украины. В тот день было какое-то «предчувствие» «близкого коммунизма»: и газировка, и булочки были бесплатными.

Родители отнеслись к моему выбору спокойно, хотя, конечно, они переживали, что ни брат, который поступил в Пушкине в военно-морское училище, ни я не стали медиками. Папа лишь поставил условие: поедешь в Москву – я мечтал учиться в историко-архивном институте, – если получишь золотую медаль. По условиям приема в наше время лишь золотые медалисты поступали без экзаменов, серебряные – сдавали один профильный экзамен. Но с «золотом» вышла осечка – на экзамене по геометрии я сделал ошибку, запомнившуюся на всю жизнь; написал «восстановим перпендикуляр к данной точке данной плоскости» (вместо – «к данной плоскости в данной точке»). В итоге – четверка, в итоге – исторический факультет Благовещенского педагогического института; когда мы учились на втором курсе, он стал историко-филологическим. Впрочем, с вершин прожитой жизни начинаешь понимать – «все в жизни к лучшему».

Как начала складываться твоя жизнь после школы?

Итак, в 1955 г. я поступил, в 1960 г. – окончил Благовещенский пединститут, получив диплом учителя русского языка, литературы и истории. Студенческие годы запомнились по многим параметрам. Прежде всего, у нас были прекрасные педагоги – многие из них (после «ленинградского дела») были высланы в Благовещенск, прибыли они со своими библиотеками. Поэтому в провинциальном вузе мы получили очень качественное образование. Углубился мой интерес к истории, я активно работал все пять лет в историческом кружке, выступал с докладами на студенческих научных конференциях. Об одном из них даже написали в юбилейном сборнике «Благовещенску – 100 лет» (1958). Постоянно работал в архиве, где исследовательским навыкам нас обучал знаменитый краевед Новиков-Даурский. К окончанию у меня уже накопился солидный материал к диссертации по истории коллективизации в Амурской области в 1921-25 гг. Кстати, именно этот материал (разнообразие форм кооперации, заинтересованность крестьянства) был для меня и в дальнейшем ориентиром, что социализм можно было «построить» «правильнее», без перегибов и насилия, что социальное развитие должно идти естественным путем.

А с перегибами мне довелось познакомиться во время поездки в составе студенческой делегации в Китай – там был в разгаре «большой» скачок. Особенно за-

помнилось посещение строительства Шисанлиньского водохранилища – в тот момент поразил энтузиазм (люди пешком шли на стройку и обратно по 15 км и работали вручную целый день), позднее – бессмысленность затрат человеческого труда. В последние годы часто удается летом бывать в Хейхе, город на другой стороне Амура, радуется, как китайцы, отказавшись от иллюзий «скачков», плодотворно строят и трудятся.

Важный аспект студенческих лет – активная общественная жизнь. У нас был активный дружный курс, мы выступали заводилами многих мероприятий. Самое главное – эту студенческую дружбу мы пронесли через годы. В последние годы я постоянно приезжаю в Благовещенск (как председатель государственной аттестационной комиссии у социологов Амурском госуниверситете), и мы встречаемся, отмечая 50 лет поступления в институт, 50 лет окончания 1 курса, ... 50 лет окончания института (к этой знаменательной дате выпустили книгу «Достойно мы по жизни шли») ... Если со всеми меня связывала дружба (особенно с Толиком Дзевенисом и Славой Поддубным), то с Ниной Усковой из соседней группы – любовь. Мы поженились на третьем курсе, и вот уже отметили изумрудную свадьбу (55 лет совместной жизни). На последнем курсе у нас родился сын – Сергей.

Я был старостой группы, на четвертом курсе вступил в КПСС. Для нас студентов-историков «квот» на прием не существовало. А у нас никаких карьерных соображений в связи с этим не было, преобладало чувство ответственности. Именно это чувство побудило меня из возможных вариантов после окончания института: аспирантура, работа в Областном комитете комсомола, директор сельской школы в целинном совхозе выбрать последнее. Но проработал я директором восьмилетней школы в селе Нижняя Полтавка Амурской области всего четыре месяца. Меня, как и других моих однокурсников, призвали в армию. И почти три года (из-за карибского и берлинского кризисов нас, выпускников педвузов, задержали и не демобилизовали раньше) я служил рядовым-срочником. Об армейской службе каких-то неприятных воспоминаний не осталось. Правда, психологически трудной была разлука с родителями, Ниной и Сергуней. Они к тому времени жили уже на Урале, в Нижнем Тагиле. Туда я и приехал, после демобилизации.

Так в моей жизни образовались три периода – дотагильский, тагильский и послетагильский. В Тагиле я поработал три года учителем истории и обществоведения в школе рабочей молодежи, а затем меня пригласили в Нижнетагильский педагогический институт. Это был 1965-й год.

Я бы в любом случае спросил про Сталина, но ты упростил мою задачу. Неужели, в городе, в котором жило множество бывших заключенных, «сосланных» по «ленинградскому делу», «делу врачей» и прочим аналогичным делам, смерть Сталина воспринималась как горе?

Не могу сказать «за весь» город, но мои одноклассники и учителя выражали это чувство искренно и неподдельно. Интересна (с учетом последующего опыта) и реакция моих родителей – и отца, отсидевшего более года, и мамы, так и не увидев-

шей своего отца (моего деда). Они тоже переживали это как огромное общенародное горе. Примечательно, что папа оставался до конца жизни убежденным коммунистом, и в последние годы – уже в Н. Тагиле – был секретарем парторганизации больницы. Его позиция – позднее я встречался с нею неоднократно – Сталин не знал, это был заговор – в том числе – и против Сталина. В чем-то он в данном отношении повлиял и на меня. Спустя многие годы, интересуясь делами репрессированных, сталкивался с таким большим количеством оговоров и сведения счетов, что пришел к выводу о самой опасности атмосферы всеобщей слежки друг за другом. Конечно, мы сегодня гораздо более информированы об этих годах, но и сейчас у меня вызывает некоторое отторжение их однозначно негативная оценка. Не исключаю и влияния обычного оптимизма молодости. По крайней мере, когда сам отвечаю на вопросы социологов, о самом лучшем времени, отвергаю не только сталинскую эпоху, но – еще больше – лихие 1990-е. Кстати, по вопросу об оценке Сталина мы часто спорили с моим другом и коллегой Валерой Шапко, его оценки были более жесткими и, возможно, более справедливыми. Но....

Из всех моих собеседников, а их более полусотни человек, ты социализировался и получил образование в Благовещенске – очень далеко от Москвы. В Москве, Ленинграде, других крупных городах европейской части Союза в первой половине 60-х студенчество, молодежь слушали зарубежное радио, включались в джазовую культуру, создавали неформальные литературные объединения и так далее. Было ли нечто подобное в ваших краях?

Моя студенческая жизнь протекала чуть раньше – в конце 1950-х – из всего названного тобой у нас были только стилиаги. Более того, и я отдал дань, хотя на Дальний Восток мода приходила с большим опозданием. Были и у меня брюки дудочкой и ботинки на большой подошве. И меня чуть не исключили из института за стилиажничество. Но как-то достаточно быстро оно прошло. Что касается первой половины 1960-х, когда я уже жил в Н. Тагиле, то для нашего круга знакомых основной интерес был – КВН и поэзия. А среди поэтов даже не «Серебряный век», не Ахматова или Пастернак, и т.д. (к ним мы пришли гораздо позднее), а Евтушенко, Вознесенский и Рождественский. В целом – уже как социолог – могу сказать, что в провинции (и в Благовещенске, и – особенно – в Н. Тагиле) обстановка была проще и значительно свободнее. Поэтому и протест был не так заметен.

Итак, ты начал работать в Нижнетагильский пединституте. Это была преподавательская или исследовательская деятельность? Там произошло твое знакомство с социологией?

Начал я работать преподавателем философии (конечно, – марксистско-ленинской, другой тогда и не было). Сам приход в институт был связан с моим стремлением продолжить занятия наукой. Через несколько месяцев работы в ШРМ я поехал в Свердловск – в Уральский госуниверситет на кафедру истории. Но мне резонно объяснили, что тема «Коллективизация в Амурской области в 1921-25 гг.» (по ней у меня было собрано много материалов еще в институте) в Свердловской обла-

сти никого заинтересовать не сможет. Договорились, что я сдаю кандидатские экзамены и одновременно пытаюсь изменить тему применительно к региону.

Подготовка и успешная сдача кандидатского экзамена по философии серьезно изменили мою судьбу. После экзамена, переговорив со мной о дальнейших научных планах, Леонид Михайлович Архангельский (он был очень душевным человеком и серьезным специалистом в области этики – или социологии морали, к созданию которой он стремился) предложил мне заняться «новой» и «интересной» наукой – социологией. В начале 1960-х гг. она для многих, увлекшихся этой наукой, была совершенно «новой». Более того, от ее характеристики (в целом) как «буржуазной» лженауки начали отказываться, а истмат все чаще стали рассматривать как марксистскую социологию (намекая, ненароком, что и Маркс вообще-то был социологом). Мой ответ на его предложение был позитивным, все равно и в истории – при изменении темы – мне надо было начинать с нуля. И я подумал, что уже приобретенные в институте научные навыки – умение работать с книгой и умение переводить – помогут мне и в занятиях социологией.

Кстати, об умении переводить – это особая история. Еще в Пушкине я начал изучать английский язык с 1 класса, но в Благовещенске в моей школе был лишь немецкий, поэтому до окончания школы я учил язык индивидуально. Институт и – особенно – армия прибавили к этому переводческую практику (я переводил «New Times», а когда натыкался на неизвестное слово, обращался к «Новому времени», и лишь в крайнем случае – к словарю). В итоге – на кандидатском экзамене я получил лишь троечку (пять – за словарный запас и перевод, кол – за речь). Но в наше время именно такое – полумертвое – знание языка было важным. Не случайно, что и в кандидатской диссертации многое по теории культуры – переводные материалы, а докторская – как было принято – называлась «Критика буржуазных концепций «единой культуры», вообще основывалась на них. Завидую современным молодым, и свободно владеющим иностранным языком, и имеющим возможность читать многих (Фромм и т.д.) в переводе. Для нас они были в «спецхране» Ленинки или Всесоюзной библиотеки иностранной литературы, куда мы приезжали, их читали и переводили.

Занявшись социологией, я много читал (к середине 1960-х кое-что уже стало появляться, особенно – по методике исследований; но для всех нас самой поучительной стала книга «Человек и его работа» Ядова, Здравомыслова и др.) и – даже – провел свое первое эмпирическое исследование: обобщил сочинения своих учащихся ШРМ «Как они представляют свое будущее» (напомню, что в эти годы основным идеологическим ориентиром была Программа КПСС, обещавшая, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»). Примечательно, что мои ученики – молодые и не очень – рабочие акцент делали не на будущем, а на проблемах сегодняшнего дня. Для меня в дальнейшем, когда с переездом в Свердловск пришлось возглавить кафедру научного коммунизма и читать этот курс, именно их подход стал определяющим.

Это обобщение «Нас 111, мы работаем и учимся» стало моей первой социологической работой. Пригласил меня в институт Фридрих Рафаилович Филиппов, под руководством которого мне посчастливилось проработать несколько лет, а самое главное – заметно повысить свой профессиональный уровень как социолога. Ему удалось собрать на кафедре интересных, талантливых людей – в первую очередь выделить Юрия Павловича Петрова и Леонида Абрамовича Марголина, позднее на кафедру пришел работать и Валерий Трофимович Шапко. В той творческой свободной атмосфере, которая царила у нас на кафедре, работалось и писалось легко. За два года я подготовил (на базе нескольких эмпирических исследований) кандидатскую диссертацию «Культурный уровень молодого рабочего», которую в 1968 г. успешно защитил. Оппонентом по моей работе был Лев Наумович Коган, с которым была связана моя последующая научная (а во многом и личная) жизнь и дружба.

Я понимаю, давно все это было, и все же. Что удалось показать в том диссертационном исследовании? И потом, как ты думаешь, если изучить культурный уровень современного молодого рабочего, какого характера, содержания сопоставительные выводы можно было сделать?

Главная теоретическая идея – в отличие от преобладавшего представления о культуре как совокупности достижений (богатств, ценностей) обосновать связь культуры с развитием личности, уровень культуры – это то, что освоено личностью, социальной группой (основной объект для меня с тех далеких дней и до сих пор – молодежь). В какой-то мере это было созвучно новым подходам в теории культуры в нашем обществоведении (это шире, чем социология) под влиянием знакомства и осмысления работ «молодого Маркса». Сегодня представляется, что ориентир на «молодого Маркса» в те годы был разумной (возможно, – оптимальной) формой неприятия официального марксизма, зачастую развивавшегося теми, кто Маркса, может быть, и почитали, даже прославляли, но не читали и не понимали всей глубины его идей. Именно в эти годы рождалась самореализационная теория культуры Льва Наумовича Когана, где культура рассматривалась как мера реализации сущностных сил человека. И – как опытный педагог и наставник – он все свои идеи обсуждал и «обкатывал» с нами. В меру своего понимания этих идей каждый из нас и стремился реализовать их в своих работах и диссертациях. И если в моей диссертации культурный уровень рассматривался как противоречивое единство разных компонентов и блоков (аксиологический, нормативный, праксеологический), то другие исследовали механизмы самореализации в рамках отдельных видов культуры (многие из которых – из-за сведения всей культуры к эстетической, художественной – были изучены слабо – экономическая, экологическая, политическая и т.д. культуры). У Валеры Шапко, например, кандидатская диссертация была о политической культуре – на основе одного из первых в Союзе исследований. От трепки о политической сознательности советского рабочего мы уходили к серьезному (социологическому!) анализу, отражавшему противоречия в политическом сознании и поведении людей. Особенно значимой для нас была идея Когана о многообразии видов творчества

(процесс, продукт и – самое главное – развитие потребностей и способностей самой личности). Не удивительно, что и модный в те годы ориентир «всестороннее развитие личности» мы трактовали не столько количественно, сколько качественно.

Поделись, пожалуйста, воспоминаниями о Ф. Р. Филиппове, о нижнетагильском, возможно – уральском, этапе его деятельности.

Фридрих Рафаилович был, прежде всего, – замечательным организатором науки, благодаря ему, в Нижнем Тагиле сложился и многие годы существовал один из серьезных социологических центров страны. Сказывалось то, что он до прихода в пединститут (где он был единственным проректором и все успевал) проработал заведующим Нижнетагильским ГОРОНО (городским отделом народного образования). Сотрудничество с М. Н. Руткевичем определило основное направление его научных интересов – социальная структура, социальная мобильность (правда, они использовали более «марксистский» термин – социальные перемещения). И все-таки он вносил в разработку этих проблем свое, рассматривая образование как важнейший фактор мобильности (перемещения). Это позднее привело его к всестороннему социологическому анализу проблем образования, и он – по праву – является ведущей фигурой в возрождении и развитии отечественной социологии образования. Фридрих Рафаилович (как позднее и Коган) поражал и вдохновлял своих коллег огромной работоспособностью, позволявшей ему успешно сочетать административную работу с научной. Добившись многого в науке, еще живя в достаточно провинциальном Нижнем Тагиле, он имел моральное право требовать и от нас интенсивных занятий наукой. Никогда не забуду, как он вызвал меня на следующий день после возвращения из Свердловска и успешной защиты кандидатской, и весьма серьезно спросил, каковы мои планы работы над докторской диссертацией. Вряд ли этот разговор был для меня ведущим мотивом, но все-таки. По масштабам своей личности и вклада в науку Филиппов все более выходил на всесоюзный и международный уровень, часто участвовал в совместных исследованиях и конференциях. Для нас он был важнейшим каналом получения свежей социологической информации, всегда охотно рассказывал о том, как развивается «наша наука». Поэтому переезд его в Москву нам был понятен, хотя для каждого из нас это было серьезной потерей.

Мне ничего не известно об исследованиях Ю. П. Петрова и Л. А. Марголина. По каким направлениям социологии они работают?

Юрий Павлович Петров сменил Филиппова в ГОРОНО, а затем пришел к нам на кафедру и после отъезда Филиппова стал ее заведующим. Петров в социологии специализировался на проблемах воспитания. Он написал ряд очень интересных работ о школе и семье как агентах (актёрах) воспитания. Он даже подготовил докторскую диссертацию, но защитить ее – по ряду объективных обстоятельств – не смог. Уже несколько лет его нет с нами, но память о нем на Урале и – особенно – в Нижнем Тагиле сохраняется. К его юбилею пединститут (ныне – социально-педагогическая академия) провел конференцию и издал сборник его работ. Понятно, что времена меняются, но мне кажется, что многие результаты его социологических

исследований и сегодня помогли бы преодолевать то, что получило название «бездуховность», «духовный кризис» и т.д.

Леонид Абрамович Марголин пришел на кафедру (и в социологию) из горно-металлургического техникума, где он преподавал общественные дисциплины. Он довольно быстро (под руководством Когана) защитил диссертацию, глубоко и всесторонне рассмотрев в социологическом ракурсе проблемы профориентации. Трудно сравнивать, но, возможно, это был другой вариант научного поиска, близкого и одновременно совершенно самостоятельного – в сравнении с тем, что в это же время делали наши новосибирские коллеги. Но вообще Леонид Абрамович – замечательный знаток и любитель театра и телевидения, социология массовых коммуникаций стала для него жизненным делом. Позднее (уже после меня и Шапко, когда умерла его жена – замечательный тагильский врач Валентина Антоновна Перцева) он переехал в Екатеринбург. Человек огромной силы воли и души – он преодолевает нагрянувшие болезни и сохраняет неиссякаемый интерес к жизни. Дружба с этим интереснейшим человеком – один из важных моментов моей жизни. Как хочется, чтобы была возможность услышать от него новый анекдот, новость из Интернета и т.д., да просто встретиться. Даже в очень сложных ситуациях я постоянно думаю, как много на моем пути встретилось таких людей, как многому они меня научили, как сильно они на меня повлияли.

Ты мне немного говорил о дружбе с В. Т. Шапко. Пожалуйста, расскажи подробнее о нем как исследователе и человеке.

Среди этих людей Валера, Валерий Трофимович Шапко, занимает особое место. Если характеризовать его социологически, то он – типичный «рабочий-интеллигент» (был в тот период такой термин, отражавший неудовлетворенность схемой Руткевича «2 /класса/ + 1 /слой – интеллигенция/») и фиксировавший реальные изменения – интеллектуализацию труда рабочих под влиянием НТР) и, конечно, self-made man.

Первое мое знакомство с Шапко состоялось во время «КВНа», где соревновались команды «НТМК» (в ней был Валера) и «Вагонки» (за которую играл мой старший брат). Своим остроумием и широким культурным кругозором он привлек меня уже в тот момент.

Высшее историческое образование Шапко получил в УрГУ (Уральский государственный университет), но заочно. Реальные огрехи заочного образования он преодолевал самообразованием, тем более что в тот период книги были относительно доступны. В итоге – его познания, не связанные с какой-то узкой вузовской программой, отличались и глубиной, и – главное – широтой диапазона. Единственное, что ему не удалось преодолеть – иностранный язык. Перед защитой кандидатской диссертации самым сложным для него было не написать саму работу, а сдать кандидатский экзамен по немецкому языку. Помню, когда на другой день после экзамена он приветствовал Когана словами «Гутен таг, герр профессор», Лев Наумович мощ-

ным басом на весь этаж приглашал посмотреть на Шапко, заговорившего по-немецки.

Пока Шапко (иногда я буду писать Валера, я привык именно так говорить о нем) учился – он работал на Нижнетагильском металлургическом комбинате слесарем высшего разряда по ремонту КИП (контрольно-измерительных приборов). Отсюда – и его удивительный практицизм (проявлявшийся не только в умении делать почти все «руками», но и в негативном отношении к любому делу – «для галочки»). У меня, когда мы переехали в Свердловск, даже дети знали: если наконец-то отремонтирована розетка или подвешена люстра, значит, дядя Валера приезжал. Но важнее другое – в любом исследовании (а мы их совместно провели за 33 года более 40) его интересовало, прежде всего, что мы по результатам сможем предложить, сможем изменить.

Молодой рабочий с высшим гуманитарным образованием, член КПСС – все это определило его приглашение на работу в Нижнетагильский ГК КПСС, в отдел пропаганды. Но партийная карьера не очень привлекала его, а присущая Шапко самостоятельность и независимость во взглядах и в поведении не очень «гармонизовала» с горкомовскими порядками. В итоге он начинает работу в Нижнетагильском пединституте, мы оказались на одной – «филипповской» – кафедре. Совместная работа переросла в дружбу, дружба определила совместное творчество.

Это творчество, действительно, было совместным. Я как-то, готовясь к юбилею, посчитал, что мы совместно написали более 150 статей, тезисов, книг. При этом по многим вопросам мы расходились в понимании, оценке и т.д. Наши споры нередко становились весьма «горячими» (и тут прибегали наши жены – моя Нина и его – Нелла). Но эта горячность никогда не выходила за пределы взаимной уважительности. Прервавшись на час-другой, мы приходили к общему мнению и начинали печатать дальше (или – пока мы печатали на «Оптиме» и не было еще компьютеров – возвращались и перепечатывали те страницы, которые вызвали спор).

Кандидатская Шапко была посвящена политической культуре и основана на исследовании (одном из первых в Союзе), которое мы провели под руководством Льва Наумовича Когана в Качканаре. Докторская – актуальной культуре (идея была подсказана Коганом). О характере Валеры, его безразличии к каким-то формальностям (даже таким, как защита докторской диссертации) лучше всего могут сказать его заключительные слова на защите: «Своей защитой я обязан инфаркту, высвободившему мне несколько месяцев для того, чтобы обобщить результаты исследований, и усилиям профессоров Когана и Вишневого, постоянно толкавших меня на этот шаг».

Если оценить, что же наиболее значимое мы сделали совместно с Шапко, то, прежде всего, я бы выделил подготовку трехтомника Л. Н. Когана, наше обобщение более 30 отчетов свердловских социологов и сведение их в единый сборник «Образовательное пространство: Свердловская область», учебник «Социология молодежи» (первое издание вышло даже раньше, чем учебник В. Т. Лисовского).

В 2014 г. пройдет конференция памяти Валеры, его нет уже почти 5 лет. К этой конференции я готовлю книгу по зарубежной социологии образования – на основе одной из последних наших с ним совместных статей.

Юра, неужели ты, тем более Шапко, проработавший в аппарате КПСС, не понимали, что по результатам исследований, даже если вы и могли что-либо предложить, вы ничего не могли изменить? Чтобы пояснить, что я имею в виду, процитирую фрагмент интервью с Т. И. Заславской: «Запомнился случай, о котором рассказывал, кажется, З. И. Файнбург. Пермские социологи приехали в один промышленный город, чтобы опросить молодых рабочих о нормах сексуального поведения в их среде. Начали, как тогда водилось, с горкома и сразу же натолкнулись на категорический запрет исследования его секретарем (это была женщина). Социологи спросили ее: «Неужели вас не интересует, что творится в этой сфере, можно сказать, у вас под носом?» А она ответила: «Что творится, я знаю и без вас. А если вы мне об этом официально напишете, я обязана буду принимать какие-то меры. Сделать же я все равно ничего не могу. Так что ищите другой город». Или Свердловск и был именно тем городом? Как в целом у вас складывались взаимоотношения с властями?

Все было – и проще (аналогичных примеров я мог бы привести немало), и сложнее. Кстати, о примерах – нельзя не учитывать, что социологи (такова уж специфика нашей профессии) при достаточном уровне профессионализма выявляли целый ряд серьезных проблем. Достаточно сослаться на книгу «Человек и его работа», которая для нас, стремившихся проводить исследования объективно, была своеобразным ориентиром. Но в итоге получалось (после социологических исследований), что там, где они проводились, эти проблемы есть. Такие предприятия, города и т.д. (в данном случае не очень важно, что было объектом исследования) выглядели как «проблемные» – в отличие от тех предприятий, где такие исследования не проводились (а, значит, и проблемы – может быть, даже и более серьезные – не выявлялись). Это и порождало соответствующую реакцию у «заказчиков» или «инициаторов» (чаще всего – в лице парторганов и их отделов пропаганды или идеологических отделов).

Сталкивались мы и с более завуалированной формой. Когда инициатива разработки планов социального развития была поддержана на съезде КПСС, иметь такой план стало «делом чести». И нам посыпались заказы. По инициативе Когана в социальное планирование были внесены определенные коррективы – акцент на социокультурные индикаторы, изменение масштабов планирования (от уровня отдельных предприятий до территорий – планов районов, городов, областей, особенно интересным и во многом своеобразным был план развития культуры Омской области). Участие в исследованиях и разработке этих планов стало для меня и многих социологов нашего поколения замечательной школой социологического самообразования. Но судьба этих планов была различной. Где-то наши рекомендации были – после широкого обсуждения – использованы как руководство к действию. Если говорить о нас с

Валерой, то наиболее действенной была судьба плана социокультурного развития микрорайона Выя (есть в Нижнем Тагиле такой микрорайон, где традиционное поселение оказалось тесно связанным с развитием современных предприятий). Возможно, эта действенность определялась нечетким административным статусом микрорайона, поэтому выявленные проблемы не имели определенного «виновника», но было кому поручить их решение. Но не менее часто наши (да и не только наши) планы социального развития ставили на полку и отчитывались перед проверяющими их «наличием». Конечно, это не могло особенно вдохновлять и быть стимулом к последующим исследованиям. Однако, перед каждым новым исследованием заранее предвидеть его судьбу мы не могли. И тут важно отметить еще один момент, который обычно ускользает за обобщенным понятием «партократия». Среди «заказчиков» и «инициаторов» в партийных органах было немало (сужу лишь по-своему, возможно, и ограниченному опыту) честных, порядочных, а главное – ответственных, болеющих за дело людей. Кстати, именно таким и был Шапко. Да, он из горкома ушел. Но сколько таких Валер оставались работать. И далеко не всех их система «перемалывала».

Приведу, в частности, пример с организацией Уральских социологических чтений. Идея их проведения принадлежит лидерам уральской социологии Н. А. Аитову (Уфа), Л. Н. Когану (Свердловск) и З. И. Файнбургу (Пермь). Но первые чтения прошли в 1976 г. не в одном из этих городов, а в Ижевске. Почему? Коган объездил с предложением о проведении чтений все областные центры «Большого Урала». И лишь В. К. Марисов (первый секретарь Удмуртского ОК КПСС) «решился» провести это мероприятие у себя.

Другой пример – он связан с важной особенностью уральской социологии, где среди социологов были не только представители академической и вузовской науки, но и солидный отряд заводских социологов. Встала серьезная проблема их обучения. Наибольшая концентрация профессиональных социологических кадров была сосредоточена в Свердловске, ... но курсы заводских социологов были организованы в Челябинске. Причина – разное (мягко говоря) отношение в Свердловском и Челябинском обкомах КПСС к социологии и социологическим кадрам (кстати, это и ответ на вопрос: был ли Свердловск городом, где отношения власти к социологам было благоприятным; я – в основном – говорил о Н. Тагиле).

И, наконец, о нашем отношении. Понимали ли мы, что многие наши рекомендации не будут реализованы. В чем-то, безусловно, да. Но и нам, и даже Когану и Файнбургу (с Аитовым я встречался очень редко) была присуща надежда – в чем-то навеянная словами Маркса, надежда, что, если правильно «объяснить» мир, его легче будет «изменить». Не будем сбрасывать со счета и отмеченный выше обучающий характер наших исследований, да и накопление эмпирических данных имело немалое значение – не представляю, как современная социология может развиваться лишь в теоретическом плане.

Юра, я благодарен тебе за появление в нашей беседе темы «планирование социального развития», в той или иной степени она затрагивалась многими из моих собеседников. Как ты думаешь, весь накопленный советскими социологами теоретический опыт в разработке этой проблематики, а также огромный эмпирический материал – это все лишь факт нашей истории или что-то в этом есть и на будущее?

Безусловно, с точки зрения накопленных материалов – это огромный социологический опыт (на котором учились, и неплохо, первые поколения российских советских социологов – по твоей хронологии), который – как учебный материал – должен был широко использоваться при подготовке социологов (особенно – в плане методик и инструментария). В рамках социального планирования было выявлено немало проблем, большая часть которых не была решена и в то время (из-за невнимания к ним или отсутствия достаточных ресурсов). В том или ином виде, зачастую трансформированном, эти проблемы сохраняются и сегодня. Многие исследования, особенно проведенные на достаточном профессиональном уровне, могут быть основой для сравнительных исследований, для характеристики тех или иных социальных феноменов в динамике. Это позволило бы зафиксировать и глубокие качественные изменения, и сохранение многих стереотипов, и привычную инерционность общественного сознания (кстати, из неосуществленных совместно с Валерой планов – монография «Социальная инерция», у нас в начале 2000-х гг. появилось ряд статей по этой проблематике. Но потом мы сосредоточились на подготовке трехтомника работ Когана, в 2009 г. Шапко не стало. Как только закончу монографию о зарубежной социологии образования, если хватит сил, собираюсь вернуться к нашей старой задумке).

Выше ты упомянул о работе над кандидатской и докторской диссертациями, предлагаю вернуться к этому сюжету. Пожалуйста, вспомни, как велась подготовка диссертаций, все ли проходило гладко с защитами?

Моя кандидатская диссертация была посвящена изучению культурного уровня рабочей молодежи. Мне повезло, благодаря Когану, я оказался в центре дискуссии о культуре, которая в этот период активно шла в нашем обществоведении. Ее суть была в отказе от узкоаксиологического понимания культуры как совокупности богатств, которые были накоплены человечеством. В противовес этому развивались самореализационная концепция культуры (на основе идей «раннего Маркса»), нормативно-технологическая концепция культуры, акцентировавшая роль норм и технологий в развитии культуры и др. Одновременно в научный оборот вовлекались произведения зарубежной культурной антропологии (чьи идеологические позиции показались не столь враждебными марксизму), что позволило акцентировать поведенческий, деятельный аспект культуры. Все это во многом облегчило разработку теоретического раздела диссертации. Материал для практического раздела составили результаты социологических исследований рабочей молодежи на крупнейших пред-

приятнях Н. Тагила – Нижнетагильского металлургического комбината и Уралвагон-завода. Диссертация была подготовлена за два года и в 1968 г. защищена.

Как я уже отмечал, по инициативе Когана и Филиппова я сразу же начал работу над докторской. В 1972 г. вышла наша с Коганом книга «Очерки социалистической культуры» (Лев Наумович любовно называл ее «Полосатик» – из-за обложки). Тогда для защиты докторской диссертации нужна была лишь одна монография. Но дальше дело затянулось – и из-за личных причин (у меня умерла мама, что надолго выбило меня из седла), а затем и из-за формальных, начало утверждаться «мнение», что нужно увеличивать сроки между двумя защитами – не менее 10 лет. Ожидание растянулось аж до 13 лет. Но они не прошли даром. Работа была посвящена «критике» буржуазных концепций «единой культуры» (а кто тогда «не критиковал» – даже И. С. Кон и Ю. Н. Давыдов) и ежегодно я по месяцу работал в Ленинке в спецхране, читая, переводя и накапливая материал, немало книг удалось получить и по МБА (межбиблиотечный абонемент). Одновременно на основе интенсивных исследований, которые мы совместно с Шапко проводили, накапливался и материал для двух «позитивных разделов», где было показано, как утверждается единство социалистической культуры (меня особенно интересовало межпоколенческое единство, взаимодействие инженерной интеллигенции и рабочих). При этом – и тут сказалась относительная свобода в провинции – оказалось возможным не очень «лакировать» действительность, раскрывая противоречия этих процессов. В 1991 г. я защитил диссертацию, но уже через год по решению ОК КПСС был переведен на работу в Свердловск, где был избран заведующим кафедрой научного коммунизма в Уральском политехническом институте.

Я люблю «коллекционировать» воспоминания о тех, кого я не мог проинтервьюировать... пожалуйста, напиши, в чем была суть подхода Л. Н. Когана к культуре?

В подходе Когана к культуре можно выделить несколько аспектов. Прежде всего, в духе «раннего Маркса» он обосновал «самореализационную теорию культуры». Культура рассматривалась не как сумма богатств, накопленных человечеством (и в чем-то – нечто внешнее для человека), а как мера самореализации человеком своих сущностных сил. В поле зрения при этом попадал механизм такой самореализации (потребности, мотивы, цель и смысл жизни). Соответственно качественно менялось и понимание творчества как созидания ценностей и благ культуры. В культурном творчестве наряду с процессом и результатами творчества, акцентировалась проблема развития творческих способностей личности в этом процессе. Творчество человека, тем самым, рассматривалось одновременно не только вовне, но и как внутренний процесс – саморазвитие личности. Под этим же углом исследовалось и усвоение (освоение!) культуры – в нем выделялось не только (и не столько) потребление (в крайних формах порождавшее вещизм, потребительство), но и сотворчество (распространявшееся не только на режиссеров, актеров, исполнителей и т.д., но и на читателей, зрителей, слушателей и т.д.). Кстати, серьезное развитие у Когана полу-

чило представление о культурном процессе – как компоненты его он выделял и исследовал производство, сохранение, распространение, потребление. Наконец, важный момент – выделение и изучение различных видов культуры. Преодолевая узость бытовавшего подхода, когда культура фактически сводилась к эстетической (и еще уже – художественной) культуре, Лев Наумович – в 1960-1980-е гг. (!!?) ставил вопрос о необходимости исследовать политическую, правовую, экологическую, экономическую, сексуальную и т.д. культуру. В каждом из видов культуры он считал необходимым выделять аксиологический, нормативный (технологический) и праксиологический (поведенческий) компоненты. Позднее – в рамках творческого общения с коллегами-социологами и культурологами (особенно – М. С. Каган, В. М. Межуев, Ю. М. Лотман и др.) он дополнил свой подход семиотическим и коммуникативным компонентами. Отмеченные инновационные трактовки культуры позволили Льву Наумовичу, не отвергая распространенные идеологемы «всестороннего развития личности» и «социалистического образа жизни», акцентировать не количественные («все стороны»), а качественные характеристики саморазвития личности. При этом фактически получалось, что основным фактором поведения личности выступали не столько внешние требования, сколько выбор самой личности. Культура выбора рассматривалась как важнейшее качество личности, которое должно было быть сформировано у человека.

Как тебе кажется, что произошло с той культурой, которую ты изучал, и в тех группах, которые ты рассматривал, за прошедшие 30 лет?

Понятно, что основные изменения зафиксированы в обобщающих работах – в написанной совместно с Шапко «Социологии молодежи» (последнее – при его жизни издание – 2006 г.), подведшей итоги наших исследований за 30 лет, и в «Студенте – 2012» – по итогам 17-летнего (1995-2012 гг.) мониторинга свердловского студенчества. Но не менее ясно, что интервью – это особый жанр, не предназначенный для пространных научных обобщений.

Если кратко, то выделю ряд моментов. Прежде всего, заметно изменение отношения к образованию – из терминальной ценности (какой оно было для нашего поколения и даже для наших детей) оно все более становится инструментальной. Этому способствовал бурный рост негосударственного образования (чаще всего – некачественного; исключения – типа Гуманитарного университета в Екатеринбурге, где мы с Гарольдом Зборовским работали многие годы, – лишь подтверждают общее правило). Но самое главное – введение ЕГЭ, которое не только не устранило коррупцию, но своей ориентацией на тесты убивает (есть опасение – в ближайшие годы окончательно убьет) творческое мышление. Еще одна нарастающая тенденция, хотя, возможно и объективная, отражающая «третью профессиональную революцию» и становление транспрофессионализма, – депрофессионализация. Из года в год роль мотива «интерес к профессии» в выборе вуза снижается. Все чаще высшее профессиональное образование воспринимается молодежью просто как высшее образова-

ние. Это особенно негативно сказалось на подготовке массовых профессий (инженеров и педагогов, врачей пока менее затронуло).

В области «молодежной культуры» произошли наибольшие изменения. Субкультурный принцип (когда те или иные феномены «молодежной музыки» были распространены во всех молодежных группах) сменился «стилевым», многообразие вкусовых предпочтений лишило молодежные музыкальные интересы не только целостности, но и устойчивости. Негативное влияние попсы дополнительно снижает уровень и качество этих интересов.

Резко сократился «институционализированный досуг» – посещение учреждений культуры (аудитория клубов и музеев все более становится детско-пенсионной). Чуть-чуть заметно оживление молодежной киноаудитории – с акцентом на технические параметры кинопродукции и комфортные условия просмотра. Серьезно сократилась и молодежная телеаудитория: даже резкое увеличение числа каналов не помогло телевидению в конкуренции с компьютерами (особенно в связи с их резко возросшими возможностями для просмотра телепередач и фильмов). Но и здесь масштабы чаще всего приводят к снижению уровня и качества культуры молодежи.

Еще один негативный момент, отразившийся в результатах исследований, до 80 % молодых людей (даже студентов) воспринимают компьютер не как источник информации, а как развлечение («компьютерные игры»). Даже когда к компьютеру обращаются в учебных целях (подготовка рефератов, курсовых и т.д.) преобладает бездумное «скачивание» – без осмысления полученной информации. На этом фоне особенно тревожно сокращение среди молодежи читателей. Систематически читают художественную литературу 10-12 % школьников (за рамками обязательного списка книг) и студентов, газеты – 5-6 %, журналы – 15-17 % (но мода на «толстые» журналы – «Новый мир», «Октябрь» и т.д. – сер. 1980-х гг. прошла, очевидно безвозвратно). После «театрального бума» рубежа 1980-1990-х гг. наблюдается снижение интереса молодежи к театру. Это не исключает вспыхивающего время от времени интереса «интеллектуальной элиты» к экспериментальному, камерному театру или – применительно к «провинции» – к гастроллям «столичных» театров. Но в общей массе молодежи эти феномены не меняют общей картины. Наконец, завершить хотелось бы характеристикой тенденций в правовой и политической культуре молодежи. В рамках правовой культуры сохраняется отношение к закону как к чему-то необязательному. Произошел переход от бездумного исполнительства к неисполнительности, одновременно нарастают антиавторитарные настроения, что чревато отрицанием любых ограничений, норм. В политической культуре сохраняется аполитичность молодежи, хотя мотивация ее за последние годы изменилась от безразличия к политике и трактовки ее как «грязного» дела – к осмыслению ограниченных возможностей – и личных, и молодежных – во влиянии на принятие и реализацию политических решений. Кстати, именно соображение «результаты выборов заранее predetermined», по мнению каждого второго студента в 2012 г., – главное, что мешает им участвовать в выборах. И казавшийся чем-то «неожиданным» всплеск молодежного

протеста в России на рубеже 2011-2012 гг. в немалой мере был продиктован нежеланием нового поколения оставаться на «заднем» плане политической истории.

Постарался избегать оценочных суждений – с учетом нашего общего с Валерой подхода: «молодежь – не хуже и не лучше, она – другая». Но, кажется, не все получилось. Сказывается возраст? Ведь от нынешней молодежи меня отделяют 50 лет. Но старался не выходить за рамки результатов исследований.

Вернемся к описанию траектории твоей жизни... итак, в 1991 г. после защиты докторской диссертации ты переезжаешь в тогда еще Свердловск и возглавляешь кафедру научного коммунизма в Уральском политехническом институте. Прошло почти четверть века... уже многие сегодняшние читатели не понимают, что такое «научный коммунизм» как исследовательская отрасль. А для завтрашнего – это будет полная загадка... пожалуйста, расскажи об основных направлениях деятельности твоей кафедры. И образовательной, и исследовательской...

Научный коммунизм я начал преподавать только в Свердловске. Но приехал туда с опытом многолетних социологических исследований, да и общественных дисциплин освоил немало (прежде всего, – философия, далее эстетика, этика, даже теория культуры – ведь я был деканом художественно-графического факультета). Отсюда и мое видение и предмета «научный коммунизм», и назначения преподавателя этого предмета: наука о коммунизме, который еще надо построить и в котором надо будет жить, а это, значит, нужно лучше знать сегодняшнее общество, в том числе и с его проблемами, которые надо решать, с недостатками и противоречиями, которые надо преодолевать. Не скрою, андроповское «Мы плохо знаем общество, в котором живем» было мне созвучно. Свои лекции я начинал вопросом «по» Э. Бернштейну: «Научен ли научный коммунизм?» Но акцент ответа был другой – нужно, чтобы он был (и преподавался!) как наука. Само содержание курса (если опустить международные разделы) позволяло серьезно – социологически – рассматривать актуальные проблемы советского общества.

Молодежь кафедры восприняла мой подход нормально (правда, не обходилось и без перекосов, когда в критическом анализе ряд молодых коллег заходил слишком далеко). Поскольку я был «новым» заведующим, меня поддерживал и ректорат, и партком, и что самое главное – Л. Н. Коган, который был в это время зав. кафедрой научного коммунизма Уральского госуниверситета. Пользуясь этой поддержкой, я за три года отправил более 10 молодых преподавателей в аспирантуру. Большинство из них защитились, восемь человек позднее стали докторами.

Со средним и старшим поколением кафедры дело было сложнее. Часть из них (особенно Л. Д. Митрофанов, И. Ш. Ослянский, Л. Г. Пихоя – позднее она работала в Москве с Ельциным) пришли к моему подходу на основе своего личного социологического опыта. Кто-то сосредоточился на теоретическом (категориальном) анализе основных понятий – была и такая форма ухода от действительности. Для какой-то части кафедралов таким «уходом» был анализ первоисточников, хотя и им приходилось на семинарах отвечать на острые вопросы студентов.

Кафедра – это и научное подразделение. С моим приходом на кафедру оживились социологические исследования. В центре нашего внимания были социальные проблемы производственного коллектива – бригадный подряд, бригадные формы организации труда и стимулирования, соцсоревнование, трудовая дисциплина и т.д. Заказчики (за исключением «года Черненко», когда четко проявилось – «все назад») требовали от нас объективности и активно участвовали в устранении выявленных недостатков, тем более что они относились не к идеологической сфере, а к организационно-управленческой. Одним словом, наша кафедра психологически была готова трансформироваться, и мы одними из первых в Свердловске после начала перестройки стали в 1987 г. кафедрой «Актуальных проблем социализма», через год – «Кафедрой социологии и политологии».

Труднее всего было даже не с преподаванием «Научного коммунизма», а с государственным экзаменом, который как бы обобщал все общественные дисциплины. В составе комиссии были преподаватели со всех кафедр факультета общественных наук и нередко различие в подходах между ними проявлялось на студентах.

Чтобы все не выглядело слишком «розово», расскажу и о негативных моментах. Уже после начала перестройки мне на одном из заседаний парткома вынесли сразу два выговора. Один – из-за того, что мой аспирант ушел в церковь. До сих пор помню мой вызов к Ельцину (он еще был первым секретарем обкома) и его слова: «Коммунист должен быть воинствующим атеистом». Понятно, каким было мое отношение к его последующим «проявлениям демократизма». Другой выговор был связан с жалобой одной из моих доцентш, что завкафедрой научного коммунизма (!?) пересказывает студентам идеи буржуазных идеологов. В то время в курс научного коммунизма включили глобальные проблемы. И мне у одного американского социолога попалась аббревиатура «5 б» – бомба, бульдозер, хлеб, СМИ, ребенок (на английском все они начинаются на b). Работа на худграфе приучила меня к значению наглядности. Вот и на лекции я это изобразил графически.

К счастью, перестройка разворачивалась, консерватизм и традиционализм отступали. Завершить этот ответ хотелось бы ссылкой на своих студентов тех лет: за многие годы я ни разу ни от одного не услышал упрека. А это означает: даже преподавая «научный коммунизм», мы просто учили своих студентов «как жить» – без лозунгов и пропаганды.

Какие темы ты разрабатывал после защиты диссертации? Чем занимаешься в последние годы?

В 1980-е г., как я уже отмечал, основное направление наших исследований – социальные проблемы трудовых коллективов. Но по мере того, как перестройка выдыхалась, предприятия все меньше обращались к нам с заказами. Еще более плачевно это сказалось на заводской социологии. Сколько квалифицированных социологов осталось не у дел. В лихие 1990-е сфера наших исследований (особенно – в начале их) резко сузилась – до сферы образования. Да и то нам повезло. Свердловское обра-

зование в те годы возглавлял Валерий Вениаминович Нестеров – человек, утверждавший научный подход к образованию. По его инициативе (за очень небольшие, но крайне нужные в те годы деньги) проводились разнообразные социологические исследования – социокультурный портрет учащихся, студентов, учителей, мотивация учебы, отношение к инновациям и т.д. Самым интересным было для нас с Шапко обобщение материалов разных социологических групп (Г. Е. Зборовский, Л. Я. Рубина, А. В. Меренков, Е. С. Баразгова) и подготовка монографии «Свердловская область – единое образовательное пространство».

С середины 1990-х гг. активный интерес к социологическим исследованиям проблем молодежи стал проявлять Комитет по делам молодежи (позднее – Департамент). Мы провели целый ряд исследований, материалы которых включены в Федеральные доклады о молодежи, а они тогда готовились систематически.

В 1995 г. мы провели первое исследование, цель которого – определить социокультурный портрет свердловского студенчества. Тогда никто и представить не мог, что это исследование станет мониторинговым и продлится до 2012 г.

В 2000-х гг. в основном мы проводили исследования по двум линиям: с одной стороны, это были федеральные исследования Российского общества социологов. Их позитивная сторона – они не требовали никаких затрат и способствовали интеграции социологов России. Все было просто – собирались заинтересованные социологи, обсуждали тему и инструментарий, договаривались о выборке, сами проводили, обрабатывали и публиковали... Так, был проведен мониторинг «Война была вчера: Российское студенчество о Великой Отечественной войне» (2005, 2010), исследование «Гражданская культура студенчества». Но заметна и ограниченность – изучали в основном студенческую молодежь. В этом же ряду и совместное исследование, которое проведено на базе Харьковского национального университета, Белорусского государственного университета и нашего университета (2010-2012).

Второй путь – это исследования по грантам. Это и изучение престижа профессии социального работника, и формирование инженерной элиты, и проблемы дифференциации молодежи и ее профессионального самоопределения, и проблемы повседневности. Эти исследования позволили расширить тематику исследования, да и гранты – это пусть и небольшое, но дополнительное финансирование.

В последние годы у нас наладились тесные отношения с Министерством физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области. И вновь сказался человеческий фактор – министром был назначен профессор, доктор педагогических наук Леонид Аронович Рапопорт. Он инициировал проведение целого ряда исследований и, прежде всего, – социологический анализ отношения жителей Свердловской области к занятиям физкультурой и спортом. Но каждое исследование мы должны были «выиграть» по тендеру. Интересно, те в Москве, кто придумал эту систему, понимают, что нельзя отдавать серьезное дело на волю случая (тем более – что критерий, кто запросит меньше). Да и исходные ставки такие небольшие, что весь тендер ведет к сокращению даже их. Действительно, понимают ли, что факти-

чески участие в таких тендерах для настоящих исследователей скорее определяется любовью к искусству, чем стремлением заработать.

В СССР на протяжении многих лет значительное число кафедр и лабораторий занималось проблемами социального планирования на производстве, а позже – на региональном уровне. Соответственно, исследования оплачивали предприятия, министерства. Кто и за разработку каких тем сейчас (в последние годы) финансирует проведение социологических исследований?

Практически, уже в основном ответил в рамках предыдущего ответа. Добавлю очень кратко. Сегодня в рамках финансирования социологических исследований наметился перекося. В сфере политики (рейтинги, предвыборные прогнозы и т. д.) крутятся очень большие деньги, но кроме китов «исследований» общественного мнения, большинство исследовательских фирм профессионально не готовы к проведению качественных, объективных исследований («ошибки» «китов», о которых много говорили, особенно после выборов мэра Москвы связаны отнюдь не с непрофессионализмом, вспомним и у Гэллупа были проколы). Зарабатывать деньги таким путем мне не хотелось. 19 августа 1991 г. (после 30 лет членства, подчеркну – членства, а не пребывания) я вышел из КПСС и дал зарок больше не участвовать в «политических играх». Что же касается исследования остальных социальных проблем, то их финансирование (особенно интересующих меня – с серьезной теоретико-методологической разработкой) весьма скудно.

Еще один финансово-проблемный момент: сегодня объемы финансирования науки (сколько зарабатывает кафедра, вуз) стали индикатором «эффективности». Но отмеченное выше ставит гуманитариев (среди них мы – социологи – еще в относительно лучшем положении) в сравнении с технарями в неравное положение. Но возникает и социологический вопрос: эффективны ли подобные критерии эффективности?

Задам тебе ряд вопросов как многолетнему заведующему кафедрой социологии. Сколько сейчас преподавателей на кафедре, в том числе – профессоров и доцентов? Какова учебная нагрузка преподавательского состава и что с ней будет в ближайшие годы? Какова общая ситуация в России с учебниками по социологии?

Новая жизнь кафедры началась с ее реорганизации в кафедру социологии и политологии. Собственно, содержательно – от научного коммунизма к социологии и политологии – осуществить переход большинству кафедралов было не столь сложно (сказывался предшествующий исследовательский опыт). Сложнее было в организационном плане – с отменой госэкзамена и льгот для обществоведов учебная нагрузка на каждого преподавателя возросла в полтора раза. Сказывалось и отсутствие учебно-методической литературы. Тут инициативу проявил Гарольд Зборовский – вместе с Г. П. Орловым они выпустили одно из первых пособий по социологии. Спустя несколько лет учебник по социологии для технических вузов подготовили мы с Валерой (он на данный момент дважды дорабатывался, шесть раз переиздавался). С середины 1990-х гг. начался своеобразный «бум» выпуска учебников и пособий по со-

циологии. Но лишь немногие из них отличались – в содержательном и методическом плане – новизной и профессионализмом. Однако даже лучшие из них (отмечу в первую очередь учебники Ж. Т. Тощенко и Н. И. Лапина, учебники по общей социологии и истории социологии Г. Е. Зборовского и др.) были предназначены для студентов-социологов и могли использоваться преимущественно преподавателями.

К тому же – постепенно в технических вузах аудиторная нагрузка стала сокращаться (многие годы у нас даже плановая нагрузка по социологии включала 18 лекций + 9 семинаров, реально выходило еще меньше). Переход к стандартам третьего поколения вообще сделал социологию дисциплиной по выбору (в итоге – на физтехе и радиофаке «выбрали» психологию – с «аргументацией», что их выпускникам в практической работе чаще придется сталкиваться не с общими социальными проблемами, а с проблемами межличностных отношений в коллективе).

За многие годы преподавания социологии «технарям» появился определенный опыт. Такое преподавание не должно быть излишне теоретическим. Нет, научную планку опускать нельзя (это – неуважение своей науки), но важно расставлять акценты, не заикливаясь на категориальном аппарате, а стремясь развить у студентов социологическое мышление, умение понимать социальные проблемы, диагностировать и прогнозировать социальное развитие. Или иначе – не только доказать, что социология – наука, но и обосновать значимость ее для их жизненной и профессиональной карьеры.

Порой создается впечатление, что наше понимание назначения преподавателя социологии не очень совпадает с ориентацией реформы высшей школы. И у меня нет особого оптимизма в отношении будущего социологии как академической дисциплины в вузах России (и не только применительно к студентам технического и естественнонаучного профиля, но даже и к гуманитариям, студентам социально-экономического профиля).

И последнее – кафедра, которой я руковожу – «кафедра социологии и социальных технологий управления». За этим названием своя история. В середине лихих 1990-х гг. – на волне коммерциализации вузов (ее почему-то ограничивают появлением негосударственных вузов, хотя число студентов-контрактников в государственных вузах росло гораздо быстрее) стало ясно, что общеуниверситетские кафедры без своих студентов (т.е. не ставшие «выпускающими кафедрами») долго «не протянут» (или – скоро «протянут ... ноги»). Выжить в этих условиях нам помог опыт социологических исследований. Нет, мы не стали готовить социологов, хотя в родственных технических университетах (Пермь, Челябинск и др.) пошли (и довольно успешно!) этим путем. В Екатеринбурге их уже готовили во многих вузах (в УрГУ – у Когана, в УрГПУ – у Л. Я. Рубинной, в РГППУ, а затем в Гуманитарном университете – у Зборовского и т.д.). И мы решили воспользоваться опытом исследования организационно-управленческих проблем трудового коллектива и начать... готовить менеджеров. И вот уже 18 лет готовим, выпустив более 3000 управленцев. Наш опыт – подготовки менеджеров с «социологическим» уклоном себя полно-

стью оправдал, и когда мы готовили менеджеров для социальной сферы, сферы услуг (с образованием Уральского федерального университета и избранной линией на «профилизацию» подготовку менеджеров сосредоточили в Высшей школе экономики и менеджмента, мы своих студентов доучиваем, но ниша «менеджеры социальной сферы» стала пустовать), и когда сейчас готовим кадры для государственного и муниципального управления (в рамках отмеченной «профилизации» кафедру перевели в Институт государственного управления и предпринимательства). Конечно, мы понимали и слабые стороны нашей подготовки (в первом случае это касалось экономических дисциплин, во втором – правовых дисциплин). Но понимая, стремились эти слабости или уменьшить, или устранить. Все отмеченные организационные перемены сказались и на кафедре. Ее превращение в «выпускающую» и рост подготовки менеджеров привел к росту ее численности – в середине 2000-х гг. она была третьей по численности в УГТУ-УПИ – 75-80 человек (после двух кафедр иностранных языков). В последние годы произошло укрепление социологического ядра кафедры (защитили докторские диссертации А. П. Багирова, Л. Н. Банникова, С. Ю. Вишневский, К. М. Ольховиков, вернулась на кафедру – уже доктором социологических наук – Е. Н. Заборова, перешли на кафедру Г. Е. Зборовский и Е. А. Шуклина). Не обошлось без потерь – самая невосполнимая – Валера.

«Профильные» изменения последних лет привели к сокращению кафедры почти вдвое. Но и сегодня – по остепененности – она одна из первых в УрФУ (84 %). Сейчас мы боремся против дальнейшей «профилизации» и деления кафедры по профилям – «государственное и муниципальное управление», «менеджмент», «социология». Самое драматичное в этой ситуации – даже не возможность утраты годами накопленного опыта профессиональной подготовки, а то как «разделить» преподавателей, часто ведущих дисциплины по двум и трем профилям?

Так или иначе, но говорят о существовании Уральской (Сибирской) социологической школы. Ты согласен с подобным утверждением? В чем ты вообще усматриваешь признаки социологической школы и в чем специфика Уральской (Сибирской)?

За Сибирскую мне сказать сложно. А в существовании Уральской – не только уверен, но и – как вице-президент Российского общества социологов по Уралу – в последние годы делал многое, чтобы она сохранялась и развивалась. И дело даже не только в том, что в 2016 г. будет 40-летие Уральских социологических чтений, ставших за эти годы самостоятельным научным феноменом. Мы – ученики Когана, Файнбурга и Аитова (особо отмечу Г. Е. Зборовского, В. Т. Шапко, С. Г. Зырянова, М. А. Слюсарянского, Ф. С. Файзуллина и многих-многих других) не допустили, чтобы «прервалась связь времен» даже в лихие 1990-е гг. Возникло своеобразное территориальное сообщество. И даже потери (в 2009 г. ушел из жизни Валера; совсем недавно не стало Марка Абрамовича Слюсарянского) воспринимались как общее горе. Нашу дружбу и научное сотрудничество не смогло разрушить даже решение о создании федеральных округов, когда Башкирия, Удмуртия и Пермский край

оказались «вне» Урала. В этом решении был и один позитивный момент – в Уральский федеральный округ вошла Тюменская область и две автономные области, тюменские социологи успешно влились в наше сообщество и уже дважды Уральские социологические чтения проходили в Тюмени (благодаря усилиям В. В. Гаврилюк, Г. Ф. Куцева, К. Г. Барбаковой и многих других наших тюменских коллег и друзей). Существование уральской социологической школы не исключает, а – напротив, предполагает формирование и развитие самостоятельных территориальных социологических центров. И все мы активно участвуем в Когановских, Файнбургских, Аитовских чтениях, в Тюменском социологическом форуме, в различных научных конференциях в городах «Большого Урала».

Долгое время важной особенностью уральской социологической школы было солидное представительство заводской социологии. Сегодня в силу разных причин уральские социологи в основном сосредоточены в вузах. Хотя и в этом есть плюс – в каждом из наших регионов активно развернулась подготовка социологов. В итоге неплохо идет воспроизводство нашего сообщества за счет молодых социологов-профессионалов. Да и на наших чтениях и конференциях проблемы и перспективы преподавания социологии все чаще занимают достойное место. К 25-летию Уральских социологических чтений мы подготовили монографию, обобщающую их материалы за эти годы. Сейчас вместе с Гарольдом Зборовским мы готовим новую монографию, дополнив ее материалами за последние 15 лет. И еще два характерных примера. К юбилею возрождения социологии в России в «Социсе» была помещена наша статья об уральской социологической школе. А в своем учебнике по истории социологии Г. Е. Зборовский (я уже отмечал его среди наиболее интересных отечественных учебников) выделил специальную главу об истории социологии на Урале.

В моей лестнице социологических поколений ты, я, наши ровесники принадлежим к 3-ей профессиональной когорте, твои студенты – в основном, к младшей части 7-ой (это те, кто родился в интервале от 1983-1994 гг.), но, возможно, среди первокурсников есть и родившиеся в 1995-1996 годах. Они – уже из 8-го поколения российских социологов. В 2058 году исполнится 100 лет современной российской социологии, кто-из твоих сегодняшних студентов будет на Конгрессе, посвященном этой дате, будут вспоминать своих учителей, безусловно, – тебя. Как ты думаешь, какое наследие мы, представители старших поколений, оставляем будущим социологам?

Как я уже отмечал, наша кафедра не готовит профессиональных социологов, но мы выполняем не менее важную (а в чем-то и более сложную) функцию – преподаем социологию технарям, управленцам, экономистам. И тут – повторю – стремимся не только доказать, что социология – наука, но и обосновать значимость ее для их жизненной и профессиональной карьеры. Вряд ли наши сегодняшние выпускники вспомнят в 2058 г., кто такие Спенсер или Тард? Что такое ролевое поведение или самоидентификация? Но если им удастся использовать в различных жизненных или

производственных ситуациях навыки социологического анализа, то мы будем счастливы от сознания хорошо выполненного профессионального долга.

Спасибо, Юра, за сотрудничество, терпение к моим: «что» и «почему». Но меня одно успокаивает: для общего дела (так окончилась первая беседа [См.: 2].

Быстро – если смотреть в прошлое – пролетели четыре года, и мы с Юрием Рудольфовичем решили продолжить наш разговор «за жизнь». Мы подумали, что надо поговорить о том, что произошло за это время, и по-новому посмотреть на сделанное за годы работы. И накануне Нового года я отправил ему первый вопрос...

Юра, мы закончили нашу первую биографическую беседу через Океан в первой половине января 2014 года. Время пролетело очень быстро. То интервью состоялось вскоре после твоего 75-летия, это начинаем – в преддверии круглого, 80-летнего юбилея. Конечно, я задам тебе вопросы о сделанном за годы, десятилетия, но и эту нашу беседу я рассматриваю как «рабочую», даже – «будничную». Так-то оно проще... Прежде всего, пожалуйста, просканируй мысленно или загляни в дневник, если нечто вроде этого ведешь, и обозначь сделанное за минувшие четыре года. Какие исследования проведены или проводятся, что удалось опубликовать или подготовить к печати, какие новые курсы ты ведешь? Может, кто из аспирантов закончил и защитил диссертация? Удалось ли поучаствовать в интересных социологических форумах?

Вопрос позволяет, как бы оценить и сделанное, и недоделанное, и не сделанное за время между двумя юбилеями.

Начну – в порядке критической самооценки – с последнего. Не удалось завершить задуманную еще вместе с Валерием Шапко (далее – Валера, привык, иначе не могу; боже, после его ухода прошло уже почти девять лет) монографию о социальной инерции, хотя проведенные за эти годы исследования позволили накопить немало и теоретического, и практического материала по этой проблеме, остающейся в тени и отечественных, и зарубежных социологов. Между тем, сегодня – в период грандиозных перемен и социальных трансформаций – инерционность многих социальных процессов (даже в близких мне сферах межпоколенческих отношений или динамики ценностных ориентаций молодежи) сохраняется и порой вопреки стереотипам усиливается. Сожалею и о том, что не смог довести до защиты очень близких мне людей, без чьей помощи я бы не смог столько лет (почти 35!!!) руководить кафедрой и заниматься творческой научной работой, докторской диссертации – Людмилу Николаевну Боронину, кандидатской – Ольгу Рудольфовну Белову, Тамару Борисовну Багирову. Не удалось за эти годы реализовать свои ностальгические чувства в отношении Одессы (я «одессит», Боря, а это значит...) и Ярославля. Все реже бываю в Питере и Нижнем Тагиле.

Из недоделанного – это, прежде всего, продолжение монографии о зарубежной социологии образования, которую я посвятил памяти Валеры и хотел довести до серьезной книги из нашей с ним статьи (одной из последних совместных работ). Что помешало? С одной стороны, огромная текущая работа, о которой – ниже. С другой,

– излишняя научная скрупулезность. Я собрал столько материалов, что, если позволит здоровье и будут силы, хватит тома на три. К тому же работа идет медленно, поскольку классиков социологии (и социологии образования) у нас еще переводили, а литература 1900-1960-х гг. по этим проблемам требует серьезных усилий – в том числе и по ее переводу.

Но и сделано немало. Самое главное – удалось провести VII этап мониторинга социокультурного развития студенчества Среднего Урала и подготовить обобщенную монографию (56 п. л. – 904 с.), охватывающую весь период (21 год – 1995-2016 гг.) этого уникального исследования, ставшего наиболее ярким событием моей научной жизни. В электронном варианте монография уже есть на сайте УрФУ и сайте РОС. Надеюсь, что к юбилею будет и печатный вариант.

Не менее значимо и то, что нам с Гарольдом Ефимовичем (и другими коллегами) удалось сохранить традицию Уральских социологических чтений. За эти годы прошли XIX и XX чтения. К юбилею, мы с Гарольдом издали книгу, обобщающую историю чтений за 40 (!) лет (ведь первые были в 1976 году). И весьма примечательно, что мои коллеги решили совместить XXI чтения с моим юбилеем.

На эти же годы пришелся и третий этап (2005 – 2010 – 2015) федерального мониторинга «Студенчество России о Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», явившегося новой формой исследования – осуществленного во взаимодействии региональных отделений Российского общества социологов. Итоги трех этапов были обобщены в коллективной монографии «Война была позавчера». По сходной технологии к V Всероссийскому конгрессу социологов было проведено федеральное исследование «Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости».

Наконец, за эти годы удалось провести целую серию исследований по проблемам молодежи и студенчества Свердловской области (социальное самочувствие, гражданская культура, безопасность, проблемы социальной идентичности, валеологическая культура и отношение к занятиям физической культурой и спортом). На их основе были подготовлены (2014, 2015, 2016 гг.) научные основы доклада Правительства Свердловской области о положении молодежи.

В рамках исследований последних лет у меня сложилось творческое содружество с Дмитрием Юрьевичем Нарховым. Оно, наверно, не вышло на уровень нашего содружества с Валерой, но качественные сдвиги налицо. За последнее время появилось несколько серьезных исследований по молодежной проблематике, в работе над которыми наше содружество окрепло.

За эти годы под моим руководством были подготовлены и защищены одна докторская и четыре кандидатские диссертации. Докторская (ее защитила Яна Викторовна Дидковская) – была результатом нашей многолетней совместной работы (начиная с кандидатской, защищенной под моим руководством) по проблемам профессионального самоопределения и профессиональной карьеры. Сложнее было с кандидатскими: как завкафедрой, мне пришлось руководить работами тех, кто не

имел базового социологического образования. Мы его тоже не имели в свое время. Но времена-то существенно изменились и требования к диссертациям тоже. Ничего не могу сказать плохого о диссертантах, особенно выделю две работы по проблемам патриотизма. Одну из них защитил зам. начальника нашего военного факультета, человек, отдавший годы и вложивший немало душевных сил в воспитание будущих офицеров-выпускников УрФУ; другую – офицер Нацгвардии, прошедший две чеченских войны, настоящий патриот. Оба – проявили присущую офицерам организованность, работоспособность и добросовестность. Но доводить их самостоятельные исследования до кондиции было очень сложно.

Если обратиться к кафедре, то негативное воздействие на нее процессов «оптимизации» высшего образования продолжилось. Особенно оно затронуло преподавание социологии бакалаврам-технарям. В итоге за пять лет штат кафедры сократился втрое. Эти процессы сказались и на моем личном статусе – после почти 35 лет заведования я стал просто профессором. Надеюсь, что Мария Владимировна Певная (ее научным руководителем по кандидатской был я, а консультантом по докторской – Гарольд Зборовский), несмотря на постоянное ухудшение и усложнение внешней среды, сможет достойно сохранить научные и человеческие традиции кафедры.

Не обошелся этот период и без потерь. На общероссийском уровне особенно печальным был уход Владимира Александровича Ядова. Из многочисленных встреч с ним особенно памятным для меня был совместный полет из Харькова в Москву, после II Конгресса Украинской социологической ассоциации (октябрь 2013, Харьков). Украинские коллеги попросили меня сопровождать его до Москвы. Глубина и духовное богатство этого человека не могли не потрясать¹.

Тяжело представить, что нет среди нас и Галины Борисовны Кораблевой. Она многие годы работала у меня на кафедре, а затем, защитив докторскую, возглавила кафедру в УрГУ, и мы с ней продолжали сотрудничать.

Еще одна невосполнимая утрата – Герман Викторович Мокроносов, человек, бывший для всех нас образцом творческого научного многолетия.

Случились потери и в «командах молодости нашей» – и в благовещенской (не стало Славика Поддубного и Виталия, мужа Ларисы, в гостеприимном доме которых мы ежегодно встречались последние 14 лет), и в тагильской (ушла лучшая подруга Нины, да и моя – Люся Верник).

Юра, ты мне написал, что наше интервью может войти в сборник к твоему юбилею «Не расстанусь с молодежью, буду...». Как ты думаешь, откуда в тебе такая верность, преданность изучению молодежной тематики? Однако, не вызывает сомнений «вечность» этой проблематики... но как эту вечность ухватить? Пожа-

---

¹ Уже после нашей беседы нашел твою замечательную статью о В. А. Ядове. Твои слова – «пора понять и сказать, что всем нам повезло быть современниками, коллегами, учениками человека, осознавшего свое предназначение и нашедшего свое счастье в том, что он смог полностью исполнить его» [4, с. 40], – удивительно созвучны моему настроению. И еще одно важное дополнение – эпитафией к «Социологии молодежи» мы с Валерой взяли мудрые слова В. А. Ядова: «До недавнего времени на молодежь смотрели как на какую-то заготовку будущих граждан. Надо во многом переосмотреть мировоззрение, идеологию молодежной социологии»

луйста, обозначь важнейшие и самые «длинные» тренды в развитии молодежи? Или перестройка сломала все намечавшиеся тенденции? К сожалению, я не наблюдаю молодых, но то, что я читаю, не радует. Не работают многие социалистические «социальные лифты» и не появились новые. Нет технической модернизации, во многом вышел пар из Сколково (и аналогичных задумок)... как быть молодым?

Начну с «преданности»... Возникла она исторически. Все-таки базовое образование у меня – педагогическое. Работал и работаю я педагогом (от сельской школы – через школу рабочей молодежи /ШРМ/ – к вузу). Сформировавшаяся с годами воспитательная ориентация не могла не сказаться и на научной деятельности. К тому же в социологию я пришел (точнее – откликнулся на призыв Леонида Михайловича Архангельского, замечательного этика, не очень понимавшего, как и большинство советских «социологов» начала 1960-х гг., что такое социология, но уверенного в ее перспективах), работая – после срочной службы в армии – учителем ШРМ в Нижнем Тагиле.

Первое мое «социологическое» исследование – опрос учащихся («Нас 111, мы работаем и учимся»). Одна из первых публикаций – в известном сборнике «Жизненные планы молодежи» (любовно называвшемся нами «ЖПМ»). Кстати, аналогичным был и путь «из учителей ШРМ в социологи» Владимира Самойловича Цукермана, одного из самых остроумнейших (и глубоких, не поверхностных) учеников Льва Наумовича Когана. Примечательно, что с ним мы познакомились на Педагогических чтениях, которые проводились ежегодно и были призваны поощрять и поддерживать научную деятельность учительства. А дальше – кандидатская, посвященная культурному уровню рабочей молодежи (интерес к культуре – от Когана, а к рабочей молодежи – от Нижнего Тагила, славного НТМК и Уралвагонзаводом, ну и, конечно, от приоритетных тогда представлений о социальной структуре общества).

Был еще один момент – организационно-идеологический, который нельзя не отметить. Социологические исследования молодежи курировал ЦК ВЛКСМ, координирующим центром выступала Высшая комсомольская школа (позднее – Институт молодежи, сегодня это – Московский гуманитарный университет). И эта поддержка была ощутимой – и на уровне организации исследований, и на регулярном проведении конференций, и на публикациях (целый ряд моих материалов были опубликованы в книгах, изданных издательством «Молодая гвардия»). Сотрудничество с И. Ильинским, Б. Ручкиным, П. Бабочкиным, А. Ковалевой было весьма плодотворным. Тесно сотрудничали мы и с другими социологами-юнологами – В. Лисовским, А. Козловым, В. Чупровым. А тут еще (воспользуюсь твоим поколенческим подходом) в социологии молодежи все активнее (и оригинальнее, инновационнее) стал звучать голос уже следующего поколения – из которых особенно выделяю (да, не обидятся на меня те, кого упустил) – Ю. Зубок, Е. Омельченко, Вал. А. и Вл. А. Луковых, Т. Ростовскую, Н. Смакотину и т.д. Словом, может быть, это мое субъективное мнение, но на переломе веков отечественная социология молодежи избежала какого-то спада.

Особенно интенсивными стали мои молодежные исследования с приходом в НТГПИ Валерия Трофимовича Шапко. На основе обобщения и теоретического осмысления их результатов появилась одна из первых в России книг по отраслевой социологии молодежи [3], позднее неоднократно переизданная и дополненная.

А в «лихие» 1990-е, да и в более «спокойные» 2000-е сосредоточенность на исследованиях молодежи (в основном студенческой) стала для нас – вузовских социологов – наиболее удобным и доступным делом.

Что же касается трендов, то тут стоит обратиться к нашему заключению в уже упомянутой монографии «Студент – 1995-2016 гг.». Завершая итоги исследования за 21 год (почти «шаг поколения»), мы отметили: «Социолог должен быть готов... к неожиданным результатам своих исследований. Самым неожиданным из результатов мониторинга было то, что задача «показать динамику социокультурного развития уральского студенчества» по многим параметрам оказалась невыполнимой: слишком часто ответы студентов на разных этапах мониторинга различались... в пределах статистической погрешности, а то и были очень близки. Что за этим? С одной стороны, возможно, сказываются методические недостатки мониторинга и его инструментария, состоящего преимущественно из «закрытых вопросов». Ведь известно мнение Р. Коллинза о «консервации» социологической информации в закрытых вопросах. С другой стороны, не исключено и проявление социальной инерции, парадоксальности общественного сознания (по Ж. Т. Тощенко). Выяснилось, что за исключением всплеска протестной активности уральских студентов на рубеже 2011 – 2012 гг., их нравственно-политические ориентации и установки преимущественно отличаются безразличием, индифферентностью.

В 2016 году в Екатеринбурге состоялся Конгресс российских социологов, благодаря Оргкомитету, вашей кафедре, усилиями профессора Гарольда Зборовского, я участвовал в нем. Работал в ряде секций, представлял свои последние результаты. Какое твое общее впечатление от прошедшего форума? В частности, что новое тебе запомнилось в области изучения молодежи?

Начну с того, что Конгресс стал дальнейшей реализацией идеи нашего (РОС) Президента Валерия Андреевича Мансурова (попутно отмечая, как РОСу повезло с Президентом, да и его окружением – не говоря уже о нас с Гарольдом, выделю двух прекрасных Елен – Пронину и Икингрин), что богатство российской социологической мысли прирастать будет провинцией. После первого (в Питере) и двух последующих (в Москве, считаю только РОСовские конгрессы) в 2012 г. в Уфе – столице славного Башкортостана – успешно прошел IV конгресс. Именно на нем по нашему с Гарольдом предложению (оно было поддержано и ректором УрФУ, и Губернатором и Правительством Свердловской области, и Администрацией Екатеринбурга) было решено следующий конгресс проводить в Екатеринбурге. Но к 2016 г. экономическая и финансовая ситуация заметно ухудшились. В итоге многие (в том числе и Министерство образования и науки РФ) в обещанной поддержке отказали, а возможности УрФУ оказались весьма ограниченными. И все-таки – несмотря на эти

трудности, Конгресс прошел достойно (и это мнение не только наше, его организаторов, но и многих участников). Особенно это относится к его содержательной части – от глубоких, острых, оригинальных пленарных докладов (М. К. Горшков, Г. Е. Зборовский, Ж. Т. Тощенко, В. А. Мансуров и М. Ф. Черныш) – до активного обсуждения проблем социального неравенства и социальной справедливости в сообщениях и стендовых презентациях на почти 40 секциях и в рамках заседаний более 30 круглых столов. О масштабах Конгресса говорит один факт – публикация его материалов содержит 10696 стр. Не скрою, что презентация 9 томов твоих историко-биографических изысканий явилась заметным вкладом в работу Конгресса.

Для меня лично, как зампреда Оргкомитета конгресса, самым знаменательным было уже то, что конгресс успешно прошел. Не менее значимым было открытие – в ходе конгресса – аудитории и музея Льва Наумовича Когана в нашем университете (особо отмечу самоотверженность и усилия Наташи Маликовой).

На Конгрессе (это стало уже важной традицией) работала Школа молодых социологов, и я активно участвовал в ее работе, прочитав лекции о социологии молодежи.

Но – и до конгресса, и во время его, да и весь последующий год все сильнее проявляется озабоченность социологического сообщества по поводу перспектив социологического образования (особенно – для студентов непрофильных специальностей и направлений). Характерен такой момент – на рубеже веков наша кафедра включала 9 ставок для преподавания социологии будущим инженерам, экономистам и менеджерам, сегодня их число сократилось в 6 раз (до 1,5 ставок). И хотя уже более года я не заведу кафедрой, эстафету успешно подхватила молодой доктор наук Мария Владимировна Певная, меня такой негативный тренд не может не волновать.

Мне часто приходится читать пессимистические оценки социологов, политологов, журналистов о перспективах, ожидающих молодежь. Один из главных выводов – Россия мощно отстает от передовых стран в модернизации всех аспектов жизни, потому молодежь в основном вынуждена будет воспроизводить образ жизни старших, на что далеко не все согласны. Что ты думаешь по этому поводу? Какие новые, светлые перспективы ты усматриваешь?

Как у социолога молодежи, успевшего изрядно постареть, изучая социальные проблемы молодежи, ответ на твой вопрос будет неоднозначным. Прежде всего, вернусь к нашей с Валерой «Социологии молодежи» 1995 г. Эта же мысль, что знаменательно, была повторена нами и в 2006 г., при подготовке второго издания. Кстати, в 2011 и 2013 гг. при переиздании в новой редакции мы, уже с Димой Нарховым, вновь вернулись к этой идее. Идее достаточно тривиальной, но очень глубокой – молодые – не хуже и не лучше старшего поколения, они – другие. Именно поэтому утверждения «какая плохая нынче пошла молодежь» уже тысячи лет, а жизнь... продолжается. К тому же критикам молодежи я хотел бы задать вопрос: А откуда у молодежи критикуемые вами недостатки? Как вы относитесь к проблеме взаимодействия личности и социальной среды, рассматриваемой – при всем разнообразии под-

ходов – с акцентом на взаимодействие? И более конкретно – не люди ли старших поколений (своими действиями или бездействием) осуществляли коренные изменения (типа Великой Октябрьской революции или развала СССР), определявшие в последующем условия и образ жизни новых поколений?

Сегодня, когда на головы молодых обрушивается вал искаженной информации обо многих исторических событиях прошлого, хотелось бы новоявленным сторонникам тезиса «история есть политика, опрокинутая в прошлое» (кстати, этот тезис приписывался М. Н. Покровскому, но противоречил его реальным историческим взглядам) напомнить, что история не имеет сослагательного наклонения. И если история во многом определяет мировоззрение современной молодежи, то именно старшие поколения ответственны и за то, как они творят историю, и за то в какой интерпретации эта сотворенная ими история доходит до молодых.

Теперь о вынужденном воспроизводстве образа жизни старших поколений. Я исхожу из противоречивого характера традиций. Далеко не все традиции старших поколений, от которых сегодня нередко отказываются молодые, были негативными. Возможно, было бы здорово, если бы и сегодня молодым людям было бы присуще уважение к труду, к человеку труда, если бы и ныне молодые семьи не были малодетными, бездетными. Но для социолога «если бы» не должно существовать. Серьезные изменения в сфере труда и в брачно-семейных отношениях не появились сами собой.

К тому же мы должны глубже анализировать и сами изменения, и определяющие их факторы. Вновь о личном. Недавно мы с женой отметили бриллиантовую свадьбу (60 лет), легко посчитать что жениху (то бишь мне) на момент свадьбы не было и 20 лет. Наши дети и особенно наши внуки создали семьи в гораздо более старшем возрасте. Так, на примере нашей семьи проявляется тренд – повышение возраста вступления в брак.

Не избежали следующие поколения нашей семьи и такого феномена, как гражданский брак (термин в научном смысле неверный – брак между гражданами регистрируется, но все понимают, о чем идет речь; и мы в анкетах, соединяя научное и обыденное, ввели отдельную позицию – «состою в гражданском, незарегистрированном браке»).

Порой происходит и забегание вперед (только-только отошли от устремления в «светлое будущее», как уже появились программы 2020, 2030 и т.д.). Очевидно, определенное забегание присуще и нашим взглядам об информационном будущем, «обществе знания» и т.д. Характерно, что у нас актуализировалась проблема «реиндустриализации» (судя по американской литературе, она актуальна и для США). Но это означает необходимость готовить специалистов не только для 5-7 укладов, но и для 2-4. Впрочем, в свое время мы уже сталкивались с аналогичным перекосом на примере автоматизации и роботизации.

Наконец, подчеркну, что мое мнение о перспективах для молодежи не столь пессимистично. Главное изменить основную парадигму образования: от «научить чему-то» – к «научить учиться».

Нужно социологически четче, точнее определять эти перспективы. Возможно, преобладающее критическое отношение к молодежи связано с непониманием взрослыми (вернее – нежеланием принимать) того, о чем писала М. Мид еще в 1930-х гг. – о предстоящем в перспективе утверждении наряду с постфигуративной культурой (когда молодые учатся у взрослых) и кофигуративной культурой (когда молодые преимущественно учатся у сверстников) культуры префигуративной (когда и взрослые должны быть готовыми многому учиться у молодых).

К тому же выясняется и еще один любопытный момент. Наше исследование профессиональных ориентаций студенчества выявило нарастание депрофессионализации в отношении и мотивов выбора будущей профессии и вуза, и жизненных планов после окончания вуза. Но повременим с критикой студентов, ограниченности их профессиональных ориентаций. Ведь научная группа Г. Е. Зборовского показала смену линейных стратегий системы высшего образования (и соответственно, студенчества как важнейшей образовательной общности) нелинейными. Мы включили в Заключение слова активного исследователя его группы – П. А. Амбаровской: «Линейная образовательная и профессиональная траектория означает закономерное движение студента по пути овладения профессиональными компетенциями к получению права и возможности их использовать для получения заработка. Однако в условиях социальной неопределенности, когда закономерные связи между уровнями системы образования (школой и вузом), между системой высшего образования и рынком труда нарушены, линейные закономерности, которым подчинено поведение студента, не приводят к запланированному результату. Парадоксально неверным оказывается выбор профессии и профиля подготовки, парадоксально неправильным оказывается выбор самого вуза, странным и неожиданным становится момент трудоустройства выпускника (если он вообще случается, а не оказывается отложенным на неопределенное время). Таким образом, в условиях социальной неопределенности правильный выбор образовательной траектории становится неверным, потому что не приводит к ожидаемому результату. Такая трансформация верного/неверного, правильного/неправильного выбора может произойти вследствие изменения интереса к той или иной профессии, появления привлекательных открытых ниш на рынке труда, новых видов занятости, не требующих строго определенных профессиональных компетенций». Соответственно и мы скорректировали наш вывод: «Уже и в настоящей монографии мы стремились воздерживаться от резких оценочных выводов в отношении мотивов и мнений наших респондентов. Сегодня, однако, оказывается, что и наши «мягкие» пожелания, что профессиональный выбор должен быть более «профессиональным», могут стать примером «принципа Черномырдина»: «хотели как лучше...».

Юра, ты многие годы занимался анализом проблем культуры, в этой нише делал свое кандидатское исследование. В последние годы ты или твои ученики рассматривают на эту проблематику? Если «да», что тебе удалось сделать по этой тематике?

Ты чутко уловил обе мои научные привязанности – молодежь и культура. Была, правда, еще одна – из моего «досоциологического» «исторического» прошлого – коллективизация Амурской области. Изучая ее, я выработал у себя многие полезные для занятий наукой качества – стремление к объективности и понимание разнообразия общества и его исторического развития. Кстати, кандидатская (о культурном уровне рабочей молодежи) объединила мои «социологические привязанности». В дальнейшем, не без огромного (не подавляющего, а стимулирующего) влияния Льва Наумовича Когана акцент на исследовании культуры (проблематики сущности культуры, роли культурной среды, единства и разнообразия культуры – культура и культуры) – особенно в 1970-1980-е гг. – стал для меня определяющим. Сказалось и активное взаимодействие с сектором культуры Уральского научного центра АН СССР, которым руководил Коган (о развитии академической социологии на Урале сегодня много пишет Б. С. Павлов). Из достижений уральской (когановской) школы социологов культуры, к которой я себя по праву отношу, выделяю:

- самореализационную теорию культуры, истоками восходящую к идеям молодого Маркса о сущностных силах человека. Соответственно, и культура рассматривалась как мера реализации сущностных сил. В работах Л. Н. Когана 1980-1990-х гг. (особенно в его «Социологии культуры» и «Теории культуры») эта теория была всесторонне методологически обоснована, и мы – его ученики – в меру своих сил ее развивали и конкретизировали;

- на этой основе было углублено понимание творчества – наряду с процессами творчества и его результатами, особое внимание уделялось развитию личности в процессе творчества, культурная деятельность предстала – даже на уровне освоения произведений культуры – как сотворчество;

- процессуальный подход к культуре, позволивший выявить и исследовать ее функциональные элементы: производство – сохранение – распространение – потребление. В рамках последних двух элементов особое внимание уделялось деятельности учреждений культуры и их аудитории (клубы и клубная аудитория, телевидение, кинотеатры, театры и телезрители, кинозрители, театральная аудитория, музеи и посетители музеев). Особенно значимым был глубокий анализ потребления как неотъемлемого компонента культуры (что сочеталось, с одной стороны, с критикой вещизма, потребительства, а с другой, – с характеристикой сложности проблемы выбора, что актуально и для наших дней);

- развитие идеи Ф. Тенбрука о «репрезентативной культуре» и обоснование теории «актуальной культуры» (эта идея Когана получила дальнейшее развитие в работах и докторской диссертации Валеры);

– конкретизация общей теории культуры применительно к отдельным ее видам, в том числе и менее изученным в тот период (политическая, правовая, экономическая, экологическая и т.д. культуры);

– акцент на роль культуры в жизни общества и выход на социокультурный подход, который сегодня становится (развивая традиции М. Вебера и П. Сорокина) ведущим в социологии.

Актуальность отмеченных идей и подходов получила в прошлом году конкретное подтверждение. Наш пермский друг и коллега, достойнейший продолжатель дела З. И. Файнбурга и М. А. Слюсарянского – Василий Николаевич Стегний – предложил мне поучаствовать в подготовке коллективной монографии «Культура в информационно-инновационном обществе». Мои статьи с Л. Н. Коганом (о культуре как общественном явлении – из нашего «полосатика» 1972 г.), с В. Т. Шапко (о культурном наследии Л. Н. Когана) и со старшим сыном, доктором социологических наук С. Ю. Вишневым (о теории актуальной культуры Л. Н. Когана и В. Т. Шапко), мои воспоминания о дискуссии по проблемам культуры 1960-1970-х годов не только составили историческое введение к этой монографии, но и обозначили «связь времен» с современными культурологическими, социокультурными исследованиями.

Стремлением сохранить и усилить эту «связь времен» и определяется мой выбор названия сборника, где лишь «в духе современности» привычное «комсомол» заменено на более общее «молодежь».

Юра, естественно, на подходе к 80-летию тебя потянуло в эпоху Благовещенска, Амура... давай споем вместе: «По долинам и по взгорьям...» и затронем одну из тем извечного разговора: «а вот, в наше время...». Ты знаешь, что я уже много лет провожу биографические интервью с российскими коллегами. К настоящему времени проведено свыше 170 таких бесед, думаю, что будет около 180, но – сразу скажу – двух сотен не будет, вскоре завершаю этот процесс. Конечно, начинал я с интервью с представителями старших поколений, нашу когорту я тогда относил к средним. Сейчас в поле моего зрения и анализа – семь поколений, младшие это те, кто родился в интервале 1983-1994 годы. Старшим из них – 30 лет, младшим – нет и 25 лет, они входили уже не в советскую, а российскую социологию. У меня есть возможность сравнивать, как работало 40-50-летним социологам в 60-70-е годы, в предперестроечное время и, скажем, сейчас. Я имею ввиду многие аспекты: влияние властей и идеологическую атмосферу, проблематику и предмет исследований, концептуальный, теоретический аппарат, арсенал методов, связи с иностранными коллегами и прочее. Ты давно – в социологии, знаешь социологический мир Москвы и Петербурга, своего региона, давно и активно работаешь в РОС, участвовал в организации и работе Конгрессов. Ты можешь как эксперт обрисовать, насколько за годы твоей работы, твоих наблюдений изменилась наша социология и наше социологическое сообщество? Ведь все было не так, как сейчас...

Использую ответ на твой вопрос, чтобы подчеркнуть значимость обоснованного и успешно реализованного в твоих интервью биографического метода как инструментария истории социологии (советской и российской). Что же касается моего

экспертного мнения, то в данном отношении я не самый лучший эксперт, так как все эти годы преимущественно занимался преподаванием социологии не социологам (будущим инженерам, управленцам и т.д.), а в научном плане – исследованием проблематики не общей социологии, а отраслевых социологий – социологии молодежи, социологии образования, социологии культуры. Но и с молодыми социологами приходилось часто встречаться и общаться на конференциях, чтениях и т.д., читать их публикации, участвовать в обсуждении их диссертаций (как член диссертационного совета или оппонент). Таким образом, мое мнение не нужно абсолютизировать (впрочем, это замечание излишне, поскольку объективность твоего подхода – его важнейшее преимущество).

Итак, основные плюсы молодых социологов – настоящее систематическое социологическое образование (у нас оно в основном шло через самообразование и было часто эклектичным), знакомство с зарубежной классической и современной литературой (что связано и с более лучшей – если говорить в целом – языковой подготовкой, и с заметным расширением масштабов переводов социологической литературы, хотя значительный «временной лаг» сохраняется, да и масштабы эти в последнее время сокращаются). В целом сказывается общий тренд – отечественная социология успешно вписывается в мировое социологическое пространство, преодолевая стереотипы «двух социологий» (наша, марксистская, «подлинно научная» и не «наша»). Особенно заметен высокий уровень подготовки социологической молодежи в освоении информационных технологий, качественных методов, электронной обработке данных.

Не обошлось и без издержек. Преодоление ограниченности марксистской методологии превратилось по факту – к полному отказу от нее. Восторжествовавший принцип «полипарадигмальности» привел к широко проявляющейся недооценке значимости теоретической, методологической основы любого исследования. Это привело к новому (достаточно широко распространившемуся) рецидиву «эмпиризма». К тому же нужно учитывать и несомненное снижение на рубеже веков престижа профессии социолога (в сравнении с достаточно близкой профессией психолога). Да и в рамках «оптимизации» высшего образования резко сокращается социологическая подготовка инженеров, медиков, педагогов, что негативно сказывается и на подготовке социологов (ведь преподавание социологии было основным видом их профессиональной деятельности после окончания вуза).

Впрочем, не хотелось бы заканчивать наш разговор на такой негативной ноте. Можно предположить, что Россия сегодня вновь стоит перед выбором своих исторических перспектив. А это означает, что ситуация «мы плохо знаем общество, в котором живем», выявленная Ю. В. Андроповым и во многом определившая последующие социальные трансформации, все сильнее будет ощущаться социумом как нетерпимая. Тем самым, нас ожидает новый «социологический ренессанс». И потребность в квалифицированных социологических кадрах возрастет. Чисто субъективно, хоте-

лось бы заставить его и передать последующим поколениям социологов свои знания и умения, свой опыт.

С годами я все чаще вспоминаю несколько предвоенных лет, время войны и первые годы после Победы. И, конечно же, эти мысли, воспоминания пропитаны светлой памятью о семье, родителях, местах, в которых я жил... все это неотступно, все во мне, и все – навсегда... немного я коснулся этой темы в самом начале нашего разговора, и сейчас, перечитывая эти страницы, хочется повторить все, расширить, добавить теплоты... но тогда, боюсь, нам с тобой придется говорить очень долго. Ограничусь совсем кратким заключением: «Сказанное – это мысленное послание моим родителям. Им интересно знать, как я жил. И им судить...».

Библиографические ссылки

1. Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е доп. изд. / ред.-конс. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. – Москва: ЦСПиМ, 2014-2017. – 1687 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socioprognoz.ru/index.php?page_id=207.
2. Вишневский Ю. Р. Нам была присуща надежда: если «правильно» объяснить мир, его легче будет «изменить» (интервью с Б.З. Докторовым) // Известия высших учебных заведений. Социология, экономика, политика. – 2015. – № 1 (44). – С. 7-14.
3. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: учеб. пособие. – Екатеринбург, Н. Тагил, 2006. – 430 с. (первое издание – 1995. – 311 с.)
4. Докторов Б. З. Владимир Александрович Ядов. Два начала // *Primo aspectu*. – 2016. – № 1 (25). – С. 30-42.

СОЦИОЛОГ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Статья посвящена творчеству известного российского социолога Ю. Р. Вишневого. Раскрываются ключевые идеи его работ, особенности его общепризнанного таланта, грани его творческой личности.

Ключевые слова: Ю. Р. Вишневский, социология, социология молодежи, исследование.

G. Zborovskiy

A SOCIOLOGIST AS A SUBJECT OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

Abstract. The article is devoted to the work of the famous Russian sociologist. It reveals the key ideas of his works, the features of his generally recognized talent, the facets of his creative personality.

Keywords: Y. R. Vishnevsky, sociology, sociology of youth, research.

Сегодня 14 декабря 2017 г., очередная годовщина выступления декабристов на Сенатской площади и день рождения моей внучки. Хотелось бы тоже выступить на какой-нибудь площади и сказать что-нибудь какому-нибудь царю. Но тогда внучка точно не увидит своего деда. Стоит ли лишать ее такой возможности? И стоит ли царь такой жертвы? Говоря социологическим и даже философским языком (но точно не свиным и не говяжьим), быть или не быть? В этом, действительно, есть вопрос. Пока я на него отвечаю – быть.

Предлагаемое начало статьи вызвано не только датой и аллюзиями, связанными с ней, но и окружающей средой моего нахождения в момент обдумывания статьи и написания ее начала. А нахожусь я на заседании диссертационного совета по социологии. Вокруг меня – члены совета, которые по идее должны представлять профессиональное сообщество социологов или, как мне больше нравится говорить, поскольку я сторонник общностного подхода, их профессиональную общность. Все ли члены совета в реальности ее представляют – это особый и большой вопрос, выходящий за пределы моей задачи в данной статье. Но один из них представляет точно. Это сидящий прямо передо мной за столом президиума профессор Юрий Рудольфович Вишневский.

Скажу сразу – в этой статье, в центр которой я его помещаю и рассматриваю в качестве предмета социологического исследования, я вначале отсекаю все личное, что меня связывает с ним на протяжении более полувека нашего знакомства, товарищества, совместной деятельности, наконец, дружбы. Страшно подумать, не только сказать – полувека. Но глаза и мозги боятся, а язык в соединении с компьютерной клавиатурой – нисколько, и спокойно делает свое дело, т.е. пишет о ВЮР (как сокращенно его называют между собой и на бумаге некоторые кафедры, что я однажды подсмотрел и подслушал). Что же я отсекаю? Совсем не то, что многие подумали. Но если они так подумали, пусть им будет хуже. А нам – всем остальным – луч-

ше. Потому что мы подумали о необходимости отсечь излишние эмоции и говорить только исследовательскую правду, какой бы она ни была. Ведь для того чтобы ее получить, мы применили микс-стратегию, использовали в единстве и взаимосвязи все, сколько ни есть, методы социологического исследования. Тут тебе и количественные, и качественные, и опросы, и запросы (от выше стоящих товарищей: о том, что они думают о Вишневском), и замеры, и примеры, и биографический, и монографический, и фокус-группу, и группу фокусов, и много чего еще. А результатом всего этого стал социальный, демографический, художественный и всякий иной портрет ВЮР. Эпиграфом же к нему я избрал мой парафраз известного в советском прошлом стихотворения, положенного на музыку танго, первая строка которого включала в себя следующие слова: «Так возвращая ваш портрет...». А парафраз звучит так: «Я направляю Вам портрет, и о любви Вас не молю. В моих словах упрека нет, я Вас по-прежнему люблю».

Теперь я должен со всей откровенностью признаться в том, что давно собирался написать статью об отдельном авторе, преподавателе и ученом, являющемся членом профессиональной общности социологов как объекте моего исследовательского интереса. При этом обязательным условием должно было быть соответствие этого исследователя всем основным характеристикам профессиональной общности социологов. По моему мнению, таковыми характеристиками являются: умение самостоятельно проводить социологические исследования, представляющие значительный общественный интерес; участие в таких исследованиях и способность к их широкой презентации; стремление к коллективному характеру социологических исследований; органичное и гармоничное сочетание в них теоретического и эмпирического; публичность социолога; готовность предложить органам власти и управления новые интересные и важные проекты и др.

Мой анализ адекватности присутствующих на заседании членов совета предъявляемым требованиям максимально соответствовать выделенным критериям привел меня к решению – писать статью можно и нужно только о Ю. Р. Вишневском. Причем решение пришло быстро, не было никаких колебаний. Принятие его подтолкнуло одно крайне важное обстоятельство: предстоящий большой юбилей социолога, который должен вот-вот грянуть.

С этой точки зрения моя статья вполне может претендовать на то, чтобы стать подарком юбиляру. Чего же лучше?

Надо ли специально доказывать, что статья одного социолога, посвященная другому социологу, – явление, не могущее быть отнесенным к числу постоянных «ивентов» (событий, случаев) повседневной жизни?!

Какие же методологические подходы могут быть применены к анализу предмета нашего исследования? Очевидно, что если выше я заявил о рассмотрении социологов как профессиональной общности, то и должен начинать с общностного подхода. Прежде всего, отмечу, что под профессиональной общностью я понимаю взаимосвязь людей, профессионально занятых однородным (относящимся к данной

профессии) трудом, обладающих необходимыми ресурсами для его осуществления, являющихся самостоятельным субъектом социального действия и характеризующихся относительным единством, сходством их профессиональных целей, задач, интересов.

Относятся ли эти признаки к предмету нашего исследования? Соответствует ли он им? На оба вопроса следует отметить совершенно утвердительно. Ю. Р. Вишневский профессионально занят социологическим трудом (это вам не какой-нибудь там родительский труд, хотя бы потому, что он оплачивается, пусть и не очень хорошо). Он обладает необходимыми ресурсами для его осуществления, владея персональным компьютером, телефоном с диктофоном, которым он никогда не пользуется, набором ручек и неподточенных карандашей, очень хорошей библиотекой, что характеризует предмет нашего исследования с самой лучшей стороны.

Конечно же, он, т.е. ВЮР, является самостоятельным субъектом социального действия (а как бы Вы хотели?). Если бы было возможно подсчитать, сколько полезных социальных действий он самостоятельно осуществил за весь период своей активной профессиональной работы, не хватило бы не только одной статьи, но и целого сборника научных трудов.

Безусловно, «ядро» общности социологов постоянно ставит профессиональные цели и задачи, руководствуясь не только личными, но и глубоко общественными интересами. Они связаны с его производственной и общественной деятельностью. В первой он известен как автор целого ряда книг и учебников по молодежи, с которой он ни за что не хочет расставаться (потому что знает много хороших песен о ней и о комсомоле; любимая песня – «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым»).

В смежной сфере деятельности – общественной – он продолжает заниматься социологией, возглавляя Уральское отделение Российского общества социологов и являясь вице-президентом этого замечательного общества. Скрепляет обе основные сферы деятельности проведение эмпирических исследований под его руководством.

Таким образом, общностный подход позволил нам обнаружить крайне важные аспекты деятельности «ядра» профессиональной общности социологов и предмета наших исследований – Ю. Р. Вишневского. С таким же исследовательским успехом мы могли бы использовать и другие научные подходы к анализу предмета нашего интереса – творчеству и личности Юрия Рудольфовича. Я имею в виду системный, структурный, институциональный, социокультурный, аксиологический, деятельностный, ресурсный подходы. Но делать это в подарочной статье – это значит полностью засушить ее. Юбиляр бы этого никогда мне не простил. Жить же с камнем на сердце и с его постоянными косыми взглядами не очень-то и хочется. Как уже отмечалось выше, Ю. Р. Вишневский – не просто представитель профессиональной общности социологов. Он вполне может быть отнесен к «ядру» этой общности, ее предметного поля. По классификации поколений, данной Б. З. Докторовым, Ю. Р. Вишневский относится к третьему поколению отечественных социологов. С учетом того,

что первые два поколения почти в полном составе уже отсутствуют (в силу естественных причин), третье поколение оказалось сегодня старейшим. Но возраст, как мне нравится утверждать и доказывать, понятие не арифметическое.

Человек, который страстно увлечен молодежью и молодыми (я не сказал – женщинами, но только подумал об этом), может быть отнесен лишь к одной возрастной группе. Читатели могут без труда догадаться, к какой. Однако если они это не сразу поймут и увидят, пусть на минуточку сядут за стол с предметом нашего исследования. Особенно, когда торжество за этим столом будет приближаться к фазе, названной Л. Н. Коганом и друзьями Ю. Р. Вишневого «В красной рубашончке, хорошенький такой». Для непосвященных в этот ритуал сообщаю, что были приведены слова из любимой юбиларом цыганской песни на заключительной фазе банкета, когда цвета рубашек начинают различаться им с трудом. Приведенный аргумент лишний раз убеждает в том, что в молодежном возрасте юбилара лишний раз можно убедиться, если посмотреть на предмет нашего исследования, посидеть с ним за одним столом, выпить под его тосты (почти профессионального тамады), дожидаться, когда наш юбилар пойдет танцевать, и посмотреть, как он это делает. Впрочем, до танцев мы еще дойдем (или «дотанцуемся»).

Теперь попытаемся нарисовать в самых общих чертах социально-демографический и вообще всякий разный портрет предмета нашего исследования, выступающего в качестве «ядра» профессиональной общности социологов. А нужно отметить, что предмет нашего исследования любит не только танцевать, но и смотреть на всякие «художества» – не зря был много лет деканом художественно-графического факультета в Нижнетагильском педагогическом институте. Поэтому попробуем нарисовать, хотя бы в общих чертах, этот портрет. Но при этом читатели должны в полной мере отдавать себе отчет в том, что автор статьи – художник от слова «худо». Поэтому всю вину за неудачно нарисованные те или иные стороны портрета он берет на себя.

Итак, этот портрет Ю. Р. Вишневого мог бы выглядеть примерно так:

1. Красивый мужчина «серебряного» возраста (некоторые женщины до сих пор на него заглядываются, да и он часто смотрит им вслед, оглядываясь на каждую вторую красивую даму. Принцип каждой второй простой: если оглядываться подряд на всех, быстро свернешь шею. Однако тут сразу вспоминаются бессмертные строки социолога-поэта Г. П. Орлова: «На юных дев еще смотрю, но вот зачем – уже не знаю»).

2. Сексуальная ориентация – традиционная, линейная, в порочащих связях замечен не был.

3. Имеет массу правительственных наград, дипломов, грамот, поощрений. Как сказали бы в Советском Союзе, настоящий советский коммунист. И даже знаменитая история с публично названными пятью «б» и выговор, полученный за каждую из них по партийной линии, не может заслонить от нас все полученные награды и благодарности.

4. При этом главной наградой, по мнению автора статьи, является всеобщая любовь к нему со стороны всех окружающих его людей, включая социологов и не исключая автора статьи.

Но продолжим рисовать портрет предмета нашего исследования.

5. Любимая пословица (она же поговорка, она же – девиз жизни), представляющая собой парафраз на тему старой рекламы: «От Парижа до Находки – с водкой лучше, чем без водки». Поскольку же предмет нашего исследования, он же – «ядро» профессиональной общности социологов побывал в обоих названных городах, есть все основания доверять правильности девиза его жизни. Более того, термин «правильность» в данном контексте выступает для него как основной критерий классификации всех людей. Их он делит на правильных, т.е. тех, кто любит и пьет водку, и неправильных, которые пьют, по любимому выражению предмета нашего исследования, «всякую гадость», включающую в том числе самые лучшие и дорогие вина и коньяки.

6. Еще одна важная черта портрета, но уже чисто внешняя, которую справедливости ради следует отметить, состоит в том, что Ю. Р. Вишневский всегда разделяется только до разумных пределов, снимая в первую и единственную очередь только пиджак. Это напутствие он заимствовал от Л. Н. Когана, которое сам Коган время от времени нарушал, снимая не только пиджак. Это же напутствие (до разумных пределов) предмет нашего исследования старается соблюдать, когда пьет «горькую» (позволяя себе лишь изредка нарушать этот принцип).

Подобно тому, как короля играет свита, Вишневского играет его ближайшее социологическое окружение. Роль социологической свиты особенно активно проявляется в исполнении песен и танцев, особенно танца «7.40». Вот мы и дотанцевались до обещанного. Полагаю, что если бы в Израиле был объявлен конкурс на лучшее исполнение этого танца, предмет нашего исследования точно попал бы в тройку призеров.

В заключительной части своей статьи я хотел бы коснуться вопроса, который характеризует мое личное отношение к Юрию Рудольфовичу Вишневскому. Хотя бы потому, что ближе коллеги и друга, чем он, у меня нет. Нас многое объединяет в течение более чем полувекового общения, которое началось в 1966 г. в секторе социологии (тогда его все называли сектор Когана) Института экономики Уральского филиала АН СССР.

Я долго думал, что же так много лет скрепляет наши отношения. Если выразить коротко эти «скрепы» (такое модное сейчас слово), то это – верность социологии, порядочность и доверие в отношениях как друг с другом, так и со многими окружающими нас людьми. Вероятно, к этому же ряду можно отнести и постоянную готовность оказывать помощь и поддержку в трудных жизненных ситуациях. Слава богу, было не так много критических ситуаций в нашей жизни, когда такая помощь была нужна. Но сам факт знания того, что ты можешь рассчитывать на помощь друга в случае необходимости, значит очень много.

Нас связывают общие профессиональные интересы, главным среди которых является образование, особенно высшее. В последние годы ВЮР стала интересоваться социология образования в ее историческом ракурсе, что мне также очень близко. Он написал первый том этой работы, сейчас готовит второй. Мне приятно отметить, что по некоторым вопросам этой большой работы я его консультирую.

Наши дружеские отношения сложились не сразу. Первые года два (они относились к тагильскому периоду жизни Юры) мы были даже на «Вы». Более тесные отношения между нами стали устанавливаться в 1967-1968 гг. Много дала в этом плане московская конференция «Социализм и молодежь» 1967 г., в которой мы оба, вместе с Л. Н. Коганом и многими другими коллегами, участвовали, причем ехали в одном вагоне, жили в одной гостинице «Юность», вместе собирались по вечерам и выпивали. После защиты докторской Юра с семьей перебрался в Свердловск, стал заведовать кафедрой в политехническом институте. Мы стали чаще встречаться – на конференциях, городских семинарах преподавателей общественных наук (они были в то время регулярными и проходили ежемесячно). Но, конечно, центром притяжения был Л. Н. Коган, его сектор, превратившийся затем в крупнейший отдел института.

В 1990-е гг. появилась еще одна мощная «скрепа» наших отношений – Валерий Трофимович Шапко, многолетний (точнее, многодесятилетний) самый первый и большой Юрин друг. Юра и Валера вместе работали в Н. Тагиле, дружили семьями. Про их тандем рассказывают легенды. Юра вовлек Валеру в «большую социологию», способствовал его быстрому творческому росту, подготовке и защите докторской, переезду из Н. Тагила в Екатеринбург к нему на кафедру. Они вместе писали книги, учебники, статьи, проводили исследования, создали диссертационный совет, в котором Юра был председателем, а Валера ученым секретарем. У них всегда все было на двоих, но оба были «распахнуты настежь» и для других.

О В. Т. Шапко можно много говорить и в тесной связи с Ю. Р. Вишневым, и отдельно. Это был во многом уникальный человек: удивительно деликатный, интеллигентный, тонко чувствовавший людей. Он обладал колоссальным чувством юмора, знал бесконечное количество анекдотов (в отличие от Юры, который не мог запомнить ни одного, при этом сам над собой подтрунивал). Говорил всегда тихим, ровным, спокойным голосом, его трудно было вывести из себя. Как и Юра, он пользовался безграничной любовью кафедралов, да и не только их. Неожиданная смерть В. Т. Шапко была тяжелейшим потрясением для всех. Что касается Юры, то он только в последние несколько лет стал приходить в себя. Хочу надеяться, что наши с ним отношения помогают ему в этом.

В последние годы Юра переживает вновь непростые времена. Они связаны с внутриуниверситетской чехардой: кафедру передают из одного института в другой, из другого в третий. Все на нервах, а при его эмоциональности на пользу ему это явно не шло. Сейчас он уже не заведует кафедрой (и слава богу), появляется больше

времени для научной работы. К сожалению, немного стало сдавать здоровье, но, увы, с возрастом это становится неизбежным.

Однако я с огромным удовольствием отмечаю, что он не потерял ни интереса, ни вкуса к жизни. Не зря его называют «человек-праздник». На кафедре отмечается все, что только может отмечаться: дни рождения, юбилеи, конференции, научные семинары, предзащиты и защиты диссертаций, приезды коллег из других городов и весей. И всюду в центре застолья и веселья – Ю. Вишневский, всюду он тамада, всюду он поет и танцует (о чем уже говорилось выше).

Я желаю ему оставаться таким же еще многие годы, пусть он будет предметом социологического внимания и исследования перед каждым своим юбилеем. Мне лично очень хотелось бы посвящать ему очередные статьи и поздравлять его с многочисленными праздниками, которые он сам часто придумывает. Потому что от этого становится лучше всем нам, окружающим его близким людям, а значит, становится лучше и ему.

Е. В. Зайцева

МОЙ УЧИТЕЛЬ – ЗВЕЗДА ПЕРВОЙ ВЕЛИЧИНЫ

Статья посвящена творчеству известного российского социолога Ю. Р. Вишневого. Раскрываются ключевые идеи его работ, особенности его общепризнанного таланта, грани его творческой личности.

Ключевые слова: Ю. Р. Вишневский, социология, социология молодежи, исследование.

Е. Zaitseva

MY TEACHER-MEGASTAR

Abstract. The article is devoted to the work of the famous Russian sociologist. It reveals the key ideas of his works, the features of his generally recognized talent, the facets of his creative personality.

Keywords: Y. R. Vishnevsky, sociology, sociology of youth, research.

15 марта 2018 года исполняется 80 лет профессору Юрию Рудольфовичу Вишневскому. В среде образования и науки такие «круглые» даты принято отмечать.

Начнем с официоза. Профессор, доктор философских наук Юрий Рудольфович Вишневский является крупным ученым в области социологии, культурологи, социального менеджмента, создатель уральской научной школы социологии молодежи, активно занимается вопросами социологии образования и социологии культуры. Он руководитель целого ряда крупных региональных социологических исследований. На I съезде Российского общества социологов был утвержден руководителем Федерального исследовательского проекта «Молодежь в обновляющейся России». Под руководством профессора Вишневого проводятся масштабные и значимые исследования по заказам Министерства образования РФ, Министерства физической культуры и спорта Свердловской области, Департамента по молодежной политике городского-спутника Екатеринбурга, выполнены федеральные исследования «Студенчество России о Великой Отечественной войне», «Гражданская культура современного российского студенчества», осуществлено 7 этапов мониторинга (1995-2016) социокультурного развития студенчества Свердловской области. Кроме этого он руководил грантами: «Современная молодежная культура»; «Разработка концепции по подготовке кадрового потенциала для служб и организаций социальной защиты населения Свердловской области», «Профессиональное самоопределение современного студенчества»; «Формирование имиджа социального работника». Ю. Р. Вишневский являлся ответственным редактором целого ряда сборников тезисов по итогам научных конференций.

За 60 лет научной деятельности (1958-2018 годы) профессором Вишневым (индивидуально или в соавторстве) подготовлено более 630 научных публикаций, в том числе 40 монографий.

Под руководством профессора Ю. Р. Вишневого подготовлено и защищено 37 кандидатских и 3 докторских диссертации, ныне он является руководителем 4 аспирантов и 6 соискателей. В 2003–2006 г. был председателем диссертационного совета по защите кандидатских диссертаций по социологии и социальной философии при УГТУ-УПИ, является зам. председателя диссертационного совета по социологии УрФУ.

Профессор Ю. Р. Вишневский действительный член академии Гуманитарных наук, Международной педагогической академии. Эксперт государственного Совета РФ по молодежной политике (1994–2003 г.), один из авторов концепции УГТУ-УПИ по гражданскому и патриотическому воспитанию молодежи и внеучебной работы.

Он был одним из создателей Уральского отделения Российского общества социологов (РОС), является его президентом с 1993 года и по настоящее время. С 2005 г. выполняет обязанности вице-президента РОС. Уже много лет – председатель оргкомитета «Уральских социологических чтений».

Его разработки в области социологии сформулированы в целом ряде научных работ и нашли свое отражение в учебнике «Социология» для технических вузов (совместно с В. Т. Шапко).

Являясь крупным и авторитетным специалистом в области социологии Ю. Р. Вишневский выступал в качестве оппонента кандидатских и докторских диссертаций во многих научных центрах России.

Ю. Р. Вишневский окончил в 1960 г. историко-филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института имени М. И. Калинина по специальности «учитель русского языка, литературы и истории». После службы в Советской Армии с 1963 по 1981 годы работал в г. Нижнем Тагиле. Сначала учителем истории и обществоведения в школе рабочей молодёжи, затем преподавателем марксистско-ленинской философии в Нижнетагильском государственном педагогическом институте. В 1968 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1981 году – докторскую.

Профессор Ю. Р. Вишневский работает в УрФУ с 1982 года и непрерывный стаж его работы составляет 35 лет. Все это время он заведовал кафедрой социологии и социальных технологий управления (за это время ей несколько раз меняли название) – 34 года. Много и активно занимался и занимается развитием кафедры и совершенствованием форм и технологий подготовки специалистов, бакалавров, магистров. Под его руководством созданы и создаются учебно-методические комплексы, средства дистанционного обучения. Постоянно идя в ногу со временем, профессор создал и руководит открытой (сетевой) образовательной магистерской программой по направлению Государственное и муниципальное управление: «Региональное и муниципальное отраслевое управление», направленной на изучение управления устойчивым развитием органами государственной и муниципальной власти в форме участия в развитии ключевых отраслей промышленности, создании экономической и социальной инфраструктуры, решении социальных проблем.

Прогрессивность и предприимчивость всегда помогали не только Юрию Рудольфовичу, но и его коллегам и подчиненным. Так в 1990-е гг., испытывая недостаток финансирования высшего образования в процессе реформы высшей школы, чтобы кафедре остаться «на плаву», им было предложено изменить статус кафедры и она стала выпускающей. Так началась новая эра, эра выпуска на кафедре, нет не социологов, а менеджеров, управленцев с социальным уклоном, потом добавились и другие специальности, такие как Государственное и муниципальное управление, Менеджмент организации, Организация работы с молодежью, Торговое дело.

Учебно-педагогическая и научная деятельность профессора Ю. Р. Вишневского получила заслуженно высокую оценку: он является Отличником народного просвещения РСФСР, Лауреатом премии Правительства РФ в области образования (2005 г.), награжден медалью к Ордену «За заслуги перед Отечеством» II-й степени, медалью имени П. Сорокина, медалью «За вклад в развитие российского социологического образования», медалью «За вклад в развитие местного самоуправления», медалью «За честь и славу России», знаком отличия Свердловской области «Совет да любовь» и др. В 2012 г. за многолетние успехи в области просвещения и образования Ю. Р. Вишневский был признан «Лучшим профессором УрФУ» в номинации социально-экономические дисциплины.

Теперь о себе. На определенном этапе жизненного пути каждый человек задумывается о своем месте в жизни, той деятельности, которой занимается. Он осмысливает не только свое место в этом мире, но место тех, кто дал ему дорогу в жизнь, направил по тому пути, по которому он идет. Обычный человек думает о своих родителях, ближайшем окружении. У ученого, это, прежде всего, тот человек, Учитель, который дал ему дорогу в науку, тот коллектив (школа) в которой он осознал себя, как ученый.

Как звезды, люди науки имеют разную величину. Я могу с гордостью сказать, что моим учителем является звезда первой величины, той науки, которую я избрала – социологии, и эта звезда имеет свое имя – Юрий Рудольфович Вишневский. Я могла бы много говорить о том, какую роль, возможно не осознавая сам, он сыграл в моей, не только научной, жизни. Он не был занудлив как руководитель, как старый ментор, который наставляет во всевозможных истинах. Он не опекает мелочно своих учеников, которых у него было много. Я не была его любимой ученицей, чьи бы тексты он правил бесконечно. Он не предлагал мне печататься в своих монографиях. Но это человек, который мог быть убедительным, когда нужно было мобилизовать соискателя на целенаправленную и результативную работу.

Я помню, как он заставлял меня заниматься диссертацией, хотя помимо нее у меня, как у любого другого взрослого человека, было много проблем. Я одна воспитывала сына, и мне нужно было зарабатывать деньги. Жизнь не была приятной прогулкой с интересными видами за стеклом комфортного автомобиля. Помимо работы над диссертацией, была и просто работа: многочисленные лекции и подработки, ко-

которые позволяли жить. Поэтому я часто бывала на работе, вместо того, чтобы просиживать в библиотеке. Именно тогда я услышала фразу, которая до сих пор смешит моих знакомых. Находясь на кафедре, перебирая бумаги к лекциям, я услышала грозный голос шефа: «Зайцева, ты, что тут делаешь, марш домой, заниматься сексом!!». Для тех, кому не понятна эта фраза, я приведу название моей диссертации: «Межпоколенческая динамика сексуальной культуры: социологический анализ», успешно защищенной под руководством шефа в 2006 году.

Но мне бы хотелось в данной статье рассказать не о себе, а о Юрии Рудольфовиче: человеке, педагоге, ученом, руководителе крупной социологической школы современной России, одаренность его натуры нельзя преувеличить.

Когда говорят о родственных связях, вспоминается поговорка, которая всем хорошо известна: «Яблоко от яблони...». И хотя данная поговорка не всегда верна, исключения только подтверждают правила.

Юрий Рудольфович, происходил из необычной семьи. Как говорится, сказались гены, возможно, его литературный талант это наследство деда – Льва Яковлевича Бреймана, который был известным одесским юристом и в то же самое время редактором популярного одесского журнала «Вся Одесса». Конечно деда своего Юрий Рудольфович видел только на семейных фотографиях, его арестовали, еще до рождения внука, в 1937 году, и лишь недавно стало известно, что он умер в тюрьме. Бабушка – Адель Юльевна, также была не рядовым человеком, она училась в Сорбонне, и хотя не закончила ее в связи с началом Первой мировой войны, она была вынуждена вернуться в Россию, что не помешало ей стать видным юристом, она работала с начала в Одессе, а затем в Ярославле.

Юрий Рудольфович родился в Одессе и поэтому становится понятным, почему у него такой взрывной, но чрезвычайно позитивный или как принято сейчас говорить, креативный характер. С чувством юмора у него все в порядке и это помогает жить не только ему, но и его подчиненным и соратникам. Помню, в пору, когда я только пришла работать на кафедру социологии и политологии, первым человеком, с которым я познакомилась, был конечно заведующий кафедрой, профессор Вишневский. На собеседовании я очень волновалась и от громогласного голоса будущего шефа хотелось плакать, однако на первых неформальных кафедральных встречах и мероприятиях я поняла, что профессор на равных общается со всеми сотрудниками, не взирая на должности и звания и имеет прекрасное чувство юмора.

Может пошутить и над собой. Очень мне запомнился случай, рассказанный Ю. Р. Вишневским на одном из наших «теплых» мероприятий. Во второй половине 1950-х гг. Юрий Рудольфович проходил практику вожатым в пионерском лагере. Ему достался младший отряд, ребятишки 7-9 лет. Имя для них – Юрий Рудольфович – было очень сложным и многие, забывая, называли его Юрием Адольфовичем. И здесь наш будущий профессор решил навести порядок и объяснить разницу в этих разных отчествах. Собрав всех после пионерской линейки, он напомнил, что его зовут Юрий Рудольфович, а не Юрий Адольфович и просил не путать. И вот

почему. Потому, что это совершенно разные имена. Его папу звали Рудольф Вениаминович – Рудольф, а не Адольф! И что, спросили мы? Помогло? «Да, как сказать, ответил нам профессор Вишневский, следующим утром я проснулся «Гитлером!»».

Кстати, когда в 1938 году Юрий Рудольфович родился, всем было не до смеха – его отец – Рудольф Вениаминович Вишневский, уже несколько месяцев (конец 1937 г.) находился под арестом. И это произошло, несмотря на то, что по своему происхождению он был из бедной еврейской семьи, был сыном сапожника. Отец Юрия Рудольфовича окончил 1932 году Одесский медицинский институт, потом служил в милиции и армии. И к моменту своего ареста был начальником медсанчасти танковой бригады под Уссурийском. Как многие в то время обвинения, были абсурдным. Сначала его обвинили, что он хотел убить Блюхера, но когда и того арестовали как врага народа, что он хотел отравить хинином всю свою танковую бригаду. Хотя, как говорят специалисты, во всей стране вряд ли нашлось такое количество данного препарата. Конечно, нашим современникам странно и смешно слышать подобные обвинения, но матери Юрий Рудольфовича было не до смеха. К счастью, его отца через год выпустили, восстановили в звании и даже дали путевку в дом отдыха вместе с женой.

В годы войны его отец был начальником ряда прифронтовых госпиталей, а 1945 году был назначен начальником госпиталя в Пушкине. Там и прошло детство Юрия Рудольфовича, чем на мой взгляд и объясняются глубокие познания в искусстве и проявляется тяга к культуре (Тема кандидатской диссертации профессора: «Изучение культурного уровня рабочей молодёжи как социологическая проблема», вспомните название и моей диссертации).

Но размеренная жизнь в культурном центре страны, под Ленинградом в 1952 году, была прервана делом врачей. Несомненно сказалось влияние «Ленинградского дела» и семья Вишневских отправилась на Дальний Восток, в город Благовещенск. Только в 1958 году, после 29 лет службы Рудольфа Вениаминовича в армии, семья Вишневских переехала на Урал в город Нижний Тагил, где его отец проработал врачом еще 12 лет.

Мне всегда импонировало, то трепетное отношение к отцу не только как высококвалифицированному профессиональному врачу, глубоко внимательному к людям, которое с сыновьей гордостью демонстрирует Юрий Рудольфович. Он также с большой теплотой отзывается о своей матери, которая была душой всего семейства Вишневских. Из-за своего буржуазного происхождения она не получила высшего образования, она прекрасно музицировала, пела, а перед самой войной, как жена офицера, поступила на Высшие экономические курсы. Но начавшаяся война все изменила. Она ушла медсестрой на фронт, и навсегда связала свою жизнь с медициной.

Конечно, вот такая семейная бурная биография сказалась и на характере Юрия Рудольфовича, его мобильности, восприимчивости ко всему новому, бесконечным командировкам и умению планировать свое время. То он с лекциями в командировке где-то в области, то он на приеме у ректора вуза, то встречается с областным мини-

стром Л. А. Рапопорт. Он много перемещается в пространстве, его командировки: Харьков на Украине, Гренобль во Франции, Берлин в Германии, прием государственных экзаменов в Благовещенске, с коротким выездом в Китай. Я уже не говорю о многочисленных выездах в Пермь, Москву, Челябинск и умении решать нескольких задач одновременно.

О планировании времени и пунктуальности Юрия Рудольфовича. Долгие годы, видимо уже после выхода на пенсию, планированием времени профессора занимается его жена – Нина Ивановна (тоже историк по образованию, в Н. Тагиле она работала в школе № 86 – учителем, завучем, директором, а с переездом семьи в Свердловск – в школе № 9, учителем истории и обществоведения). Она всегда в курсе расписания Юрия Рудольфовича, все занесено в ежедневник, иногда, при планировании каких-либо дел или командировок, он мог сказать: «Позвони, Катя, Ниночке, Нине Ивановне, попроси, чтобы записала!».

Он член общественных академий и организаций, хотя главным делом он считает должность Вице-президента всероссийского общества социологов. Он является человеком, который заслужил общественное признание, что нашло свое отражение в ряде государственных ведомственных общественных наград. Мало кто знает, что в свое время скромность этого человека не позволила ему дать согласие на присвоение ему звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

Но отвлечемся от современности. Для образованного человека, человека науки, часто очень важно, а подчас является определяющим, то, где он учился и с кем он учился. А класс, который окончил Юрий Рудольфович, учился очень хорошо. Две трети выпускников окончили школу с золотыми и серебряными медалями.

Выбор Юрий Рудольфовича не очень обрадовал родителей, он хотел учиться в Московском историко-архивном институте. Однако родители поставили условие: он должен получить был золотую медаль. Но с «золотом» вышла осечка, на экзамене по геометрии он допустил досадную ошибку. Он может даже сейчас воспроизвести все это дословно.

В итоге, четверка и исторический факультет Благовещенского исторического института. Так что будущий светило социологии начинал как историк. Но все к лучшему, ибо глубокое знание истории всегда ему в дальнейшем помогало – и в широте научных взглядов, и в общем понимании процессов. И хотя он давно не историк, его отношение к истории проявляется и в трепетном отношении к его коллегам, их праздничным и торжественным датам. У него огромный коллектив, и тем не менее, когда у меня день рождения он, опережая мою семью и друзей звонит первым рано утром с поздравлениями. Помню как-то раз, я взяла отпуск и уехала на свой юбилей за границу, в Италию. На сутки отключила телефон, чтоб меня не отвлекали звонки и поздравления. На следующий день, проснувшись, включаю телефон – телефон зазвонил у меня в руках – звонил шеф. «Катя, как же так, я тебе уже сутки дозвониться не могу, с днем рождением тебя!».

Юрий Рудольфович в студенческие годы активно занимается общественной жизнью, именно тогда закладывается крепкая дружба с однокурсниками, которую он пронес через всю жизнь. И это не пустые слова. Нас, молодое поколение, поражают события, в которых не так давно он принимал участие. Это 50-летие поступления в институт и 50-летие окончания института. Хотя все могло пойти по-другому. За брюки дудочкой и ботинки на большой подошве, за стилижничество будущего профессора чуть не исключили из института. Но увлечение модой, видимо, было временное. Именно тогда, в институте он и нашел свою любовь. Студентка из соседней группы Нина Ускова, стала его женой. Не так давно они отметили бриллиантовую свадьбу (60 лет). А отцом он стал, еще будучи студентом пятого курса.

Все было в это время: директор сельской школы в совхозе, три года службы в армии, учитель истории в ШРМ, а затем работа в Нижнетагильском педагогическом институте преподавателем философии. Именно тогда, с подачи Л. М. Архангельского он занялся социологией. Здесь произошло знакомство с другом жизни – на кафедру пришел работать Валерий Трофимович Шапко. Совместная работа переросла в дружбу, дружба определила многолетнее совместное творчество. Ведь только совместных трудов двух профессоров насчитывается более 150 работ. Переезд в Свердловск. Заведывание кафедрой.

Юрий Рудольфович обладает мощными человеческими качествами, он очень внимателен к проблемам своих сотрудников, к их здоровью, ситуации в семьях, решению квартирных вопросов, повышению заработной платы, планированию карьеры, трудоустройству и т. д. Скольких из нас он поддерживал в трудные времена. А если учесть, что кафедра – это «бабье» царство или как мы говорили – «вишневый сад», то конечно и проблемы были гендерно окрашенными. Кто-то хотел выйти замуж, кто-то развестись, кто-то родить ребенка, кто-то воспитать детей настоящими людьми, у кого-то были пожилые родители, эти проблемы эволюционировали и изменялись вместе с нами. Все они всегда были известны Юрию Рудольфовичу, всегда он находил слова поддержки, а иногда и не только слова, мог поддержать и материально, именно это бережное отношение к людям сформировало и усилило нашу (подчиненных) любовь к своему руководителю.

Вот такой мой Учитель с большой буквы – профессор Юрий Рудольфович Вишневский.

В. В. Запарий

ЮРИЙ РУДОЛЬФОВИЧ ВИШНЕВСКИЙ: ВОСПОМИНАНИЯ ДЕКАНА ФГО О ЮБИЛЕЕ И ЮБИЛЯРЕ

Статья посвящена творчеству известного российского социолога Ю. Р. Вишневого. Раскрываются ключевые идеи его работ, особенности его общепризнанного таланта, грани его творческой личности.

Ключевые слова: Ю. Р. Вишневский, социология, социология молодежи, исследование.

V. Zaparij

YURI R. WISNIEWSKI: MEMORIES OF DEAN OF FHE ON THE JUBILEE AND JUBILJARE

Abstract. The article is devoted to the work of the famous Russian sociologist. It reveals the key ideas of his works, the features of his generally recognized talent, the facets of his creative personality.

Keywords: Y. R. Vishnevsky, sociology, sociology of youth, research.

В молодые годы человек целиком устремлен в будущее, в том числе и потому, что у него нет прошлого. И это устремление остается достаточно долго, у некоторых до самой старости, и они продолжают жить будущим и это очень здорово. У некоторых людей время от времени возникает желание вспомнить определенные периоды своей жизни, получить от этого удовольствие или подзарядиться на будущее.

Иногда это происходит потому, что приближается замечательный юбилей одного из ваших коллег и есть в связи с этим что вспомнить. Так произошло именно сейчас, когда приближается юбилей профессора, доктора философских наук Юрия Рудольфовича Вишневого.

С ним мы познакомились очень давно, в 1984 году, когда он переехал из Нижнего Тагила и начал работать на кафедре научного коммунизма. Эта дисциплина в то время заменяла нынешнюю социологию, психологию и немножко менеджмент. Тогда как, впрочем, и сейчас Юрия Рудольфовича сложно было не заметить из-за его замечательного громкого голоса. За глаза мы его звали «иерехонская труба».

Но если вполне серьезно, то я познакомился ближе с Юрием Рудольфовичем, когда я стал деканом Факультета гуманитарного образования в 1999 году. Профессор Вишневский возглавлял одну из самых крупных в УГТУ кафедр, которая насчитывала в определенные периоды до 80 сотрудников. Они одни из первых начали на факультете набирать своих студентов. Именно тогда кафедра во многом стала хозяйственной, т. е. имеющей деньги на развитие и дополнительную оплату, так низко оплачиваемого родным государством, преподавательского труда. Юрий Рудольфович всегда жил интересами кафедры и умело отстаивал их на любом уровне, будь то факультет или университет.

Это проявлялось и в его работе в факультетском совете, который проходил всегда шумно и часто с надрывом. Часто в его работе проявлялись противоречия между интересами различных кафедр или их заведующими.

Несколько слов необходимо сказать о том, как собственно я стал деканом и почему. Честное слово, я никогда не собирался становиться руководителем какой-либо структуры. Работая рядовым доцентом, в 1990-е гг. часто на нескольких работах, не думалось о какой-либо карьере администратора. Правда, в середине 90-х гг. тогдашний декан ФГО профессор В. И. Кашперский привлекал меня к работе на факультете. Так несколько лет я работал замдекана по науке. Особо не был занят этой самой работой. Потому, что особой работы не велось.

Это было время, когда открывались новые специальности и в вузы ринулись все те, кто в прежних условиях не мог и мечтать о высшем образовании в силу ряда причин – или высоких конкурсов, или отсутствия тех специальностей, которые интересовали. Стало распространяться контрактное (платное) образование. Стали востребованы гуманитарии, и возникли большие проблемы с инженерным образованием. На нашем факультете появились и свои студенты. Правда, они были менеджеры и маркетологи, специалисты кадровых служб. Именно на этом концентрировалось внимание декана и заведующих кафедрами. Но именно эта работа позволяла выживать в сложных условиях миллионных зарплат и таких же цен. Деньги были со многими нулями, но их стало можно зарабатывать.

Факультет был не простым, я только что закончил работать в правительстве Свердловской области, где занимал должность главного специалиста отдела науки и образования. Сферой моих полномочий были высшие, государственные и частные учебные заведения, которых было около 40, и средние специальные, которых было около 100, Свердловской области. Но проработав год, я понял, что это не мое, и решил вернуться в свой родной вуз. Когда я пришел к проректору по учебе Владимиру Ивановичу Лобанову, с просьбой принять меня на полставки доцента, потому что у меня возникло желание закончить докторскую диссертацию, то он сказал, что у них с ректором другое предложение. Он хитро посмотрел на меня и попросил перейти в кабинет С.С. Набойченко, который находился напротив. Станислав Степанович принял меня, как всегда он это умел делать, радушно. «Вот, – сказал Лобанов, – проситесь на полставки доцента». «Нет, – сказал Станислав Степанович, – у нас другое предложение. Мы хотим поручить вам ваш факультет в качестве декана, потому что предыдущие подали в отставку по собственному желанию. Один год назад, а другой совсем недавно».

«Ну как же так, – удивился я. Я всего-навсего рядовой доцент, которых у нас довольно много. Почему я?»

«Мы достаточно долго за вами наблюдаем, – ответил Набойченко, – и за много лет вашей работы в УПИ, вы никогда не были замешаны ни в каких склоках. Ваша задача возглавить факультет, и навести там порядок».

«Хорошо, – ответил я, – я могу подумать?»

«Да, но только недолго, – ответил Набойченко, – до завтра».

«А я могу отказаться», – спросил я. «Нет», – ответил С. С. Набойченко.

Так я стал деканом.

Факультетский совет проходил очень непросто. И когда я, уже в качестве его председателя, а его возглавлял именно декан, пришел на первый, все сидели напряженные, ожидая чего-то негативного и опасного.

Раньше советы проходили бурно и долго. Это вовсе не входило в мои планы. Я не люблю долгих заседаний и пустых словопрений. Именно с этого я начал свое первое выступление. Я сказал, что меня пригласили на эту должность и моя задача выражать интересы факультета. Что все мы в одной лодке и должны помогать друг другу.

Очень скоро советы из мест бурного выяснения отношений превратились в место заинтересованного обсуждения важных вопросов и принятия коллективных решений.

Очень велика была роль профессора Вишневого во всех начинаниях факультета и его кафедры. Он управлял ею на основе коллективного разума. Будучи на кафедре лучшим представителем мужского пола, он объединял под своим крылом, в основном женский, коллектив. Жизнь кипела на кафедре. И учебная и научная. Много делалось для остепенения молодежи. Активно работал совет по защите кандидатских диссертаций. Он дал научно-педагогическую жизнь многим кафедрам и не только.

Проводились многочисленные конференции, как самостоятельно, так и совместно с другими кафедрами как УГТУ, так и УрГУ, с которым у нас были прекрасные отношения. Были тесные научные контакты с другим вузами города, области и страны.

Очень заботливо относился Юрий Рудольфович к молодежи, курируя ее требовательно, но и бережно. Много помогал, наставлял, работал совместно. Уделял внимание и неформальному общению. Часты были выездные учебы, заседания кафедры, походы. Именно в неформальной обстановке складывался настоящий научно-педагогический коллектив. Трогательно Юрий Рудольфович относился к старшим товарищам – Леониду Дмитриевичу, Розе Михайловне и др. Заботился о обеспеченности их всем необходимым.

Настоящая дружба связывала его с Валерием Трофимовичем Шапко. Они много сделали вместе – и исследования, и книги, и учебные курсы. Отредактировали множество сборников. Большую помощь, как старший и более опытный товарищ, он оказывал мне, декану факультета и факультету, как средствами, так и своими работниками. Многие из его сотрудников работали в деканате, а его сотрудница, Зайцева Екатерина Васильевна, стала моей женой.

Юрий Рудольфович всегда был и сейчас остается человеком креативным, доброжелательным, готовым всегда помочь, настроенный на то чтобы делать добро. Неотъемлемой его чертой является чувство юмора.

Достаточно вспомнить его рассказ о том, как он водил машину «Запорожец». Но это история известная, а я остановлюсь на некоторых забавных случаях, которым был сам свидетель или соучастник.

Первая история о его юбилее, который праздновали с размахом, как все, что делал профессор Вишневский. Но дело не в этом. Это происходило в 90-е годы тогда, после большого промежутка времени, когда ничего не было и был дефицит на все, появились, наконец, какие-то товары народного потребления. Начались – в ходе торжественной части – вручения подарков. Среди них начали дарить бытовую технику, и первому электрочайнику профессор обрадовался. Потом ему подарили еще. После третьего он шутил, говорил, что у него два сына. Но по итогам юбилея ему подарили 15 электрических чайников. И в конце было уже не смешно, хотя и забавно. Кстати, после этого юбилея, он заявил, что будет отмечать свой каждый новый день рождения как юбилей.

Другая история вовсе не смешная. Она о том, как мы поехали вместе с ректором, профессором Станиславом Степановичем Набойченко, вручать дипломы первым студентам в Каменск Уральский. Это было в июле. Стояла страшная жара, но отвечая на запросы нового времени, ректор, декан и заведующий кафедрой были в бархатных одеждах и четырехуголках. Вручение было торжественным, с речами, часто долгими, фотографированием и т.д. Под бархатной мантией было страшно жарко. Ректор, достаточно быстро уехал, а мы с Юрием Рудольфовичем как думные бояре, сидящие в государственной думе Московской Руси, еще долго потели под этим столь замечательными мантиями.

Я уже упоминал о том, как трепетно профессор относился к своим коллегам и ученикам. Одним из коллег был очень талантливый человек, Александр Владимирович Пономарев, занимавший тогда должность проректора по работе с молодежью. Во взаимодействии с профессором Вишневским, он защитил докторскую диссертацию. На кафедре велась большая работа по изучению молодежи – проведение исследований, подготовка научных статей, отчетов и т.д. Заслугой А.В. Пономарева была реализация результатов научных исследований в практику воспитательной (внеучебной) работы. По предложению проф. Вишневского, Факультет гуманитарного образования просил большой совет УГТУ – УПИ создать кафедру по работе с молодежью. И так случилось, что к своему 50-летию, Александр Владимирович Пономарев не только был утвержден ВАКом доктором наук, но и стал заведующим кафедрой по работе с молодежью. Такой подарок к юбилею вряд ли кто еще получал.

Можно продолжать воспоминания о Юрии Рудольфовиче, но надо что-то оставить и на следующий юбилей, благо они у него происходят теперь каждый год. А если серьезно, то хочется пожелать ему и дальше сохранять оптимизм, здоровье, и жизнеутверждающий взгляд на все проявления окружающей его жизни.

Л. Н. Боронина, З. В. Сенук

РИЗОМАТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ПРОФЕССОРА ВИШНЕВСКОГО

Статья посвящена творчеству известного российского социолога Ю. Р. Вишневого. Раскрываются ключевые идеи его работ, особенности его общепризнанного таланта, грани его творческой личности.

Ключевые слова: Ю. Р. Вишневский, социология, социология молодежи, исследование.

L. Boronina, Z. Senuk

RIZOMATICESKY CULTURE OF PROFESSOR VISHNEVSKY

Abstract. The article is devoted to the work of the famous Russian sociologist. It reveals the key ideas of his works, the features of his generally recognized talent, the facets of his creative personality.

Keywords: Y. R. Vishnevsky, sociology, sociology of youth, research.

«У истории должны быть начало, середина и конец.
Но совсем не обязательно в таком порядке»

Жан-Люк Гадар

Любая история начинается с одного главного вопроса – с чего начать, что взять за точку отсчета, в какой временной перспективе и парадигме рассматривать изучаемый объект?

Во времена, когда наша кафедра занималась исключительно социологической подготовкой студентов всех факультетов УПИ и имела простое название «кафедра социологии», случилась весьма любопытная история. Студенты одного из факультетов, отвечая на вопрос итогового проверочного теста по социологии «Кто является основателем социологической науки?», написали – «Юрий Рудольфович Вишневский». Гениальность этого ответа подтверждается всей историей профессиональной деятельности любимого заведующего.

Профессиональная жизнь профессора Вишневого неразрывно связана с педагогикой, которая является исходной трансперспективой, определяющей креатив и вехи его профессионального пути. Будучи педагогом по образованию (выпускник Благовещенского педагогического института), независимо от занимаемой должности, академических степеней, званий и достижений, Юрий Рудольфович был и остается педагогом по призванию. Педагогический процесс всегда был фокусом, центром его жизнедеятельности. Педагогические ипостаси профессора Вишневого многочисленны: учитель истории; декан «худграфа»; преподаватель научного коммунизма, истории и теории социализма, социологии, различных управленческих дисциплин; заведующий кафедрой; председатель «гэков» и «гаков»... Семантика временных периодов развития личности носила как диасинхронистический, так и синхронистический, голографический характер. В философии постмодернизма

подобная многомерность блистательно воплощена в феномене ризоматической культуры.

Термин «ризома», заимствованный Делезом и Гваттари из ботаники, обозначает способ жизнедеятельности многолетних травянистых растений. Ризома – это подземный, горизонтально расположенный корешок травянистых растений, который пускает корни снизу и дает покрытые листьями побеги сверху. В постмодернизме ризома противопоставляется дереву. Дерево и ризома соотносятся с двумя разными способами мышления. Дерево, которое непрерывно дихотомически ветвится, ассоциируется с бинарной логикой. Имеющее корень-стержень дерево олицетворяет собой символ власти, которая всегда древовидна, иерархична.

В отличие от дерева, ризома не имеет единого корня, связующего центра. Ризома представляет собой множество переплетенных отростков или побегов, растущих во всех направлениях. Как трава, пробивающаяся между камнями мостовой, ризома всегда чем-то окружена и тем стеснена, растет из середины, через середину, в середине. Место ризомы там, где трещины, разломы, пустоты, бреши. Она их по-своему преодолевает. Ризому в отличие от корней «тяжело искоренять, поскольку каждый ее отрезок при благоприятных условиях может давать (и дает) жизнь новому растению» [3].

В метафорическом смысле, качества ризомы являют собой, по выражению учителя Вишневого, Л. Н. Когана, то самое «плодотворное существование» человека, которое свойственно творцу культуры. Другими словами, ризома – это индуцированная действительность, которую создает творческая личность, структурируя пространство вокруг себя в соответствии со своими представлениями о добре и благе.

Psi-поле, создаваемое Юрием Рудольфовичем на протяжении более чем тридцатилетнего заведования кафедрой, подобно моцартиане: доброжелательно-радостное, оптимистическое, гуманистическое – академическое в лучшем смысле. Его ученики (а это практически весь преподавательский состав современной кафедры социологии и не только ее; многочисленные студенты и выпускники; слушатели и коллеги), как побеги ризомы, всегда проникают «в образовательные пустоты» и осваивают новые профессиональные, педагогические и научные пространства. История кафедры, ее «непараллельная эволюция», состоящая, казалось бы, из совершенно разнородных образований, в своей теморальности всегда черпала силы «из разности потенциалов», переходя с одной линии развития на другую [3], сохраняя преемственность и задавая одновременно новые перспективы развития. Ризоматическая культура Ю. Р. Вишневого учила и продолжает учить всех двигаться по «пересеченной местности», преодолевать границы, пустоты, провалы, бреши, катаклизмы, и всегда с одной целью – неукоснительно выполнять свою педагогическую миссию, созидать человека.

Ценности ризоматической культуры профессора Вишневого проецируются и на его научную деятельность. По сути дела, наука Вишневого – это превращенная

форма того же педагогического процесса, существующая в социологии молодежи, социологии образования, социологии семьи, социологии культуры. Чем сильнее оказывалось внешнее давление, тем шире становился радиус действия ризомы Вишневого, тем дальше она выбрасывала свои щупальцы-отростки, тем больше периферийной «научной земли» становилось ее профессиональным пространством в полном восхищении голосами разных научных парадигм, культур и цивилизаций.

Ризомное научное разнообразие Вишневого всегда являлось приглашением к творчеству, теоретическому и практическому, коллективному и индивидуальному, заполняя научные пустоты и преодолевая границы традиционного, косного, бюрократического и авторитарного.

Границы преодолевались и в буквальном смысле слова. География академического туризма кафедралов распространялась не только за пределы Екатеринбурга и Свердловской области, но и на ближнее и дальнее зарубежье. Вспоминаются две знаменательные поездки членов кафедры.

Первая – выезд комсостава кафедры в лице Ю. Р. Вишневого и трех его замов (трех Людмил) на психотерапевтический декадник, проходящий в пригороде Челябинска. Тренерский состав декадника – высокопрофессиональная междисциплинарная группа лингвистов, психологов и медиков, практикующих написание персональных и корпоративных мифов. Миф – это сочиненная персональным или коллективным субъектом и выраженная в поэтической форме стратегия развития личности или коллектива. Задача комсостава – написать корпоративный миф кафедры, определяющий перспективы и приоритеты очередного этапа развития кафедры. В предварительном обсуждении мифа нужно было найти некий образ, который бы выражал определенную идею развития. Предлагаемые образы Людмил, с одной стороны, и Юрия Рудольфовича – с другой, оказались различными и вызвали немало споров в управленческой команде кафедры. Один из предлагаемых «женских образов» – это образ дерева, с которым категорически не соглашался заведующий. Иерархическая, бинарная структура дерева вызывала у него сильный внутренний протест. В качестве альтернативы Юрий Рудольфович предложил образ корабля в море. Людмилам пришлось согласиться. Но дальнейшее развитие событий в момент написания мифа в присутствии тренерского состава привело Людмил к полной фрустрации. Миф начинался так – «И плывет корабль. Плывет неизвестно куда». Все попытки вмешаться и как-то исправить ситуацию в процессе разворачивания текста мифа оказались безрезультатными. Абсолютно обескураженные, в полном непонимании будущих приоритетов, команда вернулась в Екатеринбург. Прошло довольно много лет. Кафедра благополучно развивалась, открывались новые направления подготовки и исследований. Успехи кафедры умножались. И только сейчас стали понятны и очевидны скрытые смыслы созданного кафедрального образа в мифе.

Объяснение нашлось в концептуальных основаниях, методологических принципах постмодернизма и ризоматической культуре Ю. Р. Вишневого Жан-Франсуа Лиотар, один из известных методологов постмодернизма, в качестве основополага-

ющего тезиса постмодерна заявил «недоверие к метанарративам»[1]. Согласно Лиготару, метанарративы – это базовые повествовательные идеи, легитимирующие устойчивую целостность объекта или процесса. «Тотализирующий, властный заряд целого» [3] для постмодернистов оказывается абсолютно неприемлемым, «постмодернизм начинается там, где кончается целое» [2]. Вместо целого, монизма, устойчивости постмодернизм проповедует различия и разнообразность, плюрализм и процессуальность. Развитие предстает как не сводимые друг к другу линии или изменения. Как в морском пространстве. Лодки, вспоминая П. Монсона, на аллеях парка не бороздят...

Вторая показательная выездная история – совместная со студентами поездка в Италию, а точнее ее завершение в аэропорту Римини. У стоек регистрации пассажиров скопилась большая очередь. Глядя на нашу шумную и веселую разновозрастную компанию (от 18 до 75 лет), возглавляемую в конце очереди мужчиной почтенного возраста, одна из служащих несколько раз прокричала: «Familia, familia...» и жестами велела перейти к свободной стойке, чтобы обслужить только нас. Эта ситуация обнажила, вывела на поверхность, сделала очевидным коллективное самоосознание: кафедра – это большая и дружная семья, а заведующий – наш профессиональный папа. Терпеливо и лояльно взирая на все нюансы и прелести преимущественно дамской кафедры, Юрий Рудольфович с любовью к каждому отдельно и всем вместе всегда проявлял удивительную способность видеть и понимать части целого в неизменном отстаивании ценностей разнообразия, специфики индивидуального, создавая условия для самостоятельности и самоидентификации своих кафедралов. А это задача, как известно, не из простых.

Артикуляция названия кафедры в публичном пространстве университета никогда не требовала обозначения ее специализации. Достаточно было сказать «кафедра Вишневского» и все всегда понимали, о какой кафедре идет речь. «Кафедра Вишневского может все» - мнение окружающих коллег и начальников. Кафедра Вишневского – самая профессиональная и интеллектуальная, креативная, веселая, танцующая и поющая кафедра, которой под силу любая профессиональная задача. И это заслуга, в первую очередь, Юрия Рудольфовича Вишневского. Его управленческий рецепт прост – принятие разнообразия, открытость всему новому, свобода в своих желаниях и устремлениях, доверие к коллективу, одинаково ровное отношение ко всем проявлениям жизни и окружающим, подсмеивание над серьезными и не очень вещами, стремление быть непохожим на других, умение превращать ситуацию выбора между разными альтернативами в точку опоры.

В основе управленческого рецепта – ризоматическая логика, включающая эффективный механизм управления сложнейшим по своей организационной природе коллективом кафедры, ее педагогическими, научными, социальными процессами. Умение управлять множеством параметров различной размерности, сопрягать несопрягаемое, формировать «многомерный вектор» развития [4] – еще одна ипостась ризоматической культуры Юрия Рудольфовича Вишневского. Как хороший математик или

проектный менеджер, шеф (так любовно мы продолжаем его называть) вместо «обычного, тривиального перебора вариантов всегда использовал схему одновременных параллельных расчетов» [4] сразу по множеству кафедральных проектов с периодическим «схлопыванием» промежуточных результатов между собой. Реализация принципа соразмерности всегда сопровождалась воспроизводством комфортного профессионального и социально-психологического климата в коллективе кафедры. Впрочем, репродуктивные ценности сказывались и на локально-кафедральной демографической ситуации. Перманентное пребывание молодых, по выражению Вишневского, «кафедрянок» в декретном отпуске – еще одно судьбоносное, репродуктивное свойство ризомы. Как известно, даже самая малая часть новых отростков ризомного растения, как в голографии, содержит полную информацию обо всем организме. Хочется верить, что новое поколение кафедры будет сохранять и воспроизводить ценности ризоматической культуры Вишневского и ее наследственные признаки.

Библиографические ссылки

1. Liotard J.-F. The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. – Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 1984, – 144 p.
2. Вельш В. "Постмодерн". Генеалогия и значение одного спорного понятия // Путь. Международный философский журнал. – 1992. – № 1 (2). – С. 109-136.
3. Гречко П. К. Концептуальные модели истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ss.xsp.ru/st/013/index.php> (дата обращения – 12.02.2018).
4. Шарков В. Ф. Ризоматическая логика – инструмент для построения новой научной парадигмы // Актуальные проблемы современной науки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://naukarus.com/rizomaticheskaya-logika-instrument-dlya-postroeniya-novoy-nauchnoy-paradigmy> (дата обращения - 11.02.2018).

ГОЛОС ВИШНЕВСКОГО

Статья посвящена творчеству известного российского социолога Ю. Р. Вишневого. Раскрываются ключевые идеи его работ, особенности его общепризнанного таланта, грани его творческой личности.

Ключевые слова: Ю. Р. Вишневский, социология, социология молодежи, исследование.

A. Klyuev

VOICE VISHNEVSKY

Abstract. The article is devoted to the work of the famous Russian sociologist. It reveals the key ideas of his works, the features of his generally recognized talent, the facets of his creative personality.

Keywords: Y. R. Vishnevsky, sociology, sociology of youth, research.

Приступая к задаче написания статьи в сборник о Ю. Р. Вишневском, приходится преодолевать главное затруднение: о чем писать? Основная проблема здесь отнюдь не поиске сюжета, а выделении темы из многих и разнообразных аспектов бытования в одном времени и пространстве с Юрием Рудольфовичем. Впервые мы встретились в 1983 году, когда профессор Вишневский читал нам на философском факультете Уральского госуниверситета свой спецкурс, хотя заочное знакомство состоялось гораздо раньше при штудировании работ Юрия Рудольфовича. Можно делиться этими впечатлениями, которые запомнились и сохранились, несмотря на прошедшие годы и неизбежное «затираание» каких-то «файлов» мозга. Были годы сосуществования в «параллельных» университетских мирах, но энергетика Юрия Рудольфовича пробивалась всегда и во все горизонты университетской жизни и он оставался человеком о котором знают, помнят даже вне прямых коммуникаций.

Наконец, волей судеб и слияния уральских университетов, мы оказались в одном коллективе, и я приобрел опыт сотрудничества в решении общих задач и проблем с Ю. Р. Вишневским. Этот опыт также может описан как уроки Вишневого, потому что приобретался он в сложных и изначально конфликтных условиях вузовских трансформаций.

Однако, из всего богатства возможных тем мне хотелось бы остановиться на одной из природных уникальностей Юрия Рудольфовича, которой он наделен свыше. Голос Вишневого – это его «визитка», сразу позиционирующая его как особого человека. Общеизвестно, что гóлос (др.-греч. φωνή «звук») — способность человека издавать звуки при разговоре. Мы также знаем, что голосообразование происходит путём выдыхания воздуха из легких через рот и нос, при этом голосовые складки вибрируют и создают звуковые колебания в проходящем через них воздухе. Однако, эти тривиальные знания не дают нам понимания, того как это делает профессор Вишневский, достигая редкостного громкогласия своей речи. На моей памяти в уни-

верситетской среде этим даром обладали очень немногие. Я бы тут вспомнил Льва Наумовича Когана, чей «рык» безбоязненно разливался в аудиториях и коридорах философского факультета. Уникальным по звучности был голос Паригория Евстафьевича Суетина, ректора Уральского госуниверситета, может быть менее громкий, но с впечатляющей хрипотцой и способностью привлечения к внимательному слушанию. Специалисты говорят, что можно "говорить ртом", "говорить горлом", "говорить грудью" и даже "говорить животом". Мне же кажется, что Юрий Рудольфович вовлекает в процесс говорения и звучания все тело, сохранив присущий только младенцам дар резонировать в голосовых коммуникациях с миром от макушки до пят. Наверное поэтому Юрий Рудольфович не может говорить и выступать сидя и всегда отвечает отказом на мои предложения на заседаниях ученого совета института не затрудняться вставанием при выступлении. Также нельзя не видеть тех телесных преобразований, которые происходят с профессором Вишневым во время его выступлений: он становится выше, его фигура укрупняется и заполняет физическое пространство аудитории каким-то особым видом материи.

Отдельно хотел бы сказать о тембре голоса Ю. Р. Вишневого. Характерный для каждого человека тембр голоса, его звуковая окраска голоса, создает те или иные эмоционально-экспрессивные оттенки речи. Громкий голос (практически всегда интерпретируемый психологами как содержащий угрозу и передающий внутреннюю агрессивность его обладателя) в тембре Ю. Р. Вишневого ассоциируется с самодостаточностью, уверенностью и интеллектом. Эксперты в этой сфере отмечают, что человека с таким голосом окружающие воспринимают как знающего, а, следовательно, более авторитетного. Попутно подчеркивается влияния такого голоса на успех у противоположного пола, высокий уровень доверия женщин к обладателям сильного голоса и позитивной оценки их надежности. Думая о степени достоверности таких утверждений по отношению к профессору Вишневскому, я нахожу массу подтверждений в истории его многолетнего кафедростроительства и достигнутых высот корпоративности его кафедры. Не проверенным и нуждающимся в специальном изучении для меня является утверждение исследователей голоса, что сильный низкий мужской голос очень часто влияет на тембр голоса коллег женского пола в сторону низких частот, делая их голоса более бархатными и сочными.

Нередко используемое понятие психоголос отражает возможность, оценивая голос человека, судить о его характере, состоянии здоровья, настроении, его психоэмоциональной зрелости. По голосу можно понять, стоит иметь дело с этим человеком или лучше держаться от него подальше. Фридрих Ницше утверждал, что наиболее понятным в языке бывает не самое слово, а тон, ударение, модуляция, темп, с которыми произносится ряд слов, – короче сказать: музыка, скрывающаяся за словами; страстность, скрывающаяся за музыкой; личность, скрывающаяся за страстностью: т.е. все то, что не может быть написано. Психоголос Ю. Р. Вишневого считывается на генном уровне и вызывает позитивный настрой и отношение к его обладателю даже в ситуации полемики, спора или дискуссии. Я не знаю людей,

которые были бы обижены выступлениями профессора Вишневого, даже в тех случаях, когда по своему содержанию они являются серьезной критикой. В недрах интернета мне попалось утверждение, не подкрепленное никакими ссылками о том, что в результате многих исследований была доказана значащая роль голоса в процессе восприятия информации: человеческая психика извлекает до 40 % информации только из голоса, а семантика и смысл слов при восприятии информации важны менее чем на 10 %. Оставим вне оценки добросовестность таких цитирований, однако отметим, что это безусловно достоверно в применении к Ю. Р. Вишневскому, умеющему говорить и не самые приятные вещи таким голосом, что критика воспринимается как дар и откровение для ее получателя.

Подводя итоги моему краткому обзору голоса Вишневого, я бы хотел ввести новое понятие: социоголос Вишневого, зафиксировав в нем его звучание в профессиональном сообществе и отметив некоторые его черты:

Это голос молодости. Молодежная тематика всегда была и остается ключевой в исследованиях Ю. Р. Вишневого, а фундаментальная работа о студентах, готовящаяся к изданию в этом году как итог многолетних исследований проблем студенчества, на мой взгляд, создает совершенно особую позицию профессора Вишневого в отечественной социологии.

Это голос нарастающей силы звучания и мощности. Российский индекс научного цитирования зафиксировал рост публикационной активности профессора Вишневого впечатляющего масштаба: если в начале текущего десятилетия стрелка индикатора «мощности» была на отметке до 10 работ в год, то сейчас она на уровне 17-18 работ.

Голос Юрия Рудольфовича – это мощный голос солиста в большом хоре его соавторов, учесть которых в полном объеме не смог даже РИНЦ, споткнувшись на цифре 196, что явно не отражает полный состав соисполнителей научных работ профессора Вишневого. Мои попытки провести сравнительный анализ состава «хора» Вишневого с хором Пятницкого не дали количественных результатов, но экспертные оценки показывают существенное превосходство численного состава «хора» Вишневого.

Я понимаю все недостатки того жанра, к которому мне пришлось обратиться, говоря о Ю. Р. Вишневском, но извиняет меня только мое чувство огромной благодарности за то доброе, интеллигентное, интеллектуальное, человеческое, что внесла в мою жизнь его личность.

II. ПРЕДМОЛОДЕЖЬ, МОЛОДЕЖЬ, МОЛОДАЯ СЕМЬЯ – ОБЪЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В. А. Мансуров, Е. И. Пронина

К 60-ЛЕТИЮ ССА/ РОС

В статье анализируется структура и основные направления деятельности Российского общества социологов – правопреемника Советской социологической ассоциации в России и за рубежом. Описывается процедура организации и проведения всероссийских студенческих опросов, проводимых Российским обществом социологов.

Ключевые слова: Советская социологическая ассоциация, Российское общество социологов, Региональные отделения РОС, Исследовательские комитеты РОС, деятельность в МСА и ЕСА.

V. A. Mansurov, E. I. Pronina

TO THE 60TH ANNIVERSARY OF SSA/ RSS

Abstract: in the article the structure and main types of activity of the Russian Society of Sociologists, which is the successor of the Soviet Sociological Association in Russia and abroad are analyzed. The procedure for organizing and conducting of all-Russian student surveys, which are conducted by the Russian Sociologists Society is described.

Keywords: Soviet Sociological Association, Russian Society of Sociologists, Regional Offices of RSS, Research Committees of RSS, activities in ISA and ESA.

Российское общество социологов: структура и основные направления деятельности

В нынешнем 2018 году ССА-РОС отмечает свой 60-летний юбилей. Начало возрождения или «второго рождения», по мнению некоторых ученых отечественной социологии приходится на середину 50-х годов. В 1958 году была создана Советская социологическая ассоциация (Председатель Правления – член-корреспондент АН СССР Ю. П. Францев).

Российское общество социологов было организовано как республиканская организация в рамках Советской социологической ассоциации. Учредительный съезд Российского общества социологов прошел в сентябре 1989 года. Первым президентом РОС был избран Н. И. Лапин, Главным ученым секретарем – В. Н. Макаревич.

В 1991 году Российское общество социологов стало самостоятельной организацией, выполняя функции ССА на территории РСФСР, а 22 января 1992 года Советская социологическая ассоциация прекратила свою деятельность в качестве национальной организации МСА и передала свои полномочия в качестве члена МСА и координатора Региональных отделений, действующих на территории России, Российскому обществу социологов. Последующими со-президентами или членами президентского совета РОС были А. К. Зайцев, В. С. Дудченко, Ю. Р. Вишневский и В. А. Ядов. Ученый секретарь – В. А. Малова. С 1997 года по настоящее время прези-

дентом РОС является В. А. Мансуров, Исполнительным вице-президентом – Е. И. Пронина.

В настоящее время в Российском обществе социологов Региональные отделения находятся практически во всех субъектах Российской Федерации. Их возглавляют кандидаты и доктора наук, исследователи и преподаватели социологии и смежных дисциплин. В регионах регулярно проводятся конференции, чтения, семинары, школы молодых ученых и другие научно-организационные мероприятия, в которых принимают участие социологи из разных регионов России.

Заслуженные ученые инициировали создание и возглавляют Исследовательские комитеты РОС, созданные для каждого перспективного и актуального направления исследований.

Сегодня в РОС зарегистрированы 74 Региональных отделения и 36 Исследовательских комитетов.

Влияние РОС на совершенствование социальной политики России и регионов

Российское общество социологов (РОС), правопреемник Советской социологической ассоциации (ССА) АН СССР, опираясь на собственные возможности и резервы, пытается изучать общественное мнение в регионах и, соответственно, оказывать влияние на совершенствование социальной политики, как в отдельных регионах, так и в стране в целом. Среди основных направлений деятельности – привлечение региональных социологов не только через реализацию совместных исследовательских проектов, но и проведение конкурсов студенческих работ среди студентов-социологов, поддержка их участия в научных мероприятиях как внутри страны, так и за рубежом. Традицией РОС стало в преддверии крупных мероприятий, организуемых РОС, проводить всероссийские опросы студентов, как авангарда молодежи страны. Например, при подготовке V Всероссийского социологического Конгресса (ВСК–V) «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» (г. Екатеринбург, 19–21 октября, 2016 г.), было инициировано социологическое исследование федерального уровня «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости». В организации и проведении этого социологического исследования был использован накопленный опыт выполненных ранее федеральных исследований («Гражданская культура российского студенчества», 2007 г., «Студенчество России о Великой Отечественной войне», 2005, 2010, 2015 гг. и др.), когда организаторами исследований выступали Региональные отделения РОС. Как правило, преподаватели (члены РОС или сотрудничающие с РОС) организуют опросы на местах, в своих вузах, используя как местные ресурсы, так и организационную и техническую поддержку со стороны РОС (см., напр., [3-5] и др.). Результаты исследования представлены как в индивидуальных, так и коллективной работе авторов-участников проекта [10]. Объект исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» – студенты высших учебных заведений России. Предмет исследования – отношение студентов к социальному неравенству.

Метод сбора информации – анкетирование, выполненное с помощью двух техник: а) традиционный сбор данных методом раздаточного анкетирования по месту учебы (2311 человек, 58 % от общего числа опрошенных) и б) online-опрос (1653 человек, 42 %). Совмещение двух подходов к сбору первичной информации в рамках одного общероссийского опроса позволило провести сравнительный анализ эффективности on-line и off-line методов, что позволяет, в конечном итоге совершенствовать методики сбора первичной социальной информации в ходе изучения общественного мнения. Всего в 26 городах России (71 вуз) было опрошено 3964 респондента. Обработка полученных результатов проводилась с помощью программного комплекса Vortex (разработчик – Шкурин Д. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры прикладной социологии Уральского федерального университета им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина), организация процесса сводки общего массива и первичная обработка собранной в ходе исследования информации выполнена Д. В. Шкуриным (более подробно см.: [11]). Исследование «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» носило инициативный характер, присоединялись те организации, входящие в РОС, кому предложенная тема показалась интересной. Как показывает практика, такой опрос не может рассматриваться как представительный в полном смысле этого слова. По своей конструкции опрос ближе к параметрам квотного исследования, в котором объект исследования ограничен некоторыми заданными изначально характеристиками, в данном случае – возрастом и родом занятия. В условиях, когда математические условия репрезентации не соблюдаются, ограничения, которые налагаются на выборку, становятся благом. В сформированной совокупности оказываются респонденты одного статуса, одного возраста, но при этом дисперсно распределенные по всей территории РФ. Данная выборка, как всякая квотная, таит в себе возможность устойчивых искажений, но в большинстве случаев – и это неоднократно доказывалось исследовательскими практиками, – точно воспроизводит характеристики генеральной совокупности [8, с. 60].

Тематика V Всероссийского социологического Конгресса «Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость» является значимой не только для российского общества, но и для мира в целом. Так, XVIII Всемирный конгресс Международной социологической ассоциации посвятил свою работу теме «Обращаясь к неравному миру: вызовы глобальной социологии» (Йокогама, 2014 г.). Аналогичная проблематика стала основной для 12-й Конференции Европейской социологической ассоциации – «Различия, неравенства и социологическое воображение» (Прага, 2015 г.). Все это свидетельствует о том, что тема неравенства не имеет границ и не зависит напрямую от социально-политического устройства государства. Именно поэтому соорганизаторами V Всероссийского социологического Конгресса выступили не только российские социологические сообщества, но и зарубежные партнеры. Среди них – Международная социологическая ассоциация (МСА), Европейская социологическая ассоциация (ЕСА), а также национальные социологические ассоциации. Тема ВСК-V оказалась близка большому количеству исследователей,

причем не только социологам, но и ученым других научных специальностей. Для участия в Конгрессе подали заявки около полутора тысяч человек (1430 заявок, с учетом соавторов – 1550 человек). Поступило 49 заявок от иностранных участников из 11 стран дальнего и ближнего зарубежья. Все материалы, присланные участниками, были опубликованы на одноименном диске. Объем диска составил 11800 страниц (около 500 п. л.). Электронная версия диска размещена на сайте Российского общества социологов. В ходе Конгресса состоялись заседания 17 тематических сессий, 35 научных секций и 29 круглых столов. Обсуждались современные проблемы российского общества; тематика выступлений не всегда была непосредственно связана с темой социального неравенства и социальной справедливости, но обсуждение докладов, как правило, проходило в контексте заявленной темы ВСК-V. Тон и контекст обсуждения, заданные на пленарном заседании, ощущались в работе всех научных подразделений. В общем и целом, на Конгрессе был обсужден широкий круг методологических и практических аспектов изучения различных форм социального неравенства и социальной справедливости (дифференциация доходов, неравный доступ к здравоохранению, образованию, жилью, рынку, неравенство перед законом и т.д.). В Конгрессе активное участие принимала Президент Международной социологической ассоциации Маргарет Абрахам. В частности, на состоявшемся в рамках ВСК-V заседании Школы молодых ученых «Социология в публичном пространстве и доверие общества» она выступила с докладом о проблеме насилия над женщинами в разных странах мира. Ее выступление вызвало большой интерес и отклик у собравшихся молодых ученых.

Маргарет Абрахам отметила важные мероприятия, которые состоялись в ходе работы ВСК-V. Значимыми показателями традиций и инноваций в работе социологического сообщества для нее явились деятельность молодежной группы и открытие мемориала памяти одного из основателей уральской социологической школы Льва Наумовича Когана. Выступая на торжественной встрече-открытии аудитории имени этого видного социолога, М. Абрахам отметила, что сохранение научных национальных традиций, которые так поддерживаются уральскими социологами и социологами других Региональных отделений РОС, имеет важное значение для развития мировой социологии в целом.

По окончании конгресса состоялся очередной 9 отчетно-перевыборный съезд РОС. Выступая с отчетом за период работы между съездами, президент РОС В. А. Мансуров отметил, что работа с молодежью традиционно предшествует каждой конференции, форуму и конгрессу, которые проводит РОС. Ежегодный конкурс публикаций РОС имеет уже более чем 10-летнюю историю. Молодые исследователи принимают активное участие и в этом направлении работы общественной организации. Одним из важнейших направлений деятельности РОС является международное сотрудничество. Начиная с Первого Всероссийского социологического конгресса (в 2000 году), все Всероссийские социологические конгрессы готовятся и проводятся в тесном контакте с Международной и Европейской социологи-

ческими ассоциациями. Продолжает развиваться сотрудничество социологов стран БРИКС, очередная встреча которых прошла в дни Конгресса. Выступая на заключительном пленарном заседании Конгресса, Президент МСА отметила высокий уровень и атмосферу профессионального доверия, характеризовавшие этот форум, а также важность дальнейшего международного сотрудничества в области социологии и науки в целом.

Российские социологи широко представлены в руководстве Международной и Европейской социологической ассоциаций и их Исследовательских комитетов (МСА) и Исследовательских сетей (ЕСА) и активно участвуют в проводимых ими конференциях, Конгрессах и Форумах. Так, членом Исполкома Международной социологической ассоциации является Е. А. Здравомыслова (Европейский университет в Санкт-Петербурге); Президентом Исследовательского комитета «Социология науки и технологий» (RC23) – Н. А. Ащеулова (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН); вице-президентом Исследовательского комитета «Социология образования» (RC04) – С. А. Шаронова (Российский университет дружбы народов, Москва); вице-президентом Исследовательского комитета «Социотехника – социологические практики» (RC26) – Н. Е. Покровский (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); членом правления Исследовательского комитета «Биография и общество» (RC38) – В. В. Семенова (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва); членом правления Исследовательского комитета «Социология профессиональных групп» (RC52) – Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); международным корреспондентом (добровольным) Исследовательского комитета «Социология коммуникации, знания и культуры» (RC14) – О. Г. Ечевская (Новосибирский государственный университет); молодым исследователем Исследовательского комитета «Теория отчуждения и исследования» (RC36) – Е. И. Лыткина (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва).

Последний на данный момент XVIII конгресс МСА «Facing an Unequal World: Challenges for Global Sociology» (Yokohama, Japan, July 13-19, 2014) собрал 8964 участников, из них из России было 169 участников, из них 15 студентов. В работе XVII конгресса МСА в 2010 году из 5007 участников, из России было 111 участников.

Также МСА проводит социологические форумы. В работе последнего из них (The Futures We Want: Global Sociology and the Struggles for a Better World Vienna, Austria, July 10-14, 2016) принял участие 4231 человек, из России – 94 очных участников, всего 198, включая заочных.

Европейская социологическая ассоциация (ЕСА) была создана в 1992 году. Членами ЕСА являются 2000 ученых. Из России зарегистрировано 88 индивидуальных членов и Российское общество социологов как национальная ассоциация. Нынешним Президентом ЕСА является Sue Scott (University of Edinburgh, Scotland).

Членом Исполкома ЕСА, ответственным за публикационную активность является Е. Н. Данилова (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва); членом правления Исследовательской сети «Биографические перспективы европейских обществ (RN03) – Е. Ю. Рождественская (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); членом правления Исследовательской сети «Количественные методы» (RN21) – И. Ф. Девятко (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); членом правления Исследовательской сети «Социология трансформаций: Восток и Запад» (RN36) – Ю. А. Прозорова (Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Санкт-Петербург); дополнительным членом правления Исследовательской сети «Социология профессий» (RN19) – Р. Н. Абрамов (Национальный исследовательский комитет Высшая школа экономики, Москва); членом консультативного совета Исследовательской сети «Наука и технологии» (RN24) – Н. А. Ащеулова (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН).

Подводя итоги, отметим, что члены РОС, проводя исследования, выступая с докладами на международных, всероссийских и региональных конференциях, считают, что: именно социологические исследования могут и должны стать научной базой для формирования социальной политики, позволяющей смягчить возрастающие негативные явления в обществе [6, с. 5]. На протяжении двух десятков лет Российское общество социологов принимает активное участие в формировании социальной политики страны в отношении различных областей жизни общества. Это неоднократно отмечалось не только управленческими кадрами. Профессиональное сообщество социологов гордится многими эффективными формами работы РОС и своих коллег. По мнению членов РОС, наиболее перспективными и эффективными являются следующие:

1. Проведение ежегодного конкурса публикаций РОС;
2. Выпуск электронного варианта докладов и сообщений российских социологов, желающих принять очное или заочное участие в мероприятиях Международной и Европейской социологических ассоциаций;
3. Ежегодный конкурс студенческих работ Исследовательского комитета «Социология детства»;
4. Поддержка публикаций молодых ученых в российских и международных изданиях;
5. Проведение «предконгрессовских» школ молодых ученых;
6. Инициативные исследования РОС, проводимые на безвозмездной основе, в которых принимают участие Региональные отделения РОС, расположенные в различных регионах России, служащие совершенствованию социальной политики страны;
7. Проведение региональных и межрегиональных конференций под патронажем РОС, в которых участвуют ученые всей России;

8. Защита прав и свобод членов РОС и профессиональной группы в целом;
9. Поддержка высокого статуса социологических дисциплин и ее преподавания в вузах России;
10. Организация дискуссии о преподавании социологии и мониторинга преподавания дисциплины в вузах России;
11. Создание Совета по этике.

Подводя итог сказанному, можно констатировать, что РОС в результате длительной работы «отладил» определенные методики сотрудничества с регионами. В реализации «РОСовских проектов» участвует большое количество людей на местах: члены РОС (организаторы тех или иных исследований, публикаций, конкурсов, конференций), студенты, молодые ученые (участники конкурсов и конференций), респонденты, журналисты, которые затем освещают результаты исследований РОС в СМИ, и управленцы. Все эти люди приобщаются к осознанию и в той или иной степени решению поставленной тематикой исследования проблеме, что в конечном итоге направлено на совершенствование социальной политики, как в отдельных регионах, так и в стране в целом, доказывая, что общественное мнение в стране существует, изучается и даются необходимые рекомендации.

В настоящий момент РОС объявил тендер на проведение очередного VI Всероссийского социологического конгресса. Уже поступили первые предложения по месту проведения. На Президиуме РОС 7 февраля 2018 года социологи Нижегородского Регионального отделения РОС предложили в качестве места проведения следующего Всероссийского конгресса Нижний Новгород.

Библиографические ссылки

1. Dulina Nadezhda V., Ikingrin Elena N., Pronina Elena I. Russian Society of Sociologists Regional Offices Experience of All-Russia Public Opinion Research// Facing an Unequal World: Challenges for Russian Sociology / Editor-in-Chief V. Mansurov. – Moscow, 2014. – p. 337-343.
2. Бутенко И. А. Российское общество социологов: краткий курс истории объединения. – Москва: Изд-во «Институт социологии РАН». 2000 – 52 с.
3. Вишневский Ю. Р. Из опыта организации и проведения Всероссийским обществом социологов всероссийских социологических опросов / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных» (Москва, 12–13 марта 2015 г.). – Москва: ВЦИОМ, 2015. – С. 450-453.
4. Вишневский Ю. Р. Через исследования к доверительному сотрудничеству / Ю. Р. Вишневский, Н. В. Дулина, Е. Н. Икингрин, Е. И. Пронина // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – С. 80-83.
5. Вишневский Ю. Р., Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Социологическое исследование как инструмент проведения грамотной социальной политики // Социальные проблемы и безопасность российских регионов: материалы Второго Байк. науч. социол. симп. / под общ. ред. О. А. Кармадонова, В. А. Решетникова, С. А. Инкижиновой. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. – С. 7-15.

6. Зборовский Г. Е. Исследование мнений студентов по проблематике V Всероссийского социологического конгресса // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 5-9.
7. Звоновский В. Б. Основные результаты исследования «Рейтинг исследовательских компаний» // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2005. – № 2. – С. 11-20.
8. Мансуров В. А., Черныш М. Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 9-96.
9. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н., Пронина Е. И. Некоторые методы влияния РОС на совершенствование социальной политики России: Российское социологическое сообщество изучает социальное неравенство и социальную справедливость // Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12-13 октября 2017 г.) / отв. ред. А. В. Тихонов. – Москва: ФНИСЦ РАН, 2017. – С.749-755.
10. Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – 253 с.
11. Шкурин Д. В. Вопросы методики исследования РОС «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» (организация сбора и обработки информации, оценка репрезентативности и качества данных) // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 106-120.

ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Статья посвящена исследованию актуальной проблемы социального развития – воспитанию детей. В семье закладываются основные, базовые ценности и ценностные приоритеты, происходит приобщение к культурным традициям и духовным практикам, определяются социальные установки и ориентиры. Социальный успех и востребованность человека, его отношения и взаимодействия с другими людьми во многом зависят от особенностей семейного воспитания, в частности, в детском возрасте. Семья, являясь социальным институтом и малой социальной группой, оказывает значительное влияние на все происходящие процессы в обществе и отдельных его регионах. В статье произведен анализ различных стилей семейного воспитания. Под стилем воспитания детей в семье понимается система семейных ценностей и норм, традиций и правил поведения, оценок и поведенческих реакций, убеждений и целей. Рассмотрены авторитарный, демократический, либеральный, попустительский смешанный стили воспитания детей в семье, определены их достоинства и недостатки. Приведены результаты авторского социологического исследования. Актуализирована проблема социализации не только детей в семье, но и проблема социализации родителей. Воспитание детей в семье проанализировано с позиций влияния на устойчивое развитие общества. Доказывается, что результаты воспитания в семье проявляются в социокультурных практиках регионального развития, позволяют сохранять региональную идентичность и культуру.

Ключевые слова: семья, воспитание, стиль воспитания, наказание детей, устойчивое развитие, регион.

М. Akulich, I. Ilyina

FAMILY CHILDREN UPBRINGING AS A FACTOR OF SUSTAINABLE REGION DEVELOPMENT

Abstract: The Article is devoted to topical problems of social development and children upbringing. The family puts basic values and valuable priorities, attaches to cultural traditions and spiritual practice, defines social installations and reference points. Social success and demand of a man, his relationship and interaction with other people largely depend on the characteristics of family education and upbringing, particularly in childhood. Family as a social institution and a small social group has a significant influence on all happening processes in society and its certain regions. The article analyzes various types of family upbringing. The type of family upbringing is a system of family values and norms, traditions and rules of conduct, assessments and behavioral reactions, beliefs and goals. Such types of family children upbringing as authoritative, democratic, liberal, permissive, mixed are considered. Identified the advantages and disadvantages of each type. Some results of an author's sociological research are given. The author raises the problem of not only children socialization in family, but also the problem of parents' socialization. Family children upbringing is analyzed from positions of influence on sustainable development of society. It is proved that the results of Family children upbringing are manifested in sociocultural practices of regional development, conserve regional identity and culture.

Ключевые слова: семья, воспитание, стиль воспитания, наказание детей, устойчивое развитие, регион.

Семья является важнейшим социальным институтом и малой социальной группой, основной целью которых является воспроизводство населения, воспитание и социализация личности. Влияние семьи на формирование ребенка как личности, его мировоззрение, особенности менталитета и идентификации трудно переоценить. Именно в семье закладываются основные, базовые ценности и ценностные приоритеты, происходит приобщение к культурным традициям и духовным практикам, определяются социальные установки и ориентиры. Как сложится жизнь человека, его отношения и взаимодействия с другими людьми во многом зависят от особенностей семейного воспитания, в частности, в детском возрасте.

Проблематика семьи и семейно-брачных отношений является традиционной для зарубежной и российской социологии. Это теме посвящены фундаментальные научные труды многих известных российских ученых, в частности, А. Г. Харчева, А. И. Антонова, И. Ф. Дементьевой, С. И. Голода, Т. А. Гурко, И. С. Кона, А. Б. Синельникова [1-15].

Вместе с тем воспитание детей в семье остается актуальной проблемой, требующей изучения и научного осмысления с учетом изменяющихся социальных условиях. Воспитание детей в семье является сложным и многогранным процессом с ограниченным числом его участников. Семья – это общество в миниатюре, ячейка общества. Как известно, в обществе существуют следующие стили управления: авторитарный, демократический, либеральный, попустительский и смешанный. Если провести аналогию управления обществом и воспитания детей в семье, условно понимаемое как управление поведением ребенка, то можно сказать, что существуют подобные стили воспитания и детей в семье.

Стиль воспитания детей в семье – это система семейных ценностей и норм, традиций и правил поведения, оценок и поведенческих реакций, убеждений и целей. Особое значение в стиле воспитания имеет тон, каким родители общаются детьми в спокойной обстановке и нестандартных ситуациях. Важно и то какое мнение имеют родители о своем ребенке, о его личностном потенциале и социальных возможностях, способностях и талантах, особенностях поведения и манеры общения, ответственности и добросовестности, честности, порядочности и справедливости, доброте и агрессивности, послушности и своеволии. Система воспитания, и соответствующая ей система поощрений и наказаний зависит от многих условий и факторов, в том числе и от рассмотренных выше показателей.

Авторитарный стиль воспитания детей в семье требует жесткого, беспрекословного исполнения воли и «команды» родителей и предполагает соответствующие достаточно жесткие способы воспитания. При авторитарном стиле воспитания имеет место абсолютный контроль родителей за поведением и действиями детей. В такой семье в общении наблюдается дистанция между родителями или одним из них и детьми. Воля ребенка здесь не корректируется и направляется, а подавляется. Творческое развитие ребенка замедляется. Ребенок научается подчиняться и выполнять приказы и рекомендации достаточно быстро и ответственно. Примером такого вос-

питания может служить спартанское воспитание. Наказание в спартанской семье может быть достаточно жестким.

Демократический стиль воспитания детей в семье основан на уважении и соблюдении прав и свобод ребенка, доверии и обсуждении возникающих проблем на семейном совете или в личной беседе, взаимном уважении и поддержке, поощрении личностных устремлений детей. Родители в такой семье стараются поддерживать устойчивый морально-психологический климат. Они поощряют свободное и творческое развитие детей, контролируя их поведение в реальных или предполагаемых опасных ситуациях. Наказание осуществляется в доброжелательной форме, с обязательным объяснением ребенку сущности его провинности или ошибки.

Либеральный стиль воспитания детей в семье характеризуется минимальным участием родителей в воспитании детей. Родители в этом случае полагают, что детский садик, школа могут вполне успешно помочь воспитать их детей. Дети имеют много свободы в поведении и принятии решений в сложных для них ситуациях. Родители уповают на сознательность и ответственность своих детей, демонстрируют им полное доверие. И, если дети действительно ответственны и добросовестны, то родители не знают особых проблем с их поведением. Родители-либералы должны уметь умело распределить домашние обязанности с учетом возраста и особенностей своих детей, координировать их исполнение. Ребенок должен сам научиться быть ответственным и контролировать свое поведение и действия.

Попустительский стиль воспитания детей в семье означает, что родителей мало интересует семья и семейная ситуация. Родители практически самоустраниются от воспитания детей, пускает все на самотек, занимаясь собою и какими-то своими заботами. Воспитание детей происходит стихийно и не контролируемо. Поощрения и наказания не системны, хаотичны и случайны.

Смешанный стиль воспитания детей в семье предполагает равномерную заботу родителей и о себе, и о детях. В зависимости от семейной ситуации и особенностей поведения детей в тот или иной период может применяться любой из вышеперечисленных стилей воспитания детей. Соответственно и система поощрений и наказаний весьма разнообразна и порой не прогнозируема.

Стили воспитания детей в семье всеобщи, но в зависимости от этнических особенностей, культурных традиций и ценностей, образа жизни, а также экономических, политических и иных условий, они могут применяться по-разному. В определенной мере можно сказать, что у различных этносов или наций в культурной традиции семейного воспитания детей может преобладать тот или иной стиль воспитания детей. В результате практических наблюдений, описанных в литературе и собственных, полученных в путешествиях, можно немного сказать о воспитании детей в различных странах. Изначально важно отметить, что родители разных народов и стран любят своих детей и желают им всяческих благ. Вместе с тем в разных странах применяются различные стили воспитания детей.

Можно сказать, что в Германии применяется авторитарно-демократический стиль воспитания детей. Малышей воспитывают пунктуальными и педантичными, организованными и бережливыми. Это требует соблюдения строго режима дня, за которым следят родители. Так, спать малыши ложатся в 20 часов, а просмотр мультимедиа и других игр и занятий довольно жестко регламентируется. Малыши в игровых группах играют вместе с мамами, тем самым приобщаются к групповым играм, хотя игру выбирает ребенок самостоятельно. Здесь малыши обучаются общению и развивают коммуникативные способности, учатся играть по правилам и соблюдать дисциплину. В начальной школе ребенок учится читать и считать, в игровой форме приобщается к знаниям. Ребенка учат управлять своим временем, в специальном дневнике записывать планируемые дела. В это же период ребенка учат обращаться с деньгами, бережливости и умеренности в тратах. В этом ребенку помогает копилка. Родители помогают ребенку во всех его устремлениях стать такими, какими они хотят их видеть, в том числе и собственным примером.

В Японии применяется вначале либеральный, а затем демократически-авторитарный стили воспитания детей. В этой стране детям после пяти-шести лет прививаются вежливость, коллективизм и хорошие манеры. В японской системе воспитания до пяти-шести лет дети могут делать все, что им вздумается, и что они захотят. Родители к любым шалостям и проказам ребенка относятся терпеливо и доброжелательно. Они полагают, что в этот период ребенок должен максимально насладиться жизнью, без каких-либо ограничений. С начала обучения в школе воспитания японских детей становится строгим. Родители достаточно строго следят за их поведением и направляют это поведение в нужное русло. Полностью самостоятельным считается ребенок в возрасте 15 лет и старше. Японцы не повышают голос на детей, не шантажируют, не угрожают, не отчитывают долго и нудно за проступки и ошибки. Самое большое наказание ребенка в Японии это его игнорирование, когда ребенок остается один, и никто не хочет с ним разговаривать. Японские мамы не стремятся утверждать свой авторитет, и первыми примиряются с детьми, косвенно показывая свое огорчение поведением ребенка.

Демократический стиль с элементами попустительства в воспитании детей преимущественно характерен для американцев. В США дети воспитываются как свободные личности, знающие свои права, которые им разъясняются в раннем возрасте. В сложной ситуации американские дети могут обратиться в суд, в том числе и с иском на своих родителей. Американские дети много времени проводят со своими родителями, посещая различные деловые мероприятия, поскольку в детские садики ходят немногие из них, а нянь не все семьи могут позволить. Дети живут в отдельных комнатах и свои проблемы решают сами. Родители не поощряют капризы и не торопятся помогать ребенку решить его проблему. Наказывают ребенка американские родители, всегда разъясняя, за что и почему ребенок наказан. Ребенка могут в наказание лишить прогулки или игры на компьютере. Для американских мам демократия не редко превращается в попустительство. Мамы редко и неохотно занима-

ются со своими детьми и в результате к школе они в основном не умеют ни читать, ни писать.

Во Франции явно проявляется демократический стиль воспитания детей. Французских детей учат вежливости, соблюдению режима и правил поведения. Здесь издается множество книг и пособий для воспитания и развития малышей. Малыши посещают множество образовательных учреждений, направленных на воспитание. Французские мамы рано выходят на работу и, поэтому стремятся к 2 годам воспитать максимально самостоятельного ребенка. Родители к детям в целом относятся достаточно мягко, строгость проявляют крайне редко, а часто поощряют детей за их достоинства и успехи. Наказание детей за шалости и провинности, за своеволие и не послушание не такое частое явление в этой стране.

Можно сказать, что уникальность и многогранность России находит свое отражение и в воспитании детей. В нашей стране можно встретить все стили воспитания детей и авторитарный, и демократический, и либеральный и попустительский и многие варианты смешения или чередования этих стилей. В процессе воспитания родители и образовательные учреждения стремятся воспитать творческую и гармонично развитую личность, вырастить доброго и достойного человека. Родители в основном стремятся к тому, чтобы их дети посещали различные развивающие центры и спортивные секции. Малыши преимущественно посещают детские сады, в которых проводятся различные занятия по лепке, рисованию, пению, физкультуре. В старших группах начинается осуществляться подготовка детей к школе, обучение счету, чтению. На занятиях рассказывается об окружающем мире, природе и обществе. В целом прививается желание учиться. В российском обществе принято сравнивать успехи своих детей с успехами других детей, что может формировать соперничество и конкуренцию. В традициях российского, в частности, русского народа наказание во благо, справедливо не только не осуждается, но и одобряется.

В результате проведенного мною глубинного интервью 20 студентов (бакалавров и магистров) в 2017 году выяснилось, что не наказывали в детстве только 2 человек, а все остальные так или иначе наказывались. Основные способы наказания – ругали и ставили в угол – 17 человек, что-либо запрещали (прогулки, кино, встречи с друзьями, лишали компьютера) – 20 человек. Среди интервьюируемых не оказалось тех, по отношению к кому родители применяли физическое наказание. Все проинтервьюированные студенты отметили, что родители применяли наказание «правильно» и «за дело», были ответы «сам виноват, пошло на пользу», «к порядку приучали, к дисциплине», «слушаться надо было», «упрямая была». Интервьюируемые считают модель воспитания в родительской семье вполне приемлемой для себя и для будущих своих детей с учетом изменяющейся социальной жизни (19 человек). И только один человек отметил, что он «будет воспитывать своих детей по-другому».

В ходе интервью выяснилась очень значительная особенность восприятия наказания и его запоминания. Оказалось, что опрошенные студенты помнят, что их в принципе наказывали и как наказывали с возраста 6-7 лет. Наказания, которые при-

менялись в раннем детстве, повзрослевшие дети уже не помнят. А ведь именно, когда дети еще маленькие, родители испытывают большие физические и эмоциональные нагрузки, перегрузки и даже «эмоциональное выгорание». Это ведет к нервным срывам, которые отражаются на ребенке, допускается гневный крик, шлепки и т.д.

В этой связи актуализируется проблема воспитания и социализации родителей. Родители должны научиться вести себя достойным образом, быть эмоционально сдержанными, планировать не только рабочий день, а весь полный день. Причем план на день должен включать и все посещения развивающих и спортивных центров, чтобы не опаздывать и не дергать детей, потому что куда-то не успеваешь. Возможно, есть необходимость целенаправленной разработки социальной программы, связанной с родительством как социальным феноменом.

В 2017 году, как и в течение последние 20 лет, мною проведено социологическое исследование (опрошено более 200 студентов) по методике «иерархии ценностей», когда студент не выбирает из предложенных ценностей актуальные для него, а пишет свою иерархию ценностей. В течение всех этих лет семья всегда занимает первое или второе место, в это году 1 место, и это еще раз подчеркивает традиционность нашего общества в аспекте ценностных ориентаций. В этом году впервые за 20 лет в иерархии ценностей, предложенной самими студентами, появились такие ценности как вера, религия, информация. Еще студенты гораздо реже стали писать в ценностях образование, и гораздо чаще саморазвитие.

Российское общество, регионы это, прежде всего люди, их образующие. Устойчивое, стабильное развитие общества в целом и регионов во многом зависит от того как воспитаны дети и сами взрослые, насколько они гуманны, культурны, образованы, насколько могут активно и добросовестно участвовать во всей многообразной социальной жизни.

Библиографические ссылки

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи: методология исследования структур и процессов. – Москва: Издат. дом Nota Bene, 1998. – 379 с.
2. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Авторитарность в родительской культуре матерей // Социологические исследования. – 2016. – № 8 (388). – С. 43-53.
3. Вишневский А. Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // Общественные науки и современность. – 2015. – № 2. – С. 112-129.
4. Голод С. И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспект. – Л.: Наука, 1984. – 123 с.;
5. Гурко Т. А. Родительство: социологические аспекты. – Москва: Центр общечеловеческих ценностей, 2003. – 164 с.;
6. Дементьева И. Ф. Обеспечение безопасности детей. – Москва: Гос. НИИ семьи и воспитания, 2000. – 248 с.;
7. Кон И. С. Ребенок и общество. – Москва: Академия, 2003. – 336 с.
8. Прокопьева Ю. П., Прокопьева М. М. Роль семьи в воспитании ребёнка // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 26. – С. 257-258.

9. Синельников А. Б. Кризис брачно-семейных и межпоколенных отношений и приоритетные направления демографической политики в России: автореф. ... соискание ученой степени доктора социологических наук. – Москва, 2015.
10. Собкин В. С., Халутин Ю. А. Ценностно-целевые установки родителей по воспитанию детей старшего дошкольного возраста и их связь со стилями воспитания // Современное дошкольное образование. Теория и практика. – 2017. – № 7. – С.4-17.
11. Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. – Перепеч. с изд. 1979 г. – Москва: ЦСП, 2003. – 194 с.;
12. Bowlby, J., Secure Base, A. Parent-Child Attachment and Healthy Human Development // Basic Books. – New York, NY. – 1988. – 205 p.
13. Kraus B. Upbringing and socialization in the contemporary family // New Educational Review. – 2016. – 46 (4). – pp. 40-49.
14. Poraj-Weder M. Perceived parental upbringing and the materialism of young adults // SAGE Open. – 2014. – 4 (2). – 12 p.
15. Potančok J. Changes in understanding the role of a father in contemporary family [Article@Zmeny v chápaní úlohy otca v súčasnej rodine] // Sociologia. – 2010. – 42 (2). – pp. 113-133.

П. А. Амбарова

НЕ РАССТАНУСЬ С УНИВЕРСИТЕТОМ, БУДУ ВЕЧНО МОЛОДЫМ...¹

В статье рассматривается феномен «взросления» студенчества в связи с Life Long Learning. Исследуется институциональная, организационная, технологическая гибкость и адаптивность, университетов, их готовность к данному вызову. Акцентируется понимание геронтообразования как источника позитивной трансформации университетов. Обобщаются результаты исследования «серебряных» университетов – предпосылки их появления, их модели, используемые педагогические технологии, нормативно-правовые, организационные и социокультурные основания, экономические и финансовые механизмы.

Ключевые слова: феномен «взросления» студенчества, Life Long Learning, «серебряные университеты», высшая школа.

P. A. Ambarova

I WILL NOT RESTORE WITH UNIVERSITY, I WILL BE EVERYTHING YOUNG ...

Abstract. The article deals with the phenomenon of «growing up» of students in connection with Life Long Learning. Institutional, organizational, technological flexibility and adaptability, universities, their readiness for this challenge are explored. The understanding of gerontoeducation as a source of positive transformation of universities. The results of the study of "silver" universities are generalized – the prerequisites for their appearance, their models, the pedagogical technologies used, regulatory legal, organizational and socio-cultural foundations, economic and financial mechanisms.

Keywords: the phenomenon of «growing up» of students, Life Long Learning, «Silver» universities, graduate school.

Одна из тенденций развития современного высшего образования – и в России, и в зарубежных странах – «взросление» студенчества. Этот процесс означает изменение демографической структуры студентов: в ней увеличивается доля представителей зрелого и даже пожилого возраста. Революционных изменений, кардинально меняющих молодое «лицо» студенчества, конечно, не происходит. Однако вовсе не учитывать происходящие трансформации данной образовательной общности нельзя, в том числе и российским университетам, находящимся в поиске своих новых функций, миссии, моделей.

Феномен «взросления» студенчества возникает за счет активного включения в высшее образование представителей среднего, предпенсионного и пенсионного возрастов, на практике реализующих концепцию Life Long Learning. Для российских университетов, прежде активно развивавшим традиционное заочное образование, возрастной контингент обучающихся знаком. Однако увеличение в нем студентов предпенсионного возраста и появление «серебряных» обучающихся все-таки нельзя

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

© Амбарова П. А., 2018

назвать привычной, знакомой ситуацией. Это определенный вызов высшей школе, служащий проверкой ее институциональной, организационной, технологической гибкости и адаптивности.

Создание институциональных условий для качественного образования взрослых, в том числе геронтологического, выступает одним из критериев оценки государственной образовательной политики. Декларируется важность создания возможностей для наиболее полной реализации интересов и потребностей граждан старшего поколения, в том числе в сфере образования [см.: 8]. В реальности развитие этого вида образования в нашей стране происходит лишь в сфере дополнительного и неформального образования и мало затрагивает российские университеты. Между тем, в обществе сложились предпосылки для институционализации «серебряных» университетов. Есть запрос со стороны пожилых россиян. Авангард научно-педагогического сообщества видит в геронтообразовании источник позитивной трансформации университетов. Имеется интересный опыт работы с пожилыми студентами в зарубежных университетах. Да и в некоторых российских университетах появились уникальные практики обучения возрастных студентов.

Наше исследование посвящено различным аспектам обозначенной

проблемы – предпосылкам появления «серебряных» университетов, его моделям, педагогическим технологиям, нормативно-правовым, организационным и социокультурным основаниям, экономическим и финансовым механизмам. Проблемных вопросов как теоретической, так и практической разработки «серебряного» университета очень много. В этой статье мы обозначим один из них: «Нужны ли российским университетам "серебряные" студенты?» Постановка вопроса связана с определенным уровнем скепсиса по поводу необходимости развития геронтообразования именно в высшей школе. Это сомнение интенционально содержится, по меньшей мере, в трех ключевых вопросах, на которые мы попытаемся дать ответ в этой статье.

1. Зачем нужны университетам «серебряные» студенты, если даже высшее образование для молодых находится в кризисном состоянии?

Одна из наиболее часто обсуждаемых проблем современного высшего образования – это качество студенчества – основной образовательной общности в вузе. Одно из главных противоречий заключается в несоответствии уровня когнитивной готовности, образовательной мотивации и поведения достаточно большой части студентов тем требованиям, которые университет предъявляет к ним [7; 9]. Среди таких «дефицитных» качеств – активность, самостоятельность, осознанный выбор, ответственность и добросовестность, проявляемые в учебной и образовательно-научной деятельности. Качество человеческого капитала студентов служит источником серьезных рисков развития высшего образования. В качестве аргумента приведем только одно высказывание нашего эксперта:

«У всех вузов одна стратегия – борьба за финансовые ресурсы. Теперь система такова, что борьба выливается в борьбу за абитуриентов, потому что сейчас

абитуриент – источник финансов. И это крайне негативно влияет на качество абитуриентской базы, т.к. в погоне за финансовой составляющей набираются все подряд. Из них 30 % просто нельзя брать, потому что им самим это не надо по большому счету: родители настояли на поступлении в вуз, в армию не хочется идти, на работу тоже не хочется... А поскольку чем-то надо заняться, то решают "поучиться-потусовать" еще несколько лет в вузе. Получается, таким студентам не нужна качественная подготовка, а если им этого не надо, то им не нужен и высококвалифицированный преподаватель. Это, к сожалению, стратегия подавляющего большинства вузов. Сегодня существует очень небольшая группа вузов, которым правительством, министерством, президентом практически разрешено оторваться от этого процесса: перестать набирать всех подряд и попытаться продемонстрировать что-то другое: научную активность, работу с производством, работу на экономику страны, помощь в экономическом развитии страны в разных формах. Но в стране 20-30 таких вузов, ну, пусть даже 40, что на общем фоне очень и очень мало» (А. И., заместитель проректора).

Преподаватели высшей школы, которые хорошо знакомы с заочным образованием, знают, чем отличаются взрослые студенты-заочники от молодых студентов-очников: сформированной, устойчивой мотивацией к учебному труду и, в случае интереса к науке, – к научно-образовательной деятельности; ясным пониманием связи образования с практической деятельностью и осознанным подходом к организации своей траектории внутри образовательного пространства; четкой артикуляцией своих запросов к образовательной системе, вузу, образовательной программе, преподавателям.

Обратимся к материалам исследования конкретных ситуаций обучения возрастных студентов в российских университетах. В 2016 г. в Орловский госуниверситет поступил 46-летний немец Йорн Хезе. Студент совершенно не типичный для российских университетов, но хорошо презентующий модель поведения возрастного студента:

«Мне многие говорили: тебе уже 46 лет. Такой старый студент. Зачем? Отвечал, что я любопытный человек. Учиться – это интересно. На Западе за свою жизнь люди меняют обычно четыре профессии. ... Я зашел в деканат, чтобы взять расписание, учебный план на семестр, рабочие программы дисциплин. Мне ответили, что ничего этого нет. Как? Три дня до нового учебного года! "Вы не волнуйтесь, это нормально". А когда расписание все же появилось, удивился набору предметов. Я первое время молча недоумевал, а потом начал действовать. Я знаю немецкий, английский, французский, испанский языки. Посетил сайты Кембриджа, Оксфорда, университета им. Гумбольдта в Берлине, Технического университета в Дрездене, Сорбонны в Париже. Скачал их учебные планы первого курса для экономистов, аккуратно перевел все это на русский, сравнил с программой в университете Орла, сопроводил собственным письмом и отправил в деканат. Позвонила заместитель проректора по учебной работе и пригласила на беседу. Она была немного в шоке,

что я могу такие письма писать. Ведь я просто студент – то есть должен молча учиться. Но они были добры со мной: предложили составить индивидуальный план обучения. У меня в общежитии всегда была политика открытых дверей. Я их закрывал только когда ложился спать. И одногруппники ко мне в гости постоянно приходили, расспрашивали, как там жизнь в Германии, Мексике, Франции. Мы пили чай, готовили ужин, была очень интересная атмосфера. Некоторые студенты хотели изучать английский. Я купил в «Детском мире» большую белую доску, маркер и преподавал английский и немецкий. Тягу к знаниям у молодежи надо поддерживать» [13].

Модель поведения и отношение к образованию, описанные выше, характеризуют и российских «серебряных» студентов:

«Я читал истории про парней, ветеранов афганской войны, умных, красивых и образованных, которые после конфликта спились и сели на наркотики, как будто не было другого выбора. Есть ведь книги! А молодежь, какая пошла? Ребята не хотят учиться, сидят в своих телефонах и компьютерах; в журналах и дневниках – одни двойки» [2] (Кирилл Патрахин, студент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета).

«Я сдал два экзамена и четыре зачета. По истории России интересный был экзамен, как сам предмет. Как можно его не знать? Отвечал без запинок, получил пятерку. А за второй экзамен – основы журналистики – моя оценка четверка. Полезно и важно было разобрать мои статьи, опубликованные в газете "Киселевские вести" за эти полгода. Преподаватели сказали: "Пишешь по сути!" Значит, есть смысл продолжать учебу дальше. Сессия прошла. Я набрал заданий на новый семестр. Уже дома. Занимаюсь» [11] (Александр Трусов, студент Томского государственного университета).

Приведенные отрывки из интервью с возрастными студентами показывают, что они обладают той особой культурой образовательно-научной деятельности, которая во многом востребована современным университетом и которую мы стремимся сформировать (не всегда успешно) у молодого поколения современных студентов. Наличие жизненного и профессионального опыта, высокий уровень мотивации к получению высшего образования способствуют выполнению возрастными студентами важных социальных функций в системе университетского образования. Они не только приносят с собой в аудиторию особый «дух» – четко выраженное стремление к приобретению знаний, компетенций, квалификации, «заражают» им и молодую часть студентов. Они по-особому выполняют функцию профессиональной социализации молодого поколения студентов.

Несколько отклоняясь от темы статьи, вспомним одну из особенностей дистанционного обучения, за которую оно постоянно подвергается критике со стороны научно-педагогического сообщества. Речь идет об отсутствии в системе дистанционного обучения каналов профессиональной социализации, отвечающих за трансляцию профессиональной культуры. В общем-то, тот же дефект в той или иной степе-

ни наблюдается и в традиционном обучении студентов – при сокращении сроков обучения (до 4 в бакалавриате), уменьшении часов на производственную практику и ее формальном, часто имитационном характере, усиливающимся разрыве между вузами и предприятиями-работодателями. В развитии практик «серебряного» университета, особенно при внедрении его интегративной модели (предполагающей совместное обучение студентов различных возрастов) [3], мы видим способ нивелирования последствий названных «дефектов». В этом случае сама образовательная среда и повседневные образовательные практики будут способствовать формированию у студенческой молодежи позитивных установок на образовательную деятельность, ценность знаний, самостоятельность, приобретению ими необходимых морально-нравственных качеств. Параллельно может осуществляться такая функция «серебряных» университетов, как межпоколенческая интеграция. Одно из наших интервью с молодыми студентами показало, что они не возражают против присутствия в их группах возрастных студентов и в определенной степени готовы с ними взаимодействовать: *«Это даже интересно, учиться с опытными людьми, знающими жизнь не по книжкам и учебникам, как мы. Они даже могли бы быть старостами в наших группах»*; *«Может быть это и необычно. И даже поначалу может вызвать отторжение. Но ведь мы ко всему можем привыкнуть. И к таким возрастным студентам тоже»*.

2. Кто будет оплачивать расходы на «серебряное» высшее образование, если сейчас государственное финансирование высшей школы и без того постоянно сокращается?

В обществе, находящемся в ситуации перманентного социально-экономического кризиса, всегда возникает спор об источниках финансирования социально значимых проектов. Экономика высшего образования и в России, и за рубежом всегда была и будет зоной столкновения интересов экономических, политических, социальных и культурных субъектов, по-разному оценивающих значение и объемы инвестиций в этот дорогостоящий «человекотворческий проект». Между тем, активно развивающаяся экономика общественного сектора может дать не только общий ответ на сакраментальный вопрос «За чей счет банкет?», но и разработать конкретные финансово-экономические модели геронтообразования в структуре университетского сектора. Решать эту проблему все равно придется, в противном случае государственная политика должна будет поменять свой вектор и направить усилия не на поддержку продолжительности жизни россиян, а на ее сокращение. Даже самые пессимистические прогнозы свидетельствуют о том, что достижение средней продолжительности жизни в 100 лет – не такая уж отдаленная перспектива, в том числе и для таких кризисных обществ, как российское. Это означает, что обновление общекультурного и профессионального капитала представителей «серебряной» общности – столь же актуальная задача, как и формирование человеческого капитала молодежи и представителей среднего возраста. Следовательно, геронтообразование однозначно попадает в список значимых «инвестиционных» проектов.

Подобно любому другому социально значимому и ресурсоемкому проекту, «серебряные» университеты нуждаются в финансовой поддержке различных экономических субъектов, среди которых ведущая роль принадлежит государству как основному «держателю акций» высшего образования в России. Геронтообразование представляет собой общественно-государственную систему, для создания и развития которой необходима аккумуляция ресурсов как органов государственной власти и местного самоуправления, так и негосударственных учреждений, общественных организаций, политических партий, частных лиц, самих обучающихся и их родственников.

В современных социально-экономических условиях, безусловно, государство не сможет взять на себя полностью финансирование «серебряных» университетов. Даже в благополучные в экономическом плане 2000-е гг., когда в России начала складываться система геронтообразования, разработчики различных его концепций указывали на необходимость соблюдения принципа паритетности и соучастия в этом проекте различных социальных и экономических субъектов. Этот принцип остается актуальным и сегодня. Вклад государства в создание «серебряных» университетов может быть осуществлен в форме частичного целевого финансирования различных программ для старшего поколения, посредством перераспределения средств пенсионных и иных социальных фондов, через организацию системы привлечения частных средств, софинансирование конкурсов образовательных проектов, поддерживаемых различными негосударственными структурами и частными лицами.

Можно отметить ряд факторов, которые несколько смягчают остроту проблемы финансирования «серебряного» высшего образования.

Во-первых, оно не может и не будет массовым, в отличие от молодежного сегмента высшей школы. Это связано с тем, что «серебряные» университеты представляют собой лишь часть системы геронтообразования, которая разворачивается в пространстве не только формального, но и неформального и информального образования. Другие сегменты системы образования для старшего поколения не менее эффективно выполняют возложенную на нее социальную миссию. За «серебряными» университетами могут быть закреплены специфические функции, связанные преимущественно с обновлением профессионального капитала «серебряной» общности.

Во-вторых, возрастные студенты, поступая в российские вузы, как равноправные граждане и исправные налогоплательщики реализуют свое право на получение высшего образования, наряду с другими возрастными общностями. И ни государство, ни общество не вправе отказать им в этом. Эйджизм в образовании не имеет ни правового обоснования, ни социокультурного оправдания, ведь представители старшего поколения наравне со всеми участвуют в обеспечении высшего образования как общественного блага.

В-третьих, в современном российском обществе, на фоне снижения в целом уровня жизни старшего поколения, тем не менее, сформировался очень узкий социальный слой обеспеченных пенсионеров или же пенсионеров, чьи дети принадлежат

к среднему классу. Результаты исследования Института социологии РАН показывают, что среди россиян, составляющих средний класс, 13 % – в возрасте от 51 до 60 лет и еще 10 % – старше 60 лет [6, с. 25]. Представители этого социального слоя сохраняют активность на рынке труда, имеют высокий уровень образования и профессиональной квалификации, что в целом позволяет им занимать достаточно высокое положение в социальной иерархии [4, с. 68]. Мы обращаем внимание на данную социальную группу российских пенсионеров как потенциальных и реальных потребителей образовательных услуг «серебряных» университетов, обладающих потребностью в продолжении образования и потребительской способностью оплачивать их самостоятельно или с помощью родственников. Для определенной части российских вузов, испытывающих тяготы конкурентной борьбы за абитуриентов, это новая, пусть и небольшая, целевая аудитория.

В-четвертых, образование в «серебряных» университетах входит в сегмент недорогого высшего образования, поскольку основные специальности, интересующие, по крайней мере, на сегодняшний день, возрастных студентов, связаны с экономическим, социальным, гуманитарным профилем. Кроме того, зарубежный и имеющийся отечественный опыт обучения «серебряных» студентов показывает, что при использовании уже имеющейся вузовской инфраструктуры дополнительные расходы на организационное сопровождение этой группы студентов снижаются.

3. Нужны ли рынку «серебряные» выпускники вузов? Не составят ли они на рынке труда конкуренцию молодым? А если они не выйдут на рынок труда, то зачем их учить в вузах?

За последние годы нас приучили осмысливать значение высшего образования почти исключительно в прикладном контексте, уделяя внимание его роли в подготовке кадров для рыночной экономики. На самом деле функции современного университета намного шире и ориентированы не только на прикладные, но и на терминальные человекотворческие ценности. Но даже в инструментальном смысле есть *смысл* в «серебряном» высшем образовании, поскольку экономика включает в себя не только рыночный сектор, но и нерыночный (сектор общественных услуг), который активно развивается в последнее время. Доказательством служит динамика рынка волонтерского труда, экономическая составляющая которого давно просчитана и активно используется во всех странах мира [см.: 10].

Разработка концепции и образовательных программ «серебряных» университетов должна базироваться на двух основаниях: потребностях самой «серебряной» общности и знании потребностей рынка труда во всем спектре его позиций, представлениях о готовности различных типов работодателей (в том числе государства) применить человеческий капитал этой возрастной общности российских студентов. С одной стороны, старшее поколение россиян нуждается в правовых, экономических, политических знаниях, знаниях информационных технологий. С другой стороны, определенные сегменты экономики общественного сектора нуждаются в профессиональном, исполнительном, добросовестном и зачастую «недорогом» выпуск-

нике вуза. Кроме того, не нужно забывать и о секторе домашних хозяйств, где порой требуются высокопрофессиональные компетенции в области воспроизводства семейного человеческого капитала (скажем, воспитания и обучения детей). Исследования показывают, что структура рабочих мест, занятых людьми «серебряного» возраста, никогда не будет соответствовать структуре мест для молодых [1]. Это означает, что ситуация масштабной конкуренции между поколениями надуманная или, по крайней мере, разрешимая. По мнению нобелевского лауреата К. Писсаридеса, в современной экономике все большее значение приобретают небольшие сервисные организации, работающие по принципу «люди для людей» [5]. Благодаря таким организациям и расширится рынок занятости для людей пенсионного возраста.

Необходимо заметить, что, несмотря ни на какие экономические пертурбации, сохраняют свою занятость или легче находят работу люди старшего возраста, обладающие высоким уровнем образования (прежде всего, высшим), исключительными компетенциями и крепким здоровьем. При этом уровень здоровья коррелирует с уровнем образования. На основе анализа микроэкономических данных Ю. В. Сони́на и М. Г. Колосницына выяснили, что среди всех работающих пенсионеров высока доля тех, кто работает в образовании, здравоохранении, науке, ЖКХ, МВД и ВПК, т.е. секторах экономики с преобладающей ролью государства [12, с. 42].

В развитии рынка труда для «серебряной» общности нам видится особая регулирующая роль государства. Государство создает институциональные условия, которые стимулируют интерес к «серебряным» студентам со стороны работодателей. Государство способно регулировать конкуренцию на рынке труда между различными поколениями россиян. Государство само по себе может выступать привлекательным работодателем для «серебряных» выпускников. В конце концов, рынок и сам по себе является саморегулирующейся системой, способной самостоятельно расставить все точки над «i» во взаимоотношениях с университетами и их выпускниками. Но эти процессы обязательно должны протекать на фоне межгенерационной толерантности, открытости и высокого качества высшего образования для всех возрастных групп населения. А государство в этом случае должно взять на себя роль создателя позитивной «возрастной идеологии».

В ходе исследования мы пришли к выводу о том, что ответ на поставленный исследовательский вопрос – нужны ли «серебряные» студенты российским университетам? – скорее всего, будет положительным. Между тем институциональные условия для геронтообразования в российских университетах находятся в процессе формирования. Образовательное право РФ не мешает развитию геронтообразования в университетах, хотя и не стимулирует его развитие. В российских университетах возможно создание организационных структур для людей «серебряного» возраста на базе институтов (факультетов) дополнительного профессионального образования, но при этом необходима разработка модели финансирования их деятельности. Педагогическая инфраструктура (технологии, методы обучения, адаптации) разработана, но требует адаптации к высшей школе.

Отношение к «взрослению» студенчества со стороны различных образовательных общностей противоречиво. У них разная степень готовности включаться в практики образования для взрослых. Однако данный барьер преодолим при условии активного «продвижения» этой проблемы как элемента образовательной политики университета.

Наше исследование позволяет определить направления, по которым необходимо развивать «серебряное образование» в российских вузах:

1. Признание государством высшего образования для «серебряной общности» необходимым вектором совершенствования университетского образования, который способствует инновационному развитию российского общества. Государственная политика в сфере высшего образования должна органично включить принципы и ориентиры, позволяющие создавать для этого вида образования необходимые организационные, финансовые, информационные, инфраструктурные условия.

2. Разработка на федеральном, региональном и локальном уровнях стратегий развития «серебряного» университетского образования с учетом конкретных социальных, экономических, демографических, культурных факторов.

3. Создание научного, научно-методического и информационного обеспечения образовательного пространства для «серебряных» студентов; формирование корпуса научных и научно-педагогических кадров, ориентированных на специфику образования для взрослых.

4. Проработка модели финансового обеспечения образовательных программ для «серебряных» студентов, позволяющей интегрировать интересы и возможности всех субъектов, заинтересованных в развитии этого вида высшего образования.

Библиографические ссылки

1. Возраст не помеха. Работающих пенсионеров со временем станет больше // Российская газета. 11.10.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/10/11/reg-szfo/pensionery-snova-stanut-vostrebovany-na-gynke-truda.html> (дата обращения 28.01.2018).

2. Дед-студент. 89-летний пермяк поступил в педагогический университет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aif.ru/society/education/ded-student_89-letniy_permyak_postupil_v_pedagogicheskiy_universitet (дата обращения 28.01.2018).

3. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. «Взросление» студенчества как феномен меняющегося высшего образования // Высшее образование в России. – 2017. – № 4. – С. 38-49.

4. Козырева П. М., Смирнов А. И. Российские пенсионеры в условиях кризиса // Социологические исследования. – 2017. – № 1. – С. 64-73.

5. Кристофер Писсаридес: «Вы не доверите уход за своим ребенком компьютеру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://4science.ru/articles/Kristofer-Pissarides-Vi-ne-doverite-uhod-za-svoim-rebenkom-komputeru> (дата обращения 27.01.2018).

6. Мареева С. В. Численность и состав среднего класса в современной России // Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований / под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. – Москва: Весь Мир, 2016. – С. 15-37.

7. Недоученные? До трети поступивших не могут учиться в ВУЗах // Аргументы и Факты. – 2016. – № 26 от 29.06.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.aif.ru/society/education/nedouchennye_do_treti_postupivshih_ne_mogut_uchitsya_v_vuzah (дата обращения 18.10.2017).

8. Об утверждении Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года. Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/420334631> (дата обращения 24.01.2018).

9. Резник С. Д. По этапам адаптации. Кому учить студентов жить? // Поиск. – 2016. – № 42 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.poisknews.ru/theme/edu/20921/> (дата обращения 26.01.2018).

10. Певная М. В. Управление российским волонтерством: сущность и противоречия // Социологические исследования. – 2016. – № 12. – С. 69-77.

11. Самый старший студент Кузбасса за свою жизнь ни одной шпаргалки не написал! [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kp.by/daily/26020.4/2941405/> (дата обращения 28.01.2018).

12. Сони́на Ю. В., Колосни́цына М. Г. Пенсионеры на российском рынке труда: тенденции экономической активности людей пенсионного возраста // Демографическое обозрение. – 2015. – т. 2. – № 2. – С. 37-53.

13. «Я слышал, что оценки можно купить за деньги». Немец поступил в российский университет и решил срочно спасти эту страну [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://m.lenta.ru/articles/2017/12/27/nemez/> (дата обращения 20.01.2018).

А. П. Багирова

ПОДГОТОВКА МОЛОДЕЖИ К РОДИТЕЛЬСКОМУ ТРУДУ, ОСНОВАННАЯ НА ПОНИМАНИИ СЛОЖНОСТЕЙ И ПРЕИМУЩЕСТВ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ¹

В статье исследуется проблематика современной демографической ситуации в России и обосновываются новые подходы к регулированию демографических процессов. Особое внимание уделяется родительскому труду как деятельности по рождению, уходу, воспитанию и развитию детей, осуществляемой в семье, выделяются его аспекты (разделение труда между родителями, гендерное неравенство в этой сфере и его детерминанты, затраты времени на домашний труд, связанный с детьми, развитие родительских умений и подготовка родителей). Обосновывается важность набора компетенций, необходимых для успешной реализации труда в сфере воспроизводства населения и выделяются группы таких компетенций – специальные, социальные, информационные и коммуникативные. На основе материалов социологического исследования представлений студентов о трудовом характере будущего родительства (2016, N = 400) предложены рекомендации по оптимизации подготовки молодежи к родительскому труду.

Ключевые слова: современная демографическая ситуация, регулирование демографических процессов, родительство, родительский труд, гендерное неравенство, специальные, социальные, информационные и коммуникативные компетенции родителей.

A. P. Bagirova

PREPARATION OF YOUTH FOR PARENTAL WORK, BASED ON UNDERSTANDING DIFFICULTIES AND ADVANTAGES OF ITS IMPLEMENTATION

Abstract. The article studies the problems of the modern demographic situation in Russia and justifies new approaches to regulating demographic processes. Particular attention is paid to parental labor as activities related to the birth, care, education and development of children in the family, its aspects are distinguished (division of labor between parents, gender inequality in this sphere and its determinants, time spent on household work related to children, development of parental skills and parent training). The author substantiates the importance of the set of competencies necessary for the successful implementation of labor in the sphere of population reproduction and identifies groups of such competencies – special, social, informational and communicative. Based on the materials of the sociological research of students' ideas about the future of labor in labor (2016, N = 400), recommendations for optimizing the preparation of young people for parental labor were proposed.

Keywords: modern demographic situation, regulation of demographic processes, parenthood, parental work, gender inequalities, special, social, informational and communicative competence of parents.

По словам Ю. Р. Вишневого – известнейшего российского ученого, посвятившего всю свою профессиональную деятельность изучению молодежи, социология, исследуя в числе прочих проблем подготовку молодежи к браку и семейной

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

© Багирова А. П., 2018

жизни, считает одной из задач формирование у молодых готовности быть родителями, умения воспитывать детей, относиться с уважением к их личности [7, с. 349]. Такое понимание проблемы целиком соответствует пониманию родительства как трудовой деятельности, развиваемому в стенах Уральского федерального университета на протяжении последних 10 лет (см., например, [9]).

Россия – страна, переживающая целый комплекс демографических проблем. Деформация возрастной структуры населения и прогнозируемое сокращение доли лиц трудоспособного возраста, низкая рождаемость и снижение вероятности рождения первого ребенка, экономический кризис и низкие социальные нормы детности – все это требует новых подходов к регулированию демографических процессов. С нашей точки зрения, одним из таких подходов сегодня может стать стимулирование будущего количества и качества населения на основе понимания трудового характера родительства. Мы исходим из того, что деятельность по рождению, уходу, воспитанию и развитию детей, осуществляемая в семье, является родительским трудом.

Идеи, позволяющие нам сегодня рассматривать родительство в качестве особого вида труда, были сформулированы еще в работах К. Маркса и Ф. Энгельса. Они говорили о двойственности процесса воспроизводства жизни общества и существовании двух взаимосвязанных и равнозначных родов воспроизводства: воспроизводстве материальной жизни и воспроизводстве собственно жизни [8, с. 26-28]. Сегодня ученые исследуют различные аспекты домашнего труда, большая часть которого связана с детьми. Например, изучается разделение труда между родителями [1; 3], гендерное неравенство в этой сфере и его детерминанты [2; 5], затраты времени на домашний труд, связанный с детьми [4; 6] и т.д. Существуют исследования, в которых поднимаются проблемы развития родительских умений и подготовки родителей. Отметим, что число таких работ за последние десятилетия выросло в несколько раз (рис. 1, рис. 2).

Рисунок 1 – Число книг о родительских умениях
(по данным Google Books Ngram viewer)

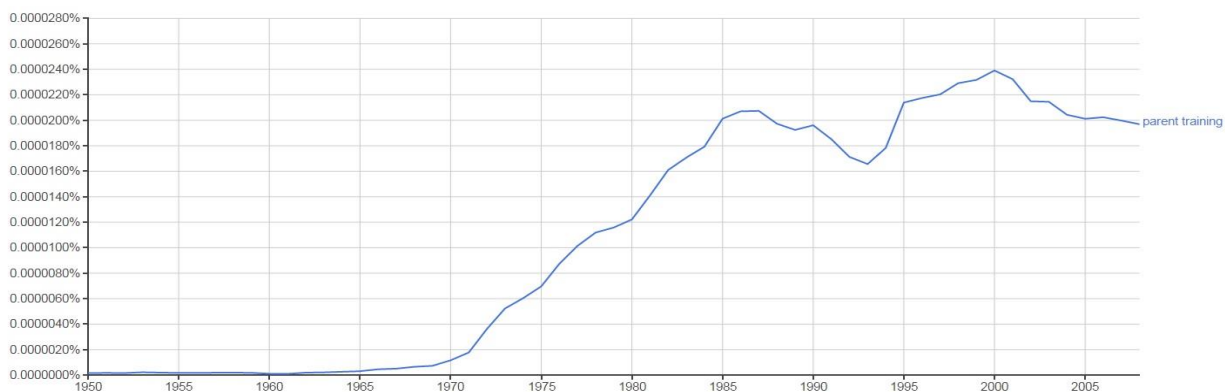

Рисунок 2 – Число книг о подготовке родителей
(по данным Google Books Ngram viewer)

В 2016 году нами проведено выборочное обследование студентов бакалавриата и магистратуры Уральского федерального университета (стратифицированная выборка, ошибка выборки не больше 3 %, объем выборки – 400 человек)¹. Одна из задач исследования заключалась в выявлении представлений студентов о трудовом характере будущего родительства. Анализ ответов потенциальных родителей показал, что подавляющее большинство считает родительство трудом – об этом нам сказали 90,4 % опрошенных. В то же время, мы обнаружили существенные различия в ответах юношей и девушек на этот вопрос (рис. 3).

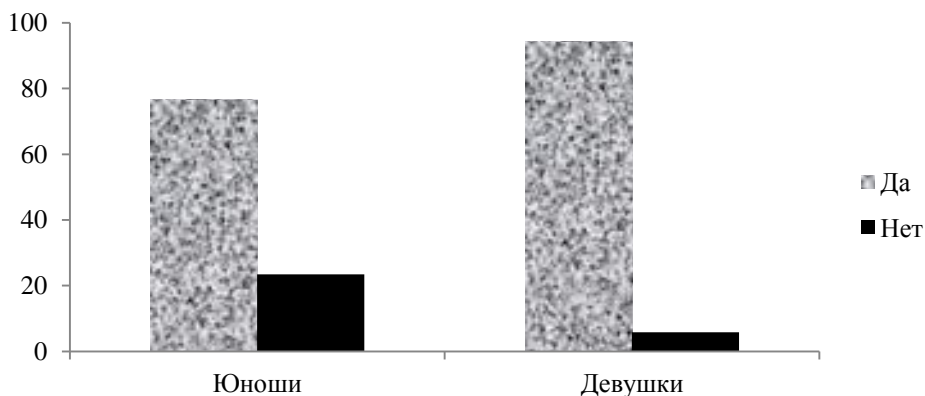

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос
«Является ли родительство трудом?», % от численности юношей/девушек.

Критерий χ^2 показал, что ответ на этот вопрос и пол респондентов связаны между собой ($\chi^2(1, N = 400) = 21.498$, $\phi(\phi) = .246$, $p < .001$).

Самым трудным этапом родительства треть молодых людей считает возраст до одного года ребенка. Чуть больше пятой части респондентов сказали, что самые

¹ Автор благодарит ассистента кафедры социологии и технологий ГМУ УрФУ Анжелику Ворошилову за сбор данных в социологическом исследовании потенциальных родителей.

большие трудности ожидают родителей, когда их детям от 14 до 17 лет. Этапы родительства, проранжированные по частоте выбора их как самого сложного, представлены на рис. 4.

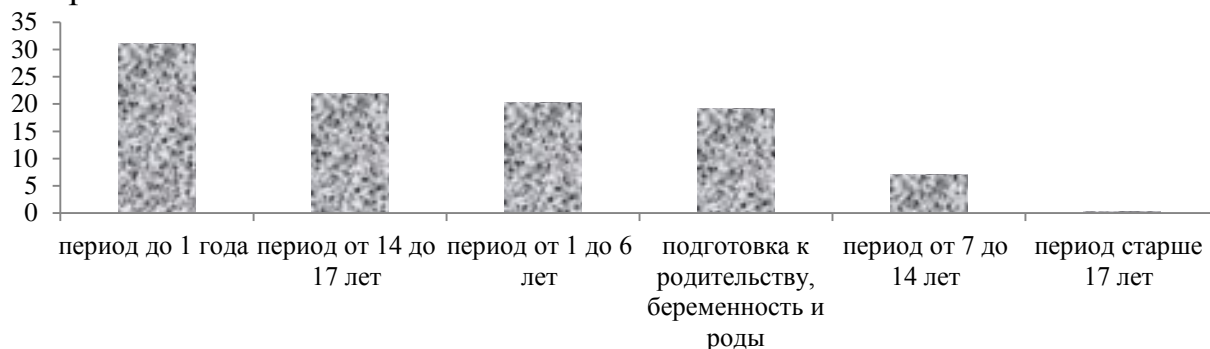

Рисунок 4 – Распределение мнений респондентов о самом сложном этапе родительства (% от числа опрошенных)

Отметим, что мы не выявили значимых различий в ответах девушек и юношей на этот вопрос. В то же время, такие различия мы обнаружили в группах респондентов, намеренных стать родителями в ближайшей (до 3 лет) и отдаленной (более 3 лет) перспективе. Данные по этим группам приведены на рис. 5.

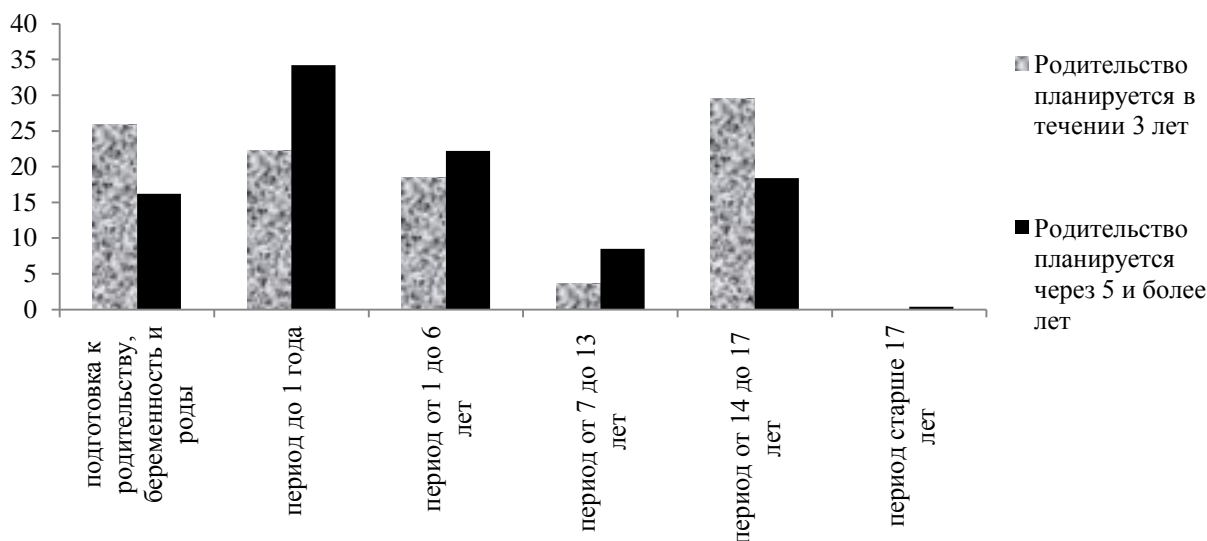

Рисунок 5. Распределение мнений респондентов, различающихся по срокам планирования родительства, на вопрос о самом трудном этапе родительства (в % от численности групп респондентов с разными планами о родительстве)

Критерий χ^2 показал, что ответ на этот вопрос и тот период, когда респонденты планируют стать родителями, в целом связаны между собой $\chi^2 (5, N = 315) = 12.034$, Cramer's V = 195, $p < .05$. В частности, тем, кто хочет родить ребенка в ближайшее время, этап подготовки к родительству чаще представляется более сложным, нежели респондентам, которые планируют стать родителями в более отдаленной перспективе.

Мы считаем, что понимание трудового характера родительства его потенциальными субъектами ставит вопросы о необходимости подготовки к этому виду труда. Можно говорить даже об особом наборе компетенций, необходимых для успешной реализации труда в сфере воспроизводства населения. Мы выделили четыре группы таких компетенций:

1) *Специальные компетенции* – способность будущего родителя самостоятельно, ответственно и качественно реализовывать функции родительского труда.

2) *Социальные компетенции* – способность ориентироваться в социально-экономической сфере, социальных связях, ставить цели и выбирать признаваемые обществом средства их достижения, способность брать на себя ответственность за результаты своей деятельности.

3) *Информационные компетенции* – способность будущего родителя собирать, обрабатывать и анализировать информацию, поступающую из разных источников и посредством разных каналов, выделять главные и второстепенные информационные потоки, способность адаптировать полученную информацию к имеющейся ситуации.

4) *Коммуникативные компетенции* – способность выстраивать успешную коммуникацию с ребенком, с семьей, с внешними по отношению к семье институтами (система здравоохранения, образования и др.).

В ситуации негативных прогнозов сокращения численности потенциальных субъектов родительского труда условием простого воспроизводства населения становится рост объемов реализации родительского труда. Однако, гонка за количественными характеристиками человеческого капитала может обернуться негативными тенденциями снижения его качества. Сегодня даже молодые люди – потенциальные родители отчетливо понимают, что родительство – это труд, требующий различного рода затрат (материальных, временных, эмоциональных ресурсов). Быстрая смена технологий родительского труда стимулирует родителей к постоянному освоению специфических родительских компетенций – все новых и новых знаний и навыков из области педагогики, медицины, психологии, образования, культуры, спорта и т.д.

Мы уверены, что подготовка молодежи к родительскому труду, основанная на понимании сложностей и преимуществ его реализации, должна осуществляться сегодня на всех ступенях системы образования – от дошкольного до высшего. Необходимы специально разработанные программы, нацеленные на системное освоение компетенций, востребованных в будущем родительском труде молодых людей. Авторами таких программ должны стать профессионалы из разных сфер, занимающиеся изучением молодежи, поскольку именно эта категория населения при соответствующем наборе компетенций является потенциальным субъектом родительского труда, способным обеспечить необходимые стране его высокие количественные и качественные результаты.

Библиографические ссылки

1. Dominguez-Folgueras, M. (2015). Parenthood and Domestic Division of Labour in Spain, 2002-2010. *Revista Espanola de Investigaciones Sociologicas*. (149), 45-63. doi:10.5477/cis/reis.149.45
2. Evertsson, M. (2014). Gender Ideology and the Sharing of Housework and Child Care in Sweden. *Journal of Family Issues*, 35(7), 927-949. doi:10.1177/0192513x14522239
3. Gershuny, J., & Robinson, J. P. (1988). Historical Changes in the Household Division of Labor. *Demography*, 25(4), 537-552. doi:10.2307/2061320
4. Neilson, J., & Stanfors, M. (2014). It's About Time! Gender, Parenthood, and Household Divisions of Labor Under Different Welfare Regimes. *Journal of Family Issues*, 35(8), 1066-1088. doi:10.1177/0192513x14522240
5. Pollmann-Schult, M. (2017). Sons, Daughters, and the Parental Division of Paid Work and Housework. *Journal of Family Issues*, 38(1), 100-123. doi:10.1177/0192513x15593577
6. Usdansky, M. L., & Parker, W. M. (2011). How Money Matters. *Journal of Family Issues*, 32(11), 1449-1473. doi:10.1177/0192513x11402953
7. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи: учебник. – Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 429 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Критика новейшей немецкой философии в лице её представителей Фейербаха, Б. Бауэра и Штирнера и немецкого социализма в лице его различных пророков // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. – Изд. 2. – Москва : Политиздат, 1955. – Т. 3. – С. 7-544.
9. Родительский труд: экономический и социологический анализ: монография / А. П. Багирова, Д. Г. Быкова, А. И. Ворошилова, Э. В. Ильвес, С. В. Черешова / под общ. ред. проф. А. П. Багировой. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 208 с.

Л. Н. Банникова, Э. Б. Коровина

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МОЛОДОГО ИНЖЕНЕРА¹

В статье исследуется одна из значимых проблем для формирования инновационного потенциала молодых специалистов – влияние образовательной среды на процессы профессиональной социализации, на «проектирование» личности профессионала. Выводы авторов основаны на вторичном анализе материалов опроса инженеров-практиков трёх региональных промышленных предприятий. Для оценки влияния новых подходов в организации образовательной среды на процессы профессиональной социализации молодых технических специалистов использованы материалы пилотажного опроса бакалавров, обучающихся по практико-ориентированной (дуальной) программе.

Ключевые слова: профессиональная социализация, инженерное образование, качество образовательной среды, дуальное обучение.

L. Bannikova, E. Korovina

PROFESSIONAL SOCIALIZATION AS A FACTOR FOR FORMING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF YOUNG ENGINEER

Abstract. The article explores one of the significant problems for the formation of the innovative potential of young professionals – the influence of the educational environment on the processes of professional socialization, on the "designing" of the professional personality. The authors' conclusions are based on a secondary analysis of the materials of the survey of practicing engineers of three regional industrial enterprises. To assess the impact of new approaches in the organization of the educational environment on the processes of professional socialization of young technical specialists, the materials of a pilot survey of bachelors studying in a practice-oriented (dual) program were used.

Keywords: professional socialization, engineering education, quality of the educational environment, dual training.

Предметом активного интереса исследователей остаются особенности процессов социализации молодых специалистов конкретных профессиональных групп, молодых педагогов, медицинских работников, юристов, ученых. Не обделены вниманием исследователей и молодые специалисты инженерных профилей подготовки [1]. Профессиональная социализация инженера рассматривается как процесс интеграции человека в профессиональную среду, усвоения профессионального опыта, ценностей и стандартов инженерного сообщества профессионалов. Мы исходим из понимания того факта, что сегодня профессиональная социализация – длительный процесс, в условиях современной парадигмы образования («образование через всю жизнь») – с практически непрерывной траекторией развития. Успешная профессиональная соци-

---

¹ Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 18-011-00907 «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала»

© Банникова Л. Н., Коровина Э. Б., 2018

ализация молодых инженеров связывается с формированием инновационной личности.

В академическом и инженерном профессиональных сообществах сегодня активно обсуждаются важные вопросы, имеющие отношение к содержанию и усвоению профессиональных знаний и навыков. Менее изучена, хотя не менее значима, проблема исследования роли образовательной среды в формировании профессионального этоса современного инженера или комплекса профессионально-этических ценностей, которые входят в состав базовых основ личности человека. Одна из такого рода сущностных, идентификационных черт инженерной деятельности – способность к восприятию и продуцированию инновации, не только технологических, но и социальных, организационных как в профессиональной деятельности, так в повседневной жизни. Для современного специалиста важно не только овладение системой конкретных знаний по профессии, но и развитие творческого мышления и инициативности. По мнению экспертов, будущий инженер должен принимать инновацию как значимо личностную ценность, иметь потребность в изменениях и готовность к преодолению сопротивлений, способен находить идеи, системно их отбирать под конкретную цель и организовывать оптимальную реализацию, иметь развитое творческое мышление, аналитические и рефлексивные способности [2; 3]. Этот список желаемых и востребованных современным высокотехнологичным производством качеств инженера можно наращивать, ибо комплексный (многоэтапный) характер инновационного процесса предполагает наличие целого ряда инженерных компетенций, связанных со способностью генерировать, сортировать эти идеи, критически анализировать их, брать на себя ответственность за внедрение.

Нестандартная техническая идея, явившаяся результатом сугубо интеллектуальных дискуссий, далеко не всегда переходит в инновацию. Исследования феномена технической креативности послужили основанием для вывода о командном характере инновационной деятельности, совмещающей в себе преимущества различных психотипов [4]. В компетентностной модели современного инженера-инноватора в качестве ведущей компетенции заложена способность социального взаимодействия в составе проектной команды на основе совместимости профессиональных интересов и профессионально-квалификационной зрелости¹. Потенциал русской инженерной школы, способность её представителей генерировать креативные идеи, представлен в достаточной степени во всех поколенческих когортах. Проблема в недостатке креативных инженеров, которые бы реально занимались внедрением новаций на основе конвергентного мышления как процесса создания *оригинальных и необычных* (нестандартных, нешаблонных, «*неправильных*» в общепринятом смысле этого слова) идей с помощью многовариативного, многовекторного поиска решения проблем [4].

---

¹ Разработана социально-психологическая модель инженера-новатора (иначе, инновационного инженера) и предложена серия авторских методик тренингов по оценке и развитию креативных способностей специалистов [См.: 4].

В 2013-2014 годах исследовательской группой был проведен опрос практикующих инженеров, руководителей, научно-технических отделов крупных производственных предприятий Свердловской области для оценки важности и наличного уровня развития компетенций (результатов обучения) у будущих инженеров, выпускников технических специальностей вузов Свердловской области. Перечень компетенций формировался по аналогии с формулировками результатов обучения, используемыми в международном проекте по оценке возможности международного измерения результатов обучения студентов вузов, ANELO (Assessment of Higher Education Learning Outcomes) [5]. Исследование проводилось по двум направлениям: оценка желаемого и наличного уровня развития базовых компетенций выпускников технических направлений подготовки и формирование прожективной модели элитного технического специалиста. На основе использования двухфакторной модели оценки «важность-исполнение» Ф. Герцберга были зафиксированы значимые расхождения (разрывы) между желаемым и наличным уровнями компетенций выпускников [5, с. 276-298].

Наиболее значимой компетенцией, по оценкам инженеров-практиков, является «способность к самостоятельной работе (выбор проблемы исследования, методов, образовательной траектории)». Разрыв между желаемым и наличным уровнем развития этой компетенции у выпускников в 1,5 раза. Второе место в рейтинге важности разделяют две компетенции – «опыт взаимодействия с реальным сектором» и «коммуникативные навыки». Широкое контекстное мышление (наличие комплексного представления о своей отрасли, понимание экономических контекстов ее функционирования) занимает третью ранговую позицию.

В целом, результаты экспертного опроса не зафиксировали совпадение оценок по шкале «важность-наличие» ни по одной компетенции (рис.).

Важное место среди требований к современному инженеру по-прежнему занимают *организационные навыки, умение работать в команде, опыт участия в групповых проектах*, обучение через решение задач, развитие системы регулярного участия студентов и сотрудников в совместном выполнении реальных проектов по заказам предприятий отечественной и мировой промышленности. Выше других ее значение оценивают топ-менеджеры и молодые инженеры. Высоко оценили инженеры значимость в структуре подготовки современного инженера таких компетенций как *наличие опыта взаимодействия с реальным сектором* (разрыв в 1,5 раза), наличие комплексного представления о своей отрасли, понимание экономических контекстов её функционирования (разрыв в 1,4 раза).

Второе направление стейкхолдерской модели – выявление качеств элитного технического специалиста. В таблице 1 представлена модель элитного технического специалиста в оценках практикующих инженеров.

В тройку выбора наиболее значимых качеств современного инженерного корпуса опрошенными *экспертами-инженерами* включены такие компетенции, как не-

стандартное мышление, широкий общеинженерный и культурно-нравственный кругозор, интерес и навыки исследовательской деятельности.

Рисунок 1 – Оценка крупными работодателями желаемого и наличного уровня развития компетенций выпускников

Итоги нашего исследования оценок стейкхолдеров результатов обучения выпускников инженерных программ приводят к неутешительному выводу о расхождении результатов обучения, содержания образовательных программ с требованиями рынка труда. Полностью решить проблему «перевода» потребностей в изменяющихся квалификациях на рынке труда в содержание образовательных программ до сих пор не удалось отчасти и из-за определенной инерционности системы образования. Активизация взаимодействия между сферой труда и сферой образования нужна для того, чтобы минимизировать разрыв между имеющимися и требуемыми умениями, компетенциями.

Таблица 1

Наиболее важные качества элиты современного инженерного корпуса в оценках практиков (в %)

Качества современного инженера	ИТР
Нестандартное мышление	64
Широкий общеинженерный и культурно-нравственный кругозор	52
Интерес и навыки исследовательской деятельности	50
Глубокая естественнонаучная, математическая и гуманитарная фундаментальность образования	42
Устойчивая мотивация к труду по полученной специальности	37
Высокая квалификация в сфере прикладных наук	36
Коммуникативные компетенции, соответствующие международным образовательным и профессиональным стандартам	26
Социально ответственное инженерное мировоззрение	20
Навыки профессионального общения на английском языке	10

В последнее десятилетие проводятся активные экспертные обсуждения различных аспектов и контекстов инженерного образования, формулируются предложения по внедрению новых форматов подготовки инженеров, накоплен определенный опыт внедрения новых моделей такой подготовки. Разработаны и внедряются новые образовательные стандарты подготовки инженеров в Уральском федеральном университете. Особенностью этих стандартов является разработка инженерных программ по видам деятельности в отличие от общепринятой стандартизации по направлениям и специальностям [6].

Для успешной самореализации инженеров в профессиональной деятельности необходимо развивать партнерские отношения с промышленными предприятиями, привлекать ведущих специалистов к образовательному процессу, вовлекать студентов в реальных НИОКР по заказу промышленных партнеров, использовать современные методы обучения. Для решения указанных задач особое значение уделяется практико-ориентированному и проектному подходу как в обучении, так и во взаимодействии с работодателями. Проектные команды состоят из студентов разных курсов и разных образовательных организаций, включают в себя представителей с предприятий, что позволяет выявить индивидуальные наклонности будущего специалиста. Стираются границы между чисто научными, чисто инженерными и чисто социальными проектами. Таким образом, молодые инженеры получают: творческое мышление, умение решать проблемы, критическое мышление, и, конечно же, личностные и межличностные компетенции – умение самостоятельно учиться, эффективно коммуницировать, работать в коллективе и в проектах.

В 2012 году на базе Высшей инженерной школы УрФУ и Уральской горно-металлургической компании (УГМК) была разработана практико-ориентированная программа производственно-технологического бакалавриата (ПТБ) по направлению подготовки 02.18.03 «Металлургия». Программа разрабатывалась на основе профес-

сиональных стандартов УГМК. В программе усилена практическая составляющая. Увеличена продолжительность производственной практики, лабораторные работы проводятся в новом современном лабораторном корпусе. Для отработки правильных действий в реальных условиях, запоминания и умения ликвидировать аварийные ситуации применяются современные технологии. Промежуточными и итоговыми работами у студентов стали не ежегодно повторяемые проекты, а осмысленная и сформулированная проработка конкретного проблемного узла, технологической цепочки. Экспертами при защите этих проектов выступают опытные специалисты-производственники. Приоритет активных методов обучения, включение в программу междисциплинарных проектов обеспечивает формирование у выпускников, наряду с профессиональными компетенциями, осознанного умения работать в команде и необходимых лидерских качеств. Совместный проект УГМК и УрФУ по подготовке производственно-технологический бакалавриата по направлению «Металлургия» рекомендован для принятия положительного решения о его поддержке со стороны АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов».

На основе государственно-частного партнерства в 2013 году в Верхней Пышме создан корпоративный Технический университет УГМК (ТУ УГМК). Это – уникальный проект, возникший на стыке образования и производства. Ежегодно здесь обучаются порядка 12 тысяч человек – инженеры и руководители всех уровней, рабочие, а также студенты из городов присутствия компании. Он же стал первым вузом России, созданным на базе университетской кафедры и промышленного предприятия.

Весной 2017 года Высшей инженерной школой УрФУ осуществлен второй выпуск экспериментальных групп бакалавров и магистров инженерных специальностей, подготовленных в соответствии с образовательными стандартами, разработанными УрФУ на основе новых подходов к организации подготовки инженеров. Исследовательская группа провела пилотажный опрос, опрошено 28 человек экспериментальной группы. Это бакалавры, обучающиеся по практико-ориентированной (дual-альной) программе: часть из них (17 человек) окончили обучение в 2016 году, остальные в 2017 году (далее – ПТБ). Это были небольшие по численности группы. Для сравнения полученных результатов в этот же период по той же методике был проведен пилотажный опрос выпускников бакалавриата (32 чел), обучающихся по направлению «металлургия» по традиционной программе бакалавриата (далее – ТБ). Для сравнительной оценки полученных результатов использовались и данные седьмого этапа мониторинга «Студент-2016», где каждый третий респондент был студентом-«технарем» [7] (табл. 2).

Сегодня подготовка инженеров по практико-ориентированной программе подготовки реализуется полностью на базе Технического университета УГМК, поскольку в 2016 году этот вуз получил государственную аккредитацию по восьми программам высшего образования, имеет статус частного технического вуза и центра повы-

шения квалификации, выполняющего заказ УГМК и других промышленных предприятий на обучение инженерных и руководящих кадров.

Таблица 2

Образ профессии инженера глазами выпускника (в %, доля положит. ответов)

Перечень утверждений	ПТБ	ТБ
Профессия инженера даёт возможность приобрести статус в обществе, в глазах окружающих (высокий престиж профессии)	85	84
Обеспечивает возможность исследовательского поиска, изобретательства, творческого самовыражения	74	61
Профессия инженера востребована обществом, социально значима	82	87
Обеспечивает возможности карьерного роста и продвижения	85	81
Профессия инженера предполагает необходимость постоянного повышения квалификации, самообразования	100	81
Обеспечивает достойное вознаграждение за труд	22	61
Обеспечивает благоприятные условия труда (график работы, стабильность занятости)	18	39
Дает возможность полнее реализовать свой потенциал, проявить способности	74	64
Предполагает самостоятельность, независимость, отсутствие мелочной опеки, регламентации	52	39
Предполагает связь с современной техникой, новейшими технологиями	82	90

Предваряя общий вывод, заметим, что полученные оценки не вполне соответствовали ожидаемым. Так, на просьбу оценить уровень влияния программы обучение на формирование компетенций необходимых в будущей профессиональной деятельности, выпускники производственно-технологического бакалавриата (ПТБ) дали достаточно сдержанные оценки. Обучение помогло, но лишь в некоторой или даже в незначительной степени. В то же время выпускники традиционной программы подготовки (ТБ) очень доброжелательно оценили эффективность своей образовательной программы.

Преимущества подготовки технических специалистов, «заточенных» под потребности конкретных работодателей, для выпускников этих программ – в более высокой уверенности в будущем трудоустройстве, их отличает более взвешенные оценки уровня своей готовности к профессиональной деятельности. Они высоко оценили организацию производственных практик, понимают связь полученных знаний и будущей работы, активно участвовали в групповых проектах, интересуются дополнительными образовательными возможностями.

Выпускники обеих образовательных программ единодушны в высоких оценках социальных ресурсов и возможностей инженерной профессии. При этом все опрошенные выпускники производственно-технологического бакалавриата отметили, что профессия инженера предполагает необходимость постоянного повышения квалификации, самообразования, но, вместе с тем, её экономические ресурсы и возможности ограничены. Только один из пяти выпускников этой программы согласен с мнением о достойном вознаграждении труда и благоприятных условиях труда

(график работы, стабильность занятости) инженера. Результаты проведенного пилотажа нуждаются в уточнении, проверке. Были обобщены мнения и оценки одной стороны взаимодействия, оценки выпускников. Для взвешенных выводов нужны и оценки другой стороны, работодателей. Поскольку более половины экспериментальной группы после получения диплома бакалавра поступили в магистратуру, опрос работодателей был отсрочен во времени.

Библиографические ссылки

- 1.Абрамов Р. Н. Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования. – 2013. – № 1. – С. 99-108.
- 2.Шматко Н. А. Компетенции инженерных кадров:опыт сравнительного исследования в России и странах ЕС // Форсайт. – 2012. – Т. 6 – № 4. – С.32-47.
3. Пушных В. А., Ардашкин И. Б., Белянкова О. А. Социально-ориентированный подход к формированию профессиональных и личностных компетенций выпускников инженерного вуза // Инженерное образование. – 2017. – № 21. – С.52-60.
- 4.Петров А. Генерация прорывных идей в бизнесе. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2015. – 368 с.
- 5.Воспроизводство инженерных кадров. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2015. – 364 с.
6. Ребрин О. И., Шолина И. И. Новые модели инженерного образования // Университетское управление: практика и анализ. – 2016. – № 102 (2). – С. 61-71.
7. Банникова Л. Н. Студенты-инженеры. Студенты технического профиля подготовки о себе и о своем будущем // СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – С.731-761.

БУДУЩЕЕ КАК ОБЪЕКТ УПРАВЛЕНИЯ¹

Одна из важнейших временных характеристик развития организаций и территорий – будущее – рассматривается в статье в управленческом ракурсе, с позиций стратегического менеджмента, охватывающего разработку и реализацию стратегии как целенаправленной деятельности, основанной на диагностике социальных проблем, требующих решения, и учете достаточности (или необходимости их своевременного пополнения) ресурсов для их решения. В статье раскрываются особенности основных форм представления о будущем – «5П» (предвидение, план, прогноз, программа, проект). После определенного перерыва, связанного с критикой и отторжением советской практики директивного планирования, перспективное планирование и прогнозирование все активнее входят в управленческую практику на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Это предполагает: развитие нормативно-правовой базы стратегического менеджмента (ядром которого выступает Федеральный закон № 172 от 28 июня 2014 года «О стратегическом планировании в Российской Федерации»), дальнейший анализ методологических проблем стратегического планирования и оптимизацию подготовки специалистов-управленцев, обладающих соответствующими знаниями и компетенциями, навыками и умениями. Анализ этих проблем и определяет содержание статьи. Особое внимание уделяется целеполаганию как инструменту программно-целевого управления и SWOT-анализу (в современных условиях, когда организации и территории сталкиваются с неопределенностью внешней среды, чаще используется алгоритм OTSW-анализа). Проблемы формирования стратегического мышления у будущих государственных и муниципальных служащих.

Ключевые слова: Будущее, предвидение, план, прогноз, программа, проект, стратегический менеджмент, целеполагание, SWOT (OTSW) анализ.

Y. Vishnevsky, S. Vishnevsky, T. Bagirova, O. Belova

FUTURE AS THE OBJECT OF MANAGEMENT

Abstract. One of the most important temporal characteristics of development of organizations and territories is a future – is dealt with in article in management perspective, from the perspective of strategic management, the design and implementation of the strategy as targeted activities based on the diagnosis of social problems requiring action, and taking into account the adequacy (or the need for timely replenishment) resources to address them. The article reveals the features of the basic forms of vision for the future- "5 P" (foresight, plan, forecast, program, project). After a break from criticism and rejection of the Soviet practice of Directive planning, advanced planning and forecasting are increasingly included in management practices at the Federal, regional and municipal level. This implies: development of normative-legal base of strategic management (the core of which is the Federal Law No. 172 dated June 28, 2014 "On strategic planning in the Russian Federation"), further analysis methodological problems of strategic planning and the optimization of training of specialists-managers with appropriate knowledge and competencies, skills and abilities. Analysis of these issues and identifies the content of the article. Special attention is paid to goal setting : news as a tool for program management and SWOT analysis (in modern terms when organizations and territories faced uncertainty over external environment, more commonly

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала», реализуемого при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований – РФФИ (грант № 18-011-00907).

© Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю., Багирова Т. Б., Белова О. Р., 2018

used algorithm OTSW-analysis) Problems of formation of strategic thinking for the future State and municipal employees.

Keywords: future, foresight, plan, forecast, program, project, strategic management, SWOT (OTSW) analysis, goal setting.

«Ну, что сказать? Ну, что сказать? Устроены так люди.
Желают знать, желают знать, желают знать, что будет».

Песня из к/ф «Ах, водевиль, водевиль»

Важнейшую методологическую проблему стратегического управления обозначил К. Поппер, выступивший против проектов «светлого будущего» и противопоставивший им «постепенную, поэтапную, пошаговую социальную инженерию»: «работать во имя уничтожения конкретного зла лучше, чем ради достижения абстрактного добра» [См.: 5]. При этом позицию Поппера можно было воспринять как критику футурологизации сознания (приоритетной ориентации на будущее /англ. – future), получившей развитие в СССР. Ученый подчеркивал, что «ни одно поколение не должно быть принесено в жертву ради будущих поколений, ради идеала счастья, который, возможно, никогда не будет достигнут» [5]. Во временной цепочке (прошлое – настоящее – будущее) он акцентировал настоящее, рассматривая его как «будущее прошлого» [7]. Основной аргумент мыслителя: «Мы не можем предвосхитить сегодня то, что мы будем знать лишь завтра, т.е. мы не можем в настоящее время обладать знанием, которого у нас нет» [7].

Близка позиция социолога Г. Риккерта. «Я не верю, – подчеркивал он, – чтобы возможно было предсказать даже ближайшее будущее с какой-либо уверенностью». И далее обосновывал это так: «То, что будет, зависит отчасти от решений отдельных индивидуумов или по крайней мере может испытать решающее влияние с их стороны. Индивидуальные же деяния не поддаются никакому предсказанию» [8]. Казалось бы, крах социальных утопий и судьба «научного коммунизма» (подчеркнем, что и среди социалистов возникали сомнения: наряду с трактовкой марксизма как «развития социализма от утопии к науке», идущей от Ф. Энгельса [14], была и позиция Э. Бернштейна – «возможен ли научный социализм» [1]) подтвердили ограниченность, пределы социальных предсказаний.

Но уже в середине XX в. возникла и начала развиваться специальная наука – «футурология» (наука о будущем). Футурологические концепции выступают методологической основой стратегического менеджмента. Впрочем, сегодня более широко распространено более ограниченное понимание – «исследование будущего» (*Futures Studies*). Примечательно мнение австралийского ученого Т. Стивенсона, одного из руководителей Всемирной федерации исследования будущего (WFSF). Соглашаясь, что «исследования будущего действительно проблематичны», он связывает это с отсутствием «данных о будущем»: оно «является скорее поиском, чем собственно исследованием. Мы ищем возможные или вероятные данные, а не изучаем существующие». Особо выделяется изменение самой науки: Она «сейчас движется к признанию роли субъективности, к признанию определенного «равноправия» объек-

та и субъекта, факта и ценности. Нет причин, почему наши исследования не могут «зайти» за факты, выйти к тому, что могло бы произойти. Таким образом, мы можем развить некоторые видения будущего и затем вернуться к настоящему. Это позволяет расширить возможности анализа и критики, начать очень важный диалог для принятия решений относительно сегодняшних действий» [10].

В рамках единства объективного и субъективного в прогнозе особенно подчеркнем «эффект Эдипа», когда на основе одного из мифов говорят о «самосбывающемся прогнозе», подчеркивая его стимулирующий характер в активизации целенаправленных действий всех участников разработки и реализации прогноза, особенно управленцев.

Итак, научные исследования будущего возможны и необходимы, что и отмечено в концепции «устойчивого развития» [4]. Родившись первоначально из-за опасений о нависшей над человечеством общей экологической опасности, она все более акцентировала важность того, чтобы нынешнее поколение обеспечило на основе устойчивого развития жизнеспособные условия для грядущих поколений.

Отмечая возрастающую значимость стратегического менеджмента в современных условиях, многие отечественные и зарубежные исследователи говорят об обостряющемся противоречии: необходимость принимать решения в условиях неопределенности и при недостаточных знаниях о возможных последствиях этих решений: «Эффективно выявлять и устранять неопределенность условий хозяйственной деятельности – вот решающий вопрос современного управления. Неопределенность представляет собой совокупность обстоятельств, не являющихся для руководителей очевидными, но влияющих – тем не менее – на решение проблем управления» (Л. Планкетт, Г. Хейл) [6]. В последние годы эта неопределенность, непредсказуемость резко возросла, став серьезной проблемой, особенно – в территориальном управлении.

Для современного государственного и муниципального служащего крайне важно уяснить, насколько остро проявляется отмеченное противоречие в деятельности его территориального или отраслевого органа власти и местного самоуправления. Соответственно, возрастает значимость его умения определить перспективы, разработать стратегию (территории, отрасли, организации) в условиях такой неопределенности [2; 3].

При этом крайне важно усвоить «современную управленческую парадигму», предполагающую, «что системы управления должны быть комплексно развивающимися и с использованием технологий опережающего воздействия, основу которых составляют процессы научного предвидения и прогнозирования. Эффективное управление любыми системами (объектами) применительно к различным сферам человеческой деятельности сегодня невозможно без предвидения его субъектом как самих препятствий на пути к цели, так и последствий ее достижения. Известное выражение «управлять – значит предвидеть» относится к деятельности специалистов

различного профиля и наполняется более весомым в аспекте ответственности содержанием» [10, с. 5].

В значительной мере этому способствовала и реальная практика стратегического планирования в России. В период, когда в новой России отвергали практику социалистического планирования, произошла подмена. Недостатки конкретной формы планирования (планирование сверху, излишняя детализация и стремление к всеохватности плановых показателей, планирование от достигнутого и т.д.) объявлялись недостатками самого планирования. Это приходило в противоречие и с потребностью российского общества в глубокой научной разработке планов и прогнозов, и с положительным опытом ряда развитых стран. Период негативного отношения (когда «рыночное хозяйство» противопоставлялось «плановому хозяйству») сменился пониманием необходимости научно определять перспективы развития социума. Появился целый ряд стратегий на федеральном и региональном уровне – до 2020, до 2030 года, и общих (стратегия социально-экономического развития РФ, стратегия национальной безопасности РФ, «Пятилетка развития Свердловской области на 2017-2021 годы») и отраслевых (Стратегия развития государственной молодежной политики РФ до 2025 года).

Длительное время стратегическое планирование отставало от ее нормативно-правовой базы. Ситуация изменилась после утверждения в 2014 г. 172 ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» [13]. Закон регулирует отношения между участниками стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования.

Разработка стратегии связана с более четким ее определением. На основе различных определений правомерно выделить интегративное определение. Главные компоненты этого определения:

- стратегический менеджмент (стратегическое управление) – целенаправленная деятельность, носящая процессуальный характер;
- основным инструментом выступает SWOT–анализ (анализ сильных /Strengths/ и слабых /Weaknesses/ сторон организации, территории; возможностей /Opportunities/ и угроз /Threats/, идущих от внешней среды); в современных условиях алгоритм меняется – OTSW-анализ акцентирует необходимость начинать диагностику с внешней среды, становящейся все более динамичной и неопределенной;
- диагностика позволяет четче определить основные социальные проблемы организации или территории, на решение которых нацелена стратегия (на практике сегодня наряду с «деревом целей» определяется и «дерево проблем»), и соотнести их с имеющимися ресурсами (или рассчитать возможности и источники возмещения недостающих ресурсов);

– - ключевой момент – стратегический выбор – наиболее оптимального варианта (из различных альтернатив).

В научной литературе разграничиваются основные формы представлений о будущем, это отражается и в соответствующих документах о стратегическом планировании (рис.).

Рисунок – Основные формы представлений о будущем

Предвидение (его варианты – предсказание, предчувствие, предуказывание) – это представление о будущем. Предвидение – общее понятие, объединяющее все конкретные разновидности получения информации о будущем. Исследователи выделяют разные типы предвидения: научное (основанное на знании закономерностей развития явления, когда известны причины его зарождения, формы функционирования и ход развития) и ненаучное (интуитивное – основано на предчувствиях человека; обыденное – основано на опыте; религиозное – основано на вере в сверхъестественное).

Планирование – научно и практически обоснованное определение целей, выявление задач, сроков, темпов и пропорций в развитии того или иного явления и его реализации и претворения в интересах общества. *План* – сбалансированная по ресурсам, развернутая во времени, взаимосвязанная с общей целью упорядоченная система действий (мероприятий) для её достижения, предусматривающая порядок, последовательность и сроки выполнения конкретных действий, достижения намеченных качественных и количественных изменений.

Планы и прогнозы различаются между собой временными границами, степенью детализации содержащихся в них показателей, степенью точности и вероятности их достижения, адресностью и, наконец, правовой основой. *Прогнозы*, как правило, носят индикативный характер, а *планы* обладают силой директивного характера. В последнее время, однако, все чаще говорят об *индикативном планировании*. *Прогноз* – вероятностная оценка (с относительно высокой степенью достоверности),

основанная на анализе нынешнего состояния организации, территории и её внешней среды, их тенденций (трендов) и возможных путей и результатов развития организации, требуемых для их достижения ресурсов и организационных мер. Прогноз выступает как вероятностное научно обоснованное суждение о перспективах, возможных состояниях того или иного явления в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их осуществления.

Особой формой планирования является *программирование*, когда разрабатывается программа. *Программа* – согласованная по времени и средствам совокупность мероприятий, направленных на определенную последовательность (этапы, стадии) изменения системы (ее подсистем) как адаптация к изменениям внешней среды и достижение целей, решение социальных проблем. Государственному и муниципальному служащему важно учитывать высказанное еще А. Файолем мнение об ограниченности любых программ: «Самая лучшая программа не может предвидеть всех чрезвычайных стечений обстоятельств, но она отчасти их учитывает, подготавливает то оружие, к которому надо прибегнуть при неожиданных обстоятельствах»[12]. Недооценка этого важного методологического положения проявляется двояко: реализаторы тех или иных программ сами отказываются от корректировки программ при изменении обстоятельств или принуждаются к этому управленцами более высокого уровня, но нередко в оценке степени реализации программ игнорируется «чрезвычайное стечение обстоятельств».

Термин «*проектирование*» происходит от лат. «projectus» – «брошенный вперед». Это – процесс создания прототипа, прообраза предполагаемого или возможного объекта или состояния. *Проектирование* – это специфическая деятельность, результатом которой является научно-теоретически и практически обоснованное определение вариантов прогнозируемого и планового развития новых процессов и явлений. Проектирование – одна из форм *опережающего отражения* действительности, создание прообраза (прототипа) предполагаемого объекта, явления или процесса посредством специфических методов. Проектирование в конкретной форме выражает прогностическую функцию управления, когда речь идет о будущей материальной или идеальной реальности. Его цель – реализация одного из вариантов преобразования объективной действительности, связанного со стремлением придать желаемые свойства и черты проектируемому объекту. *Проектирование* означает определение версий или вариантов развития или изменяемого или иного явления. Проектирование – одна из форм выработки и принятия решения, важный элемент цикла управления, обеспечивающий реализацию других его функций. *Социальное проектирование* – это проектирование социальных объектов, социальных качеств, социальных процессов и отношений. Оно (в отличие от планирования) допускает многовариантность решений, исходя из имеющихся материальных, трудовых и финансовых ресурсов. При проектировании социальных объектов должен учитываться субъективный фактор, что во многом предопределяет специфику *социального проектирования*. *Проектирование* – процесс создания прототипа, прообраза предполагаемого или возмож-

ного объекта или состояния, специфическая деятельность, результат которой – теоретическое и практическое обоснование вариантов прогнозируемого и планового развития новых процессов и явлений. Специфику социологической трактовки социального проектирования удачно выявил Ж. Т. Тощенко: оно «представляет собой специфическую плановую деятельность, суть которой состоит в научно-обоснованном определении основных параметров формирования будущих социальных объектов или процессов при максимальном соблюдении и согласовании интересов общества, социальных групп (слоев) и личности» [11, с. 331].

Отмеченные формы представления о будущем различаются и по направленности управленческого решения (табл.).

Государственным и муниципальным служащим – в силу их функциональных обязанностей – чаще всего предстоит участвовать в разработке и реализации *социально-экономических прогнозов*, в которых исследуются вопросы динамики уровня жизни населения, доходов, потребления населением продуктов питания и непродовольственных товаров, развития отраслей социальной инфраструктуры, демографии, занятости населения и т.д. Этим определяются задачи их подготовки.

Таблица

Соотношение форм представления о будущем и направленности управленческого решения

Форма	Направленность управленческого решения
План	на систему мероприятий, предусматривающую порядок, последовательность, сроки и средства их выполнения.
Программа	на совокупность мероприятий, необходимых для реализации научно-технических, социальных, социально-экономических и других проблем или каких-то их аспектов. Программа может являться предплановым решением, а также конкретизировать определенный аспект плана
Проект	на конкретное мероприятие, сооружение и т.д., необходимое для реализации того или иного аспекта программы
Прогноз	на предполагаемый результат предпринимаемой деятельности; он должен предшествовать плану, содержать оценку хода, последствий выполнения (или невыполнения) плана, охватывать все, что не поддается планированию, решению; прогноз может охватывать в принципе любой отрезок времени

Обобщение практики подготовки будущих государственных и муниципальных чиновников в ИГУП УрФУ позволяет выделить основные проблемы:

- – 172 ФЗ достаточно четко разграничивает полномочия в стратегическом планировании, но это не доводится до уровня конкретных компетенций работников и подразделений, необходимых для реализации этих полномочий;
- – недостаточно внимания уделяется механизму и технологиям разработки стратегических планов;
- – нет достаточного соответствия и разграничения в формировании стратегического мышления между разными ступенями высшего образования (бакалавриат и магистратура), что особенно сказывается в современных условиях, когда маги-

странтами становятся и выпускники непрофильного бакалавриата (и курс «Планирование и прогнозирование» в магистратуре изучается без освоения в бакалавриате «Стратегического менеджмента»).

Библиографические ссылки

1. Бернштейн Э. Возможен ли научный социализм? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.polisportal.ru/files/File/pubvlication/Starie_publicacii_Polisa/B/1991-4-16-Bernstein_Vozmozhen_li_nauchniy_socializm.pdf
2. Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю. Стратегическое планирование : учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – 114 с.
3. Вишневский Ю. Р., Вишневский С. Ю., Багирова Т. Б., Белова О. Р. Планирование и прогнозирование: учебно-методическое пособие. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – 258 с.
4. Наше общее будущее. Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. под ред. С. А. Евтеева и Р. А. Перелета. Предисловие к изданию книги «Наше общее будущее» на русском языке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80adbkckdfac8cd1ahpld0f.xn--p1ai/files/monographs/OurCommonFuture-introduction.pdf>
5. Никитина А. Г. «Критический рационализм» и идеология современного реформизма // Вопросы философии. – 1986. – № 8. – С. 96-102.
6. Планкетт Л. Выработка и принятие управленческих решений. Опережающее управление : пер. с англ. / Л. Планкетт, Г. Хейл. – Москва: Экономика, 1984. – 168 с.
7. Поппер Карл. Открытое общество и его враги [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%9F/popper-karl/otkrito-obschestvo-i-ego-vragi#sec_4
8. Риккерт Г. Философия жизни. – К.: «Ника-Центр», «Вист-С», 1998. – 512 с. Отрывок С.269-447, 488-489 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bim-bad.ru/docs/rikkert.pdf>
9. Скиданов И. П. Управленческое предвидение (методология, диагностика, дидактика). – СПб: СПбГАСУ, 2006. – 200 с.
10. Стивенсон Т., Розов Н. Тревожный океан будущего. Беседа о глобальных проблемах и перспективах человечества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://nsu.ru/filf/rozov/publ/tob.htm>
11. Тощенко Ж. Т. Социология. Общий курс. – 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Прометей: Юрайт-М, 2001. – 511 с.
12. Файоль А. Общее и промышленное управление. Ч. II. Принципы и элементы управления. Глава 2. Элементы управления [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5783/5788>
13. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. N 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.veb.ru/common/upload/files/veb/br/mono/law/172fz_170330.pdf
14. Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 19. – Москва: Политиздат, 1961. – С. 185-300.

Ю. Р. Вишневский, О. Р. Белова, Д. Ю. Нархов, Т. А. Орешкина

БУДУЩЕЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МОЛОДЕЖИ РЕГИОНА¹

В статье будущее рассматривается как объект философско-социологического анализа, где прошлое, настоящее и будущее выступают как модусы (от лат. *modus* – мера, образ, способ, вид существования или действия) времени. Осуществлен этимологический и лингво-семантический анализ понятий «будущее», «перспектива». Разграничиваются временная перспектива, временная установка, временная ориентация. Обоснована значимость формирования у молодежи установок (диспозиций) на перспективу. Выявлены проблемы и характеристики перспективы (перспектива – реальность; перспектива – идеал – утопия; перспектива – ломка – сохранение – созидание; перспектива – стимул; перспектива – ноуизм /от англ. *now* – теперь, сегодня, сейчас/; конкретность перспективы; перспектива – план). Проведена эмпирическая интерпретация понятия «будущее». Обобщены представления молодежи Среднего Урала о будущем (по материалам социологического исследования «Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы» /2016/) [6]. Дан их анализ в социально-демографическом и территориальном ракурсе.

Ключевые слова: прошлое, настоящее, будущее, перспектива, ноуизм, установка на перспективу, молодежь.

Y. Vishnevsky, O. Belova, D. Narkhov, T. Oreshkina

THE FUTURE IN THE VIEWS OF YOUTH OF THE REGION

Abstract. In the article, the future is viewed as an object of philosophical and sociological analysis, where the past, present and future appear as modes (from Latin *modus* - measure, image, mode, mode of existence or action) of time. An etymological and linguistic-semantic analysis of the concepts "future", "perspective" is carried out. The time perspective, the time setting, the time orientation are delineated. The significance of the formation of installations (dispositions) among young people for the future is substantiated. The problems and characteristics of the perspective have been identified (perspective - reality, perspective - ideal - utopia, perspective - breaking - preservation - creation, perspective - stimulus, perspective - nouveau / English now - now, today, now / concrete prospects, perspective - plan). An empirical interpretation of the concept of "future" is carried out. Representatives of the youth of the Middle Urals on the future are generalized (based on the sociological survey "Civic Culture of Youth in the Sverdlovsk Region: Trends, Problems, Prospects" / 2016 /) [6]. Their analysis in the socio-demographic and territorial perspective is given.

Keywords: past, present, future, perspective (outlook), nowizm, disposition (set) of perspective, youth.

«Если Вы не думаете о будущем, у вас его и не будет»

Д. Голсуорси

Важная социальная проблема – сформировать у молодого человека установку на перспективу. Здесь важно учесть и сложность, противоречивость, неоднознач-

---

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Молодежь индустриальных регионов России: образ социального будущего как фактор развития инновационного потенциала», реализуемого при поддержке Российского Фонда Фундаментальных Исследований – РФФИ (грант № 18-011-00907).

© Вишневский Ю. Р., Белова О. Р., Нархов Д. Ю., Орешкина Т. А., 2018

ность самих перспектив, и порочность навязывавшихся ориентации на «светлое будущее», и драматизм ноувиистских (сиюминутных) настроений, когда человек не очень задумывается или вообще не задумывается о своем будущем.

Социологическое исследование представлений свердловской молодежи о будущем включало три компонента:

- теоретический (философско-социологический, этимологический, лингво-семантический) анализ понятий «будущее», «перспектива»;
- эмпирическая интерпретация этих понятий;
- обобщение реальных представлений молодежи Среднего Урала о будущем.

Не ставя задачу рассмотреть весь диапазон научных представлений о будущем (интересен в данном отношении такой анализ в [7; 8; 9; 10; 12; 13]), выделим в них наиболее существенное.

В рамках научного анализа будущего особое внимание уделяется взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего. Связующим звеном в этой «связи времен» выступает исторический процесс. «История – по образному определению В. О. Ключевского – это фонарь в будущее, который светит нам из прошлого» [5]. Отсюда вытекает важность глубокого освоения исторического опыта для более четкого представления о будущем.

Однако жизнь вновь и вновь подтверждает тревожную оценку Гегеля (кстати, еще в начале XIX в. предвещавшего, что России «предстоит гораздо более высокое назначение», что она «заключает в своих недрах неограниченную возможность развития своей интенсивной природы» [3, с. 407]): «опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее» [4]. Но Гегель не ограничивался констатацией, а выделял предпосылки такой недооценки исторического опыта, соотнося их с «индивидуальными особенностями каждой эпохи», «сутолокой мировых событий», когда «не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах», «бледными воспоминаниями о прошлом» в сравнении «с жизненностью и свободой настоящего» [там же]. Позиция Гегеля ориентирует против простой экстраполяции на перспективу трендов современного развития (без учета «индивидуальности» эпохи), одновременно призывая не ограничиваться «бледными воспоминаниями» (или – искаженными представлениями) о прошлом.

Подчеркнуть это особенно важно, поскольку в рамках осмысления будущего высказывались и противоположные мнения: «Наша главная задача – писал Т. Карлейль, – не заглядывать в туманную даль будущего, а действовать сейчас в направлении, которое нам видно» [15].

В марксизме (в рамках учения об общественно-экономических формациях) прогресс рассматривался как закономерность перехода в будущем от капитализма к социализму, на этой основе должно было происходить преодоление отчуждения человека («коммунизм = гуманизм»).

На основе критических оценок настоящего формировались и пессимистические оценки будущего, наиболее четко выраженные Ницше: «Вся наша европейская культура уже давно движется в мучительном напряжении, которое год от года растет, как бы стремясь к катастрофе» [Цит. по: 16].

Рассматривая проблемы будущего, К. Ясперс, с одной стороны, выступал против его научного исследования, поскольку «исследованию доступно лишь то, что обладает реальностью, т. е. то, что уже произошло» [16] (что отражало неприятие идей «научного социализма», т.е. научного обоснования будущего социализма). Но, с другой стороны, он особенно акцентировал важность «осознания будущего», которое, однако, «не следует конкретизировать в воображаемых картинах, отражающих наши чаяния или страхи» [16]. Особый интерес представляет мнение философа о взаимосвязи прошлого, настоящего и будущего: «Видение настоящего в такой же степени зависит от восприятия прошлого, как от прогнозирования будущего. Наши мысли о будущем влияют на то, как мы видим прошлое и настоящее» [16]. Примечательно, что развитие современных научных представлений о будущем происходило в «духе Ясперса»: от «футурологии» (науки о будущем) к «исследованиям будущего» («forward-looking activities»). Идея Ясперса, что «прогнозирующее историческое мышление определяет наши действия» [16], и сегодня выступает важным аргументом актуальности формирования у молодежи перспективных, стратегических установок.

Иной аспект данного подхода обоснован К. Поппером: «Настоящее несет в себе самом реальное отношение к будущему, расположенному вне этого настоящего. Отсеките будущее – и настоящее погибнет, потому что его содержание будет выхолощено. Непосредственное существование требует внесения будущего в щели настоящего» [14]. При этом, критикуя историцизм (закономерность наступления будущего), Поппер подчеркивает: «Будущее зависит от нас, и над нами не довлеет никакая историческая необходимость» [14, с. 31]. Он отвергает идущую от Платона позицию («будущее государства зависит от молодого поколения и поэтому было бы безумием предоставлять формирование детского сознания индивидуальному вкусу»), считая, что она «открывает путь к тоталитаризму» [14, с. 172].

Серьезный вклад в теории будущего внес Ж. Нюттен, которого по праву называли «человеком перспективы» [11, с. 5]. По его мнению, «тот факт, что люди ставят себе цели и строят планы, которые пытаются осуществить, является одной из наиболее поразительных характеристик поведения». Поэтому крайне важно «ввести измерение «будущее» в изучение человеческой мотивации и поведения» [11, с. 18]. Конкретизируя свой подход, Нюттен разграничивает:

- «временную *перспективу*», характеризующуюся «прежде всего протяженностью, глубиной, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности»;
- «временную *установку*» – «более или менее позитивную или негативную настроенность субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему»;

– «временную *ориентацию*» – характеризует поведение субъекта и, следовательно, мыслится как преимущественная, доминирующая направленность этого поведения на объекты и события прошлого, настоящего или будущего. Например, принято считать, что молодые люди в большей степени ориентированы на будущее, а люди постарше – на прошлое» [11, с. 354-355].

С учетом этих методологических позиций осуществлялась эмпирическая интерпретация установки на перспективу [2].

Прежде всего, важен характер взаимосвязи между нынешней современной реальной ситуацией и перспективами развития, ведь тенденции будущего развития объективно вызревают в настоящем. Это же относится и к разрешению в перспективе тех противоречий, проблем, которые возникают и обостряются уже сегодня. Связь перспектив с социальной диагностикой, трезвым анализом настоящего состояния, выявлением наиболее вероятных тенденций развития превращается в одну из важнейших задач. Ее реализация во многом затруднена. Прежде всего, нельзя не видеть, что заедает текучка, злоба дня. Когда основными проблемами становятся сугубо жизненные, бытовые вопросы (выжить бы), может показаться, что обращение к перспективам – непозволительная роскошь, напрасная потеря времени и сил. К сожалению, в жизни нередко именно так и бывает, что еще более психологически усиливает подобное настроение и установки. У многих просто не хватает сил в этой ситуации вырваться из пут повседневности и реальных тягот сегодняшнего дня. В данном случае важно понять, что противоречия, разрешение которых, даже на перспективу, откладывается, загоняется на второй, третий план (как несвоевременное) чем дальше, тем больше обостряются. Поэтому теоретический анализ и выявление их, рассмотрение путей их разрешения приобретают чрезвычайно практический, прагматический характер. Примечательно, что футурологические исследования, социальная прогностика рассматриваются в развитых индустриальных странах как чрезвычайно прибыльное дело.

Противоречивость перспективы проявляется уже в том, что она всегда так или иначе является «предвидимым будущим». В такой предвидимости уже заложен элемент «нереальности» плана, прогноза, проекта, т.е. того, что еще лишь должно стать. Другой аспект перспективы как идеала – это ориентация на желаемое будущее, на совершенство, образец. Серьезную проблему здесь представляет способность (или неспособность) людей трезво оценить и реальную ситуацию, и вероятность тех или иных перспектив. Возникает опасность заменить действительно возможное желаемым. Ситуация тем более осложняется, когда это желание приобретает позитивную оценку в общественном мнении и потому нередко становится модой. Чем более происходит разрыв желаемого и возможного, тем более приближается перспектива к утопии. Утопии приобретают особенно угрожающий характер, когда они – как это было в нашем обществе – сбываются. В этом плане примечательна оценка Н. А. Бердяевым послеоктябрьской России: «Утопии оказались гораздо более осуществимыми, и теперь стоит другой вопрос, как избежать окончательного их осуществления» [1]. Сама осуществимость уто-

пий (и противоположных им – антиутопий) заставляет рассматривать их не как причудливые фантазии, но и гораздо глубже – научно – как определенные социокультурные феномены.

Существенно сказывается характер, способ осуществления перспективных задач: отношение к старому и создание, созидание нового. Революционные устремления нашего общества в целом способствовали утверждению и на психологическом уровне установок на приоритет ломки, обновления, переделки и т.д. Даже в современных условиях, к сожалению, ориентация на реформы часто сопровождается акцентом на их радикальный характер, решительность в проведении, на «шоковую терапию» и т.д. Подобная установка «ломать – не строить» порождает у одних стремление к постоянному, нередко, неоправданному экспериментированию, псевдоноваторству, а у других – страх перед любым изменением. Конечно, при любом развитии элементы ломки, разрушения неизбежны. Но очень важно найти оптимальную меру разрушения и созидания, традиций, преемственности и новаторства, причем меру не абстрактную, на все случаи обновления, а конкретную. Особенно важным, но и особенно сложным является поиск такой меры в переходные периоды. Для этих периодов характерно ускорение и расширение масштабов ломки старых подходов, форм работы, социальных институтов. И одновременно – достаточно медленное, нередко путем проб и ошибок, становление новых. Поэтому часто смещаются акценты в оценках новаторства и традиционализма, консерватизма. Первое, независимо от результативности – по одной лишь установке на инновацию – однозначно начинает оцениваться как лучшее. В ориентациях сегодня важно утвердить более взвешенный подход к консерватизму и традиционализму, преодолеть зуд постоянного обновления. Одновременно нужно видеть и реальное нежелание кого-то идти на какие-то перемены, нежелание, зачастую прикрываемое ссылками на традиции, прошлый опыт или неудачи в инновациях.

Нужно обратить внимание на субъективную, социально-психологическую сторону дела. Речь идет именно об установке личности, коллектива на перспективу. Здесь особенно значимо, насколько эта перспектива оценивается людьми как сильная и одновременно как побуждающая, определяющая стремление что-то изменить, обновить. Посильность тоже внутренне противоречива. Одна ее сторона – «по силам» – ориентирует на трезвость, реализм в постановке целей, в выборе средств, темпов обновления. Другая – ориентирует на «экономия сил», исходит из желания не очень утруждаться. Важно учесть, что и эта ориентация имеет социально-психологические предпосылки. Там и тогда, когда речь идет о необходимости каких-то инноваций, люди как бы примеряют их на себя, оценивают необходимость самим меняться, осваивать что-то новое. Если учесть, что череда различных изменений, инноваций идет в последние годы сплошным потоком, что это не может не вызывать у многих «инновационную усталость», внутреннее сопротивление переменам, то распространение таких настроений вполне понятно. Негативный опыт порождает

сомнения в целесообразности усилий. Но перспектива как бы задает тонус, заставляет не останавливаться на достигнутом, искать новое.

На основе разных оценок перспективы по линии «прошлое – будущее» и в диапазоне «оптимизм – пессимизм» возможно (особенно в молодежной среде) становление ноуристских настроений, ориентаций «здесь и сейчас». Такие настроения в нашем обществе имеют немалые основания. Кризис социалистической идеи, в конечном счете, означал и провал основной установки воспитания на скорое светлое будущее. Одновременно с этим происходит и переосмысление прошлого, ломка традиционных идеалов и ориентиров. Молодежь фактически подталкивается к ориентации на настоящее. Более того – подобная ориентация все сильнее усваивается и взрослыми. Здесь важно видеть негативную сторону ноуристских ориентации. Они вообще принижают перспективу, в лучшем случае – ориентируют лишь на ближайшую перспективу. Стимулирующее воздействие перспективы недооценивается. Существенно и то, что сиюминутным становится во многих случаях выбор тех или иных жизненных ориентиров. Это накладывает отпечаток на любую ситуацию выбора – выбор профессии, типа учебного заведения, будущего супруга и т.д. Но в том то и дело, что сегодняшний выбор многими нитями неразрывно связан и нередко предопределяет будущее человека, его жизненный путь. За случайность такого выбора приходится иногда дорого платить. Гуманистическая направленность установки на перспективу может быть и проявляется наиболее зримо в стремлении помочь человеку избежать таких издержек.

Важный момент – сроки реализации перспективных задач, что разграничивает ближнюю и дальнюю перспективу. Имеет значимость, особенно для молодых, чей жизненный путь еще начинается, выделение узловых точек перспективы, выбор которых определяет ту или иную перспективу на более или менее длительный срок. Очень важна и конкретная адресность в определении перспективы – для кого эта перспектива? Здесь надо предвидеть возможные и далеко нередкие расхождения в установках на перспективу между старшим и молодым поколениями. Установка на перспективу оказывается в данном отношении наиболее связанной с социальным партнерством как основой межпоколенческих отношений. Взаимоуважение, взаимопонимание и сотрудничество поколений предполагают уважение к выбору молодого человека – в соответствии с его склонностями и возможностями. Одновременно важно и научить его делать правильный выбор самостоятельно, отвечать за этот выбор, предвидеть во всей полноте его возможные последствия.

Установка на перспективу связана с достаточно общей в целом для теории управления проблемой: можно ли жестко, с большой долей точности и детализации планировать будущее? Годами не без влияния плановой экономики утверждалось представление о возможности и необходимости такого планирования всех сторон жизни коллектива и отдельного человека. Характерна практика разработки планов социального развития коллективов, жизненных планов молодежи. У этой практики было несомненное достоинство, которое и должно получить дальнейшее развитие в

установке на перспективу. Потеря жизненных ориентиров и перспектив представляет собой негативный фактор для общества, группы, человека. Но абсолютизация возможности планирования – «с точностью до...» – фактически игнорирует сложность и многоплановость жизненного пути человека. Пренебрежение случайностями придает таким перспективам характер заданности, фатальности, казарменности. Вольно или невольно – право личности и коллектива на самостоятельный выбор (и, следовательно, на свободу) ограничивается. Более того, само выполнение плана становится самоцелью, нормой: «План – закон». А отсюда рукой подать до формулы «План любой ценой», а значит – цель оправдывает средства. Сегодня на смену самоуверенной убежденности в безграничных возможностях управлять всем и вся должно прийти разумное понимание границ управляемости.

Каковы же основные представления молодежи Свердловской области о своем ближайшем будущем (табл.).

Таблица

Какие ожидания у Вас сегодня преобладают относительно ближайшего будущего в нашей стране?

Варианты ответов	%
В ближайшее время ситуация в стране улучшится	39
Улучшения произойдут, но не очень скоро	19
Жизнь и дальше будет только ухудшаться	13
Самое лучшее – жить сегодняшним днем	10
Особых изменений не предвижу	10
Уже устали ждать перемен	5
В скорые перемены не верю, но можно потерпеть	3
Улучшения возможны при возврате к прежним порядкам	1

Итак, особенно в сравнении с предыдущими исследованиями заметны позитивные изменения в представлениях молодежи о будущем. Прежде всего, резко усилились оптимистические настроения. Два из каждых пяти респондентов (39 %) надеются на улучшение ситуации в скором времени, еще каждый пятый (19 %) считает, что улучшения будут, хотя и не так скоро. Существенно (вдвое – до 13 %) сократилась доля пессимистов, которые не верят в перемены к лучшему. Но самое главное – на периферию молодежного ознания ушли ноувистские настроения (лишь один из десяти молодых людей, предпочитает жить сегодняшним днем и не задумываться о будущем), еще недавно бывшие приоритетными, особенно у учащейся и студенческой молодежи. Самым устойчивым в настроениях молодых является их абсолютное неприятие улучшения ситуации в форме возврата к прошлому (в нашем исследовании такую позицию выбрал лишь 1 % респондентов, но и в исследованиях 1990-2000-х гг. она не набирала более 3-4 % сторонников).

Настроения молодых в значительной мере обусловлены влиянием социально-демографических факторов.

Ранговый ряд ответов юношей и девушек во многом сходен, по крайней мере, это относится к приоритетам. Расхождения проявляются лишь в середине ряда – юноши чаще (почти вдвое) не предвидят в ближайшем будущем особых изменений, девушки чуть больше отдают дань ноуэвистским настроениям. Среди девушек и больше оптимистов (две из пяти, у юношей – каждый третий).

В отличие от гендерных особенностей различия между возрастными группами более значимы. Сказываются наиболее сложные и трудные в жизненном самоопределении молодежи трансформации – от учебы к самостоятельной работе (развитие в последние годы феномена «работающего студента» не делает этот переход менее сложным), от родительской семьи к самостоятельной семье. Да и приобретаемый жизненный опыт (столкновение с проблемами трудоустройства, своего жилья, воспитания детей и т.д.) способствует преодолению многих иллюзий. Четко прослеживаются ряд тенденций:

- от младшей молодежной возрастной группы к старшей группе резко (в 1,5 раза) сокращается доля оптимистов;

- одновременно возрастает (в 1,4 раза) доля «умеренных оптимистов», верящих, что улучшения произойдут, но не очень скоро и еще больше (почти вдвое) растет число опасующихся, что жизнь и дальше будет только ухудшаться (в старшей возрастной группе молодежи эти опасения высказал каждый пятый);

- в ответах респондентов старшей возрастной молодежной группы в сравнении и с младшей, и со средней группами в три раза реже звучат ноуэвистские настроения, одновременно они почти в три раза чаще – в сравнении с респондентами из обеих этих групп – отмечают усталость от ожидания перемен, от несбывшихся надежд.

Весьма информативны и представления о будущем у молодых жителей разных типов поселения Свердловской области. Особенно противоречивыми оказались ответы респондентов-жителей сел и ПГТ. Среди них оптимистов, надеющихся, что в ближайшее время ситуация в стране улучшится, столько же, сколько и среди жителей крупных городов. Но «умеренных оптимистов», уверенных что улучшения произойдут не очень скоро, в 1,7 раза больше (а в сравнении с жителями средних и малых городов – более чем в два раза больше). Одновременно среди них меньше, чем у городских жителей, распространены ноуэвистские настроения, но сильнее проявляется усталость от ожидания перемен, несбывшихся надежд.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н. А. Утопический этатизм евразийцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://odinblago.ru/path/8/11>
2. Вишневский Ю. Р., Белова О. Р. Ориентир подготовки выпускника – перспектива // Неожиданная современность: меняющиеся реалии XXI века. Мир–Россия–Урал: матер. XIII Всерос. науч.-практ.конф Гуманитарного университета (8–9 апреля 2010 г.): докл. / редкол.: Л. А. Закс и др.: в 2 т. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т, 2010. – Т. 1. – С. 596-602.
3. Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет. В 2 т. – Москва, 1971. – Т. 2. – С. 407.
4. Гегель Философия истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://velib.com/read_book/gegel_georg_vilgelm_fridrikh/filosofija_istorii/

5. Год российской истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kovcrb.ru/god_istorii.html
6. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: Монография /под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 244 с.
7. Желтикова И. В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 5 (55). – С.76-80.
8. Князева Е. Н. Конструирование будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://futurollogija.ru/bibl/knyazeva-e-n-konstruirovanie-budushhego/>
9. Мирошников Ю. И. Футурологические перспективы современного человека как объект философского анализа / Ю. И. Мирошников, Е. С. Юркова // Известия Уральского государственного университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2007. – № 54. – вып. 4. – С. 97-113.
10. Новикова Н. А. Образ будущего и его формирование в обществе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socialphenomena.org/article/novikova_essay2013/
11. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего / пер. с англ. под ред. Д. А. Леонтьева. – Москва: Смысл, 2004. – 608 с.
12. Образ будущего: Опыт социол.-филос. анализа / РГНФ, АГН; [Н. И. Боечко и др.]; под ред. Р. А. Зобова и А. А. Козлова. – СПб. : Химиздат, 2001. – 101 с.
13. Пашенко О. В. Роль будущего в жизни современного человека // Вестник ЧелГАКиИ. – 2014. – № 4(40). – С. 69-72.
14. Поппер К. Открытое общество и его враги / под ред. В. Н. Садовского. Т. 1. – Москва, 1992.
15. Томас Карлейль [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://lvvl.guru/tomas-karlejl/>
16. Ясперс К. Проблема будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.astrodomain.ru/articles/Jaspers_Prognoz.htm

АКТУАЛЬНОСТЬ ИДЕЙ М. М. КОВАЛЕВСКОГО О ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ

В статье рассматривается вклад М.М. Ковалевского в социологию управления, исследуется его понимание социального назначения социологии. В трактовке Ковалевским прогресса подчеркнута идея «замирившей среды». Для теории государственного управления Ковалевского значима характеристика государства как «стража и хранителя личности». Отмечена роль историко-правового анализа как важнейшей аргументации в его исследовании развития государственного управления. В свете современных дискуссий выявлена актуальность идеи Ковалевского, не связывавшего «расширение автономии личности» с «ограничением вмешательства государства». Ковалевский-социолог обосновал цементирующий, сплачивающий характер образования, культуры в интеграции социума. Для современной подготовки управленцев актуальна его позиция об опасности социологической некомпетентности чиновника.

Ключевые слова: Социология, ее социальное назначение, государство и личность, государственное управление, компетентность чиновника.

S. Vishnevsky, Y. Vishnevsky, N. Chevtaeva

THE RELEVANCE OF IDEAS M. KOVALEVSKY ON GOVERNANCE

Abstract: The contribution of M.M. Kovalevsky in the sociology of management, exploring his understanding of the social purpose of sociology. In the interpretation of Kovalevsky's progress, the idea of a "quiet environment" was emphasized. For the theory of public administration Kovalevsky significant characteristic of the state as a "guardian and guardian of personality." The role of historical and legal analysis as the most important argument in his study of the development of public administration is noted. In the light of contemporary discussions, the relevance of Kovalevsky's idea, which did not link "the expansion of the autonomy of the individual" with "the restriction of state interference," was revealed. Kovalevsky-sociologist justified the cementing, unifying nature of education, culture in the integration of society. For modern training of managers, his position on the danger of sociological incompetence of an official is relevant.

Keywords: sociology, its social purpose, state and personality, public administration, competency of an official.

Ковалевский есть наше общее национальное достояние, которым мы горды, которого у нас никому не отнять. Пройдут десятилетия, сложатся и вновь отойдут в прошлое новые течения общественной мысли, с их новыми вождями. Но Ковалевский останется жить. Он избрал себя прочное место. Он стал под охрану истории, и история осуществит его заветные мечты»

(П. Миллюков) [14, с. 143].

Из богатейшего наследия М. М. Ковалевского хотелось бы выделить его вклад в *социологию управления*, который – в отличие от его общей социологии и социологии права – остается недооцененным.

Особую значимость имеет его трактовка *государства* как «организованной силы общества», обладающей «принудительной силой». Понятно, что акцент на «*общественный*» характер государства расходился с марксистской идеей его *классовой* природы (поэтому в советский период – даже с появлением необходимости обоснования идеи «общенародного государства» – подход Ковалевского или критиковался, или просто игнорировался¹).

Социологическая концепция государства у Ковалевского сочеталась с его пониманием *социального назначения социологии*. В определенной мере оно выражено в словах итальянского министра просвещения на конгрессе Международного института социологии (Рим, октябрь 2012), приводимом в начале статьи «Социология на Западе и в России»: как «право» и «обязанность» социологии рассматривается «выступление на поле практической жизни силою, направленной к сплочению государства и установлению прочной социальной гармонии» [12, с. 25].

Социология в трактовке Ковалевского (идет от Конта) – «наука, проповедующая общественную солидарность», «она не видит возможности обеспечить прогресс или поступательное развитие человечества без прочного общественного порядка» [12, с. 27]. Он признает неприемлемость такого подхода и для *консерваторов*, и для *левых*. У первых она связана с опасениями любого прогресса (и тут масса конкретных примеров – от классической истории с «Динамической социологией» Л. Уорда, в названии которой российскому цензору почуялся «динамит», до его увольнения с профессорской должности из-за «отрицательного отношения к русскому государственному строю»). Для левых (как пример социолог приводит китайских социалистов, Сун-Ят-Сена, хотя его позиция относится ко всем левым, включая и российских большевиков) ориентация на *прогресс, эволюцию, развитие* приходит в противоречие с «их *credo* общественной борьбы», «идет вразрез с проповедью анархии, даже наименее воинственной» [12, с. 27]. Но критикуя других ученых и четко отстаивая свои позиции, Ковалевский отличался «столь же необычной среди специалистов терпимостью к чужим мнениям и признанием за разнообразнейшими течениями «научной» мысли права на соответствующее значение для решения общей им все задачи» [В. Вагнер. 14, с. 145]. Как часто и сегодня – в научных дискуссиях, в обсуждении серьезных социальных проблем – явно недостает подобного плюрализма.

Прогресс – по Ковалевскому – «сводится к расширению сферы солидарности как внутри политически обособившихся групп, так и между этими группами, обнимаемыми понятием человечества» [10, с. 352]. Это – схематически – «ряд concentрических кругов, выражающих собою все большее и большее расширение человеческой солидарности» [3]. Важное методологическое значение в его концепции прогресса играет идея «*замиренной среды*» – «из которой устранен элемент борьбы», «место ее занимает солидарность, или сознание общности интересов и взаимной зависимости друг от друга» [11, с. 63]. Исходный момент – семья. Конечно, его мне-

---

¹ На Ковалевском, как и его ученике П. А. Сорокине, сказывалась «черная метка» – В. И. Ленин причислил его к идеологам, уже давным-давно стоящим «одной ногой в реакционном лагере» [13, с. 245].

ние, что «всякая семья является, прежде всего, замиренной средою» [3], и было (в связи с «кризисом семьи», зафиксированным П. А. Сорокиным спустя несколько лет), и остается идеализированным. Но важна отмеченная взаимосвязь благополучия семьи и благополучия общества. Слоган семейной политики последних лет «Сильна – семья, сильна – держава» во многом созвучен данному подходу.

Анализ роли и характера государства социолог проводит во взаимосвязи *государства и личности*. Его позиция отлична и от «индивидуалистов», и от «их противников (социалистов и коммунистов или позитивистов)» [См.: 16, с. 177 – 178]. Государство для него не инструмент классового господства, а «*страж и хранитель*» *личности* [15, с. 307]. И от того, как охраняются государством личные права, как реализуются «политические аксиомы равноправия» («свобода совести и равенство граждан перед законом, судом, налогом, государственной службой» [1]), во многом определяется развитие общественной солидарности как основы государственного общежития.

Но государства развиваются и совершенствуются – и в этом суть его концепции (социологической!!) – не естественным путем, а при самом деятельном участии людей, их составляющих [3]. И личность для социолога – *самоопределяющаяся личность*. Важный момент такого самоопределения связан с развитием самосознания (*жизнь для другого*). «Автономия личности, – подчеркивает он, – должна быть признана «не препятствием, а условием развития общественной солидарности». От согласования этих, по Ковалевскому, «далеко не противоречащих друг другу начал» зависит «все будущее человечества»: «Прогресс личности немислим без прогресса общности»; «эмансипация индивида связана с развитием опирающейся на равенство солидарности» [2]. Отсюда и его критерий общественных и политических реформаторов и реформ: «ни один из них не может рассчитывать на проведение в жизнь своей схемы, если в ней требование общественной справедливости – солидарность – не будет признано в равной степени и требованием автономии личности – свободой ее физических и нравственных проявлений» [2]. Отсюда его понимание необходимости преодолеть «*пассивность*» как «черту народа, призванного не к самоопределению своих судеб, а к подчинению начальству».

Ковалевский преимущественно содержательно разграничивал «политическую организацию народа» («большая или меньшая автономия личности», «большее или меньшее участие всего гражданства в руководительстве политической жизнью страны»). Поэтому он гораздо меньше внимания уделял формам государственности (кстати, к этому совету стоило бы прислушаться, корректируя наши вузовские управленческо-правовые курсы). Порой его конкретные оценки (например, акцент на продвижение России в нач. XX в. к конституционной монархии, а не к парламентской республики) вызвали и тогда, и потом непонимание. Однако его аргументация опиралась на серьезный исторический институционально-правовой анализ. Ковалевский подчеркивал: «Не все то, что носит наименование республики, отвечает понятию самоопределения народом его политических судеб»; необходимо «отрешиться

от довольно распространенного предубеждения, что поступательный ход государства сводится к постепенному торжеству республиканских порядков над монархическими» [9]. И в формуле Ковалевского («сохраняя наследственное руководство нации ее историческим вождем, положим в основу русского обновления систему самоуправления общества») первая часть уже скоро оказалась преходящей, вторая же и сегодня определяет перспективы социального развития.

Противоречит подход Ковалевского и идеям многих либералов, что «последствием расширения личной автономии явится сокращение сферы вмешательства государства». Их трактовке прогресса как «ограничения функций правительственной власти одними заботами о безопасности и правосудии» он противопоставил исторический анализ «хода развития гражданственности», который «обогастил государство переносом на него многих функций, ранее всецело осуществлявшихся семейными союзами, церковью и сословными организациями: забот об общественном призрении и воспитании». Соответственно, ученый требовал от государства (и резко критиковал в этом плане царское правительство) «борьбы с нищенством, безработицей и с народной темнотой, обеспечения гражданам как права на труд, так и возможности начинать борьбу за существование в одинаково благоприятных условиях, т.е. при ознакомлении, хотя бы элементарном, с тою суммою знаний, которая обнимается современной культурой¹». Социальные функции («заботы о благосостоянии, в смысле обеспечения каждому возможности зарабатывать жизнь трудом и приобретать общее образование») должны для государства стать определяющими [9]. Когда и сегодня исследования показывают, как далеки мы от полной реализации конституционного определения РФ как *социального государства*, убеждаешься в важности и перспективности подхода Ковалевского.

В рамках определения им задач социальной политики отметим ориентир на *социальное равенство и справедливость*. Как реалист он видит, что «противопоставление бедности и богатства поддерживает рознь и является препятствием для гражданского общения» [9]. Но Ковалевский надеется на лучшее. С одной стороны, – на «успехи техники, вызванные ростом знания», которые «рано или поздно ведут к освобождению народных масс от тех, кто монополизировал в своих руках орудия производства». С другой, – на то, что «социальное законодательство в недалеком будущем введет экономическую конкуренцию в те пределы, при которых свобода соглашений и охраняемая ею автономия личности не будет препятствовать проявлению взаимной заботливости экономических классов о сохранении и упрочении начала общественной солидарности» [3]. Конечно, история в России пошла «не по Ковалевскому». Избежим сентенции: «Тем хуже для истории». Подчеркнем однако, что резкий рост социального неравенства в современной России вновь актуализирует его социологический прогноз.

Важный аспект социальных реформ в трактовке Ковалевского (в ситуации рубежа XIX-XX вв. в России) – развитие «*общедоступной народной школы*». Про-

---

¹ Ковалевский использовал английское понятие «equal start» – «равенство стартовых позиций» [7]

граммное требование его партии – созданию условий, при которых начальное обучение могло бы стать всеобщим, бесплатным и обязательным [8, с. 20]. Обосновывая реформу начальной, средней и высшей школы, ученый боролся, чтобы пали все запреты (для «кухаркиных детей»; 3 %-ная квота для евреев; ограниченная доступность высшего образования для женщин; и т.д.) [8, с. 21]. На опыте США ученый раскрывает роль «всеобщего образования, образования при том по возможности всестороннего» как «ключа к обращению полуодичавших колонистов в граждан свободнейших государств в мире» и того *цемента*, который «должен сплотить в одну массу пестрый этнографический состав, какой представляло собой их первоначальное население»¹ [5, с. 811].

Этот *цементирующий, сплачивающий характер образования, культуры* социолог акцентирует и при анализе межнациональных отношений. «Победы русского оружия» («Присоединение Крыма, Кавказа, Туркестана и бесконечных степей, какие тянутся от Урала до Алтая и от Алтая до устья.

Амура») могут рассматриваться «приобретением для цивилизации» только с учетом «замирения края, прекращения междоусобий, свободы всем жить по-человечески под равной охраной власти и возможностью постоянного развития личности и общества» [6, с. 15]. Представляется возможным использовать критерии Ковалевского и в оценке современных межнациональных отношений.

В плане развития социологии управления Ковалевский особенно подчеркивает *опасность «социологической некомпетентности» управленцев*, отмечая неправомерность «предоставлять управление тем, кто не знает тесной связи, в какой порядок и прогресс стоят не от одного исполнения велений начальства, но и от взаимодействия государства и права, экономики и политики, с требованиями общественности, находящими выражение себе в нравственном законе» [12, с. 30].

Для Ковалевского государственное управление было предметом и научной деятельности, и практической деятельности: воздействуя на государственные учреждения как *«законодатель»*, он «хорошо помнил те уроки, которые вынес из своего обращения с государственными учреждениями как *исследователь»* [14, с. 142]. Это позволило ему обосновать – как важнейшее требование к депутатам-законодателям – *компетентность*: «выбор депутатов из лучших людей, людей сведущих в законах и проникнутых чувством законности» [4, с. 15].

При этом им было раскрыто существующее и до сих пор противоречие функционала Государственной Думы, характерное и для других представительных органов: (*представительная власть и законодательная власть*). Разрешение этого противоречия виделось Ковалевскому не в отказе от самих принципов представительства, «созданных вековым опытом народов». Главное – «не распоряжаться» этими принципами «так вольно, как со штатами канцелярии» (в эту формулу сегодня вполне вписываются требования недопустимости использования «административного ресурса», «открытых, честных выборов»). Нельзя допустить и ситуации, когда

---

¹ Идея Ковалевского во многом близка позднейшей теории «США = «melting pots» – плавильный котел».

«избиратели могут только руководствоваться чувствами доброго соседства и народной молвой, часто сливающейся со сплетней» [4, с. 18].

Особенно важно обеспечить доступ той части населения, «которая по своей умственной зрелости способна обеспечить будущей Думе контингент сведущих и потому полезных деятелей» [4, с. 13-14]. Опираясь на опыт участия немецких ученых (Моммзен, Гельмгольц, Гнейст, Вирхов) в работе рейхстага и ландтага, Ковалевский считает необходимым, чтобы и «в хоре голосов земли русской» «звучал голос науки и художественного творчества», «высших представителей знания». Особенную значимость для деятельности Думы имеют, по его мнению, те, кто может дать «полезный совет по многосложным вопросам о преобразовании русской империи», «лица, специально посвятившие себя изучению экономических, финансовых и государственных вопросов, знатоки русской крестьянской жизни и судеб русского рабочего, знатоки западноевропейских порядков, экономических, общественных и политических», «все те, кому особенно дороги интересы русского образования, русской науки и русского искусства, кто стоял и стоит к нему в ближайшем отношении» [4, с. 13-14].

Интересные мысли высказаны Ковалевским *о соотношении государственного и муниципального управления*. Прежде всего, отметим его положение (часто игнорируемое и сегодня при «разграничении» полномочий) «даже самая просвещенная центральная администрация» не может понять «действительные нужды и желания» «жизни местных центров». Поэтому местное самоуправление призвано обеспечить «самостоятельность» этой жизни, «сосредоточивая в руках местных жителей заведование всею совокупностью местных интересов и оставляя их почти безусловными повелителями собственных судеб». Здесь особенно важна (в свете «оптимизации»-ликвидации школ во многих селах в РФ) выделенная социологом роль американской приходской школы как *центра*, «вокруг которого группируются остальные интересы местности»¹ [5, с. 819-820].

Актуальна и другая задача местного самоуправления, о которой писал ученый – возможность приобретения жителям местных центров «гражданской зрелости». С этим он связывает и проблему подбора местных чиновников – преимущественно из «местных обывателей», лучше «понимающих местные нужды», «знакомых с повседневной административной практикой». Для подготовки таких «обывателей» недостаточно ни школ, ни университетов, необходима «практическая деятельность, участие возможно большего числа местных жителей в заведовании местными делами» [5, с. 819-820].

Ориентиры Ковалевского – здравый смысл, наука и исследование. Он категорически против быстрых и насильственных переворотов в укладе общественной жизни. Лучшее будущее может, по его мнению, подготовить лишь просвещение масс (известен его афоризм: «Лекции всегда лучше и эффективнее, чем бомбы»). «Нам, – писал Ковалевский, – совершенно чужда мысль об уничтожении разом чего бы то ни

---

¹ Что, кстати, многократно подтверждено и отечественными социологами – и в советский, и в постсоветский периоды.

было и создании сразу нового строя, новой религии или новой морали. При медленности общественных изменений прогресс более надежен, чем при их быстроте, эволюцию надо предпочитать революции, или, выражаясь языком Конта, прогресс желателен только под условием сохранения порядка» [Цит. по: 16].

В свое время, размышляя о реформах Александра II, Ковалевский пророчески предположил: «Если бы история просвещала своими уроками не только социологов, но и находящихся у власти государственных деятелей, русские правители с меньшей самоуверенностью глядели бы в лицо грядущему» [13]. Хотелось бы надеяться, что уроки и выводы современной науки (в том числе и одной из важнейших – социологии) смогут «просветить» не только самих ученых, но и нынешних «государственных деятелей». Но вот парадокс истории – непонимание либералом Ковалевским «негативного отношения» к социологии тогдашнего российского ведомства, «которому вверены заботы о воспитании подрастающих поколений» [12, с. 27], сегодня может быть дополнено и опасениями российского социологического сообщества (чуть воспрянувшего даже в «лихие» 1990-е) о дальнейшей судьбе социологии и ее преподавания в вузах.

Библиографические ссылки

1. Ковалевский М. М. Армянский вопрос // Вестник Европы. – 1915. – № 6. – С. 256-274 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vestnik-evropy.ru/continuous-magazine/from-the-history-of-the-magazine-herald-of-europe-maxim-kovalovsky-the-armenian-question.html>
2. Ковалевский М. М. Взаимоотношение свободы и общественной солидарности // Вехи. Интеллигенция в России. Сб. статей 1909-1910. – Москва, 1991. – С. 270-293 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/kovalovskiy_freedom.html
3. Ковалевский М. М. Дарвинизм в социологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/kovalovskiy/kovalovskiy_darvinizm_v_sociologii.html#
4. Ковалевский М. М. Действительная природа Государственной думы: Докл., прочт. в заседании Харьк. Юрид. о-ва 11 сент. 1905 г. – Харьков: Тип. и лит. Петрова, 1905. – 29 с.
5. Ковалевский М. М. Местное самоуправление в Америке и его историческое развитие // Вестник Европы. – 1885. – Т. 1, февраль. – С. 793-820.
6. Ковалевский М. М. Национальный вопрос и равенство подданных перед законом. – Варшава: Книгоиздательство «Правда», 1906. – 15 с.
7. Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/22446/ogl.shtml>
8. Ковалевский М. М. Политическая программа нового союза народного благоденствия. Очерк. – СПб.: Тип. АО «Слово», 1906. – 23 с.
9. Ковалевский М. М. Прогресс // Вестник Европы. – 1912. – Кн. 2. – С. 225-260. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dugward.ru/library/kovalovskiy/kovalovskiy_progress.html#
10. Ковалевский М. М. Современные французские социологи // Вестник Европы. – 1913. – Кн. 7. – С. 342-353.
11. Ковалевский М. М. Социология. В 2 тт. Т.1. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – 300 с.

12. Ковалевский М. М. Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии / под ред. М. М. Ковалевского, Е. В. де Роберти. Сборник первый. – СПб.: Изд-во «Образование», 1913, – С. 25-30.
13. Ленин В. И. Национал-либералы // Полн. собр. соч., т.22, – С. 244-246.
14. Ковалевский М. М.: Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. ст. – Пг.: Артистическое заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917. – 278 с.
15. Магазинер Я. Политическая идея М.М. Ковалевского в связи с характеристикой его личности // Вестник Европы. – 1917. – № 3. – С. 305-326.
16. Социологические концепции права и государства в России / С. А. Муромцев, Н. М. Коркунов. М. М. Ковалевский // История политических и правовых учений. Учебник для вузов / под ред. О. Э. Лейста. – Москва: Издательство «Зерцало», 2006. – 568 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://radnuk.info/ros-pidrychnuk/polit-istoriya/667-leista/21059-3-sociologicheskie-koncepcii-prava-i-gosudarstva-v-rossii-s-a-muromcev-n-m-korkunov-m-m-kovalevskij.html>

РЕГИОН КАК ПРОСТРАНСТВО САМОРЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ

В статье на основе единых методологических принципов (многомерная модель молодежи, социокультурный подход, ресурсный подход, самореализационная теория культуры) обобщаются материалы исследования различных аспектов социокультурного развития молодежи Свердловской области в 2012-2017 годах, проведенные под руководством или при участии авторов (VI-VII этапы мониторинга «Студент»; социальное самочувствие и гражданская культура молодежи региона; проблемы ее безопасности и патриотизма и другие).

Ключевые слова: многомерная модель молодежи, социокультурный и ресурсный подход, самореализационная теория культуры, социальное самочувствие, гражданская культура, патриотизм.

Yu. Vishnevsky, D. Narkhov, P. Moseeva, E.V. Kemmet

REGION - SPACE OF SELF-REALIZATION OF YOUTH

Abstract. In article on the basis of the uniform methodological principles (multidimensional model of youth, sociocultural approach, resource approach, the self-realizable theory of culture) materials the researches of various aspects of sociocultural development of youth of Sverdlovsk region in 2012-2017 conducted under the direction of or with the assistance of authors are generalized (the VI-VII stages of monitoring "Student"; social well-being and civil culture of youth of the region; problems of its safety and patriotism and others).

Keywords: multidimensional model of youth, sociocultural and resource approach, self-realizable theory of culture, social well-being, civil culture, patriotism.

На протяжении последних пяти лет наша научная группа (руководитель – Ю. Р. Вишневский, ответственный исполнитель – Д. Ю. Нархов) провела целый комплекс исследований молодежных проблем. Их целостный, комплексный характер определялся рядом моментов:

- региональностью, с охватом территории Свердловскую область (или, в рамках федеральных исследований, с выделением ее);
- единым объектом, в качестве которого выступала или молодежь (в возрасте 14-30 лет) в целом, или отдельные ее группы (студенчество, городская молодежь);
- управленческой направленностью, поскольку полученные материалы (вместе с результатами исследований наших коллег) составляли научную основу для ежегодных докладов о положении молодежи региона [5; 6];
- общей теоретико-методологической базой исследования [1; 2].

Методологические принципы нашего подхода включали:

- *многомерную модель молодежи*, отразившую переориентацию социологии молодежи от «единство = единообразие» к «единству в разнообразии» и актуализацию проблемы соотношения единства и разнообразия, целостности и дифференциации молодежи с учетом растущего социокультурного расслоения и стилевых разли-

чий в молодежной среде. Многомерность реально проявляется в разнообразии социологических подходов к проблемам молодежи (стратификационный, структурно-функциональный; институционально-функциональный; культурологический, аксиологический, или ценностный; ресурсный; тезаурусный и рискологический подходы) [8, с. 25-94];

– понимание молодежи как *социального ресурса* (в развитии от ресурса к резерву и к реализации), потенциала социального развития, особенно – инновационного потенциала, ориентация на изучение «степени, уровня и формы новаторства молодежи при решении общественных проблем» [9, с. 215].

– самореализационная теория культуры, основанная на идеях Л. Н. Когана о культуре как мере реализации сущностных сил человека. Культура – средство социализации человека, т.е. «приобщения к общественному целому, становления как члена общества. Но сама эта социализация в ходе освоения культуры происходит как индивидуализация личности, как обретение ею своего, непохожего на других «я». *Социализация и индивидуализация* – две стороны одного и того же процесса освоения культуры» [4, с. 122].

На основе проведенных исследований выделим некоторые штрихи социокультурного портрета молодежи региона. Одни из ключевых проблем – социальное самочувствие и социальный статус, точнее – самоидентификация молодежью своего социального положения.

Негативные последствия российских трансформаций на рубеже веков сказались на жизненных установках и ориентациях значительной части молодежи (табл. 1) [7].

Таблица 1

Отношение к жизни респондентов разных возрастных групп, 2015 г.,

Варианты ответов	Σ, % опрошенных	Возраст, % от группы		
		До 20 лет	21–25 лет	26–30 лет
Нужно постараться взять от жизни как можно больше	58	62	58	39
Нужно со всей ответственностью относиться к своим поступкам, помня о добре и зле	36	32	36	49
Не стоит растрачивать время на земные, мирские соблазны – нужно стараться посвятить себя высшим духовным ценностям	7	6	7	11

Из трех вариантов в рамках известного фроммовского противопоставления «быть или иметь» [10] молодежь отдала предпочтение варианту «иметь» (три из пяти респондентов считают, что «нужно постараться взять от жизни как можно больше»).

Если напомнить, что почти два из пяти готовы использовать для этого любые средства, то социальная основа девиантного поведения части молодежи становится очевидной. Как очевидной является и необходимость акцентировать именно нрав-

ственные аспекты воспитания молодежи. В рамках выбора «быть» респонденты отдали предпочтение ответственности, способности «отличать дурное от доброго» в реальной жизни в сравнении с отказом от всего мирского в пользу высших духовных ценностей. Таким образом, для значительной части молодежи понимание «духовного» как некоего аскетизма нехарактерно. Единственное, что смягчает отмеченные оценки, обусловленность рассматриваемых жизненных установок возрастным фактором: с возрастом молодежь мудреет.

Наиболее полно отражают социальное самочувствие молодых людей их ожидания и настроения. Каковы эти ожидания и настроения у современной свердловской молодежи? Что изменилось в них за последние годы (рис).

Рисунок 1 – Социальные настроения и ожидания молодежи, 2015 г., % опрошенных, поливариантный вопрос.

Исследования в Свердловской области на рубеже веков зафиксировали, что при всех издержках «шоковой терапии», при огромной цене, которую заплатило общество за переход к рыночной экономике и капиталистической демократии постмодернистского типа альтернативы реформам не было. И сегодня, как и 15-20 лет назад, молодежь не видит возможности каких-либо улучшений с помощью «возврата к прежним порядкам» (за такой «возврат» высказались лишь 1-2 % молодых респондентов). Заметно повлияли на настроение молодежи и ощутимые результаты социальной стабилизации российского социума в начале XXI века. Если в 2000 году надеялись, что в ближайшее время ситуация улучшится, 27 % респондентов, то через 15 лет оптимистическая позиция зафиксирована у каждого третьего даже несмотря на кризисные явления 2008-2011 и 2014-2015 годов.

Заметно – в 1,4 раза – снизилась доля респондентов – «умеренных оптимистов», уверенных в том, что улучшения пусть и не скоро, но обязательно произойдут – с 31 % в 2000 году до 22 % в 2015 году. В основном сохранилась доля «пессими-

стов», не предвидящих особых изменений или опасаящихся, что жизнь и дальше будет только ухудшаться. Сохраняется и небольшая группа молодых людей, не верящих в скорые перемены, но готовых ради улучшений еще немного потерпеть (3 % в 2000 г. – 5 % в 2015 г.). Но запас прочности и долготерпения начинает исчерпываться и в молодежной среде. Нарастает «усталость» от ожидания перемен от несбывшихся надежд. Пока эта группа невелика – 5 % в 2000 г. и 8 % – в 2015 г. Но тенденция заметна и оценивая ее, нужно учитывать теорию «растущих ожиданий», обоснованную еще на рубеже 1960-1970-х годов Д. Беллом, согласно которой для старшего поколения настоящее оценивается через призму «достигнутого», а для молодежи – настоящее – это стартовая площадка будущего развития. Утрата уверенности в завтрашнем дне является питательной средой для «ноувизма» (от англ. now – сегодня, сейчас).

Самое тревожное изменение настроений – рост почти в 1.5 раза доли тех, кто считает, что «самое лучшее – жить сегодняшним днем, не забивать себе голову». Подобный настрой детерминирует сиюминутность поведения, отказ от долговременных жизненных стратегий, от планирования профессиональной и деловой карьеры.

Важный аспект социального самочувствия – социальная идентификация, соотнесение человеком себя с определенной социальной группой (табл. 2). По итогам опроса 2015 г. [7] можно сказать, что молодые люди в Свердловской области, прежде всего, ощущают себя россиянами (у мужчин это ощущение чуть сильнее – отмечено 45 %, чем у женщин – 39 %).

Таблица 2

Самоидентификация свердловской молодежи, 2015 г., % от опрошенных

Варианты ответов	%
Гражданин России	42
Просто человек	26
Гражданин мира	10
Человек определенной национальности (русский, украинец, татарин ...)	7
Отец, мать, сын, дочь внук, внучка	7
Житель региона, города, села (свердловчанин, екатеринбуржец, тагильчанин...)	3
Человек определенной религии (православный, католик, мусульманин ...)	2
Человек определенной профессии (металлург, врач, учитель...)	2
Житель виртуального мира	1

Очевидно, ощущение себя гражданами России понятно для молодых людей, выросших в новой, независимой России. Одновременно распространенность такого ощущения отражает успешность развития российской государственности. Две дру-

гих приоритетных черты идентификации молодых свердловчан – «просто человек» (отмечено в целом каждым четвертым респондентом, у женщин – почти каждой третьей) и «гражданин мира» (каждый десятый, тут гендерных различий не зафиксировано) – характеризуют гуманистическую направленность нового поколения россиян, его открытость миру. И в этом важный залог бесперспективности стремления некоторых западных политиков, используя санкции и другие средства, вновь «закрыть» нашу страну, отлучить ее от активного влияния на мировую политику.

Но самоидентификация молодых свердловчан противоречива. Не очень развитыми (не набрали более 7 %) оказались все другие виды идентификации:

- *этническая* (чаще, чем в среднем, ее отмечали жители Екатеринбурга и малых и средних городов);

- *семейно-ролевая* (респонденты-женщины отмечали ее втрое чаще мужчин, но и среди них это лишь 10 %; акцент на самостоятельность, на «свою» семью определил усиление этого вида идентификации от младшей возрастной группы к старшей – от 4 % к 15 %; заметно реже других этот вид идентификации отмечали жители сел и ПГТ),

- *конфессиональная* (жители сел и ПГТ отмечали этот вид втрое чаще, чем в среднем, хотя и у них лишь 6 % отнесли себя – в рамках самоидентификации – к «людям определенной религии»);

- *региональная* (крайними в соотношении себя с регионом, поселением, местом жительства – в среднем отмечено 4 % респондентов – оказались две группы: селяне, жители ПГТ делали это несколько чаще других, жители малых и средних городов – реже);

- *профессиональная* (недооценка этого вида идентификации – общий момент, что заставляет задуматься о необходимости заметной активизации работы по профессиональной ориентации и профессиональному самоопределению молодежи области;

Лишь 1 % респондентов отнес себя к «*жителям виртуального мира*». Выясняется, что распространенное представление о «всеобщей виртуализации» современной молодежи весьма преувеличено.

Важный аспект исследований молодежи региона – ее гражданственность и патриотизм: как они проявляются в отношении человека к Отечеству, Родине [3]. Крайне важно то, как воспринимается, с чем соотносится Родина (табл. 3).

Четко прослеживаются приоритеты в понимании молодыми людьми Родины. Оно прежде всего соотносится с социокультурными (даже ментальными) аспектами – с образом жизни и национальным характером. С возрастом значимость именно этого аспекта возрастает, что отражает растущую в процессе социализации молодого человека его этнической самоидентификации. Хотя происходит это в известной мере спонтанно, поскольку на рациональном уровне сами респонденты, как отмечено выше, особо этот вид идентификации не выделяют.

Таблица 3

С чем связано для Вас понятие Родина, 2016 г.,
(массив и группы по полу, % от общего числа опрошенных)

Варианты ответа	Σ	Муж.	Жен
Общие обычаи, традиции, образ жизни, национальный характер моего народа	30	28	32
Родной город, деревня, с которой связаны детские воспоминания	25	23	27
Россия как единое государство	18	22	16
Там, где хорошо	7	5	8
Культура, язык моего народа	6	6	6
Просто населенный пункт, где я родился	4	5	3
Природа моего края	3	3	3
Республика, область, в которой я живу	3	2	3
Пустое слово, еще один способ обмануть человека	2	4	1
Другое	2	3	1

Кстати, единообразие языковой среды Среднего Урала определяет то, что различия в языке как определяющий феномен культуры в ответах молодых людей отходит на второй план.

Примечательно и то, что восприятие Родины для большинства респондентов начинается с малой Родины. Причем особых различий по этому параметру нет. Чуть чаще это отмечают женщины, что объясняется их повышенной эмоциональностью и большей значимостью для них чувственно-эмоционального компонента патриотизма. Сложнее объяснить, почему жители средних по численности городов реже (лишь один из каждых шести), чем жители других типов поселений (каждый четвертый), выбирали данный вариант ответа. В условиях растущей миграции (для молодежи наиболее присуща учебная миграция) для многих связь с малой Родиной связана с детскими воспоминаниями. Подчеркнуть это особенно важно, так как вариант ответа «просто населенный пункт, где я родился» особого интереса у респондентов не вызвал.

Один из самых позитивных результатов опроса – среди приоритетов молодежи Среднего Урала в понимании Родины особо подчеркивается значимость единства России (в названии ведущей политической партии страны это уmonoстроение удачно учтено). Особо подчеркивают, что Россия воспринимается ими как «единое государство» юноши (возможно сказывается тот факт, что именно им предстоит непосредственно защищать это единство от любых попыток его разорвать), жители средних городов (в их приоритетах данный параметр даже передвинулся на второе место).

Для полноты картины обозначим еще два вывода по результатам опроса. Один положительный: лишь для немногих респондентов присуще потребительское отношение к Родине, вариант «где хорошо, там и Родина» выбрали лишь 7 % из них. Большинство молодых людей отвергли толкование понятия «Родина» как «пустого слова», «обмана». Тем самым фактически еще раз подтвердилось их уважительное отношение к Родине, Отечеству. Другой – заставляющий задуматься. Явно недооценивают молодые люди значимость экологического компонента патриотизма. Лишь

немногие (а среди жителей села вообще никто) соотнесли Родину с природой нашего края.

Для студенческой общности важнейшая сторона самореализации связано с профессиональным самоопределением. Это процесс от выбора до включения в профессию. По данным мониторинга [8], эти процессы носят неоднозначный и противоречивый характер.

Феноменальна устойчивость мотивов профессионального выбора (особенно – ранга различных мотивов), фиксируемая на протяжении более 20 лет (табл. 4).

Таблица 4

Динамика мотивов выбора вуза в период 1995–2016 гг.,
% опрошенных, ранжирование по 2016 г.

Значения	1995	2007	2009	2012	2016
Интерес к профессии	45	53	54	49	44
Привлек престиж, авторитет вуза	32	32	34	30	31
Привлекла перспектива найти хорошую работу после вуза	30	30	32	27	29
Желание получить диплом (неважно, какой)	9	26	21	19	26
Хотелось обеспечить себе стабильный материальный достаток в будущем	-	–	–	22	25
Хотелось продлить более или менее беззаботный период жизни (за компанию с друзьями, привлекла активная студенческая жизнь)	15	12	12	19	19
Считал: наилучшие способности у меня именно в этой области	33	25	26	17	16
Сюда было легче поступить	-	18	15	13	15
Повлияла семейная традиция, родители	22	18	14	13	10
Не хотелось идти в армию	17	7	7	6	8
Другие мотивы (найти спутника /спутницу жизни; интересный круг общения)	4	9	9	4	8
Повлияла учеба в специализированном классе, техникуме, лицее	15	15	13	10	5
Совет учителей, специалистов по профориентации	5	6	6	4	4

Основные тренды профессионального выбора таковы:

– усиливается влияние *прагматических, меркантильных мотивов* (они на первом плане, устойчиво занимая первое место в ранговом ряду). Но качественный анализ отражает сложность данного мотива – за ним все чаще стоит усиливающаяся ориентация молодежи на справедливость (кстати, подкрепляемая распространенным стереотипом о высшем образовании как пути к жизненному успеху);

- остается приоритетной *профессиональная* направленность выбора вуза, но одновременно все четче проявляется и *депрофессионализация* – в *высшем профессиональном образовании* акцентируется *высшее*;
- возрастает значимость *статусных* моментов (престижа, авторитета вуза);
- все еще велика доля *случайных* мотивов;
- сохраняется *недооценка* молодыми людьми своего *профессионального призвания* (что связано и с неумением определить свои склонности, способности);
- нарастает *самостоятельность* (*индивидуализация?!)* выбора, снижается роль семейных традиций, школьных учителей;
- начинает сказываться (но крайне медленно) *профильность обучения в общеобразовательной школе*;
- не меняется *низкая оценка* (возможно, как отражение низкой роли) влияния профориентации, профориентационной работы.

Заметен определенный разрыв между «хочу» и «могу». Что касается третьего компонента выбора – «надо», заметно изменение ориентаций: от «долга», «служения людям» – к личному успеху, все чаще измеряемому уровнем заработка, дохода. Правда, мотивацию студенчества нельзя оценивать однозначно (тем более – негативно). Ответы студентов отражают и позитивные тренды: высокую значимость соддержательной стороны профессиональной деятельности («творческой, интересной работы»), возрождение в новых условиях коллективистских ориентаций.

В иерархии мотивов выбора вуза стабильно удерживает первенство такой параметр как «*интерес к профессии*», этот мотив указал каждый второй из опрошенных – как в 1995, так и в 2012, 2016 гг. На наш взгляд, это – общая интегративная характеристика.

Каждый третий из опрошенных отметил *престиж, авторитет вуза*. Этот показатель тоже стабилен, не уменьшается, что можно объяснить *спецификой образовательного продукта*. Покупатели – студенты, особенно обучающиеся по контракту, при выборе услуги выбирают бренд вуза, его репутацию. Вузы, в свою очередь, заботятся о репутации больше, чем о качестве обучения. Репутация вуза, бренд – это институциональные маркетинговые практики, выравнивающие информационные перекосы.

Ещё треть опрошенных в качестве мотива отметили ожидаемую выгоду от потребления образовательного продукта – перспектива найти после окончания вуза *хорошую работу*.

Исследование мотивов выбора вузов позволило выявить и ряд значимых изменений, нуждающихся в социологической интерпретации и объяснении:

- резко (в 2,5 раза) выросло *знаковое потребление* образовательных продуктов: желание получить диплом как мотив выбора вуза указал один из десяти опрошенных в 1995 году и каждый четвертый–пятый на всех последующих этапах мониторинга (в 2016 г. – каждый четвертый);

– социально-профессиональное наследование ослабевает среди мотивов профессионального выбора, влияние семейных традиций, родителей на выбор вуза уменьшилось в 1,5 раза. Как отмечалось ранее, при оценке значимости социально-профессионального наследования третьекурсники в наименьшей степени ориентируются на продолжение профессиональных традиций родителей и на поиск работы в той же сфере, что и их друзья. Особенно снизилось давление семьи у педагогов, традиционно выше среднего влияние семьи у медиков и экономистов, выросло давление семьи у юристов и горняков;

– социальной нормой стало восприятие вузов как формы социальной защиты, стабилен процент тех, кто среди мотивов выбора указал избежание службы в армии;

– при выборе вуза в *меньшей степени учитываются способности* к этому виду деятельности. Этот параметр при выборе профессии учитывал в 1995 г. каждый третий студент, а в 2007-2009 гг. – каждый четвертый, в 2012-2016 гг. – уже каждый шестой. Уменьшилось число студентов, считающих, что у них есть способности к педагогической деятельности, зато выросло число таковых среди будущих юристов и архитекторов. Резко уменьшилась значимость способностей для выбора профессии экономиста. Во многом недооценка соответствия своих склонностей и способностей требованиям профессии связана и с происшедшими изменениями в ценностных ориентациях молодежи. Лишь 1 из 4 студентов выделил «творчество, реализацию способностей» как наиболее значимую для него жизненную ценность.

В условиях, когда ориентиром для страны становится модернизация, «инновационная экономика» (что является объективной необходимостью, тем более что Россия на этот путь вступает с серьезным отставанием от развитых индустриальных стран), отмеченная недооценка будущими специалистами соответствия профессии их склонностям и способностям ставит под угрозу подготовку инноваторов.

Осмысление этой угрозы реализовано в том, что в качестве одного из основных направлений государственной молодежной политики в регионе выбрана работа с талантливой молодежью. Социологическое обеспечение решения этой сложной задачи будет перспективной задачей социологов региона.

Библиографические ссылки

1. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Социология молодежи. 3 изд. – Екатеринбург, 2013. – 246 с.
2. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология молодежи. – Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. – 429 с.;
3. Гражданская культура молодежи Свердловской области: тенденции, проблемы, перспективы: монография / А. А. Айвазян, Л. Н. Боронина, Ю. Р. Вишневский, Л. Д. Забокрицкая, Д. Ю. Нархов, Т. А. Орешкина, Д. С. Попов, О. Б. Франц, М. В. Ячменева ; под общей редакцией профессора Ю. Р. Вишневого ; Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2017. – 244 с.

4. Коган Л. Н. Социология культуры // Коган Л. Н. Личность. Культура. Общество. Т. II. Работы 1988-1997 гг. / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург: НИЦ «Маска», 2009. – С. 121-160.
5. Положение молодежи Свердловской области в 2014 году: научные основы доклада правительству Свердловской области : монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого; УрФУ. – Екатеринбург: Издательство УМЦ УПИ, 2016. – 350 с.
6. Положение молодежи Свердловской области в 2015 году: научные основы доклада Правительству Свердловской области : коллективная монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – 272 с.
7. Социальное самочувствие молодежи Свердловской области в 2015 году: итоги социологического исследования / под ред. Ю. Р. Вишневого, Д. Ю. Нархова. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – 205 с.
8. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общей редакцией Ю. Р. Вишневого–Екатеринбург : УрФУ, 2017. – 904 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/54225>.
9. Тощенко Ж. Т. Социология. Общий курс. 2-е изд., доп. и перераб. – Москва: Прометей, Юрайт, 1999. – 512 с.
10. Фромм Э. Иметь или быть? Забытый язык. – Москва: изд-во АСТ, 2009. – 448 с.

В. В. Гаврилюк, Т. В. Гаврилюк

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ И ОБРАЗ УСПЕШНОГО БУДУЩЕГО В СОЗНАНИИ МОЛОДЕЖИ¹

Рассматривается содержание понятия «жизненные стратегии», основания типологии жизненных стратегий. Устанавливается связь между наличием и характером жизненных стратегий и представлением о будущем. На основе проведенных в Тюменском регионе эмпирических исследований приводится обоснование выбора жизненных стратегий молодежью образом желаемого будущего. В результате кластеризации выделено восемь модальных типов, обладающих различными представлениями о содержании жизненного успеха и стратегиями его достижения.

Ключевые слова: молодежь, жизненные стратегии, жизненный успех, кластеризация.

V. Gavriluk, T. Gavriluk

LIFE STRATEGIES AND IMAGE OF A SUCCESSFUL FUTURE IN THE CONSCIOUSNESS OF YOUTH

Abstract. The content of the concept of "life strategies", the foundation of the typology of life strategies is considered. A link is established between the presence and nature of life strategies and the notion of the future. Based on the empirical research conducted in the Tyumen region, the rationale for choosing life strategies for young people in the manner of a desirable future is provided. As a result of clustering, eight modal types are distinguished, with different ideas about the content of life success and strategies for achieving it.

Keywords: youth, life strategies, life success, clustering.

Проблема жизненных стратегий молодежи, формирования жизненного проекта относится к числу сложных междисциплинарных проблем. Ее изучением занимаются социологи, философы, экономисты, психологи, педагоги. Это понятие пришло в обществознание из военной науки и изначально направлено на выявление деятельностного принципа, реализацию в действии какого-либо потенциала. В общественных науках стратегия человека – это наиболее общий способ перехода к желаемому будущему. В современной науке определены сущность понятия жизненной стратегии, основные характеристики, разработаны типологии по разным основаниям, обозначены факторы формирования и реализации. Понятие жизненные стратегии разрабатывалось в отечественной науке в ряду с родственными категориями: жизненные планы; жизненные перспективы; жизненные ориентиры; жизненный успех. Изначально в этой категории отражались две взаимосвязанные составляющие – цели, которые человек ставит перед собой в жизни и способы, которыми он собирается их достичь.

В отечественной социологии широко используется понятие «жизненная стратегия», в отличие от большинства западных работ, где авторы предпочитают изучать

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 17-78 -20062 «Жизненные стратегии молодежи нового рабочего класса в современной России»

© Гаврилюк В. В., Гаврилюк Т. В., 2018

«жизненный путь», практически не употребляя термин «жизненная стратегия».

В социальной психологии новые подходы к понятию «жизненные стратегии» стали проявляться в 90-е годы XX века. Наиболее известное и точное определение понятия «жизненная стратегия» было сформулировано К. А. Абульхановой-Славской (1991). Она определила жизненную стратегию как способность человека проектировать жизнь с учетом своих индивидуальных особенностей, типом личности, и как способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями жизни, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями человека [1, с. 245]. К. А. Абульханова-Славская использовала термин «стратегия жизни», а не жизненная стратегия. Это понятие, с ее точки зрения имеет три основных признака, первый из которых – это сознательный выбор человека способа, целей собственной жизни, этапов достижения этих целей. Вторым признаком сформированной стратегии жизни – разрешение противоречий между тем, чего хочет добиться человек своей жизни и тем, какие возможности у него для этого есть. Третий признак связан с активностью в реализации своей цели, жизненных смыслов. Стратегия жизни, по К. А. Абульхановой-Славской, состоит в творчестве, созидании ценности своей жизни. Ценность собственной жизни человек конструирует сам, он формирует интерес к ней, удовлетворенность ею [1, с. 8]. К. А. Абульханова-Славская утверждает, что сформированная стратегия жизни говорит о сформированности личности, ее зрелости, способности решать жизненные противоречия. «Последняя проявляется в умении соединять свои индивидуальные возможности, свои статусные, возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества, окружающих. Способность осуществлять это соединение мы определяем как жизненную стратегию» [1, с. 67]. Исходя из определения, данного К. А. Абульхановой-Славской, можно выделить следующие три основополагающих признака жизненной стратегии: выбор способа жизни, разрешение противоречия «хочу – имею» и создание условий для самореализации и творческого поиска.

Психологический подход К. А. Абульхановой-Славской широко известен в отечественной науке, признан и является отправной точкой для анализа социологического содержания рассматриваемого понятия. Значительный вклад в разработку социологической концепции жизненных стратегий внес Ю. М. Резник. Он и его единомышленники, рассматривают жизненные стратегии «как символически опосредованные и выходящие по своему воздействию за пределы сознания идеальные образования, реализующиеся в поведении человека, его ориентиры и приоритеты» [11, с. 100]. В этой же статье Ю. М. Резник дает, как он утверждает, социологическое определение понятия: «... динамическая саморегулирующая система социокультурных представлений личности о собственной жизни, ориентирующая и направляющая ее поведение в течение длительного времени. Она предполагает определение или принятие наиболее значимых ориентиров и приоритетов на долговременную перспективу» [11, с. 101]. В других своих работах Ю. М. Резник и его соавторы подчер-

кивают долговременный характер стратегических планов, отражающихся в жизненных стратегиях, деятельностный характер этого феномена. Неоднократно автор подчеркивает, что жизненная стратегия – есть сознательный выбор личностью приоритетных направлений своего развития в зависимости от перспективного и долговременного ориентирования актора в будущей жизни. [12, с. 71; 13]. Такой подход вполне согласуется с классическим представлением Г. Мюррея и Г. Леарри, утверждавшими, что человек совершает свой выбор между свободой действий и давлением средовых факторов, используя разные стратегии поведения. [15, с. 121].

Есть и другие подходы, отличающиеся, либо уточняющие и конкретизирующие концепцию Ю. М. Резника. Например, Г. В. Иванченко, подвергает сомнению значимость и весомость аргумента о сознательном выборе жизненной стратегии долгосрочном личностном планировании как целей, так и способов их достижения. Она считает, что наличие какой-либо жизненной стратегии не обязательно сопровождается ее самостоятельным выбором. Более того, жизненная стратегия индивида может быть сформирована исходя из неких внешних ресурсов, исходя из социальной поддержки, минимизирующей индивидуальный осознанный выбор. Г. В. Иванченко определяет жизненные стратегии как «обобщенные способы разрешения жизненных ситуаций и выбора значимых альтернатив» [6, с. 24-25]. Самоопределение личности в сфере возможного – вот сущность подхода Г.В. Иванченко к трактовке понятия жизненные стратегии. Жизненные стратегии она рассматривает как способы самосо осуществления человека во всех сферах его жизни, ЖС является интегральной характеристикой самоопределения личности [7, с. 100].

Своеобразную «инвентаризацию» понятий о жизненных стратегиях провели Р. А. Илаева, Н. Н. Савина [8]. Они приводят список авторов и их публикаций, где дается та или иная трактовка понятия жизненные стратегии. В своей статье они делают попытку сгруппировать и сопоставить предложенные разными учеными определения понятия «жизненная стратегия» по нескольким признакам. В качестве признаков Р. А. Илаева, Н. Н. Савина выбирают: сосредоточенность на самопродвижении личности (Ш. Бюллер; С. Л. Рубинштейн; П. Г. Постников); терминальные и инструментальные ценности-цели (К. А. Абульханова-Славская; О. А. Воронина; А. Е. Созонтов; О. С. Васильева, Е. А. Демченко); создание условий для улучшения качества жизни (Л. Г. Бузунова, М. Р. Плотницкая, Н. Л. Шапошников, О. В. Рудакова); планирование будущего (Ю. М. Резник, Е. А. Смирнова; М. О. Мдивани, П. Б. Кодесс; В. А. Берковский, М. А. Белугина; Д. Ю. Чеботарева).

Результатом проведенного анализа определений понятия «жизненная стратегия» и выявленных ее признаков, авторы предлагают собственное определение этого понятия. «Жизненная стратегия – это осознанно запланированные и спроектированные ближайшие и отдаленные жизненные планы личности на будущее, которые базируются на терминальных и инструментальных ценностях-целях и условиях, способствующих её самопродвижению и повышению уровня качества её жизни; выстроены в соответствии с её индивидуальными интеллектуально-творческими воз-

возможностями, жизненным опытом и позволяют ей занять активную субъектную жизненную позицию» [8].

Итак, жизненные стратегии можно рассматривать в узком смысле как определенные линии поведения или определенные правила. В широком же смысле жизненные стратегии – круг личностных диспозиций и поведенческих паттернов. Понимание жизненных стратегий связано с выявлением долгосрочного определенного направления развития, выбором сферы, средств и форм деятельности, которые должны привести к достижению поставленных целей. Жизненную стратегию можно рассматривать как конкретный долгосрочный план достижения некоторой цели. Важнейшими составными частями жизненных стратегий являются выбор цели жизнедеятельности и средств их реализации. Жизненные стратегии не являются одномоментной данностью, они характеризуются значительной временной протяженностью, континуумом жизненных событий, трансгрессивной проекцией будущего. Деятельностная составляющая жизненных стратегий регулируется ценностными ориентациями, выбором приоритетных ценностей. Жизненная стратегия представляет собой сознательное контролирование и планирование личностью собственной жизни через формирования образа собственного будущего. Все это имеет принципиальное значения для анализа жизненных стратегий молодежи, т.к. период взросления есть период молодежь становления социальной субъектности.

В современной российской социологии существует достаточно большое количество работ, посвященных типологии жизненных стратегий. Важно выделить наиболее общие критерии таких типологий, дифференцировать многообразие типологических моделей в зависимости от оснований их классификации. Анализ публикаций позволяет обозначить три наиболее часто встречающихся критерия типологизации:

- по ценностям и нормам, являющимися основанием выбора стратегии;
- по характеру влияния социальных условий, в том числе – институциональных;
- по содержанию и уровню проявления субъектности индивида.

Эмпирическую типологизацию, основанную на результатах всероссийских исследований, предложили социологи Института социологии РАН. В этом проекте современная молодежь разделена на ряд групп согласно их жизненным притязаниям. Чаще всего встречаются «предприимчивые», которые планируют добиться успехов в бизнесе и богатстве, «максималисты», которые уверены, что добьются успехов практически во всех сферах жизни, «труженики», которые рассчитывают на хорошую работу, «семейные», основное устремление которых – создание прочной семьи, «гедонисты», рассчитывающие на жизнь полную удовольствий и «карьеристы», которые считают, что добьются всего, но только ценой таких усилий, которые не позволят им иметь много свободного времени. При этом на формирование этих моделей жизненных устремлений оказывает влияние социальная среда, в которой формируется мо-

лодежь, она оказывают воздействие на содержание стратегий, но не является определяющим фактором [9].

Вторая группа типологических моделей жизненных стратегий молодежи сформирована характеру влияния институциональных условий жизнедеятельности. Их объединяет то, что основание выбора жизненных стратегий авторы усматривают в обусловленности внешним социо-структурным и экономическим условиями (тип поселения, социальным статусом, этнической принадлежностью, местом проживания - регионом, типом поселения). Так, например Л. Н. Гатауллина, исследуя жизненные стратегии молодежи Татарстана, отмечает неравенство возможностей их жизненного старта по сравнению с городскими сверстниками. Как следствие, она отмечает, что доминирующей жизненной стратегией сельской молодежи является стратегия выживания [4, 14].

К выводу о преобладании стратегии выживания приходит и Е. П. Рубцова, изучавшая молодежь провинциальных российских городов. Она доказывает, что именно социальные, институциональные условия формирования жизненных стратегий определяют сужено-деструктивный тип социального воспроизводства, субъектом которого выступает молодежь малых провинциальных городов, что приводит к абсолютному преобладанию адаптивного типа жизненного самоопределения или порождает стремление миграционного характера [14, 15].

Типологии жизненных стратегий по содержанию и форме проявления субъектности индивида являются наиболее распространенными в исследованиях молодежи. Эти типологии исходят из того, что жизненные стратегии конструируются самим молодым человеком, а социально-экономические условия учитываются в процессе выбора и реализации в деятельности основных жизненных ценностей. В типологиях жизненных стратегий молодежи по содержанию и форме проявления субъектности индивида подчеркиваются особенности, специфика их формирования и реализации. В работе М. А. Белугиной выделено несколько таких характеристик: недостаточная структурированность образов будущего; слабое представление дальней временной перспективы; в будущем доминирует образ самого себя с точки зрения развития различных личностных качеств; стремление к достижению целей обозначено, но отсутствуют планы по их реализации [2].

Существует достаточно большое количество классификаций ЖС молодежи по степени их субъектности. Так, Е. Н. Бондаренко, отталкиваясь от характера и меры рациональности стратегий, степени адаптации индивида и индивидуального стиля достижения жизненной цели, предлагает следующую типологию жизненных стратегий молодежи: «прагматик», «профессионал», «плывущий по течению», «иждивенец», «игрок». В выделенных типах жизненных стратегий, как указывает автор, целерациональное начало доминирует в стратегиях «прагматика» и «профессионала» и «иждивенца»; ценностнорациональное начало доминирует в стратегиях «игрока» и «плывущего по течению». В каждом из выделенных типов, доказывает автор, складывается особый способ реализации стратегий. Так, «профессионалы» рассчитывают

на достижение своих целей через образование и труд при этом особое место в реализации стратегий занимают миграционные планы. В структуре жизненных стратегий «плывущих по течению» отсутствуют индивидуальные четко выраженные цели, намерение и приспособление к жизненным обстоятельствам. Стратегии «иждивенцев» отличаются отсутствием целостности как следствие низкой самооценки молодых людей, невыраженную индивидуальность. В жизненных стратегиях «игроков» все виды планов и намерений в трудовой, брачной, миграционной сферах подчинены риску. Главный ресурс для «игроков» – удача. «Прагматики», наоборот, подчиняют все стратегии главной жизненной цели – достижению богатства, при этом их главное отличие от «профессионалов» – слабо выраженная ориентация на реализацию образовательных и трудовых стратегий [3].

По этому же критерию Л. И. Дементий и В. Е. Купченко выявили три типа жизненных стратегий, отличающихся по параметрам жизненного целеполагания: «фаталистический», «самореализующийся», «конформистский» типы. Фаталистический тип жизненной стратегии абсолютно отрицает саму постановку жизненных целей, т.к. жизнь лишена временной перспективы и от индивида ничего не зависит. Самореализующейся тип жизненной стратегии основан на хорошем знании своих потребностей и особенностей, способности к действию по достижению поставленных целей. Конформистский тип жизненной стратегии основан на убеждении, что жизнь человека управляема в основном внешними обстоятельствами, к которым надо приспособляться [5]. Наиболее известной по этому критерию является типология Ю. М. Резника. Он выделил четыре основных типа стратегий поведения личности: адаптацию (учет прошлого опыта); трансформацию (порождение будущего); актуализацию (ориентацию на будущее); самоактуализацию (ориентацию на будущее с учетом настоящего). Т.е. фактически по временному фактору можно выделить три базовых типа жизненных стратегий – ретроспективную (ориентация на прошлое), проспективную (ориентация на настоящее) и перспективную (ориентация на будущее). Ю. М. Резник выделяет типы жизненных стратегий не временному признаку, а по комбинациям типов модальности бытия. Он также обозначает четыре возможных сочетания критериев для выделения типов жизненных стратегий. Комбинация «иметь» и «хотеть» – стратегия благополучия; «иметь» и «мочь» – стратегия успеха; «быть» и «хотеть» – стратегия самореализации. Высшей степенью осуществления стратегии самореализации, с его точки зрения, является комбинация модальных признаков «быть» и «мочь». «Построение жизненных стратегий человека опосредуется проекциями его бытия: преимущественно индивидуальными (стратегия благополучия), личностными (стратегия успеха) и метафизическими (стратегия самореализации [13, с. 619].

Жизненные стратегии молодежи, таким образом, могут выступать ориентиром выделения кластеров в молодежной среде, способом дифференциации молодежи. Это имеет особое значение для органов молодежной политики и может быть использовано при подготовке ее программ.

Однако, сам процесс формирования жизненной стратегии для молодого человека является довольно сложным, многоаспектным и малоизученным. На наш взгляд, особую роль здесь имеет образ будущего, который складывается как некий нечетко очерченный ориентир выбора жизненной стратегии.

Оставляя за рамками данной статьи исторический и современный дискурс по проблематике исследования, резюмируем лишь выявленную в ходе проведенного анализа специфику <<образа будущего>>, перечень его фундаментальных черт (признаков) – некий дуализм: настоящего и будущего (реального и потенциального); субъективного и объективного; индивидуального и социального; фрагментарного и целостного. *Под образом будущего считаем целесообразным понимать интеграцию субъективно-объективного видения, индивидуально-социального ожидания, при котором формируется непротиворечивое (относительно целостное) представление как личности о своем месте и роли в социуме; так и социума о его перспективах, планах и прогнозах развития* [10, с. 28].

Современные исследователи все чаще склоняются к мнению, согласно которому вопросами будущего нужно заниматься: с позиции *макроуровня* – будущее социума, страны, планеты; с точки зрения *микроуровня* – жизненные стратегии личности, небольшой группы людей.

Анализ влияния образа будущего на выбор жизненных стратегий в границах одного российского поколения не замыкается на поиске алгоритмов достижения личного успеха, но также предполагает выявление основных компонентов образа справедливого общественного устройства, процветания и величия страны, так как данные понятия традиционно трактуются как «ментальные» характеристики российской нации. Принятие решений относительно этапов личного жизненного пути соотносится с оценками общей логики и направленности развития российского общества. Итак, в нашем исследовании была поставлена задача определения приоритетов личностных и социальных перспектив в образе будущего современной молодежи.

Эмпирическая часть проекта была реализована в Тюменском регионе с применением количественных и качественных методов. В настоящей статье мы представляем некоторые результаты массового опроса молодежи 15–30 лет (учащихся, студентов, молодых специалистов, работающей молодежи). Выборочная совокупность составила 1252 респондента.

Задача выявления жизненных стратегий, направленных на достижение успеха решалась посредством анализа содержания представлений об индивидуальном благополучии и избираемых путях его достижения, которые представляются молодёжи наиболее эффективными. Для анализа был избран вопрос: *«Каким ты видишь для себя наиболее оптимальный путь достижения жизненного успеха в будущем?»*, где респондентам предлагалось выбрать не более трёх вариантов. В результате кластеризации удалось выделить *восемь модальных типов, обладающих различными представлениями о содержании жизненного успеха и стратегиями его достижения.*

Группам были присвоены условные имена, указаны типобразующие признаки и объём каждого кластера в процентах от общего числа опрошенной молодёжи:

1. **«Золотая молодёжь» (16,8 %):** *получение диплома престижного вуза (79,1 %) – проживание за границей (40,3 %).* При этом представителей данного кластера интересует именно наличие диплома, а не содержание образования. Эта группа молодёжи из семей с наиболее высоким достатком (почти 40 % респондентов отметила, что доход семьи высокий или выше среднего).

2. **«Креативный класс» (14,9 %):** *наличие таланта и незаурядных способностей (62 %) – постоянное самообразование (63,6 %) – стремление, упорство в достижении целей (53,5 %) – удачное стечение обстоятельств (52,4 %).* Представители данной группы не доверяют официальным каналам социальной мобильности, таким как университетское образование, предпринимательство или удачный брак, ориентируясь исключительно на собственные уникальные навыки и талант. Вера в счастливую случайность для них не предполагает бездействия, напротив, удачное стечение обстоятельств, сопутствующее жизненному и карьерному прорыву, в их представлении возможно лишь на твёрдом фундаменте личностного самосовершенствования. Обращает на себя внимание, что данная группа является единственной, для которой достаточно значимым оказался фактор «умение использовать ресурсы Интернета, социальных сетей» (10,2 %).

3. **«Бизнесмены» (13,6 %):** *открытие своего дела (99,4 %) – постоянное самообразование (68,8 %) – стремление, упорство в достижении целей (55,3 %).* Молодые люди, ориентированные на предпринимательство, делают ставку на непрерывный труд, не надеясь ни на социальные институты, ни на удачу, ни на собственный творческий потенциал. При том, что в данном кластере наиболее высок выбор варианта ответа «создание чего-то радикально нового (например, бизнес-идея, научное открытие)», вместе с тем, мы не можем включить данный показатель в алгоритм социальной мобильности, т.к. его важность подчеркивают лишь порядка 15 % респондентов.

4. **«Семьянины» (13 %):** *удачный брак (67,5 %) – открытие своего дела (54 %) – родственные и дружеские связи (40,5 %).* В данный кластер включены молодые люди, у которых ярко выражена ориентация на семейные ценности и межличностные отношения. Воспринимая дружеские и семейные связи как непременное условие социальной успешности, они также заботятся о материальном благополучии, оптимальным способом достижения которого считают собственный бизнес. Обращает на себя внимание факт незначительного разрыва в гендерном составе участников группы: 55,9 % женщин, 44,1 % мужчин.

5. **«Отличники» (9,4 %):** *получение качественного образования (95,8 %) – стремление, упорство в достижении целей (40,7 %).* Молодёжь данного типа доверяет традиционным образовательным институтам и считает грамотный выбор учебного заведения, качество образования и собственные усилия, направленные на усво-

ение знаний, важнейшим условием жизненного успеха в будущем. Самообразование для данной группы не столь важно, как для других типов (всего 31,4 %).

6. **«Интеллектуалы» (13,3 %):** *постоянное самообразование (88 %) – стремление, упорство в достижении целей (87,3 %) – получение качественного образования (37,3 %) – правильные учителя и наставники (30,7 %).* Считая образовательный фактор важнейшим, как и представители пятой группы, молодёжь данного кластера не готова перекладывать ответственность за собственное будущее на официальные институты. Отчётливо наблюдается личностная, а не институциональная ориентация представителей этой когорты: они полагаются на собственные силы, но в то же время осознают необходимость в грамотных наставниках, способных направить их на пути к достижению цели. В данной группе, как и в предыдущем кластере «отличников», преобладают девушки (свыше 60 %).

7. **«Пиарщики» (6,7 %):** *умение устанавливать отношения с «нужными» людьми (98,8 %) – стремление, упорство в достижении цели (60,7 %) – открытие своего дела (42,9 %).* Молодёжь данного типа рассматривает коммуникативные навыки и настойчивость как достаточные основания успеха в жизни. Полагаясь на социальные связи и имиджевые характеристики, такие как умение преподнести себя с лучшей стороны или «продать» некую идею, они практически не ценят содержательные качества, например, образование. Значительная часть представителей данной группы (42,9 %) делает ставку на предпринимательскую деятельность в будущем.

8. **«Прирождённые лидеры» (12,3 %):** *харизма, особые личностные качества, умение влиять на людей (95,5 %) – постоянное самообразование (71,4 %) – стремление, упорство в достижении цели (40,9 %).* К этому типу относятся молодые люди, уверенные в решающей роли личностной харизмы в достижении жизненного успеха. При этом они ориентированы на самосовершенствование и готовы прикладывать усилия в стремлении достичь желаемого.

Инструментарий исследования содержал ряд блоков, направленных на выявление наличия/отсутствия образа будущего у молодёжи и отношения к нему. Половина считает, что *«Большинство моих сверстников живут «сегодняшним днем», не думая о своем будущем»*. Подобная поляризация ответов может свидетельствовать как о несформированности мнений относительно данного вопроса, так и о реальном наличии двух альтернативных точек зрения на собственное поколение.

В оценках будущего страны большинство молодёжи декларирует приверженность патриотическим ценностям, ориентацию на собственный путь развития и важность стремления России к мировому лидерству. Так, в ответе на вопрос *«Наша страна сегодня переживает непростые времена. Как ты считаешь, какой путь её развития наиболее предпочтителен?»* от 30 до 40 % представителей каждой типологической группы ответили, что *«Мы должны отстаивать собственную национальную идею, идти своим путём»*. Такое же количество респондентов не удовлетворяет уникальность и специфичность курса развития, они ориентированы на более амби-

циозный путь развития, полагая, что страна должна восстановить статус мирового лидера (*«Нам следует восстанавливать и укреплять авторитет страны, стремясь, стать доминирующей мировой державой»*). Ориентацию на сближение с быстро развивающимися азиатскими странами как наилучший сценарий рассматривает от 9 до 23 % респондентов в каждой группе, наиболее высоки данные оценки в группах «маркетологов» и «прирождённых лидеров» (свыше 20 %). Западноевропейская и американская модель развития как эталон для России практически не привлекают молодежь (3 – 5 % в каждой группе), исключение составляют «бизнесмены», 8,8 % которых отметили данный вариант как оптимальный для нашей страны. Данные оценки, на наш взгляд, вписываются в общую логику сопротивления русского народа насильственной модернизации по западному образцу, а также в значительной степени спровоцированы текущей политической ситуацией очередной волны конфронтации России и западного мира. Наибольшее количество молодых людей, не сформировавших собственной позиции по данному вопросу, наблюдается в группе «семьянинов» (15,3 %) и «маркетологов» (10,7 %), в большей степени ориентированных на сугубо семейные или личные интересы.

Как показывает рис. 1, около 30 % молодёжи каждой типологической группы заявляет о готовности терпеть временные трудности, связанные с национальной геополитикой, ради достижения высокой цели укрепления авторитета страны на международной арене.

Вместе с тем, от 16 до 21 % опрошенных молодых людей, принимая необходимость борьбы за глобальный статус страны, не желают жертвовать своим благополучием даже на короткий срок, заявляя о готовности сменить место жительства и уехать за рубеж. Значительную часть молодёжи вовсе не интересует судьба страны и политические вопросы, их приоритеты сосредоточены на качестве жизни собственной семьи: так, около четверти «бизнесменов» и «семьянинов» декларируют готовность к борьбе за индивидуальное благополучие любыми способами. Пессимистический настрой в оценке влияния происходящих геополитических событий на собственное благополучие парадоксальным образом преобладает у «харизматических лидеров» и «креативного класса» (около четверти респондентов в каждой группе). Это свидетельствует о существенном расхождении между уверенностью представителей этих групп в значимости личностных качеств и таланта как первичных условий социальной мобильности и сомнением в наличии реальных структурных возможностей для реализации данных качеств. Наименьший процент пессимистов среди «пиарщиков»: они уверены, что полагаясь на собственные коммуникативные навыки, они всегда в состоянии повлиять на собственное будущее. «Беспечных оптимистов», полагающих, что события в стране никак не отразятся на их будущем, среди молодёжи немного, наибольшее их число (около десятой части) среди групп, связывающих своё будущее с поддержкой семьи: «золотой молодёжи» и «семьянинов».

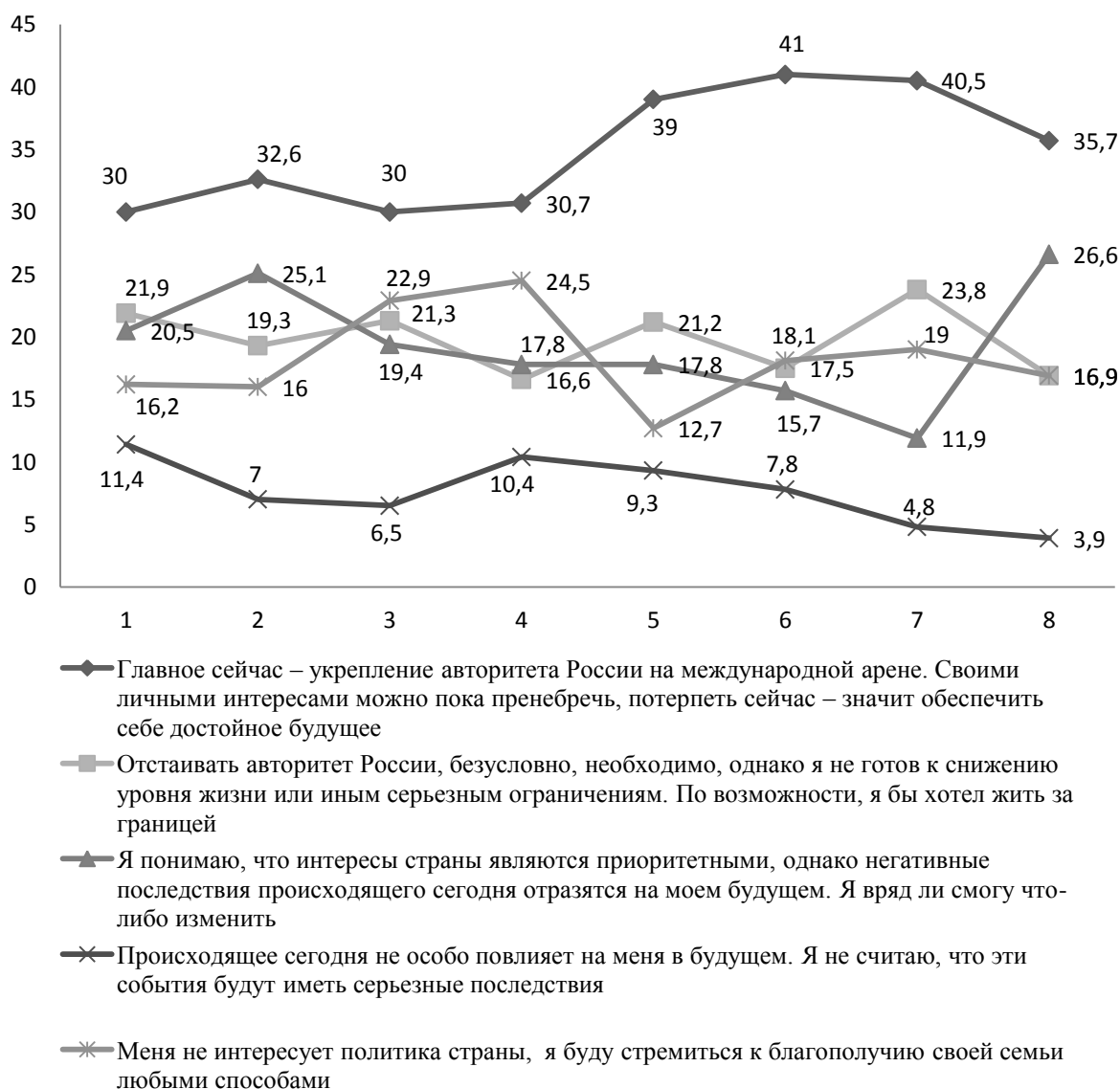

Рисунок 1 – Образ будущего страны и его влияние на оценку собственного будущего различными группами молодёжи России (в процентах от количества респондентов в каждом кластере)

Молодёжь России по-прежнему остаётся деполитизированной – от 55 до 65 % в каждом кластере не имеют политической позиции и не являются сторонниками тех или иных политических направлений. Более половины респондентов во всех группах декларируют ориентацию на патриотические ценности, что свидетельствует о наличии определённого консенсуса в российском обществе относительно значимости государственной идеологии и действенности применяемых в последнее десятилетие механизмов её формирования. Однако рис. 2 подтверждает наличие миграционных намерений значительной части молодежи (от 12,2 % «отличников» до 20,9 % представителей кластера «золотая молодёжь»). Наименьший процент стремящихся покинуть страну среди молодёжи, ориентированной на образование в достижении соци-

ального статуса, – «отличников» и «интеллектуалов». Большинство из них (70,4 % и 69,9 % соответственно) также заявляет о национальной гордости и желании трудиться на благо своей страны.

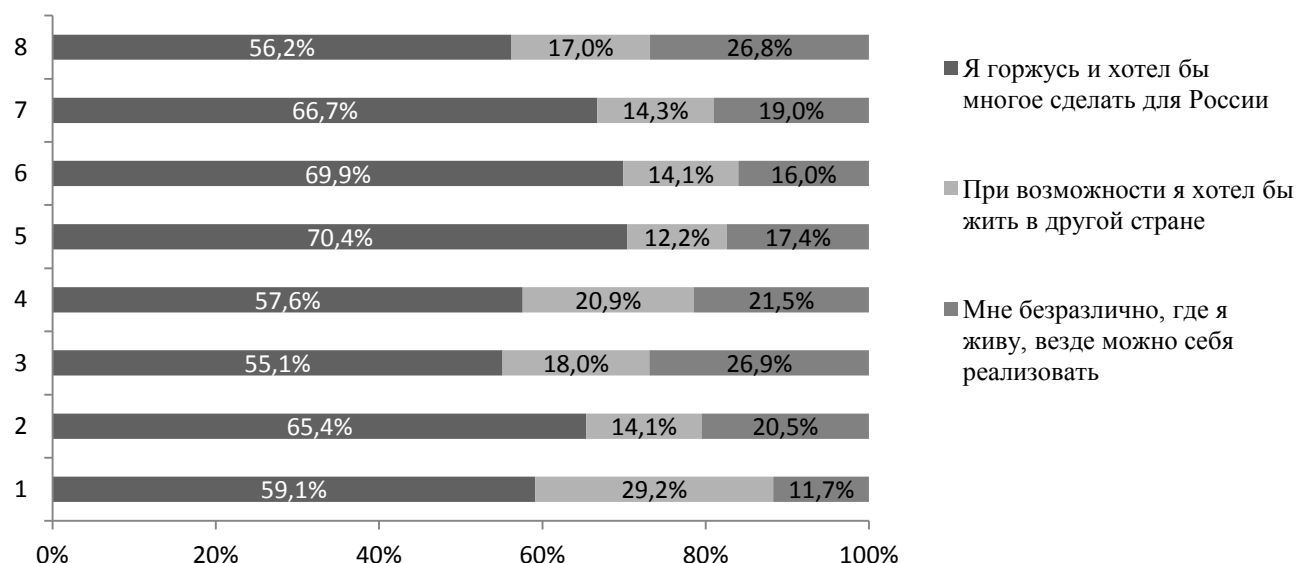

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос «Охарактеризуй своё отношение к тому, что ты проживаешь в России»
(в процентах от количества респондентов в каждом кластере)

Несмотря на декларирование патриотизма, около половины молодёжи признаёт, что в западных экономически развитых странах возможностей для самореализации и карьеры больше, чем в России. Около 20 % не считают себя достаточно компетентными для осуществления подобных сравнений, остальные же полагают, что возможностей меньше, либо они одинаковы. 23 % «золотой молодёжи», 22,7 % «семьянинов» оценивают возможности самореализации в России как низкие или крайне низкие. Наиболее оптимистично настроены «бизнесмены»: только 9,4 % считают, что в России сложно реализовать себя.

Итак, в отличие от советского и постсоветского периодов развития России, современная молодежь не ориентируется на какой-то единственный алгоритм социальной мобильности и не исходит из единого, общего для поколения образа будущего. Образ личного будущего и выбор жизненной стратегии сегодня не определяются только социальным статусом молодого человека, но предполагают свободу индивидуального выбора и ведущее значение личных усилий. Наличие восьми выделенных в результате исследования кластеров предполагает формирование, как минимум, стольких же моделей жизненных стратегий современной российской молодежи.

Библиографические ссылки

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – Москва: Мысль, 1991. – 299 с.
2. Белугина М. А. Структура и динамика формирования жизненной стратегии в юношеском возрасте // Ярославский педагогический вестник. – 2008. – № 4 (57). – С. 109-111.

3. Бондаренко Е. Н. Жизненные стратегии молодежи закрытых административно-территориальных образований: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Екатеринбург, 2009. – 22 с.
4. Гатауллина Л. Н. Социально-экономические условия формирования жизненных стратегий сельской молодежи: на материалах Республики Татарстан : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2007. – 22 с.
5. Дементий Л. И., Купченко В. Е. Возрастные особенности жизненных стратегий личности // Личность и ее жизненный мир: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета психологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, 3–4 октября 2013 г.) / под ред. Л.И. Дементий. – Омск, 2013. – С. 215-221.
6. Иванченко Г. В. Самоопределение личности как открытый проект // Человек. – 2005. – № 3. – С. 24-25.
7. Иванченко Г. В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора // Мир России. – 2005. – № 2. – С. 95-127.
8. Илаева Р. А., Савина Н. Н. Сущность жизненной стратегии и её типологии // Современные проблемы науки и образования. – 2016. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=25635> (дата обращения: 13.12.2017)
9. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты: аналитический доклад. – Москва, 2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth.html (дата обращения: 23.12.2017).
10. Образ будущего в оценках нового поколения россиян: монография // В. В. Гаврилюк и др. – Тюмень, ТИУ, 2016. – 165 с.
11. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности // Социологические исследования. – 1995. – № 5. – С. 100-105.
12. Резник Ю. М., Смирнов Е. А. Жизненные стратегии личности: опыт комплексного анализа. Монография. – Москва: ИФ РАН, 2002. – 260 с.
13. Резник Ю. М. Феноменология человека: бытие возможного. Монография. – Москва: Канон+РООИ «Реабилитация», 2017. – 632 с.
14. Рубцова Е. П. Жизненные стратегии учащейся молодежи малого провинциального города Юга России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Ростов н/Д., 2010. – 22 с.
15. Murrey H. et. Al. Explorations in Personality. N – Y., 1938.

БЕЗОПАСНОСТЬ МОЛОДЁЖИ В ОБЩЕСТВЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ

В статье авторы рассматривают потребление в молодёжной среде как совокупность противоречий, отражающих проблему выбора, принадлежность к референтной группе и сохранение статусной позиции, с точки зрения статусно-ролевых ожиданий. В ходе анализа социологических концепций Т. Веблена, Ж. Бодрийара, Р. Барта выделены функционально-целевые аспекты потребления и выявлена специфика потребления как механизма приобретения статусно-ролевых позиций в современном обществе. Рассмотрены различные аспекты формирования безопасной модели потребления в сознании молодых граждан и предложена классификация рисков потребительских стратегий молодёжи в конкретных сферах жизни общества. На основе результатов эмпирических исследований различных авторов, а также авторского исследования (январь-март 2017 г., опрос молодёжи методом анкетирования /N=426/, экспертный опрос /N=31/) выявлены проблемы обеспечения социальной безопасности молодёжи в сфере потребления. В итоге авторами разработана модель управления безопасным потребительским поведением молодёжи, которая в будущем будет способствовать успешному развитию человеческого потенциала.

Ключевые слова: молодёжь, общество потребления, референтная группа, стратегия потребительского поведения, безопасность, социальный риск, статусно-ролевые ориентации молодёжи.

I. L. Groshev, L. I. Grosheva, I. A. Grosheva

SAFETY OF YOUTH IN THE SOCIETY OF CONSUMPTION

Abstract. In the article the authors consider consumption in the youth environment as a combination of contradictions that reflect the problem of choice, membership in the reference group and preservation of the status position, from the point of view of status-role expectations. In the analysis of sociological concepts of T. Veblen, J. Baudrillard, R. Bart, functional and objective aspects of consumption were singled out and the specificity of consumption as a mechanism for acquiring status role roles in modern society was identified. Various aspects of the formation of a safe model of consumption in the minds of young citizens are considered, and a classification of risks of consumer strategies for youth in specific spheres of society is proposed. Based on the results of empirical studies of various authors, as well as on the authors' research (January-March 2017, a survey of young people using the questionnaire method / N = 426 /, an expert survey / N = 31 /) the problems of ensuring the social safety of youth in the field consumption are identified. As a result, the authors developed a model for managing the safe consumer behavior of young people, which in the future will contribute to the successful development of human potential.

Keywords: youth, consumer society, reference group, consumer behavior strategy, safety, social risk, status-role orientations of young people.

Позиционирование успеха, как совокупности интеллектуальных, нравственных и материальных атрибутов человека в современном мире всё чаще опирается на объективированную основу, выраженную через обладание статусными благами. Активный поиск молодёжью собственной роли и положения в структуре общества стимулирует её к поиску более надёжных и оперативных инструментов достижения жела-

емого уровня потребления и принадлежности к определённым группам. При этом могут наблюдаться негативные побочные эффекты, объясняющиеся относительной лёгкостью введения в заблуждение молодых людей, ввиду отсутствия достаточных знаний и опыта в выборе референтных групп и инструментов достижения общественного признания. В социологии изучение потребления молодёжи как совокупности противоречий представляет интерес в двух направлениях:

1) проблема выбора и стремление индивида принадлежать к определённой референтной группе;

2) способы самовыражения и сохранения значимой статусной позиции в коллективе.

Неоднозначность проявления потребления как механизма приобретения статусно-ролевых позиций выражается в превалировании ценности статуса и социального положения над другими значимыми характеристиками жизнедеятельности человека (здоровьем, удовлетворённостью трудовой деятельностью, свободой коммуникаций и др.), что снижает уровень социальной безопасности населения в целом и молодёжи, в частности, и актуализирует научные исследования в этом направлении. Молодёжь как наиболее мобильная часть населения в большей степени вовлечена в потребительский круговорот, ввиду её потребности в самоутверждении и поиске места в социальной структуре общества. В некоторых случаях это создаёт угрозу полноценному развитию молодых людей, как в финансовом, так и в морально-нравственном плане. Потребление характеризуется рядом свойств:

1. Удовлетворяется потребность по мере её значимости, ценность каждой последующей единицы блага снижается, поэтому потребление конкретного продукта ограничено по времени.

2. Человек в значительной мере действует рационально, соотнося качество потребности, количество и структуру потребляемых благ, тем самым осуществляя выбор.

3. Для обеспечения расширенного производства необходимо поддерживать постоянное потребление путём совершенствования продукта, а также искусственного создания новых потребностей.

4. Накопление как тенденция, обратная потреблению в больших масштабах, представляет угрозу экономическому механизму, снижая количество денежной массы в обороте.

5. Максимизация полезности потребления благ формирует условия для роста благосостояния населения в целом.

В социологических концепциях феномен потребления связывался с вопросами принадлежности к определённому слою или габитусу, либо с поиском инструментов достижения самоидентификации с референтными статусными группами, или обратного явления – своеобразного социального протеста. Например, Т. Веблен [5] определил потребление как основной инструмент различения и демонстрации социального статуса, качество которого маркировалось определёнными материальными атри-

бутами. В современной действительности это выражается в приобретении люксовых автомобилей, одежды и технических портативных устройств.

Детализация статусности потребления может быть представлена с опорой на теорию Ж. Бодрийяра, рассматривавшего несколько классов вещей, согласно которым возможно выделить виды потребительских стратегий: функциональную, нефункциональную, метафункциональную. В большинстве случаев социально окрашенные нефункциональная и метафункциональная стратегии трансформируются в демонстративные формы поведения, которые могут приводить к социально опасным ситуациям в жизни молодёжи, в особенности заинтересованной в формировании каналов повышения личностного статуса, обусловленного качественной характеристикой положения и значимости человека или группы в структуре общества [6, с. 47].

Ж. Бодрийяр в своём исследовании ссылался на Д. Рисмена, выделившего три типа общества: общество высокого потенциала прироста населения (ориентированное-на-традицию), общество переходного роста населения (ориентированное-на-себя) и общество начинающегося спада населения (ориентированное-на-другого). Последнее появляется благодаря тенденции людей быть восприимчивыми к ожиданиям и предпочтениям других [7, с. 124]. Ранее собственность на вещь возникала до пользования ею, а экспансия кредита, наряду с другими аспектами, выделенными Д. Рисменом, позволяет осуществить переход от цивилизации «захватнической» к цивилизации пользовательской [8, с. 171]. Интерес представляет исследование ощущений жизни в кредит, предвосхищающей время, поскольку вещь постоянно «убегает» от человека. Сроки платежей создают специфический страх, который постепенно становится теневым процессом, давящим на психику, при этом «страхом угнетена не непосредственная житейская практика, а жизненный проект человека» [8, с. 172]. При покупке в кредит человек теряет ответственность перед самим собой и одновременно приобретает миф о магической функциональности общества, начинает верить, что оно способно дать ему возможность немедленной реализации желаний.

В дальнейшем статусность вещи поддерживается многократной сигнификацией, которая происходит посредством трансляции признаков объектов на конкретное потребляемое благо [9, с. 87]. Формирование подобных знаковых свойств вещи Р. Барт видел в воздействии внешних субъектов, которые через средства массовой информации, культуру и искусство придают обыденным вещам новые, уникальные значения, исходно не подкреплённые объективными свойствами конкретного блага (например, розы – символ страсти). Согласно этой концепции, потребление определённых благ является своеобразной формой демонстрации вовлечённости человека в игру символов и принадлежности к тем группам, который способны считывать с них информацию.

В итоге, опираясь на междисциплинарные подходы, потребление может быть представлено как система взаимодействия субъектов относительно присвоения материальных объектов, содержащих статусные и престижные маркеры принадлежно-

сти к референтной группе, с целью обозначения идентификации человека с желаемым образом и стилем жизни (рис. 1).

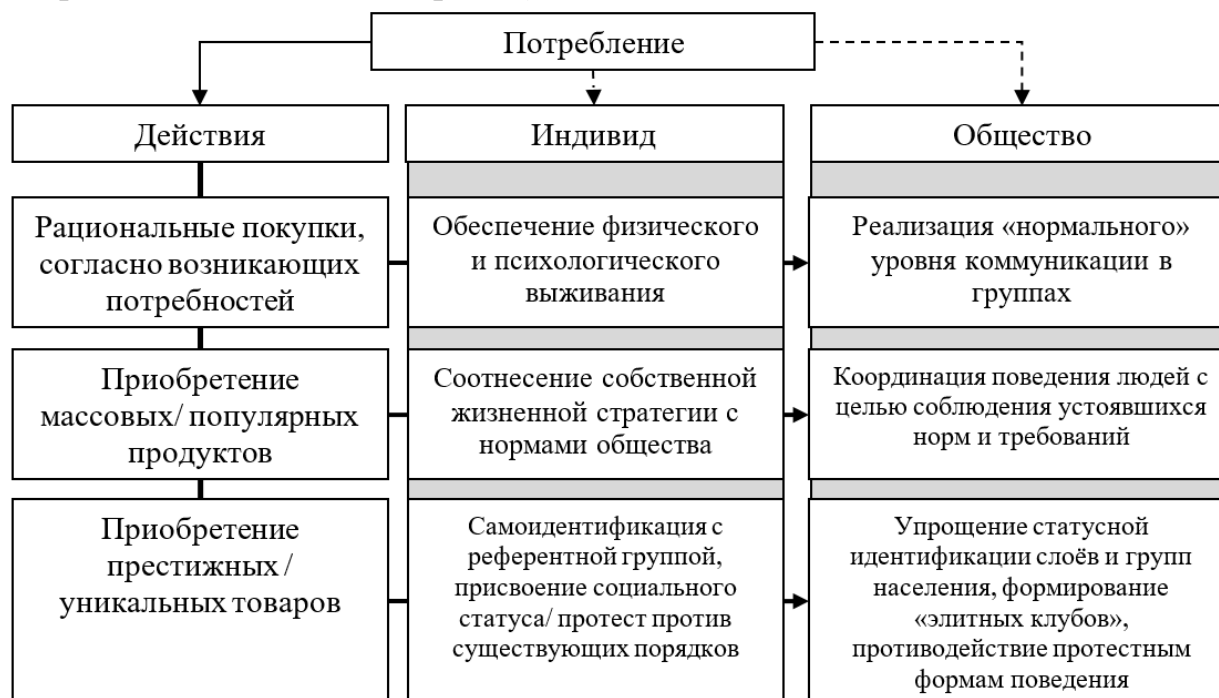

Рисунок 1 – Функционально-целевые аспекты потребления

Таким образом, с социологической точки зрения, потребление выступает и способом включения человека в определённый круг, слой общества, и способом влияния на индивида со стороны социальных институтов, относительно его потребностей в принадлежности к определённым группам. Выделяя стратегии потребления по функциональному назначению, представляется возможным определить степень рисковости каждой из них.

Развитие представлений о статусности потребления, как феномена демонстрации собственной состоятельности индивида, либо групп, было следствием растущих угроз иррационального поведения членов общества, что могло привести к разрушению целых социальных институтов (семья, церковь, армия), ввиду абсолютного преобладания внешних атрибутов жизнедеятельности над их внутренним содержанием.

В современных реалиях социальных коммуникаций потребление, с точки зрения статусно-ролевых ожиданий, может быть рассмотрено, исходя из следующих принципов.

1. В отношении протяжённости воздействия человека на внешнее окружение потребление может выражаться в одномоментном приобретении и демонстрации товара или услуги.

2. С точки зрения социальной включенности в коммуникационные процессы, потребление характеризуется сугубо индивидуальными свойствами либо групповыми формами пользования.

3. Уровень доступности благ позволяет дифференцировать не только индивидов, согласно группам и стратам, но и определять место в статусной структуре общества самой группы или страты. По данному принципу потребление может быть основано на беспрепятственном доступе (общедоступным ресурсам), ограниченном доступе (платные виды благ) или исключительном доступе (элитные формы потребления) к благам [12].

Таким образом, определённый вид потребления достигается посредством обоюдного признания качества и труднодоступности благ со стороны индивида и общества, а также регламентации его деятельности посредством общественного контроля, как регулятора стабильности социальной структуры (рис. 2.).

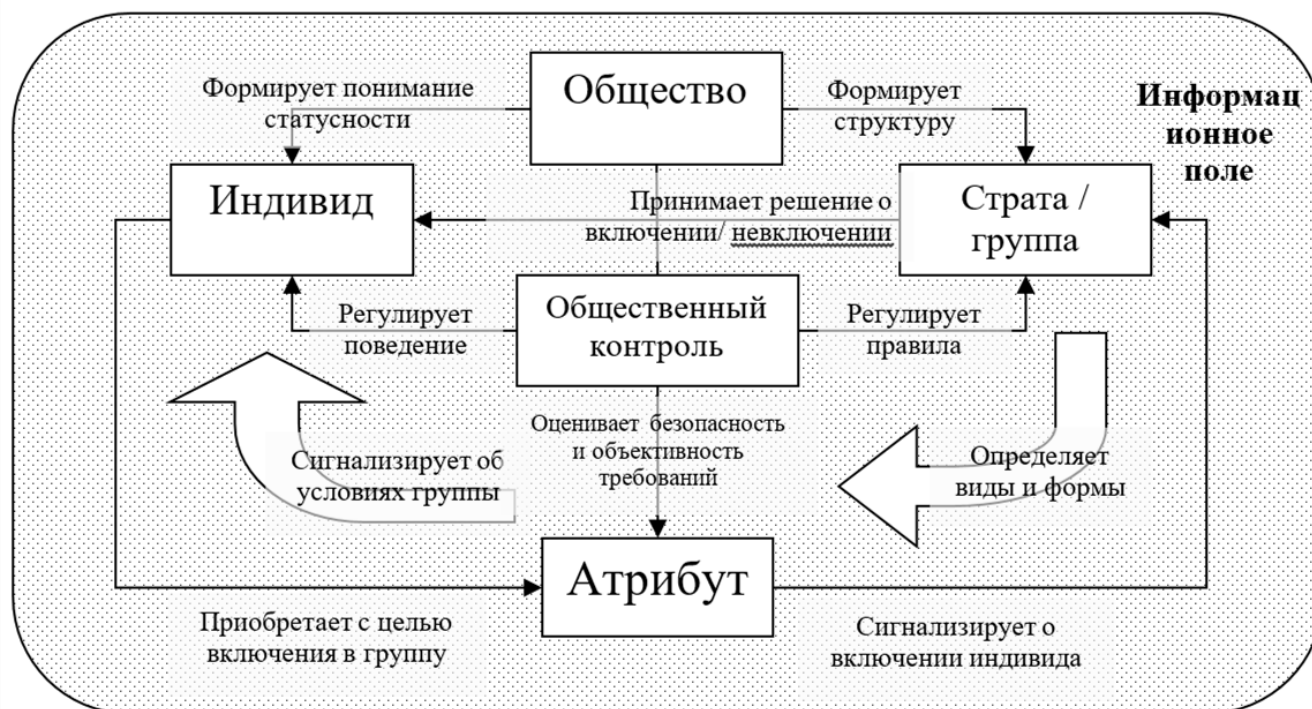

Рисунок 2 – Потребление как механизм приобретения статусно-ролевых позиций

Внешняя социальная среда определяет взаимное положение групп и сообществ относительно друг друга, а каналы формирования социальной оценки престижности и статусности потребления в рамках информационного поля выражаются в совокупности финансовых, информационных инструментов воздействия на группы и индивидов. Маркерами принадлежности к референтной группе (или страте) являются атрибуты материального и нематериального плана, упрощающие самоидентификацию с ними. Особое место занимает институт общественного контроля, регулирующий соблюдение правил и порядка вступления или выбытия из определённых страт, групп, а также регламентирующий санкции против девиаций в потребительской культуре. Также в компетенции общественного контроля входит оценка безопасности социальных групп и требований, характеристик атрибутов, необходимых для идентификации с ними.

Таким образом, выбор и действия человека регламентированы рядом установок, формируемых группой, обществом и общественным контролем, в задачи которых также входит соблюдение рациональности выдвигаемых требований. В результате теоретического анализа авторы выявили специфику потребления как механизма приобретения статусно-ролевых позиций в современном обществе, которую можно отразить в следующих положениях:

- интенсивный информационный обмен способствует развитию статусного потребления и его демонстративных форм на значительное количество населения;

- определение стратегии потребительского поведения является результатом комплексных усилий со стороны отдельных групп и общества в целом. Учитывая тот факт, что управление в рамках группы для социума является более приемлемым, самоидентификация человека с ней является способом воздействия на его жизненную позицию и планы развития;

- формирование потребительских ориентаций зависит от степени включенности человека в информационную среду, однако, помимо демонстрации принадлежности, возможна иная стратегия поведения, определяемая социальным протестом против устоявшихся норм и правил;

- потребление представляет собой упрощенный механизм включения в большие социальные группы, так как позволяет в дистанционном порядке продемонстрировать свою принадлежность к ним, что в условиях виртуализации социальных коммуникаций и процесса глобализации формирует более широкий ряд возможных вариантов для индивида, согласно его предпочтениям.

Особенность формирования потребительских установок в молодежной среде объясняется совокупностью объективных и субъективных условий. В качестве субъективных условий формирования потребительского поведения молодежи и статусных ориентаций следует рассматривать сопряженные с внутренней оценкой и усвоением внешних аспектов социализации:

- ценностно-когнитивные условия. Культурный и образовательный уровень молодежи в целом, её когнитивные и ценностные ориентации и установки, которые могут быть сформированы как в тесной взаимосвязи с культурой потребления, так и в отрыве от неё;

- целеориентационные условия. Неустойчивость интересов, целей и оценок окружающего мира определяет высокую склонность к перемене достигательных стратегий и оценок достигнутых позиций. Постоянная трансформация восприятия социальной структуры приводит к разнонаправленности усилий в плане определения собственного места в группе;

- рефлексивные условия. Рефлексия опыта представителей ближайшего окружения в сфере желательности или нежелательности воспроизводства реализованных стратегий, либо в формировании собственной комбинации из имеющихся инструментов и возможностей;

– статусно-ролевые условия. Самоидентификация с референтными группами, принадлежность к которым позволяет молодому человеку получить доступ к использованию ряда благ и возможности реализовать собственный потенциал. Она может формироваться как извне, со стороны самих групп, так и создаваться (в отдельных случаях в искажённом виде) самим индивидом;

– мотивационно-ресурсные условия. Уровень развития интеллектуальных и физических способностей молодого человека, от которого зависит качество включения в социальную группу. Более высокие показатели увеличивают шансы на приобретение желаемого статуса, либо в большей степени формируют интенции к демонстративному отказу от него. Низкий уровень способствует большей мотивации к достижению статуса, превышающего реальные возможности человека, что сводит потребление к исключительно демонстративным формам и иррациональному выбору в поведении.

Анализ качества установок молодёжи в сфере потребления показывает, что соотношение факторов обуславливает специфические статусные ожидания и предпочтения, реализация которых может и способствовать развитию общества, и вносить в него качественно новые ценностные и целевые ориентации. Проблемное поле формирования потребительских установок во многом сопряжено с целями и средствами их достижения, которые в отдельных случаях могут угрожать физической, финансовой, морально-нравственной безопасности молодых людей, предлагая рискованный набор инструментов в достижении поставленных целей. Представляется возможным осуществить попытку оценки потребительского поведения в контексте социальной безопасности молодых граждан. Формирование благ и условий для удовлетворения потребительских интересов в рамках группы, страты, или общества в целом может быть сопряжено с нерациональным выбором со стороны самой молодёжи, характеризующейся высокой неустойчивостью во взглядах, предпочтениях и стратегиях взаимодействия с социальными институтами. Склонность к сопротивлению навязываемым идеалам и моделям может сформировать разрушительные тенденции в отношении последующих поколений, а также свести к минимуму его воспроизводство. Формирование и закрепление безопасной модели потребления в сознании молодых граждан обусловлено многоаспектностью этого явления и выражается в следующих положениях.

1. Безопасность потребления как процесса присвоения и использования благ.
2. Безопасность взаимодействия с субъектами системы потребления в сфере приемлемости блага по критериям соотнесения с факторами здоровья, рациональности и полезности.
3. Информационная безопасность в сфере распространения данных о конкретном благе, возможностью его получения и использования.
4. Возможность реализации защиты собственных прав и интересов в ходе реализации потребительских моделей поведения.

5. Формирование устойчивости в потребительских настроениях путём нивелирования ощущений тревожности, возникающих на фоне политических и экономических угроз.

Итак, основная задача обеспечения социальной безопасности молодых граждан – нивелирование и устранение возможных рисков, сопряжённых с потреблением, в особенности, с его демонстративной формой, чей разрушительный потенциал может проявляться в более значимых масштабах. Совокупность методов, способов и форм реализации потребительских установок реализуется в потребительской стратегии. Риски потребительских стратегий характеризуются многоаспектностью условий реализации (рис. 3).

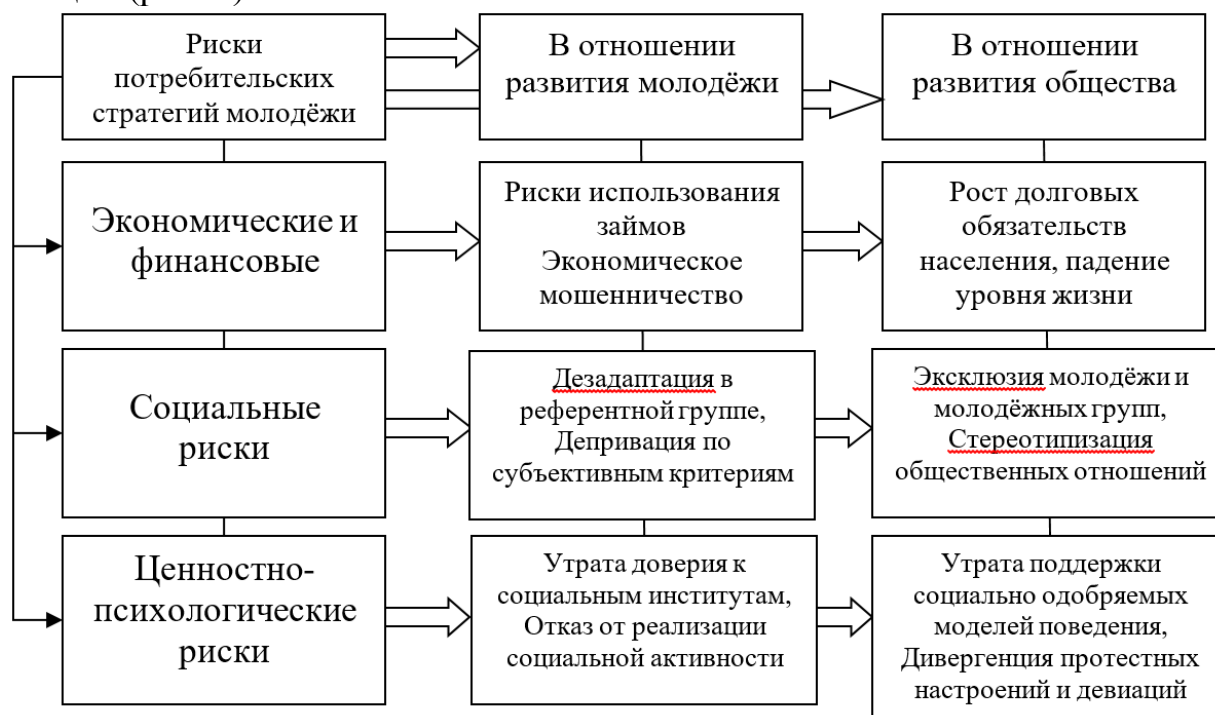

Рисунок 3 – Специфика воздействия рисков потребительских стратегий на развитие молодёжи и общества в целом

Классификация рисков потребительских стратегий может быть построена на основе анализа сфер жизни общества в соотнесении с характеристиками молодёжи в целом, реагирующей на внешние импульсы и тренды.

Экономические и финансовые риски обусловлены характером получения необходимых ресурсов для реализации потребления, объёмом и масштабом потребляемых благ. Ряд угроз связаны с источниками формирования потребительских возможностей. Ж. Счор [14] отмечает популяризацию сверхпотребления, как бы принуждающую молодёжь к «сверхтратам» (но их из-за ограниченности возможностей получения дохода невозможно осуществить за счёт наличных ресурсов). Это способствует росту эксклюзии отдельных категорий молодёжи и искусственному сдерживанию вертикальной мобильности в сознании самих потребителей. Поэтому стрем-

ление к постоянно увеличивающимся приобретениям вызывает острую дифференциацию молодёжи по показателю доходов (собственных или родительских). Обеспечение демонстративного потребления за счёт интенсивности покупок возможно посредством использования личных средств, либо привлечения заёмных, что приводит к снижению уровня жизни молодого человека, или родительской семьи. Стремление к демонстративности стимулирует нерациональный выбор кредитных продуктов (использования микрозаймовых компаний, выбор рискованных способов получения дополнительного дохода – участие в финансовом инвестировании, биржевых операциях и финансовых пирамидах). Суть проблемы – в отсутствие у молодёжи достаточных знаний, умений и навыков работы с финансовыми инструментами, что приводит к ещё большему ухудшению ее материального положения. Стремление к увеличению потребления при отсутствии достаточного количества финансовых средств может быть реализовано посредством снижения требовательности к качеству товаров. Таким образом, молодые люди, наращивая атрибутивный материальный капитал соответственно желаемому статусу, ориентируются на сравнительно дешёвый товар иностранных государств, приобретаемый посредством виртуальных торговых площадок. Это способствует оттоку капитала и налоговых поступлений, нацеленных на развитие социальной политики, в том числе и в отношении самой молодёжи. Формируется угроза для здоровья и физической безопасности граждан при работе с некачественными устройствами и материалами.

Социальные риски связаны с адаптацией молодых людей к внешним условиям, с принятием (или неприятием) декларируемых социальных ценностей и идеалов. Актуализация демонстративного потребления создает условия для депривации отдельных групп молодёжи, из-за несоответствия их внешних данных, аскриптивного статуса, качества здоровья и других факторов, необходимых для реализации пропагандируемой потребительской стратегии. Тут наиболее активно проявляются особенности стереотипизации отдельных аспектов взаимоотношений и взаимных ожиданий по возрастному, гендерному и национальному признакам. Отношения строятся на обязательности потребления определённых благ или услуг, стереотипическом восприятии способов их достижения (социальный капитал, оплата услугами интимного характера и др.). Материализация отношений и перевод межличностных коммуникаций исключительно в сферу потребления может стать причиной дестабилизации и разрушения института семьи, ухудшения демографической ситуации и роста суицидальных или преступных проявлений.

Ценностно-психологические риски обусловлены вымыванием идеалистических установок, приоритетной оценкой материальной выгоды от трудовой, семейной, личностно-ориентированной деятельности в ущерб полноценному развитию личности. В рамках общих тенденций макдональдизации современного общества [15] распространяются стратегии поведения, основанные на максимальной экономии интеллектуальной и физической активности. Усиление демонстративного поведения на фоне максимизации возможностей сервиса депривирует развитие установок на

достижение определённого статуса и саморазвитие личности. Конечность потребления как результата деятельности, вместо инструментального его применения, формирует условия для апатии и отказа от активного вмешательства в социальные процессы в виде привнесения личностных характеристик, идей и ценностей в общий морально-нравственный контекст существования общества. Негативный опыт удовлетворения потребительских ожиданий, отсутствие объективных возможностей для достижения желаемой позиции в группе, страте или социуме в целом стимулируют падение доверия к эффективности и необходимости принадлежности к ним. Неудачный опыт может привести к развитию девиаций в молодёжной среде – и в преступных видах деятельности, и в демонстративных способах самопозиционирования, граничащих с психологически деструктивным образом жизни. Отказ от потребительских ориентаций может сопровождаться негативным отношением к нормам и правилам общества в целом, что способствует развитию протестных форм деятельности. Такие движения могут привести необходимые коррективы в существующие нормы и институты, но и усилить аномические тенденции, разрушая основы эффективных и безопасных социальных коммуникаций. Распространение модели избыточного потребления из-за недостатка финансовых ресурсов вынуждает молодёжь обращаться к более дешёвым аналогам продуктов. Тенденция подтверждается данными Министерства промышленности и торговли РФ о росте спроса на фальсификаты [16], что создаёт потенциальную угрозу здоровью молодого поколения. Формируется опасный тренд депривации потребностей, ввиду финансового положения, что может явиться стимулом к социальному протесту, проявляющемуся в том числе и через демонстративные формы потребления.

Молодёжь – индикатор будущего социального развития государства. Это своеобразное зеркало, позволяющее увидеть недостатки инноваций и модернизаций общества. Ярким примером тому являются результаты всероссийского опроса студенческой молодёжи «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» (апрель-май 2016 г.; N = 3964, студенты 70 вузов из 26 российских городов). Большинство студентов отметили, что российское общество нельзя назвать справедливым. Лидирующие чувства, которые охватывали респондентов, когда они размышляли о том, как деньги распределяются в обществе, – раздражение (26 %), отчаяние (25 %) и горечь (20 %) [17, с. 62].

Причины бедности, названные студентами, можно сгруппировать по трем основным направлениям. Во-первых, бедность понималась как явление, вызванное социальной природой российского общества: поощрение богатых в ущерб бедным; политика хозяев предприятий, платящих работникам низкие заработные платы; засилье миграции, сужающей возможности трудоустройства для местных жителей; плохая социальная «наследственность», воспроизводящая себя в каждом следующем поколении (наследуемая бедность). Наследуемая бедность в значительной степени объяснялась плохим состоянием системы образования, не обеспечивающая всем учащимся приемлемые стартовые позиции. Во втором направлении на первый план вы-

шли неравенство и эксклюзия: ущемление прав работников по возрастному признаку, низкое качество образования, нарушение законов; плохое здоровье работника и, соответственно, плохое состояние медицины. В третьем направлении доминируют личные порочные пристрастия: пьянство, наркомания и лень. Причины бедности молодёжь увидела во внешних ограничениях, которые трансформируются в личные обстоятельства, затрудняющие социальное продвижение [Там же, с. 63].

В ряду определений справедливого общества большинство опрошенных поддержало: бесплатное здравоохранение (76 %) и поддержка государством выходцев из бедных семей, желающих получить образование и продвигаться в обществе (72 %); поддержка предпринимательства (66 %) и стремление к институциональной справедливости, отразившееся в желании иметь справедливый суд (54 %) [Там же, с. 65]. Мнение молодёжи отразило позицию всего социума: наиболее важные критерии для общества, претендующего на статус социального и справедливого, – это равный доступ к образованию, медицинскому обслуживанию, снижение поляризации доходов.

Желаемое и действительное в обыденной социальной практике существенно различаются. В реальности поддержание определённого уровня жизни часто бывает сопряжено с ростом непогашенных долгов, что существенно снижает качество жизни молодёжи, представляя угрозу не только в финансовом, но и в экзистенциальном плане (например, в случае неадекватного вмешательства коллекторских агентств). В конце 2017 г. по Уральскому федеральному округу (УрФО) доля просроченной задолженности перед различными кредиторами достигла исторического максимума: свыше 1,2 триллионов рублей (сопоставимо с расходами всех субъектов УрФО за полтора года). Жители округа лидируют по такому показателю как «закредитованность домохозяйств», составившую в Тюменской области 33 % (в среднем по России этот показатель равен 21 %). При этом из всей совокупности людей, получивших «мгновенный заём» под сотни процентов годовых, две трети находятся в возрасте от 20 до 34 лет [18]. Наблюдается тенденция по Ж. Бодрийару: количество кредитов растёт, уровень ответственности падает. Трудно осуждать молодёжь, стремящуюся соответствовать определённому статусу, желающую жить в ногу со временем.

Показательны результаты эмпирических исследований различных авторов, демонстрирующие факторы, оказывающие влияние на молодёжную культуру потребления и являющиеся источником основных затрат: ориентация на бренд, уровень материальной обеспеченности (Е. В. Таракановская [19]), восприятие рекламы, привычки питания, демонстративность и «имиджевость» потребительского поведения (А. М. Демидов [20]). Сложно не согласиться с мнением Е. В. Грунт и А. И. Мухутдиновой в том, что внешность для молодых людей может выступить в качестве фактора, регулирующего социальное общение, а мода – средством удовлетворения потребности в нём [21, с. 29]. Среди молодёжи отмечается усиление ориентации на возвышение прагматических ценностей, преобладание достижительной жизненной

стратегии («хавательной» в терминах профессора Ю. Р. Вишневого), повышается значимость референтных групп [22, с. 190-191].

С целью определения особенностей потребительских предпочтений в соответствии со статусно-ролевыми ориентациями молодёжи в военной и гражданской сферах, рисков потребительского поведения авторами в январе-марте 2017 г. было проведено исследование (опрос молодёжи методом анкетирования /N=426/ и экспертный опрос /N=31/). Основываясь на его результатах, авторы выявили следующие проблемы обеспечения социальной безопасности молодёжи в сфере потребления.

Молодёжь вовлекают в сферы потребления посредством рекламы и маркетинговых акций даже в том случае, когда достижение благ чревато финансовым и морально-психологическим ущербом (стоимость фитнес-услуг, несоответствие здоровья пропагандируемым благам). Один из интервьюируемых специалистов привёл случаи двух летальных исходов заёмщиков, потративших средства на спортивный инвентарь, не соответствующий показаниям их физического состояния. Таким образом, уделяется недостаточное внимание информированию и безопасности продвигаемой продукции в соотношении с физическими свойствами покупателей. Молодые люди, в свою очередь, в ходе опроса подтверждали, что реклама отдельных товаров нанесла определённый ущерб как в финансовом аспекте, так и в плане безопасности здоровья. Представители военной сферы в последнее время стали ориентироваться на первых потребителей какого-либо продукта, с целью проверки их безопасности и применимости (принцип: если первый вошёл в пещеру жив, за ним последуют остальные – возврат к «источкам»).

Рост демонстративных форм потребления не приводит молодых людей к желаемым позициям в коллективе, но формирует условия роста долговой зависимости и девиантного поведения. Специалисты по кредитованию подчеркнули, что факты преступного поведения заёмщиков, попавших в сложное финансовое положение, встречаются в соотношении одно преступление на пять неблагонадёжных займов. Но в то же время было отмечено, что возможные выходы из ситуаций в виде рефинансирования задолженности не были рассмотрены молодыми людьми, даже после попытки информирования их об этом. В ходе анкетного опроса молодые люди называли воровство и нелегальные способы заработка в качестве основных угроз безопасности. Среди «нелегальных» источников дохода отмечены посредничество в реализации наркотических веществ, а также участие в различных финансовых махинациях, в результате которых человек терял свои социальные позиции и полностью исключался из коллектива.

Лёгкость вовлечения молодёжи в сомнительные финансовые проекты и низкая финансовая грамотность часто назывались в ходе интервьюирования. Сами молодые люди отмечали, что желание быстро заработать без приложения значительных усилий стимулировало их обращаться к биржевым спекуляциям, либо к участию в организациях пирамидального типа. Специалисты в ходе интервью утверждали, что по мере возможности осуществляли борьбу с подобными компаниями, передавая ин-

формацию в соответствующие службы, однако, факт их обнаружения, как правило, был связан с разрушительными последствиями для человека, уже обратившегося за займом для погашения долгов.

Значимой угрозой в форме демонстративного потребления молодёжи эксперты и молодые люди единодушно обозначили рост материальной базы в межличностных интеракциях и коммуникациях. Юноши выделили тенденции соотнесения успешности и желательности партнёра с его материальным положением и наличием внешних благ. Представители гражданской молодёжи, экспериментировавшие с внешними статусными атрибутами, утверждали, что «деньги и дорогая машина» являлись решающими в определении успешности партнёра, в то время как их отсутствие «вполовину» снижало шансы на создание отношений. Девушки отметили потребительскую направленность со стороны мужчин, в оценке которых присутствовали показатели физиологической привлекательности, качества и стиля одежды, парфюмерии и иных факторов, не связанных с проявлениями характера, ментальности и нравственно-эмоциональных особенностей партнёра.

Специалисты в ходе интервьюирования сослались и на значительные проблемы в формировании адекватных межличностных отношений. Из проблем современной молодёжи в этой сфере ими были указаны следующие:

- рост недоверия к партнёру и близким, ввиду размытого распределения ответственности между пользователями благ и их источниками.
- формирование интеракций на сугубо взаимовыгодных условиях при наличии очевидных материальных преимуществ.
- неоправданное увеличение расходов на партнёра, которое впоследствии выражалось в росте взаимных претензий на материальной почве.
- опора в решении проблем и задач исключительно на материальное вознаграждение как в направлении собственных интересов, так в отношении других людей.

Таким образом, современное потребление без комплексного воздействия и управления рядом процессов может представлять угрозу как в финансовом и статусном отношении, так и в социальной, морально-нравственной сфере, угрожая безопасному развитию молодёжи, и стимулируя распространение девиантных форм поведения. На основе полученных данных предлагается разработать модель управления безопасным потребительским поведением молодёжи, представляющую собой основу для расширения возможностей развития человеческого потенциала. В рамках модели предполагается установление системных взаимосвязей между государством, системой образования, кредитными и некоммерческими организациями, средствами массовой информации, отдельными медийными личностями и институтом семьи. Модель позволит решить ряд задач: нивелирование угроз безопасному потреблению; ориентация молодёжи на инструментальность потребляемых благ; формирование представлений о дивергенции материальной основы коммуникаций и морально-

нравственных норм; создание условий для созидательного потребления и продуцирования собственных материальных и нематериальных продуктов (рис. 4).

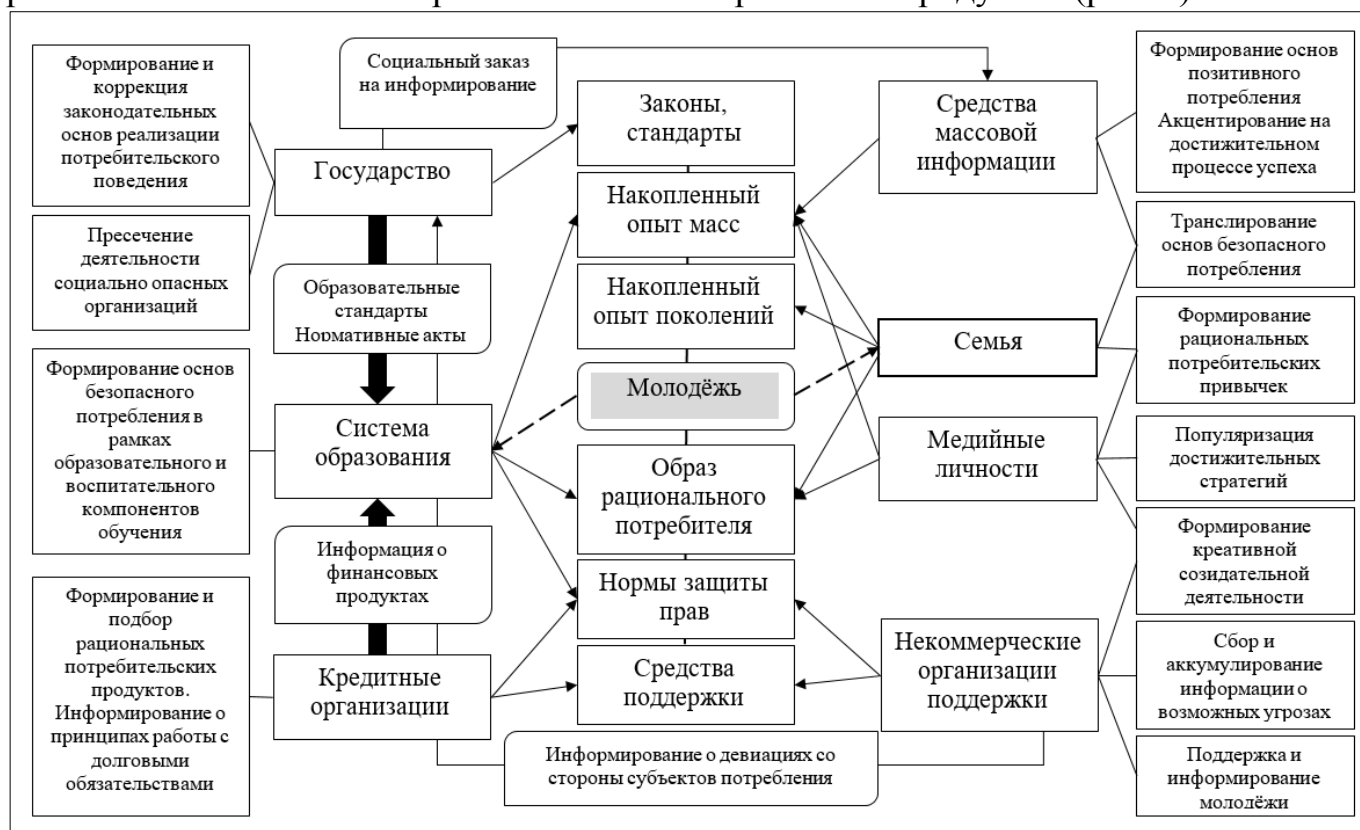

Рисунок 4 – Модель управления безопасным потребительским поведением молодёжи

В результате реализации модели ожидаются следующие положительные эффекты:

1. Сокращение недобросовестных организаций в экономической системе.
2. Формирование механизма взаимодействия государства и иных социальных институтов и создание безопасных условий жизнедеятельности.
3. Включение новых трендов (например, при помощи блоггеров) в создание безопасной среды для молодёжи.
4. Повышение информированности молодёжи о возможных средствах самореализации и об основах обеспечения и защиты собственных интересов в ходе процесса потребления.

В целом формирование рационального потребительского поведения необходимо для реализации комплексной демографической политики государства, так как распространение демонстративных потребительских стратегий нивелирует потребности молодёжи в рождении детей из-за высоких затрат на их содержание; либо стимулирует отказ от рождённых детей по финансовым, или иным причинам. Поэтому необходимость выявления путей укрепления социальной безопасности молодёжи в обществе потребления, как совокупности мер по защите ценностно-целевых

ориентаций и интересов молодёжи, обеспечению безопасности жизнеобеспечения и реализации социальной активности, нейтрализации внешних и внутренних угроз развития молодого поколения [25, с. 80], а также как комплекса мероприятий по формированию альтернативных путей безопасного развития и самореализации.

Риски потребительских установок молодёжи обусловлены нерациональным использованием благ как самоцели, вместо инструментальной основы для проявления социальной активности и достижения желаемых социальных позиций. Исключение модели потребления невозможно, ввиду её значимости для финансово-производственных процессов, однако корректировка и управление потребительским поведением молодёжи имеет положительный потенциал в сфере обеспечения безопасности относительно доступа и качества потребляемых благ и реализации статусно-ролевых ожиданий.

Библиографические ссылки

1. Рощина Я. М. Социология потребления. Гос. Ун-т – Высшая школа экономики. – Москва: Изд. Дом ГУ ВШЭ, 2007. – 477 с.
2. Тард Г. Законы подражания. – Москва: Книга по Требованию, 2012. – 378 с.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. – СПб.: Академически проспект, 2015. – 240 с.
4. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. – СПб.: Академически проспект, 2011. – 396 с.
5. Веблен Т. Теория праздного класса. – Москва: Прогресс, 1984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.library.fa.ru/files/Veblen.pdf> (дата обращения: 15.09.2017).
6. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации: учебное пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002 г. – 461 с.
7. Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // Социологические исследования. – 1993. – № 3. – С. 121-129.
8. Бодрийар Ж. Система вещей / перевод с французского и сопроводительная статья С. Зенкина. – Москва: «Рудомино», 2001. – 224 с.
9. Барт Р. Мифологии. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 2008. – 233 с.
10. Ильин В. И. Потребление как дискурс: учебное пособие. – СПб.: Интерсоцис, 2008. – 446 с.
11. Красова Е. Потребительские практики воронежских студентов // Научно-культурологический журнал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tguwoa/wa/Main?textid=3308&level1=main&level2=articles>. (дата обращения: 15.01.2018).
12. Плесс Н. Управление культурным многообразием требует смены парадигмы // Международный журнал «Проблемы теории и практики управления». – 2000. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vasilieva.narod.ru/9_2_00.htm. (дата обращения: 15.01.2018).
13. Социологический аспект теорий Д. Мак-Грегора. Официальный портал Института экономических преобразований и управления рынком [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.socioego.ru/teoriya/teor_manag/teor_motiv/mac_greg.html. (дата обращения: 15.01.2018).
14. Schor J. B. The Overspent American // Why we want what we don't need. – N.Y.: Harper Collins Publisher, 1998. – 272 p.
15. Ritzer G. The McDonaldization of Society // Thousand Oaks. – CA: Pine Forge, 1996. – 328 p.

16. Статистические данные Министерства промышленности и торговли // Официальный портал Минпромторга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://minpromtorg.gov.ru/ministry/statistics>. (дата обращения: 15.01.2018).
17. Мансуров В. А., Черныш М. Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 10-96.
18. Пристанский А. Молодёжь увязла в долгах // Российская газета – Неделя – Урал. – № 7432 (266). 22.11.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2017/11/22/reg-urfo/urfo-vyshel-v-lidery-po-zakreditovannosti.html> (дата обращения: 06.12.17).
19. Таракановская Е. В. Молодёжь на рынке потребительского кредитования // Банковское дело. – 2007. – № 1. – С. 65-66.
20. Демидов А. М. Особенности современного потребительского поведения россиян (доклад в рамках серии семинаров «Социология рынков» на факультете социологии ГУ ВШЭ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://soc.hse.ru/ecsoclab/marke> (дата обращения: 20.01.2018).
21. Грунт Е. В., Мухутдинова А. И. Потребительское поведение молодёжи при выборе модной одежды // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3. Общественные науки. – 2017. – Т. 12. – № 1 (161). – С. 26-38.
22. Боронина Л. Н., Белова О. Р., Вишневский Ю. Р., Сенук З. В. Ценностные ориентации и установки университетской молодёжи (сравнительный анализ результатов российско-украинского исследования) // Студенчество начала XXI века: ценностные ориентации и повседневные практики / под общ. ред. Ю.Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2012. – С. 183-197.
23. Кузнецова А. С. Потребительское поведение молодёжи города Москвы // Власть. – 2016. – № 8. – С. 214-217.
24. Гурьянчик В. Н., Макеева Т. В. Особенности экономической компетентности курсантов военных вузов в планировании бюджета молодой семьи // Ярославский педагогический вестник. 2017. – № 5. – С. 131-138.
25. Клёнова М. А. Социально-психологическая адаптация молодёжи и склонность к риску // Известия Саратовского университета. – 2010. – Т.10. – Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. – С. 79-82.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРЬЕРА: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА

В статье проведен анализ основных существующих теоретико-методологических подходов к исследованию профессиональной карьеры. Доказывается, что в западной социологии изучение профессиональной карьеры преимущественно формировалось в рамках концепций, опирающихся на теории профессиональной стратификации и мобильности. Согласно этим концепциям карьера понимается как движение индивидов в системе социальной стратификации по ступеням профессиональной, квалификационной, имущественной, должностной, или иной иерархии. Рассмотрены преимущества и ограничения стратификационного подхода к изучению карьерной проблематики. В статье рассмотрен сетевой подход как вариант развития стратификационного подхода. Автор делает вывод, что классический и современный анализ профессиональной карьеры в рамках стратификационного подхода придает социальному статусу и образованию существенное значение в регулировании карьерным процессом в современном обществе, в то время как внутренние факторы карьерного процесса остаются недооцененными. Карьера понимается как стремление индивидов повысить или подтвердить свой статус, опираясь на профессию и образование. Фиксируется разрыв между макро- и микроэлементами в регулировании процесса профессиональной карьеры в сложившихся концепциях профессиональной карьеры. Анализируются концепции на основе теории человеческого капитала и теории жизненных шансов как попытка преодолеть данный разрыв. Отмечается перспективность использования понятий «траектория» и «социокультурное поле» применительно к исследованию процесса профессиональной карьеры. Представлено авторское понимание содержания карьерного процесса в современном обществе на основе концепций социокультурного поля и профессиональных траекторий. Карьера интерпретируется как процесс выстраивания индивидом траектории своего движения в поле меняющихся социально-профессиональных позиций в результате реализации потребностей в достижении и самореализации.

Ключевые слова: профессиональная карьера, стратегии карьеры, социально-профессиональная структура, интегративный подход, жизненная и профессиональная траектория, статус, потребности в достижении и самореализации.

Y. Didkovskaya

PROFESSIONAL CAREER: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE PHENOMENON

Abstract. The article analyzes the main existing theoretical and methodological approaches to the study of professional careers. It is proved that in Western sociology the study of professional careers was mainly formed within the framework of concepts based on the theory of professional stratification and mobility. According to these concepts, the career is understood as the movement of individuals in the system of social stratification along the steps of a professional, qualifying, property, official, or other hierarchy. The advantages and limitations of the stratification approach to the study of career problems are considered. The article considers the network approach as a variant of the stratification approach development. The author concludes that classical and modern analysis of professional career within the stratification approach gives a significant role in regulating the career process to social status and education, while internal factors of the career process remain underestimated. Career understood as the desire of individuals to increase or confirm their status on the basis of profession and education. The gap between macro- and trace elements is fixed in regulating the process of professional careers in the existing concepts of pro-

fessional careers. The concepts based on the theory of human capital and the theory of life chances are analyzed as an attempt to overcome this gap. Says the prospect of using the terms "path" and "socio-cultural field," as applied to the study of career process. The author's understanding of the content of the career process in modern society based on the concepts of the sociocultural field and professional trajectories is presented. Career is interpreted as the process of building an individual trajectory of his movement in the field of changing social and professional positions as a result of the realization of the needs for achievement and self-realization.

Key words: professional career, social and professional structure, career strategies, integrative approach, life and professional trajectory, status, needs for achievement and self-realization.

Динамика современного общества заставляет пересматривать сложившиеся концепции и подходы к исследованию многих феноменов социальной реальности. Объективные процессы, происходящие за последние десятилетия в сфере труда, занятости и профессионального образования, сопровождаются изменениями в мире профессиональных ценностей, в субъективном измерении профессионального развития индивидов. Это требует теоретического осмысления и пересмотра привычных теоретико-методологических подходов к феномену профессиональной карьеры.

Цель статьи – дать критический анализ различных теоретико-методологических подходов к изучению феномена карьеры, сложившихся в отечественной и мировой социологии, и рассмотреть эвристические возможности интегративного подхода для уточнения содержания понятия профессиональная карьера адекватно реалиям современного социума.

Социологический подход к проблематике карьеры в западной науке выразился в концепциях, опирающихся на теории профессиональной стратификации и мобильности. Истоки формирования концепций профессиональной карьеры в русле стратификационного подхода следует искать в исследовании факторов восходящей профессиональной мобильности С. Липсета и Р. Бендикса и в теории присвоения статуса П. Блау и О. Дункана.

С. Липсет и Р. Бендикс связали профессиональную мобильность индивидов с колебаниями на рынке труда и со структурными изменениями в экономике [6]. П. Блау и О. Дункан исследовали переход социально-экономического статуса от поколения родителей к поколению детей, т.е. межпоколенческую мобильность. Изучив влияние образования и профессионального статуса родителей на карьеру детей, Блау и Дункан установили, что в современном индустриальном обществе профессиональная занятость индивидов все в большей степени определяется образовательными успехами (уровнем и качеством получаемого образования) и все в меньшей степени – семьей [14]. Таким образом, для индустриального общества все более характерным является восходящая интергенерационная мобильность.

Отметим, что более поздние исследования профессиональной мобильности на базе концепции социального капитала П. Бурдье вносят некоторые коррективы в эти выводы, поскольку доказывают, что влияние капитала семьи и исходные позиции остаются значимы и предопределяют спектр возможных карьер. Это происходит потому, что доступ к самому образованию (определенного уровня и качества) как ре-

сурсу зависит от статуса родительской семьи. Тем не менее, исследования Бендикса, Липсета, Блау и Дункана заложили основу изучения профессиональной карьеры как разновидности и составляющей профессиональной мобильности, которая предстает в форме восходящей интергенерационной мобильности. При этом карьера понимается как движение индивидов в системе социальной стратификации по ступеням профессиональной, квалификационной, имущественной, должностной, или иной иерархии.

Но при анализе карьеры в стратификационном аспекте возникает ряд вопросов. Если карьера увязывается с перемещениями в структуре, движением по социально-профессиональным позициям, то это предполагает наличие жестко структурированной иерархии и оценку перемещения в ней индивидов по четко обозначенным объективным критериям, таким как величина дохода, должность, уровень властных полномочий. Насколько они действительно объективны и четко обозначены в современном обществе? Современные социологические теории, прежде всего в лице З. Баумана, доказывают «расплывчатость» структур и нечеткое обозначение стратификационных критериев в обществе. На наш взгляд, анализ карьеры сугубо как перемещений в социальной (или социально-профессиональной) структуре несколько сужает само понимание карьеры, не учитывает ее многоаспектность в современном обществе. Профессиональная карьера, по сути, сводится к должностной либо статусной. Из рассмотрения исключаются такие формы профессиональной карьеры как рост профессионального мастерства, освоение смежных профессиональных полей, новых аспектов профессиональной деятельности. Насколько обязательно фиксирование институциональных закреплений карьерных изменений (присвоение квалификации, должности, разряда) в структуре, если сама структура не устойчива и «размыта»? Мы полагаем, что для понимания процесса карьеры большее значение имеет понятие «изменение», нежели «перемещение».

Попыткой решить эту ограниченность, учитывая сложность и подвижность структур современного общества, является сетевой подход как вариант развития стратификационного подхода (М. Грановеттер). В основе теории сети контактов М. Грановеттера лежит положение о «силе слабых связей» [4], то есть идея о значимости информации, которую индивид получает не от достаточно близких ему лиц (к которым можно отнести друзей или родственников), а от знакомых. «Слабые связи» являются одним из наиболее значимых факторов карьеры, они могут рассматриваться как социальный капитал для успешных профессионалов и руководителей. Когда индивид меняет место работы, происходит расширение его социально-профессиональных связей или в терминологии Грановеттера «сети контактов» («contact network»), рассматриваемых, в данном случае, в качестве результата индивидуальной мобильности [5]. Идея эффективно работает, показывая сложное переплетение вертикального и горизонтального среза карьеры – как накопление опыта, связей, их расширение (горизонтальное движение) переходит в количественный рост, изменение, достижение нового социально-профессионального статуса.

Однако до конца это проблему не решает, т.к. все равно подразумевается измерение успеха только в структурно-ориентированных, количественных объективных показателях.

По-прежнему сетевой подход, как и стратификационный в целом, интерпретирует содержание карьерного процесса как восходящие перемещения индивидов в социальной, профессиональной и организационной структурах общества, на которое оказывает влияние ряд факторов. Хотя особое внимание среди них и уделяется доступу индивидов к информационным ресурсам как важному моменту в построении успешной карьеры. Причем доступ к социальной информации определяется не только ограничениями структуры, но и активностью индивидов, характером их передвижений в социальной и профессиональной стратификации.

Таким образом, как классический, так и современный анализ профессиональной карьеры в рамках стратификационного подхода придает социальному статусу и образованию как статусообразующему институту существенное значение в регулировании карьерным процессом в современном обществе. Карьера понимается, как стремление индивидов повысить (подтвердить) свой статус, опираясь на профессию и образование.

Ряд современных исследователей профессиональной карьеры пытаются построить свои концепции на основе теории человеческого капитала и теории жизненных шансов. Что нового они вносят в изучение карьерного процесса, и какими возможностями и ограничениями обладают эти теории относительно решения показанных методологических проблем? Нас прежде всего интересует, позволяют ли они преодолеть разрыв между макро и микроэлементами в регулировании процесса профессиональной карьеры. Позволяют ли они снять ограничение структурно-ориентированного подхода с его акцентом на роль институтов образования или социальных структур в карьерном процессе в ущерб внутренним факторам.

Теория человеческого капитала, предложенная в экономике и экономической социологии в работах Г. Беккера и Т. Шульца заставляет обратить внимание на важность изучения роли капиталов (образовательного, профессионально-квалификационного, культурного и т.д.) личности в построении карьеры [2; 18]. Г. Беккер определяет человеческий капитал как набор знаний, навыков, умений, которые требуют от индивида инвестиций и предполагают определенную экономическую отдачу, преимущественно в виде увеличения дохода и производительности труда [13]. Теория жизненных шансов (неовеберианский подход) позволяет связать проблемы карьеры и продвижения индивидов с неравным доступом к социальным капиталам и ресурсам (образовательным, властным, информационным...) как определяющим возможности карьеры и ее направления. В связи с этим в западной социологии весьма популярно изучение групп с разным ресурсом (низко-ресурсных групп либо, наоборот, высокоресурсных), их карьер, факторов, ограничивающих и определяющих карьеры – гендерных, расовых, этнических, организационных, семейных [15; 16; 17].

Внимание к ресурсам или капиталам, на наш взгляд, весьма значим. Если учитывать тот факт, что в процессе построения карьеры ресурсы подвергаются самооценке со стороны индивидов, на этом основана активность индивидов по коррекции, «добору» ресурсов, необходимых для успеха, то следует считать социальный капитал (понимаемый как способности, интеллектуальный потенциал, образование, связи и т.д.) элементом карьерных стратегий. С другой стороны, ресурсы непосредственно связаны с реализацией индивидами возможных способов, вариантов карьеры, регламентируемых со стороны институтов и структур общества. Тем самым вырисовывается перспектива решения проблемы соотношения макро и микроуровней процесса карьеры.

В этом плане еще одной перспективной теоретико-методологической основой современных западных и российских концепций карьеры выступает учение о социальном поле П. Бурдье. Отталкиваясь от проблемы взаимодействия между индивидом и социальной структурой, обсуждаемой П. Бурдье, возможно увидеть профессиональную карьеру не только как индивидуальную траекторию профессионального пути, отойти от односторонне интерпретируемого влияния структур на эту траекторию (что характерно для большинства выше рассмотренных концепций), а рассмотреть профессиональную карьеру в макросоциальном контексте – как инструмент воспроизводства и изменения системы социальной и профессиональной стратификации.

Плодотворное развитие положений теории человеческого капитала и теории социального поля П. Бурдье представляют собой последние результаты исследований российских ученых, а именно концепция образовательных и профессиональных траекторий Г. Чередниченко и концепция «поворотных пунктов» в профессиональных траекториях И. Поповой.

Г. Чередниченко обращает внимание, прежде всего, на внешние регуляторы процесса карьеры индивидов, среди которых выделяет демографическую ситуацию (вступление в жизнь малочисленных, либо многочисленных поколений), образование и рынок труда, систему трудоустройства [10]. Демографическая ситуация оказывает воздействие на доступ к образованию и рынок труда: молодежь застает определенную структуру занятости, образование закрепляет социальные различия на этапе карьерного старта. Помимо внешних регуляторов, связанных с функционированием отдельных подсистем общества, по Чередниченко имеют значение для формирования карьерного процесса аскрептивные факторы (место жительства, пол, социально-экономический статус родителей, образование родителей и др.) и субъективные – ценностные ориентации, мотивация, предпочтения индивидов. Решая проблему взаимосвязи структурных воздействий на процесс карьеры (в виде ограничений со стороны структур) и активности самих акторов карьерного процесса, Чередниченко особо оговаривает роль «достиженческого фактора», который представляет собой образовательно-социальную позицию индивида, приобретенную благодаря личным усилиям в открытом соревновании с другими акторами [10]. Отсюда можно сделать

вывод, что на микросоциологическом уровне развертывания карьерного процесса существенную роль играют усилия индивидов по накоплению человеческого капитала. Перспективным в изучении карьерного процесса мы полагаем использование автором термина траектории применительно к процессу профессиональной карьеры вследствие растягивания периода обретения профессии и статуса. Известно, что понятие траектории ввел в социологию П. Бурдье, который определил ее как «серию позиций, последовательно занимаемых одним и тем же агентом в социальном пространстве, которое само эволюционирует и подвержено непрерывным трансформациям» [3] и при этом не разделял ее на образовательную, профессиональную и социальную. Чередниченко делает акцент на первую часть определения Бурдье – о связи позиций в социальном поле и траектории индивидов, поскольку ее исследовательский фокус: понять как занимаемая позиция (внешние условия и аскрептивные факторы), определяющая капитал индивида, формирует его траекторию.

Нас интересует вторая часть данного определения траектории – указание на «расплывчатость» самих позиций в социальном поле, их трансформационность. Социальное поле предоставляемых индивидам возможностей со стороны структур непрерывно меняется. Это, на наш взгляд, является основным источником противоречий процессов профессиональной карьеры в современном обществе. Личностные диспозиции развертываются и реализуются в условиях противоречий между старым и новым, что указывает на необходимость изучения связи карьеры именно в аспекте трансформаций.

Интересной концепцией карьеры, развиваемой также на базе жизненных траекторий, является концепция И. Поповой. Ее исследовательская логика, по нашему мнению, обратна логике Г. Чередниченко, поскольку она изучает то, как индивидуальные траектории воздействуют на процесс социальной и профессиональной мобильности и формируют новую социальную и профессиональную структуру общества. Т.е. процесс формирования новых социальных и профессиональных групп изучается через процесс изменения индивидуальных профессиональных карьер на основе биографического метода. Для этого Попова вводит понятие «поворотных пунктов» в траекториях занятости [9]. Под поворотными пунктами в биографиях понимается комплексная жизненная ситуация смены места работы (занятости), существенно меняющая социально-профессиональное положение, характер и план сложившейся профессиональной карьеры [9]. Благодаря этим ситуациям формируются новые биографические образцы профессиональных карьер. Таким образом, Попова уже не только упоминает, но разъясняет, как именно траектории воздействуют на социально-профессиональную структуру.

Анализ сложившихся как классических, так и современных подходов к исследованию феномена профессиональной карьеры позволил нам выявить их важную черту – разрыв между макро и микроуровнями исследований. В подходах с позиции макроуровня проявляется преимущественно структурная ориентированность. Т.е. логика исследования профессиональной карьеры строится от структур (социальной,

профессиональной, статусной...) к действиям индивидов, что находит выражение и в соответствующих определениях. Большинство социологических теорий склонны рассматривать профессиональную карьеру как перемещение индивидов в структуре социально-профессиональных или социально-экономических позиций. Соответственно исследовательский акцент смещен на детерминацию процесса профессиональной карьеры предписаниями со стороны социально-институциональных структур.

В подходах с позиций микроуровня основное внимание уделяется внутренним субъективным компонентам профессионального развития индивидов, таким как самооценка, потребности в достижениях, амбиции, склонности и предрасположенности индивидов к определенным видам деятельности. Социальные институты и структуры при этом выполняют роль абстрактных внешних условий, в которых реализуется карьерный процесс. При этом связующие элементы макро и микроуровней не указываются, и механизм их взаимодействия остается не раскрытым. Фокусирование на исследовании «связующих звеньев» между макро и микроуровнями, на которых разворачивается процесс профессиональной карьеры, позволит более комплексно изучить его. Для этого следует пересмотреть концептуальное содержание самого понятия «профессиональная карьера» и методологических подходов к его изучению.

Опираясь на анализ достижений мировой и российской социологической мысли, будем исходить из того, что профессиональная карьера это процесс, логика которого раскрывается в движении от общества, его структуры к индивиду, т.е. в данном процессе задают логику процесса внешние компоненты.

В основе процесса профессиональной карьеры лежит феномен социального неравенства, предполагающий определенную иерархичность статусов, и закреплённый в социально-профессиональной структуре. То есть основным компонентом процесса профессиональной карьеры выступает социально-профессиональная структура, преломляющаяся в ценностном сознании общества и задающая систему статусов (как позиций, обладающих разным престижем и ресурсными возможностями), на которые претендуют индивиды. Помимо социально-профессиональной структуры на макроуровне карьерный процесс обеспечивают институты занятости и образования, поскольку они выполняют статусообразующую роль. В продвижении между статусными позициями, индивиды реализуют свою потребность в достижениях и самореализации. Среди внутренних компонентов процесса профессиональной карьеры, кроме потребности в достижениях и самореализации, мы выделяем ценностные ориентации индивидов, в том числе профессиональный успех и карьеру как ценности личности, достижительный потенциал индивидов (намерение, установка на карьерный рост), имеющиеся ресурсы и капиталы (культурный, образовательный и социальный). Внутренние элементы, участвующие в процессе карьеростроения, могут противоречить внешним институционально-структурным условиям. Чтобы реализовать свою потребность в достижении и решить противоречия между внешними и внут-

ренными компонентами, индивиды выстраивают определенную стратегию профессиональной карьеры. Задача индивидов – задействовать имеющиеся у них ресурсы, или приобрести недостающие для достижения поставленных целей, т.е. желаемых статусов. В результате реализации выработанной стратегии индивидами выстраивается, вычерчивается своя карьерная траектория.

Методологический конструкт «траектория» (жизненная, профессиональная, образовательная и др. в зависимости от фокуса исследовательского интереса) позволяет учитывать сложное переплетение внутренних, субъективных диспозиций индивидов (мотивов, профессиональных ориентаций, стратегий) и объективных факторов перемещений, передвижений индивидов, определяемых институционально-структурными условиями (стартовым положением в социальной структуре, ресурсами семьи и др.). Траектория карьеры есть проекция индивидуальной стратегии достижения успеха на социально-профессиональную структуру.

Другой важный момент, связанный с целесообразностью использования концепта «траектория», ориентирует нас на фиксирование движения, изменений положений индивидов в социальном пространстве при соотнесенности с временными характеристиками (темпоральностью, фазовостью). Траектория в физике (от лат. *trajectories* – относящийся к перемещению) – это линия, по которой движется тело (материальная точка), и которая может быть прямой, показывая перемещения в одном направлении, и криволинейной, показывая движение тела по окружности, эллипсу, параболе и т.д. Современная физика (в частности, квантовая механика) также может использовать понятие траектории для обозначения движения объекта (частицы) в фазовом пространстве, рассматривая изменение его характеристик с течением времени.

Д. Константиновский определяет профессиональную траекторию в качестве «перехода субъекта от одной позиции на рынке труда к другой, различающихся уровнем оплаты труда, престижностью профессии, социальным статусом профессии и пр. и оцениваемых в ракурсе карьерной успешности/неуспешности» [7, с. 19]. Т.е. рассматривает траекторию карьеры как проявление движения индивидов в пространстве социально-экономических позиций. Мы предлагаем вложить в понятие траектории профессиональной карьеры несколько иное содержание. Принимая во внимание подвижность, расплывчатость и изменчивость самих социально-экономических позиций в современном обществе (неустойчивость престижа профессий, нестабильность рынка труда, потерю статуса некоторыми профессиональными группами в краткие сроки и др.), доказанные в ряде социологических работ [1; 8; 11; 12], на наш взгляд, в качестве среды, где располагается траектория, целесообразнее рассматривать не устойчивую социально-экономическую или социально-профессиональную структуру общества, характеризваемую параметром пространства, а социокультурное поле, характеризваемое временным (темпоральным) параметром, которое может быть структурировано в той или иной степени.

В основе идеи социокультурного поля (впервые высказанной П. Бурдьё) лежало желание сосредоточить внимание на динамических качествах социальной реальности, создать процессуальный образ общества. Ряд авторов с той же целью используют синонимы термина социальное поле – социальная ткань, социальная среда, соединяющая людей друг с другом, поле социальных взаимодействий. В основе этих метафор лежит рассмотрение общества как потока событий (процесса), процессов группировки и перегруппировки, структуризации, образования «фигур» (по П. Штомпке).

Используя концепты социокультурного поля и траекторий, мы можем определить профессиональную карьеру как процесс выстраивания индивидом траектории своего движения в поле меняющихся социально-профессиональных позиций в результате реализации потребностей в достижении и самореализации.

Таким образом, опираясь на проведенный анализ развития теоретико-методологических подходов к изучению феномена профессиональной карьеры, мы можем сделать следующие выводы:

Традиции исследования карьерного процесса были заложены в рамках западной социологии с позиций стратификационного подхода, рассматривающего профессиональную карьеру как перемещения индивидов между статусными позициями в социально-профессиональной структуре и исследующего факторы таких перемещений.

Современное развитие стратификационного подхода – сетевой подход продолжает исследовать структурные условия развертывания карьерного процесса, акцентируя внимание на приобретаемых социальных контактах индивидов, которые одновременно выступают результатом и ресурсом успешных карьерных перемещений.

В рамках и зарубежной, и отечественной социологии весьма перспективным является интегративный подход к изучению профессиональной карьеры, базирующийся на идеях теорий человеческого капитала, жизненных шансов и социального поля П. Бурдьё. В рамках данного подхода карьера интерпретируется как непрерывная траектория движения индивидов в пространстве социально-профессиональных позиций, при этом существенная роль отводится активности самих индивидов в изменении самой социально-профессиональной структуры путем формирования новых образцов профессиональных карьер.

Предлагаемый нами интегративный подход позволяет связать компоненты, участвующие в регулировании процесса профессиональной карьеры на макро и микроуровнях. Поле социально-профессиональных позиций индивидов, статусообразующие социальные институты образования и занятости являются регуляторами профессиональной карьеры на макроуровне. На микроуровне процесс карьеры регулируется потребностями в достижении и самореализации, профессиональными и жизненными ориентациями и намерениями индивидов, их интересами и склонностями, ресурсами и капиталами. Регуляторы микроуровня находятся в противоречивом вза-

имодействии с элементами макроуровня. Пытаясь разрешить эти противоречия, индивиды выбирают свою карьерную стратегию на основе сопоставления возможностей, предоставляемых им со стороны макроуровня, и имеющихся у них ресурсов и капиталов. В результате реализации выбранной стратегии индивидами выстраивается траектория профессиональной карьеры в поле социально-профессиональных позиций.

Библиографические ссылки

1. Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. Под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
2. Беккер Г. С. Человеческое поведение: экономический подход // Избранные труды по экономической теории. – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – С. 49-155.
3. Бурдые П. Биографическая иллюзия / пер. с фр. Е. Ю. Мещеркиной. // ИНТЕР: ИНТЕРАкция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. – 2002. – № 1 (1). – С. 75-81.
4. Грановеттер М. Сила слабых связей. (перевод З. В. Котельниковой) // Экономическая социология. Электронный журнал. Том 10 . – 2009. – № 4. – С. 31-50 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ecsoc.hse.ru/data/299/590/1234/5ecsoc_t10_n4.pdf#page=31.
5. Грановеттер М. Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // Западная экономическая социология. Хрестоматия современной классики/ Сост. и науч. ред. В. В. Радаев. – Москва: РОССПЭН, 2004. – С. 369.
6. Липсет С. М., Бендикс Р. Социальная мобильность в индустриальном обществе // Проблемы социальной мобильности за рубежом. – Москва: ИНИОН, 1974. – С.76-83.
7. Константиновский, Д. Л. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998-2008 годы / Д. Л. Константиновский [и др.]. – Москва: ЦСП и М, 2011. – 296 с.
8. Кравченко С. А. Стрела времени: современные вызовы социологическому знанию // Социологическая наука и социальная практика. – 2014. – № 1. – С. 110-124.
9. Попова И. «Поворотные пункты» в биографии и профессиональные карьеры специалистов // СОЦИС. – 2011. – № 4. – С. 81-91.
10. Чередниченко Г. А. Образовательные и профессиональные траектории молодежи. Москва: ЦСП и М., 2014. – 560 с.
11. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – Москва: Наука, 2003. – 231 с.
12. Штомпка П. Социология социальных изменений / пер с англ. под ред. В. А. Ядова. Москва: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
13. Becker G. S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. Chicago: The University of Chicago Press. – 1993. – 218 p.
14. Blau P, Duncan O. D. The American Occupational Structure. – New York: Wiley, 1967. – 520 p.
15. Leicht K. T., Fennel M. L. The Changing Organizational Context of Professional Work // Annual Review of Sociology. – 1997. – Vol. 23. – P. 215-231.
16. Orrange R. M. Individualism, Family Values and the Professional Middle Class. In Depth Interviews with Advanced Law and MBA Students // The Sociological Quarterly. Summer. – 2003. – Vol. 44. – № 3. – P. 451-480.
17. Rosenfeld R. A. Job Mobility and Career Processes // Annual Review of Sociology. – 1992. – Vol. 18. – P. 39-61.
18. Sshults T. W. The Economic Value of Education. N.Y. Columbia University Press, 1963.

СОЦИАЛЬНАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ: СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА В ОЦЕНКАХ И МНЕНИЯХ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ СТРАНЫ

В статье предпринята попытка проанализировать понятия справедливости и социальной справедливости. Подчеркивается, что духовная жизнь общества во все времена содержала в себе представления, символизирующие мечты и чаяния о справедливости и справедливом обществе. Особо подчеркивается факт значимости и важности данного феномена для российского общества, а также сложности формализации данного понятия для его непосредственного изучения. Эмпирической базой для написания статьи послужили результаты прикладного социологического исследования, которое было выполнено под эгидой Российского общества социологов. Дается обоснование выборки исследования, кратко приводятся его технические параметры. Территория исследования «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» включала в себя 26 городов России, в которых было опрошено около четырех тысяч студентов. Значимая характеристика выборки, которую следует принимать во внимание при интерпретации результатов исследования, – это материальное положение. Среди опрошенных не более трети опрошенных студентов отнесли свои родительские семьи к материально обеспеченным (альтернативы: «Мы без труда приобретаем вещи длительного пользования» и «У нас нет материальных проблем»). Основную же часть семей составляют те, у кого материальное положение достаточно для обеспечения нормального питания и покупки одежды, строго говоря, на поддержание семьи, но никак не на ее развитие. На основе анализа полученных данных были выделены основные черты современного российского общества с точки зрения социальной справедливости и социального неравенства в представлениях современных студентов. Результаты исследования убедительно показали, что не стоит строить иллюзий по поводу входящего в жизнь молодого поколения. Современные студенты рациональны, прагматичны, они объективно воспринимают мир, в который они пришли: больше половины опрошенных респондентов уверены, что справедливое общество невозможно в принципе. Молодое поколение готово соблюдать закон, признать право за мигрантами равенство перед законом.

Ключевые слова: социальная справедливость, социальное неравенство, молодежь, студенты, общественное мнение.

N. V. Dulina, E. N. Ikingrin

SOCIAL JUSTICE: MODERN RUSSIAN PRACTICE IN EVALUATIONS AND OPINIONS OF STUDENTS OF THE STUDENTS OF THE UNIVERSITY OF THE COUNTRY

Abstract. The article attempts to analyze the concepts of justice and social justice. It is emphasized that the spiritual life of the society at all times contained ideas that symbolize dreams and aspirations for justice and a just society. The fact of the significance and importance of this phenomenon for Russian society, as well as the complexity of formalizing this concept for its direct study, is especially emphasized. The empirical basis for writing the article was the results of applied sociological research, which was carried out under the auspices of the Russian Sociologists Society. The study is justified, its technical parameters are briefly presented. The study area «Studentship on social inequality and social justice» included 26 cities in Russia, in which about four thousand students were interviewed. A significant characteristic of the sample, which should be taken into account when interpreting the results of the study, is the material situation. Among the respondents, not more than one third of the students surveyed referred their parents'

families to financially secured ones (alternatives: «We easily buy things of long-term use» and «We have no material problems»). The main part of the families are those who have sufficient financial position to ensure normal nutrition and purchase of clothes, strictly speaking, to support the family, but not to develop it. Based on the analysis of the data obtained, the main features of modern Russian society were distinguished from the point of view of social justice and social inequality in the views of modern students. The results of the study convincingly showed that there is no need to build illusions about the young generation entering into life. Modern students are rational, pragmatic, they objectively perceive the world in which they came: more than half of the respondents are convinced that a just society is impossible in principle. The young generation is ready to abide by the law, to recognize the right of migrants to equality before the law.

Keywords: social justice, social inequality, youth, students, public opinion.

Для социально-гуманитарного знания вообще, а для отечественного особенно, социальная справедливость – одна из ключевых категорий. Если обратиться к свидетельствам истории, то станет очевидным, что духовная жизнь общества во все времена содержала в себе представления, символизирующие мечты и чаяния о справедливости и справедливом обществе. Российская практика наших дней эту традицию продолжает: многие политические партии включают в свое название слово «справедливость», редко какая политическая сила во время предвыборных дебатов не объявляет в числе своих приоритетных задач достижение социальной справедливости. Как отмечает Г. Ю. Карнаш, «это пусть и внешнее, но весьма заметное свидетельство того, что *социальная справедливость – больной вопрос нашего общества, в первую очередь привлекающий внимание большинства избирателей*» [8, с. 146].

Данное утверждение протеста не вызывает. Действительно, именно представления о социальной справедливости регламентируют основы социального порядка, практики как институциональных, так и межличностных взаимодействий, укорененных в пространстве повседневности и обусловленных социокультурными характеристиками общества: хозяйственным укладом, историей, менталитетом, характером политических взаимоотношений власти и населения. Что есть социальная справедливость и справедливое общество в представлениях современной молодежи? Как в условиях нашего быстротечного времени современные студенты оценивают социальную справедливость?

Возможность получить ответы на сформулированные выше и ряд других вопросов, а также составить собственное представление о том, каковы в настоящее время взгляды студентов России на социальную справедливость, как правило, дают результаты прикладных социологических исследований. Одно из таких исследований было инициировано Российским обществом социологов (РОС) при подготовке к Всероссийскому социологическому Конгрессу (Екатеринбург, 2016) «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости». Технические параметры выполненного исследования в полном объеме представлены на официальном сайте РОС. Частично результаты данного исследования уже были представлены в материалах V Всероссийского социологического Конгресса, специальных изданиях, приуроченных к этому мероприятию, а также в открытой пе-

чати (см., напр., [3, 6, 13] и др.). Напомним лишь, что всего в ходе исследования опрошено в 71 вузе из 26 городов России 3964 респондента. Основной целью исследования стало выяснение отношения студентов к социальному неравенству и социальной справедливости. Метод сбора информации – анкетирование. Исследование «Студенчество о социальном неравенстве и социальной справедливости» носило (как, впрочем, и все проекты, выполненные под эгидой РОС) инициативный характер. К проекту «на местах» (в городах территории исследования) присоединялись те организации, входящие в РОС, кому предложенная тема показалась интересной. Понятно, что такой опрос не может рассматриваться как представительный в полном смысле этого слова. Однако, достаточно большой объем выборки, с одной стороны, и явные недостатки квотной выборки, оборачиваются на практике благом (ограничения заданными изначально характеристиками, в данном случае – возрастом и родом занятия, обеспечивают представленность в выборке респондентов одного статуса, одного возраста, но при этом дисперсно распределенных по всей территории исследования). Как неоднократно было доказано исследовательскими практиками – такая выборка, как правило, точно воспроизводит характеристики генеральной совокупности [20, с. 60].

Обратим внимание, что в инструментарии исследования не было специального вопроса о том, как студенты понимают, что такое справедливость, полагаем, что при ответах на вопросы они опирались на общие, интуитивно понятные представления о данном феномене. На самом же деле следует согласиться, что разговоров о справедливости вообще и о социальной справедливости в частности – больше чем достаточно. Но отыскать ее в реальной действительности – весьма затруднительно. Ведь то, что мы можем обнаружить непосредственным взглядом – действие или бездействие, речь или молчание – это всего лишь возможные проявления, указатели, знаки того, что мы пытаемся выявить, осознать. Следует признать, что справедливость – одно из тех «неуловимых» понятий, которое находится в одном ряду с другими трудно формализуемыми сущностями, такими как любовь, совесть, честность, истина и пр. Не случайно М. К. Мамардашвили называл совесть, честь, достоинство, верность тем невидимым эмпирическим элементом, «который не поддается наглядному изображению и описанию, но который тем не менее играет какую-то таинственную и существенную роль в том, как складываются и наши жизни, и наши исторические судьбы» [10, с. 9]. Но от того, что справедливость – это трудно формализуемое понятие, она не становится менее значимой для нашей жизни. Ведь человеку всегда хотелось не просто жить, а жить свободно, достойно, по справедливости. Это, наверное, как электрическое или магнитное поле: человеческому глазу не заметно, но на состояние организма влияет весьма ощутимо.

История свидетельствует, что стремление людей к справедливости, поиск ее смысла, критериев составляют одну из наиболее значимых страниц истории. Как отмечает М. И. Козлов, «в сущности, апеллируя к справедливости, люди во все време-

на стремились удовлетворить или оградить свои совершенно конкретные материальные интересы: имущество, жизнь и положение в обществе, оценивая в терминах “справедливо – несправедливо” существующие порядки, действия верховной или местной власти, отдельных лиц или социальных групп, конкурентов. Идея справедливости, как свидетельствует исторический опыт, овладевая умами и сердцами огромных масс людей, становится мощным фактором преобразования общественных отношений, проявляя себя именно как идея социальной справедливости» [9, с. 4]. Напомним, что даже одно из толкований понятия «юстиция», восходящее к латинскому «*justitia*», обозначает именно справедливость [12].

Памятуя о присущей молодому поколению интенции к справедливости (см., напр., [3–6] и др.), интересно узнать, каковы их представления об этом социальном феномене, какие формы проявления его они наблюдают, как оценивают и пр. Не имея возможности (в силу ограниченного объема статьи) подробно представить результаты проведенного исследования, остановимся на наиболее значимых, с нашей точки зрения. И только одно предварительное замечание. Результаты расчетов в рамках исследования могут быть представлены как в процентах, так и в индексах, общая логика расчета которых сводится к следующему:

$$И = (N_1 + 0,5 \cdot N_2 - 0,5 \cdot N_4 - N_5) / 100,$$

где:

- +1 – полностью согласен (N_1);
- +0,5 – в основном согласен (N_2);
- 0 – в чем-то да, в чем-то нет (N_3);
- 0,5 – в основном не согласен (N_4);
- 1 – совсем не согласен (N_5).

Результаты исследования убедительно показали, что не стоит строить иллюзий по поводу входящего в жизнь молодого поколения. Современные студенты рациональны, прагматичны, они объективно воспринимают мир, в который они пришли: больше половины опрошенных респондентов уверены, что справедливое общество невозможно в принципе. Для оценки респондентам было предложено утверждение «Можно сколько угодно говорить о справедливости, но справедливого общества никогда не было и не будет», 28,0 % сказали, что полностью согласны с данным утверждением, еще 24,2 % – в основном согласны. Только каждый седьмой от общего числа опрошенных выразили свое несогласие с данным утверждением (4,0 % – совсем не согласен, 9,4 % – в основном не согласен). Подробно мнение студентов о том, какими чертами должно обладать справедливое общество, представлено в таблице (ряд представлен по мере уменьшения индекса согласия респондентов с тем или иным утверждением, предложенным к оценке).

Таблица 1

Мнение респондентов о том, какими социальными чертами должно обладать справедливое общество, индексы

Формулировка утверждений	Индексы
В справедливом обществе здравоохранение бесплатное	0,576
Люди имеют разные доходы, но равные возможности продвижения	0,541
В справедливом обществе государство помогает детям из бедных семей встать на ноги, получить бесплатно образование	0,503
Специалисты, имеющие высокую квалификацию, зарабатывают больше, чем работники с невысокой квалификацией	0,479
Все люди получают по труду	0,465
Каждый человек может заняться предпринимательством, создать свое предприятие	0,424
Предприимчивые, энергичные люди живут лучше, чем люди пассивные	0,327
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо, чтобы богатые платили налогов больше, чем бедные	0,326
Все острые конфликты и противоречия находят решения в суде	0,313
Люди всегда соблюдают законы, даже если считают их неправильными	0,238
Все – и местные, и приезжие из других регионов – имеют равные прав	0,196
Руководители имеют существенно больший доход, чем рядовые работники	0,176
Необходимо обеспечить разумные потребности людей, даже если для этого придется лишить богатых части их доходов	0,135
Власть должна установить верхний предел доходов для богатых	0,100
Деньги от использования природных ресурсов идут полностью в казну государства	0,070
Если большинство граждан материально благополучны, но у них нет возможности влиять на власть, общество не может считаться справедливым	0,041
Если в обществе выборы проходят честно, оно может считаться справедливым, даже если большинство его граждан живет бедно	-0,027
Чтобы наше общество стало справедливым, необходимо вернуть все предприятия государству	-0,104
Все решения принимаются в интересах большинства, даже если при этом страдают права меньшинств	-0,113
На первом плане права и свободы каждого отдельного человека, даже если при этом страдает большинство	-0,119
Все доходы распределяются поровну между всеми гражданами	-0,261
То, что люди получают от природы какие-то способности, таланты – чистая случайность. Поэтому несправедливо платить им больше, чем обычным людям.	-0,286

Мы не будем отдельно комментировать каждую из представленных в таблице позиций. Обратим лишь внимание на то, что, декларируя невозможность построения справедливого общества, студенты в него верят. Напомним слова отечественного ученого А. Зиновьева о том, что «русский вариант идеи социальной справедливости не утопия. Он смог реализоваться как практический опыт в рамках советской цивилизации» [1, с. 142]. Смог реализоваться или нет, этот вопрос остается открытым, вызывая новые дискуссии среди ученых, но самые высокие оценки студенты выставили именно в этой части (см. табл.), радуя за: бесплатное здравоохранение, возмож-

ность надеяться на поддержку государства и т. д. И еще один важный момент. Ранжированный ряд ответов студентов о том, каким, по их мнению, должно быть справедливое общество, – это еще и своеобразное зеркало, в котором отражается то, чего молодежи не хватает в реальной жизни. Не хватает многого, позволяя сделать заключение, что современное российское общество молодежь оценивает как несправедливое, но мы разделяем убежденность отечественных исследователей в том, что такая оценка «связана не столько с личным опытом, сколько с социокультурной ситуацией и негативными оценками общественного мнения, транслируемого частью СМИ и социальными сетями» [2, с. 45].

А. Зиновьев писал: «Нам нужна мечта, надежда, утопия. Утопия – это великое открытие. Если люди не изобретут новую, на первый взгляд никому не нужную утопию, то они не выживут в качестве людей. Нам нужна сказка: людям важно, в какой они верят туман, и какая им верится сказка» [7]. Полагаем, что приведенные выше оценки справедливого общества, высказанные студентами, дают представление о том, какая им верится сказка и в какой они верят туман...

Библиографические ссылки

1. Андреев А. П., Селиванов А. И. Русская традиция. – Москва: Алгоритм, 2004. – 319 с.
2. Вишневский Ю. Р., Нархов Д. Ю. Какое общество является справедливым: мнение свердловских студентов // Социологические исследования. – 2017. – № 5. – С. 35–45.
3. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Бедность не порок? Студенты современной России о причинах бедности (по итогам прикладного социологического исследования) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 года). Материалы V Всероссийского социологического конгресса / отв. ред. В. А. Мансуров. – Электрон. дан. – Москва: Российское общество социологов, 2016. – С. 9670–9681.
4. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Отношение студентов России к социальной справедливости: региональные различия // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты. Материалы V Тюменского международного социологического Форума. 5–6 октября 2017 г. – Тюмень, 2017 – С. 819–827.
5. Дулина Н. В., Засыпкин В. П., Икингрин Е. Н. Студенты о социальной справедливости и социальном равенстве в условиях современной России: региональные различия (по итогам прикладного социологического исследования) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2017. – № 5 (50). – С. 176–186.
5. Дулина Н. В. Справедливое общество. Каким его видят современные студенты? // Развитие научного и художественного мышления как фактор воспитания личности: материалы Международной научно-практической конференции, 4 апреля 2017 года, г. Волгоград. – Волгоград: ФГБОУ ВО Волгоградский ГАУ, 2017. – Ч. 1. – С. 19–26.
7. Зиновьева О. Новая утопия – идеология мира будущего [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zinoviev.info/wps/archives/407> (дата обращения: 21.01.2018).
8. Карнаш Г. Ю. Социальная справедливость как духовная основа современного российского общества // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 146–153 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/zpu/2004_1/Kanarsh/21.pdf. (дата обращения: 21.01.2018).
9. Козлов М. И. Социальная справедливость в контексте русской традиции; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. гос. авт. образоват. учреждение высшего проф. образования «Сев. (Аркт.) федер. ун-т». – Архангельск, 2010 (КИРА). – 201 с.

10. Мамардашвили М. К. Опыт физической метафизики. – Москва: Прогресс-Традиция, 2009. – 304 с.
11. Мансуров В. А., Черныш М. Ф. Социальная справедливость: теоретический и эмпирический аспекты // Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – С. 9-96.
12. Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/275910> (дата обращения: 12.01.2018).
13. Студенчество России о социальном неравенстве и социальной справедливости: сборник научных статей / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Москва: Российское общество социологов; Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2016. – 253 с.

Е. Н. Заборова, О. В. Мылтасова

РАБОТАЮЩИЙ СТУДЕНТ В СОВРЕМЕННОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

В статье рассматривается сущность феномена «работающий студент», исследуется динамика его развития, выявляется сложное противоречивое отношение к данному феномену со стороны разных акторов – администрации и преподавателей вузов, работодателей, преподаватели. На основе данных социологических исследований (2007, 2012, 2013, 2016) анализируется динамика совмещения работы и учебы.

Ключевые слова: студенчество, работающий студент, противоречивость совмещения работы и учебы, мотивация такого совмещения.

E. Zaborova, O. Myltasova

WORKING STUDENT IN MODERN HIGHER SCHOOL

The article describes the essence of the phenomenon of the "working student", dynamics of its development, a complex ambivalence to this phenomenon by various aktórov-administration and university teachers, employers, teachers. Based on the data of sociological researches (2007, 2012, 2013, 2016) examines the dynamics of combining work and study.

Keywords: students, working student, combining work and study controversy, the motivation for such a merge.

Проблема работающего студента весьма актуальна, при этом актуальность этой темы возрастает со временем.

Исследования, проведенные в 1990-2000 гг. и на региональном, и на всероссийском уровне, показывали, что примерно половина студентов-очников имела более или менее постоянную круглогодичную работу, а половина неработающих студентов также хотела бы работать, если бы они имели такую возможность [1, с. 234]. В середине 1990-х подрабатывали 77 % студентов технических факультетов, 72 % – экономических, 83 % – гуманитарных. Как и в прошлые годы, совмещение учебы и работы возрастало по мере продвижения от курса к курсу, но несколько падало к пятому курсу. Так, если на первом курсе работало 54 %, то на третьем- 81 %, а на пятом – 77 % [18].

Наше исследование, проведенное в 2007 г.,¹ подтвердило эти данные: на момент обследования работали 64 % студентов. Мониторинг студенчества Свердловской области указывает на то, что учебно-профессиональная деятельность в современных условиях не является основным видом деятельности студентов, тем не менее, получение профессиональной подготовки в вузе продолжает оставаться важным признаком, интегрирующим студентов в особую социальную группу [23, с. 32]. Исследование динамики работающего студенчества показало, что если в 2003 году дополнительные заработки были у каждого второго студента, то в 2007 году работало

---

¹ Исследование проводилось социологической службой Уральского государственного экономического университета, 2007. N =257, выборка квотная по факультетам.

© Заборова Е. Н., Мылтасова О. В., 2018

три студента из 7, а в 2016 – соотношение неработающих и работающих студентов составляло соотношение 1:1,6 [там же, с. 166]. Л. Н. Банникова, О. Р. Белова уточняют: совмещают работу с учебой – на постоянной и не постоянной основе 42 % студентов [там же, с. 371]. По другим данным, доля работающих и потенциально готовых работать в составе студентов достигает сегодня 88,5 % [16, с. 58]. Эти цифровые данные убедительно доказывают постоянство и актуальность изучения феномена «работающего студента», его места в социуме и в системе высшего образования. Кто такие «работающие студенты» в настоящий момент? Каково их положение в обществе, как к ним относятся заинтересованные социальные акторы? Какова их позиция в системе функционирования и развития высшего образования?

Поскольку феномен работающего студента существует уже давно, он не был обойден интересом со стороны ученых. Как понимают ученые сам термин «работающий студент»? Данный термин используется учеными таких научных направлений как педагогика, психология, экономика, история, однако более всего он исследуется в социологической науке (работы В. И. Герчикова, Д. Л. Константиновского, Ю. Зубок, Ю. Р. Вишневского, В. Т. Шапко, М. К. Горшкова, Ф. Э. Шереги и других). Психолог В. А. Кениг, исследуя становление профессиональной идентичности студентов, работающих по специальности, предлагает следующее понимание работающего студенчества [12]. Работающие студенты – это студенты нескольких категорий:

1) студенты 3-5 курсов дневной формы обучения, у которых сформированы знания о мире профессий, представление о желаемой профессии, произошла переоценка учебной деятельности, личность ориентирована на конкретную профессию;

2) студенты вечерней формы обучения, для которых профессиональная деятельность является источником существования;

Для первой и второй категорий характерна рефлексия своих возможностей, коррекция профессиональных намерений.

3) студенты заочной формы обучения – к ним относятся студенты, которые по разным причинам не имеют возможности ежедневно посещать занятия, в том числе, по причине полного рабочего дня;

4) студенты, проходящие переподготовку и повышение квалификации для лиц, направленных от центров занятости (безработные), нацеленные на возвращение к трудовой деятельности, в силу этого более высоко мотивированные на учебный процесс.

В. Кениг указывает на то, что студенты заочной формы и проходящие переподготовку – это взрослые люди, у которых уже есть опыт профессиональной деятельности, а также профессиональные качества личности. С данным тезисом, на наш взгляд, можно согласиться, но с оговоркой: среди студентов заочной формы, в последнее время, все чаще встречаются вчерашние выпускники школ, которые изначально идут работать и желают обучаться в университете, получать высшее образование.

Экономисты Г. Б. Морозов, Е. В. Неволина и педагог А. А. Лобут, исследуя противоречия совмещения работы и учебы студентами очных отделений (2012), указывают, что работающий студент очной формы – студент, получающий стипендию с низкой покупательной способностью, на этом основании вынужденный совмещать учебную деятельность с трудовой, становясь субъектом двойных отношений – с одной стороны – студент, обязанный прилежно учиться и посещать занятия, с другой – работник, обязанный быть в рабочее время на рабочем месте [15]. Экономист З. А. Капелюк отмечает: работающий студент (студент очной формы обучения) ищет заработок, чтобы повысить свое материальное положение, а не нарабатывать стаж и профессиональные навыки, т.к. «в основном работают не по специальности, на которую они обучаются» [11].

Исследования, изучающих работающих студентов, в основном охватывают студентов очной формы обучения, игнорируя заочную, вечернюю, дистанционную формы, хотя обучающиеся так являются одновременно и студентами, и людьми, занимающимися трудовой деятельностью.

Работающий студент системы высшего образования сегодня – это не только молодые люди в возрасте 17-30 лет, но и взрослые люди, получающие образование, необходимое для продвижения по службе. По мнению П. А. Амбаров и Г. Е. Зборовского, в настоящее время «...студенчество может включать в себя представителей не одного, а двух, возможно, и трех поколений, выходящих за границы молодого возраста» [1, с. 228]. Введение магистратуры и аспирантуры как ступеней высшего образования поднимает верхнюю границу возраста студенчества. Если учесть тех, кто учится заочно, и тот факт, что активно формируются особые группы «серебряного» возраста (предпенсионного и пенсионного), то возрастные границы группы «работающий студент» должны быть расширены в сторону повышения. Итак, работающий студент – это не просто студент, подрабатывающий параллельно с учебой, но также и работающий взрослый человек, получающий высшее образование. Следовательно, это не просто «студент, который работает».

По нашему мнению, работающий студент – это характеристика группы (личности), одновременно находящейся в двух социальных общностях (студентов и работников), выполняющих две социальные роли (роль студента и роль работника). Известен тот факт, что многие сегодняшние студенты учатся, не собираясь в дальнейшем работать по выбранной ими в вузе специальности. Следовательно, они «сразу смотрят во все стороны», считая, что нужно подстраховаться и поэтому лучше получить еще одно образование или еще лучше – поработать во время обучения. «С поступлением в вуз вопросы профессионального выбора, поиска своего профессионального пути не только не перестают интересовать молодежь, напротив, студенты переосмысливают свой выбор, оценивают его с учетом новых знаний, полученного опыта учебы в вузе по выбранной профессии, взаимодействия с преподавателями, студентов старших курсов, одноклассниками» [8, с. 57].

Нахождение в группе «работающий студент» достаточно ограничено во времени. Чаще всего это 4 – 5 лет бакалавриата, 2 – 3 года магистратуры, 3 – 4 аспирантуры. И мы можем определить работающих студентов как маргинальную группу. Маргинальность означает двойственность социального положения, что определяет сложность той социальной деятельности, которую вынужден выполнять работающий студент. Работающий студент проходит этап социализации, одновременно осваивая две важные жизненные функции – рабочую профессию и взросление.

Совмещение учебы и работы требует от работающего студента напряжения его сил и отдачи времени. Как студент, он должен выполнять определённый круг обязанностей, продиктованных правилами высшей школы: посещать лекции и практические занятия, выполнять контрольные работы, писать рефераты и итоговые квалификационные работы, сдавать зачеты и экзамены. «Студенчество как социальная группа функционирует в системе высшего образования, выступает в качестве объекта производства, предметом которого является не вещь, а сам человек, личность. Поэтому главной формой производства является обучающе-образовательная деятельность»[21, с. 38]. Все это, как правило, происходит в условиях жестко закреплённого временного графика и требует от него достаточно серьёзного напряжения.

Но как работник он должен выполнять рабочие задания, как правило, присутствовать на рабочем месте, связываться с заказчиками или выполнять иные трудовые операции, продиктованные спецификой его производственно-профессиональной деятельности. Молодость и раннее физическое созревание позволяет ему выполнять практически все рабочие функции, однако эта группа, как известно, еще не имеет устойчивого психического развития и имеет незначительный социальный опыт.

В результате реально возможен внешний социальный конфликт: это и конфликт между руководством вуза (преподавателями, деканатом) и студентом по вопросу о выполнении его студенческих обязанностей, и конфликт между студентом-работником и работодателем по поводу качества или сроков выполнения его рабочих функций. Даже если не наблюдается внешний конфликт, то возможен конфликт внутренний: попытка успешного совмещения двух разных функций приводит к внутреннему диссонансу, может стать поводом для стресса и, как следствие, болезни. Ситуация усугубляется тем обстоятельством, что современный студент, согласно научным данным, в основной своей массе не отличается хорошим здоровьем. Примерно половина студентов (46-54 %) относится к слаборазвитой в физическом отношении группе, а 37-47 % – к группе астенических и детренированных [7, с. 23].

При уточнении понятия «работающий студент» возникает еще один вопрос методологического плана. Часть студентов работает постоянно, весь период обучения. Другие – несколько раз в течении учебы или разово. Некоторые работали или работают только во время каникул. Кого из них следует считать работающим студентом? На наш взгляд, все они подпадают под указанное понятие. Но наш научный интерес будет сосредоточен на тех, кто совмещает работу и учебу, поскольку нас ин-

тересует проблема работающего студента в контексте функционирования и развития высшего образования.

Сегодня необходимость феномена работающего студента продиктована логикой исторического развития: формируется совпадение интересов работодателей, руководства высшей школы и самих студентов. В условиях рыночных отношений предприниматели и руководители предприятий не обязаны и не заинтересованы тратить время на обучение молодых и не имеющих опыта выпускников вуза, они предпочитают брать на работу «молодого специалиста, но с опытом работы». Такая несовместимость – молодой и с опытом работы – с неизбежностью толкает молодых людей к поиску работы еще во время учебы. Мотив – опыт работы – чрезвычайно важен для получения будущего места работы, даже если эта работа будет слабо связана с получаемой профессией и получаемым образованием. При совмещении работы и учебы молодые люди получают не только знания по конкретной профессии, но и опыт общения, взаимодействия в трудовом коллективе, опыт контактов с заказчиками, работы с документами. Так или иначе – они получают разноплановый опыт реальной жизни, что несомненно значимо в будущем. Современные «взрослые» студенты, имеющие 10 – 15 летний опыт работы, также мотивированы на получение высшего образования без отрыва от работы. Ныне для продвижения по карьерной лестнице нередко нужно не просто высшее, но магистерское образование (особенно для служащих системы государственного и муниципального управления, работников здравоохранения, руководителей школьных учреждений, преподавателей вузов и др.).

Что касается высшей школы, то тут случае наблюдается достаточно противоречивую ситуацию: с одной стороны, высшая школа, несомненно, заинтересована в трудоустройстве своих выпускников, ведь число выпускников, работающих по полученной в вузе специальности, продолжительность поиска работы, карьера за первые пять лет работы – показатели, влияющие на рейтинг вуза на рынке образовательных услуг. Поэтому в вузах введены особые отделы по взаимодействию с работодателями [20], устраиваются ярмарки вакансий, введены электронные сайты, фиксирующие различные достижения студентов во время учебы, в том числе – опыт работы. Вуз заинтересован в привлечении работающих к учебе с экономической точки зрения. Высшая школа испытывает значительный недостаток финансирования и работающие студенты – важный источник поступления доходов. Особенно интенсивно этот поток реализуется в рамках дистанционной формы обучения.

Руководство вузов объективно скорее заинтересовано в существовании «работающих студентов». Но нельзя сказать, что их мнение однозначно. Как показал опрос ректоров московских вузов (2010 г.), отношение к совмещению – разное [14]. Нет однозначного мнения и среди преподавателей. Многие преподаватели считают, что сложно совмещать работу и учебу, студенты нередко пытаются оправдать свое отсутствие на занятиях тем, что они «работают». Не меняет сути дела и тот факт, что деканаты нередко предоставляют таким студентам «свободное расписание», на

практике означающее только то, что студент не будет «преследоваться» деканатом и ему не угрожает отчисление из-за факта непосещения лекций и практических занятий. Но это «свободное» посещение никак не согласовано с трудом преподавателя. У преподавателя возникает вопрос: если студент пропустил занятия или не выполнил промежуточные задания, то что нужно делать с таким студентом? Давать ему дополнительные задания? Предложить ему написать еще один реферат? Пройти дополнительное обучение или прийти на консультацию? Но в нагрузке преподавателя не предусмотрено время на такого рода индивидуальную работу. Даже если в вузе налажена система дополнительного обучения (как правило за дополнительную плату), то возникает вопрос о качестве знаний, которые студент получает по этой форме обучения. Еще более остро вопрос о качестве знаний стоит в дистанционной форме обучения [9].

Косвенно на желание студентов-очников работать влияет их отношение к учебе в вузе: им представляется, что если не нужно ходить в вуз каждый день как в школе, то и времени свободного у них очень много. Сегодня 80 % студентов считают, что они достаточно свободны в распоряжении бюджетом времени [1, с. 48-55]. То, что для получения качественных знаний требуется погрузиться в учебу и много учить, не воспринимается ими как необходимое: как свидетельствуют данные, для многих из них «важно не знать, а сдать». А для этого, действительно, не нужно много времени, так как в вузе действует балльно-рейтинговая система, которая выставляет оценку автоматически, нередко сводя к формальности систему экзаменов и зачетов как мероприятие.

Противоречиво оценивается и роль такого социального актёра, как родители. Существует мнение, что часть родительского сообщества негативно относится к тому факту, что дети во время обучения в вузе еще и работают [1]. И, наоборот, А. В. Басюк и А. И. Польская на основе данных исследований считают, что сегодня родители сами помогают своим детям устроиться на работу, при этом чаще работают дети состоятельных родителей [2]. В любом случае родители неоднозначно относятся к совмещению детьми учебы и работы, что определяется и экономическими факторами, и социальными.

Итак, работающий студент оказывается в сложной системе социальных институтов и социальных актёров, действия которых неоднозначны, разнонаправлены. В результате можно констатировать весьма сложное положение работающих студентов в современной социальной реальности.

Чрезвычайно важным представляется и вопрос о мотивах, толкающих студентов к совмещению учебы и работы, чему посвящено большое количество научных работ, в которых предлагаются различные модели мотивов и мотиваций студентов. Сегодня проявляется большое разнообразие в интерпретации мотивов учебной деятельности и ее совмещения с работой. Так, А. А. Реан, Т. В. Андреева, Н. Н. Киреева, Н. Л. Москвичева, исследуя проблемы мотивов учебной деятельности студентов, выделили 16 мотивов: «Стать высококвалифицированным специалистом. Получить

диплом. Успешно продолжить обучение на последующих курсах. Успешно учиться, сдавать экзамены на хорошо и отлично. Постоянно получать стипендию. Приобрести глубокие и прочные знания. Быть постоянно готовым к очередным занятиям. Не запускать предметы учебного цикла. Не отставать от сокурсников. Обеспечить успешность будущей профессиональной деятельности. Выполнять педагогические требования. Достичь уважения преподавателей. Быть примером сокурсникам. Добиться одобрения родителей и окружающих. Избежать осуждения и наказания за плохую учебу. Получить интеллектуальное удовлетворение» [19].

Для студентов зарубежных стран совмещение работы и учебы обусловлено главным образом необходимостью оплачивать дорогостоящее образование. В нашей стране система мотиваций иная и она менялось со временем.

В 1970-1980-х гг. среди целей работы конкурировали между собой такие мотивы как дополнительный заработок, отработка обязательной практики, приближение к объекту исследования для написания курсовых и дипломных работ [17].

В 1990-2000 гг. в качестве таких мотивов выступали «расширение возможностей удовлетворения материальных и духовных запросов», «приобретение профессионального опыта» [4]. В то же время важным являлся мотив «возможность обретения независимости от родителей», что хорошо объясняется фактом взросления молодого поколения. Важно подчеркнуть, что эти годы – 1990-е – начало перестроечных процессов и для большинства населения достаточно остро стоял вопрос об элементарном выживании и решении насущных жизненных проблем. В качестве мотивов совмещения учебы и работы на первое место выходят такие, как «необходимость заработать себе на жизнь» и «на получение образования» [6]. На втором месте – забота студента о своем послевузовском трудоустройстве (в разном смысле – получить реальный опыт работы в определенной сфере деятельности, получить формальный опыт для написания в «резюме», познакомиться с несколькими видами работ и выбрать ту, которая более всего подходит на роль постоянной).

Исследование Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапка (2006 г.) позволило сделать вывод, что современная молодёжь характеризуется изменением направленности жизненных ориентации от социальной составляющей к индивидуальной. Материальное благосостояние ценится ею выше свободы, ценность оплаты труда превалирует над ценностью интересной работы. Из личных проблем, испытываемых молодыми людьми, на передний план выдвигаются проблемы материальной обеспеченности и здоровья [3].

Но уже в 2007 г. материальный мотив как необходимость зарабатывать на жизнь и обучение уходит на задний план. Как показало наше исследование, оценивая материальное положение своей семьи, большинство выбрало варианты ответов, которые можно интерпретировать как средний класс («можем приобретать предметы длительного пользования») или слой выше среднего класса («средств достаточно для приобретения дополнительного жилья») (табл.).

Таблица

Оценка материального положения семей респондентов (2007, N=257)

Варианты ответов	%
Можем приобретать предметы длительного пользования	40
Средств достаточно для приобретения дополнительного жилья	22
Средств достаточно только на самое необходимое	14
Можем не отказывать себе ни в чем	4
Средств не хватает даже на самое необходимое	1
Затрудняюсь ответить	10
Нет ответа	9

В качестве важнейшего мотива была названа «потребность в деньгах», (на втором месте мотив – «желание приобрести практический опыт и стаж работы», «завязать знакомства, связи»). Потребность в деньгах объясняется не первой жизненной необходимостью, но желанием «стать независимым». Насколько работа дает желаемую независимость? На этот вопрос в значительной мере позволяет ответить анализ доходов работающих студентов. По данным нашего исследования (2007 г.), для четверти студентов получаемая ими зарплата занимала основное место в месячном бюджете, около половины уверены, что их зарплате принадлежит важное, но не основное место. Понятно, что важность работы как условия получения независимости не исчерпывается только величиной заработка, в значительной степени это фактор психологический, формирующий некоторую иллюзию независимости.

В качестве важнейшего мотива была названа «потребность в деньгах», (на втором месте мотив – «желание приобрести практический опыт и стаж работы», «завязать знакомства, связи»). Потребность в деньгах объясняется не первой жизненной необходимостью, но желанием «стать независимым». Насколько работа дает желаемую независимость? На этот вопрос в значительной мере позволяет ответить анализ доходов работающих студентов. По данным нашего исследования (2007 г.), для четверти студентов получаемая ими зарплата занимала основное место в месячном бюджете, около половины уверены, что их зарплате принадлежит важное, но не основное место. Понятно, что важность работы как условия получения независимости не исчерпывается только величиной заработка, в значительной степени это фактор психологический, формирующий некоторую иллюзию независимости.

В 2012 г. нами было проведено исследование с использованием методики А. Реана, которое показало, что на первом месте для студентов разных курсов и форм обучения стоит мотив становления высококвалифицированным специалистом, а на втором месте – получение диплома [13]. Этот мотив – необходимость стать высоко квалифицированным специалистом, приобрести практический опыт – требует дополнительных комментариев. Обращает на себя внимание факт несоответствия работы и специальности, по которой работающие студенты обучаются в настоящее время. Это обстоятельство еще раз подтверждает то, что многие студенты в будущем не планируют работать по специальности, по которой они обучались в вузе. Среди

причин, побуждающих современных студентов идти на работу, все чаще выдвигается причина, связанная с повышением конкурентоспособности на рынке труда (к началу основной трудовой жизни иметь наработанный опыт, который положительно рассматривается потенциальными работодателями). Следовательно, на повестку дня встает вопрос о содержании преподаваемых в вузе дисциплин: если значительной части студентов не нужны реальные практические знания по профессии, то в каком образовании они нуждаются? Это еще раз возвращает нас к неоднократно поднимаемому в научной литературе вопросу о содержании предметов, преподаваемых в современных университетах и академиях: студентам нужны не только и не столько навыки будущей профессии, сколько универсальные знания и способности, позволяющие им быстро адаптироваться в изменяющейся среде.

У современной студенческой молодежи можно обнаружить несколько образовательных стратегий. Очень многие из них ориентированы на формирование таких простейших навыков, как «быстрый поиск информации», на «сдать, а не знать», что в значительной степени связано с распространением современных компьютерных технологий.

Для других – более высокий уровень – важно «знать», что означает помнить, уметь воспроизводить информацию, умение давать определения. Но вуз должен не просто научить их искать информацию и кое-что знать, но и уметь ее оценивать, обобщать, анализировать, комментировать, иными словами – научить думать и размышлять. «Информационная эпоха не повышает ценность случайных сведений, а приводит с собой их гиперинфляцию. Информации – бездна, она всем доступна и ничего не стоит. Драгоценными же становятся умения извлекать смыслы, решать задачи, нащупывать взаимосвязи, предпринимать нетривиальные усилия, задумывать и реализовывать проекты» [22]. Этим вуз отличается от колледжа и техникума, это – высшее образование, которое в значительной степени призвано формировать интеллектуальную элиту общества, а не просто выпускать ремесленников или хороших исполнителей. Несомненно, и ремесленники, и исполнители необходимы обществу (настоящие специалисты ценятся, что называется, на вес золота), но у высшего образования должны быть свои собственные цели. Иначе грань между уровнями образования просто стирается. Основная задача современного профессионального образования – качественная подготовка специалистов, умеющих работать с информацией, быть адаптированными к меняющимся условиям экономической, политической и духовной составляющих общества, быть результативными в профессиональной деятельности, готовым и к осознанному выбору будущего направления жизненного пути.

Факт совмещения учебы и работы обуславливает ряд изменений в отношении студентов к учебе. В мотивации их деятельности все более усиливается ориентация на успешность прохождения курсов, успешную их сдачу. Осознавая сложность совмещения учебы и работы, работающие студенты становятся более целеустремленными, и, возможно, более собранными.

Что важнее для работающих студентов – работа или учеба? Учеба как ведущий вид деятельности – специфическая особенность студенчества [10, с. 15]. По данным исследования 2007 г., учеба является приоритетным направлением для примерно 60 % студентов экономического вуза. Приоритетность учебы подтверждают и ответы респондентов на вопрос о том, чтобы они делали, если бы в институте запретили совмещать работу с учебой? Более половина (53 %) бросили бы работу, хотя 28 % ответили, что продолжали бы работать тайно. Но сегодня ситуация изменилась, возможно, для многих студентов (особенно студентов-дистантников) приоритеты стали иными.

В исследовании (2013 г.) выявился мотив совмещения работы и учебы, который ранее не звучал, либо не превалировал: «занять свою нишу» [24, с. 97]. Еще один «новый» мотив выявлен в исследовании 2015 г.: «как можно раньше получить опыт работы» – данный мотив сместил ранее главенствующий «заработать деньги» [5]. В приоритете для большинства студентов именно совмещение – возможность одновременного получения образования, на очной форме, чтобы быть конкурентоспособными на рынке труда в будущем, при этом быть трудоустроенными и работать. В то же время возрастают их требования к качеству даваемых студентам знаний: будучи более тесно связанными с жизнью, они более критично оценивают даваемую им информацию, сравнивая ее со своим рабочим опытом. Это предъявляет повышенные требования к педагогам: уже невозможно давать студентам исключительно теоретические знания, требуется увязка теории и практики.

Что касается «взрослых» работающих студентов, то в настоящий момент мнения об их мотивации противоречивы. Ряд ученых считают, что они «очень хорошо понимают, что им нужно получить, помимо «корочек». Они приносят с собой в аудиторию особый «дух» – четко выраженное стремление к приобретению знаний, компетенций, квалификации, «заражая» им и молодую часть студентов»[1]. Наши исследования показывают, что существует разница в отношении к учебе «взрослых» работающих студентов, обучающихся в магистратуре и тех, кто учится по дистанционной форме обучения. В последнем случае, как показывают результаты исследования, значительная часть «взрослых» работающих студентов, в силу их профессиональной загруженности, домашних обязательств, низких стартовых образовательных способностей, отсутствия самоорганизации и дисциплины, учатся именно «для корочки», поскольку она позволяет им решить стоящую задачу – продвинуться по карьерной лестнице.

Важные компоненты процесса обучения – воспитательная и научная составляющие. Насколько активно работающие студенты участвуют в общественной жизни, в неаудиторной работе, занимаются наукой? По нашим данным, почти треть респондентов призналась, что совсем не принимает участие в жизни группы, а около половина – в жизни университета.

Библиографические ссылки

1. Амбарова П. А., Зборовский Г. Е. Время социальной общности. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2017. – 347 с.
2. Басюк А. В, Польская А. И. Работающий студент // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2015. – № 1. – С. 5-7.
3. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // СоцИс. – 2006. – № 6. – С. 26-36.
4. Ворона М. А. Мотивы студенческой занятости // Социологические исследования. – 2008. – № 8. – С. 106-115.
5. Выпускники экономических специальностей на рынке труда. Серия «Качественные исследования в экономике и демографии». Выпуск 9. / под ред. И.Е. Калабихиной. – Москва: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2015. – 200 с.
6. Герчиков В. И. Феномен работающего студента вуза // СоцИс. – 1999. – № 4. – С. 87-94.
7. Грязева Е. Д., Жукова М. В., Кузнецов О. Ю., Петрова Г. С. Оценка качества физического развития и актуальные задачи физического воспитания студентов. – Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. – 168 с.
8. Дидковская Я. В. Студенчество конца XX – начала XXI в.: динамика профессионального самоопределения // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2009. – Т. 4. – № 4. – С. 57-61.
9. Заборова Е. Н., Глазкова И. Г., Маркова Т. Л. Дистанционное обучение: мнение студентов // Социс. – 2017. – № 2. – С. 131-139.
10. Казурова О. Ю. Правовая социализация студенческой молодежи в условиях современного российского общества: автореф. дис. ... канд. соц. наук. – Волгоград, 2006. – С.15.
11. Капелюк З. А., Ким М. Д. Экономические факторы выбора приоритетов студентов между работой и внеучебной деятельностью // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2016. – № 6-7. – С. 195-197.
12. Кениг В. А. Становление профессиональной идентичности студентов, работающих по специальности // Научные исследования в образовании. 2007. – № 6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-professionalnoy-identichnosti-studentov-rabotayuschih-po-spetsialnosti> (дата обращения: 24.01.2018).
13. Ломтатидзе О. В., Мылласова О. В. Альтернативный способ работы с методикой А. А. Реана и В. А. Якунина «Изучение мотивов учебной деятельности студентов» // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – Т. 123. – № 1. – С. 189-197.
14. Международный день студента: как совместить работу и учебу // РИА «Новости». Москва, 2010 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/education/20101117/297216677.html> (дата обращения: 22.01.2018).
15. Морозов Г. Б., Невolina Е. В., Лобут А. А. Работающий студент очной формы обучения: противоречие, ожидающее оптимального решения // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rabotayuschiy-student-ochnoy-formy-obucheniya-protivorechie-ozhidayushchee-optimalnogo-resheniya> (дата обращения: 22.01.2018).
16. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности: монография / под ред. Г. Е. Зборовского – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. – 336 с.
17. Петрова Т. Э. Российское студенчество и высшее образование. – Москва: Социум, 1995.

18. Петрова Т. Э. Студенчество глазами социологов: историко-социологический подход // Актуальные проблемы социологии культуры, образования, молодежи и управления / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – С. 783-788.
19. Реан А. А., Андреева Т. В., Киреева Н. Н., Москвичева Н. Л. О ценностно-мотивационной сфере студентов-универсантов // Ананьевские чтения-99. – СПб., 1999 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://psihologia.biz/psihologiya-psihologiya-obschaya_693/rean-andreeva-kireeva-moskvicheva-tsennostno-17100.html (дата обращения: 22.01.2018).
20. Резник С. Д. Кто научит студентов жить? // Высшее образование в России. – 2015. – № 1. – С. 146-151.
21. Рубин Б. Г., Колесников Ю. С. Студент глазами социолога. – Ростов-На-Дону: Изд-во Ростовск.ун-та, 1968. – 276 с.
22. Русаков А. Школа и образы будущего // Звезда. – 2013. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2013/2> (дата обращения: 22.01.2018).
23. Студент 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – 904 с.
24. Харченко В. С. Совмещение работы и учебы в вузе: новые практики или новые смыслы // Вопросы образования. – 2013. – № 3. – С. 97.

В. П. Засыпкин

СОЦИАЛЬНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ И ЕГО ПРОЯВЛЕНИЯ В СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ: ИЗ ОПЫТА МОНИТОРИНГА И ПРОФИЛАКТИКИ

В работе дается определение социального экстремизма, обосновывается необходимость организации и проведения профилактической работы среди студенческой молодежи путем создания студенческой общественной среды, способной выявлять и предупреждать экстремистские проявления.

Ключевые слова: социальный экстремизм, студенческая молодежь, профилактика.

V. P. Zasyepkin

SOCIAL EXTREMISM AND ITS MANIFESTATIONS IN THE STUDENT YOUTH ENVIRONMENT: FROM THE EXPERIENCE OF MONITORING AND PREVENTION

Abstract: The article defines the social extremism, the necessity of organizing and conducting preventive work among students by creating a student environment that is able to detect and prevent extremist manifestations.

Keywords: social extremism, student youth, prevention.

Научная и общественная значимость определения основных способов противодействия проявлениям социального экстремизма в молодежной среде обусловлена потребностью общества в обеспечении порядка и стабильности во всех сферах. Регулирование поведения в межличностном взаимодействии определяется социальными нормами, которые основываются на определенной системе ценностей. Изменения, происходящие в современном обществе, ставят под удар сложившиеся нормы поведения и нарушают ценностный баланс.

В условиях экономической и политической нестабильности, сложности и противоречивости социокультурной ситуации, с ростом международной напряженности среди молодежи возрастает нетерпимость, агрессия, нравственная распущенность, эгоцентризм. Молодежь становится своеобразной «питательной средой» для разрастания рядов экстремистки настроенных групп.

Актуальность проблемы поиска основных способов противодействия проявлениям социального экстремизма в студенческой молодежной среде определяется не только опасностью этого явления для общества, но и тем, что оно может породить синергетический эффект в ситуации нестабильности, который приведет к более тяжелым последствиям, таким как массовые беспорядки, причинение тяжких телесных повреждений, убийство, терроризм.

Главный упор в противодействии проявлениям экстремизма в молодежной среде делается на их профилактике и своевременном предупреждении. При этом

особая роль отводится не формальной, а системной пропаганде правовых знаний среди молодежи, введению антиэкстремистского и антитеррористического образования в различных образовательных и социокультурных субъектах, ответственных за организацию работы с молодежью.

Организация профилактической деятельности, направленная на пресечение проявлений экстремистских настроений в молодежной среде, ориентирована, прежде всего, на формирование здоровой образовательно-воспитательной среды, духовно-нравственной атмосферы этнокультурного взаимоуважения, межконфессионального мира и согласия, готовности к активному диалогу, взаимодействию культур и религиозных воззрений.

Изучение в Сургутском государственном педагогическом университете (далее СурГПУ) опыта профилактики экстремистских проявлений показывает, что сколь угодно однозначного рецепта в определении социального экстремизма и его профилактики среди молодежи в социально-гуманитарном знании не предлагается. Наиболее адекватным, с нашей точки зрения, таким определением можно признать интерпретацию этого явления В. Н. Томалинцевым. В частности, он пишет, что социальный экстремизм – это явление духовного смятения, состояние деморализации, переходящее в процесс духовного распада», кроме того «любое экстремальное явление начинается с едва заметных толчков, тончайших проявлений [2].

В настоящей статье мы предлагаем собственное авторское определение социального экстремизма. Под социальный экстремизмом нами понимаются вербальные или невербальные действия, направление на дискредитацию лица или группы лиц по социально-демографическому статусу (возраст, пол, образование, профессия, доход, «престиж» как субъективная категория, место проживания, язык и речь и т.д.), на непризнание социального статуса или выполняемых социальных ролей в стратификационной системе общества. В результате таких проявлений формируется социальная неприязнь, основанная на социальных параметрах.

Социальный экстремизм имеет публичный характер, но в отличие от экстремизма в широком его смысле, затрагивает менее значимые для общества вопросы и не преследует вовлечения в них широкого круга лиц. При этом может нести массовый характер, не в виде крайних форм, а в проступках. Поэтому опасность и социальная деструктивность социальных экстремистских настроений состоит не только в самом экстремистском акте, а в безнаказанности. Важно отметить, что социальный экстремизм чаще не несет также и политической подоплеки, т.е. не является источником изменения основ государственного строя [1].

Таким образом, критериями для определения признаков социального экстремизма могут стать конкретные вербальные или невербальные действия, направленные на лицо или группу лиц, но признаваемые неприемлемыми и нарушающими в конкретной ситуации социального взаимодействия его нормы и правила.

Информационное пространство современной России и нашего региона заполнено речевыми произведениями (продуктами речевой деятельности), которые тре-

буют в ряде случаев не просто пассивного восприятия и оценки, но и квалифицированного объяснения их социальной полезности и значимости. Источниками таких произведений выступают социальные сети, интернет-сообщества, источники СМИ, реклама, объявления различного содержания, различные плакаты и вывески и т.д. Очень часто такие речевые произведения становятся фактом судебного разбирательства, так как в них содержатся признаки, потенциально содержащие и указывающие на возможные противоправные действия.

Эта ситуация обостряется тем, что в последнее время в информационном поле стали доминировать речевые произведения (тексты), характеризующиеся экстремистской направленностью в самых различных её проявлениях: призывах, оправданиях фактов экстремизма и терроризма, дискриминации, пропаганде, унижению чести и достоинства людей, склонению к различным формам суицидального поведения и т.д. Целевой аудиторией таких речевых произведений выступает молодежь нашего региона самых различных возрастных категорий.

Мы считаем, что роль и функция педагогического университета заключается в разработке, организации и проведении превентивных обучающих профилактических мероприятий, ориентированных на обучающуюся молодежь региона. Наиболее эффективным средством станет формирование именно среди студентов педагогического вуза критической массы таких будущих специалистов, которые сами будут учиться и смогут проводить такую работу в их будущей профессиональной деятельности.

Таким мероприятием в СурГПУ стал проект «Студенческий экспертный центр», реализованный на факультете управления (декан – к.с.н., доцент О. В. Власова). Он представляет собой систему мероприятий, направленных на формирование у обучающихся необходимых компетенций эксперта в области межэтнических отношений в поликультурной среде региона.

Основной целевой группой, на которую направлен проект «Студенческий экспертный центр», является студенческая молодежь – бакалавры и магистры педагогического университета в возрасте 17-25 лет.

Фокусирование проекта на этой группе молодежи обусловлено получением ими не просто высшего образования и опыта в будущей профессии, а формированием у них понимания необходимости социальной полезности профессиональных компетенций и экспертной позиции в будущей профессии специалиста по организации работы с молодежью.

Цель проекта: создание студенческого общественно-экспертного сообщества для профилактики экстремизма в молодёжной среде; формирования активной гражданской позиции студентов; ответственного поведения; навыков решения социальных проблем.

Ожидаемым результатом реализации проекта выступило – постоянно действующее студенческое общественно-экспертное сообщество, каждый участник которого, способен решать социальные задачи с опорой на сформированные общепрофессиональные и профессиональные компетенции в рамках различных направлений

подготовки (социология, психология, журналистика, лингвистика и др.) как в пределах педагогического университета, так и других образовательных организациях общего образования.

Другими словами студенты, входящие в экспертное сообщество, основываясь на осваиваемых общепрофессиональных и профессиональных компетенциях в рамках различных направлений подготовки, овладевают комплексом экспертных компетенций. С одной стороны, это позволяет им в значительной степени углубить свои профессиональные компетенции, с другой стороны у них формируются социально ориентированные экспертные компетенции, позволяющие им с позиций будущего профессионала обозначить перед другими обучающимися потенциальные риски их взросления, вызванные глобальной напряженностью.

Осознавая комплексность и сложность имеющихся проблем профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде, мы видим свой вклад в их решение через целый комплекс задач, которые реализуются в рамках обозначенного проекта, а именно:

- формирование у студентов экспертной компетенции выявления признаков потенциальных (латентных) экстремистских проявлений;
- формирование у студентов реального социально-педагогического опыта выявления такого рода признаков;
- формирование у студентов продуктивных навыков распространения такого опыта среди своих сверстников и представителей младших поколений.

Именно решение этих основных задач и осуществляется в рамках проекта. С нашей точки зрения, просветительская работа в этом направлении среди учащихся и студентов, приобретение последними для этого соответствующих компетенций создадут возможность формирования студенческой общественно-экспертной среды, которая позволит подготовить подрастающее поколение к объективно имеющимся вызовам информационного общества.

Библиографические ссылки

- 1.Афанасьева Р. М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде: социально-философский анализ: автореф. ... дис. канд. филос. н. – Москва: Моск. город. ун-т управ. Правит. Москвы, 2007. – 22 с.
- 2.Томалинцев В. Н. Социальный экстремизм система координат культуры. Типы личности и война. – СПб: Алетейя, 2016. – 262 с.

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ: СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

В статье рассматриваются теоретические проблемы социологии молодежи и изменение теоретико-методологических подходов к ее исследованию в условиях изменяющейся реальности. Анализируются изменения в социальных механизмах и теоретических подходах к исследованию социальной интеграции и социального развития молодежи, социальной регуляции и саморегуляции, влияние социокультурных факторов и социально-групповых особенностей молодежи на этот процесс, фундаментальные основания диверсификации саморегуляционных стратегий, особенности рационализации, роль доверия в социокультурной саморегуляции. Определяются перспективы развития социологии молодежи.

Ключевые слова: социология молодежи, общесоциологические теории, теории среднего уровня, изменяющаяся реальность, социальная неопределенность, риск, социальные механизмы, социальная интеграция, социальное развитие, социальная регуляция, социокультурная саморегуляция, рационализация, доверие.

Y. Zubok, V.Chuprov

YOUTH SOCIOLOGY: TODAY AND TOMORROW

Abstract. The article considers theoretical problems of sociology of youth and the changing theoretical and methodological approaches to its study in the context of changing reality. Substantiates the essential characteristics of a changing reality. Examines changes in social mechanisms and theoretical approaches to the study of social integration and social development of youth, social regulation and self-regulation, the impact of socio-cultural factors and specific characteristics of youth on this process, the fundamental reason of self-regulation strategies of youth. Define the development prospects of the sociology of youth.

Keywords: sociology of youth, general sociological theory, middle range theories, a changing reality, the social uncertainty, risk, social mechanisms, social integration, social development, institutional regulation, socio-cultural self-regulation, rationalization, trust.

Социология молодежи проделала значительный путь в направлении создания и переосмысления собственных теорий, концепций и объяснительных схем. Это обусловлено происходящими изменениями структурно-функциональных основ современных обществ и их социокультурной динамикой, усложнением механизмов функционирования общественных систем в целом и их отдельных подсистем, что находит отражение в изменяющейся социальной реальности. Исчезновение прежних и рождение новых социальной слоев и групп, появление новых социальных посредников, с которыми взаимодействует молодежь и которые принимают на себя функции социального регулирования и контроля, возникновение в ее среде новых потребностей и способов их реализации, новых идентичностей и культурных практик, оснований социальной дифференциации и солидарности, обострение существовавших и возникновение новых источников противоречий и конфликтов, изменения мотивации и

форм конкретной деятельности и т. д. – все это требует непрерывной теоретической и методологической рефлексии.

Она направлена на поиск новых подходов к пониманию сущности молодежи, ее возрастных границ, групповой специфики, положения в обществе, социальных взаимодействий, форм активности, освоения и присвоения реальности, особенностей потребления и многого другого, что отчасти стало традиционными темами в исследованиях молодежи, получив современное звучание под влиянием глобальных и локальных социально-экономических, социально-политических, социокультурных изменений. Иные темы возникали как результат изменения не только объективной социальной действительности, но и субъективной реальности как образа ее объектов, порождая новые феномены в молодежной среде, а также как следствие новых теоретических конструкций самой молодежи как феномена.

Обратимся к тем определениям молодежи, которые на сегодняшний день составляют основу социологических подходов к ее исследованию. Несмотря на периодически возникавшие дискуссии в отношении той или иной трактовки, актуальными остаются определения молодежи как возрастной группы; интерпретация ее с точки зрения охвата определенного жизненного цикла; толкование молодежи исходя из особенностей ее социального положения; ее понимание в значении субкультуры; определение с точки зрения роли и места в воспроизводстве общества.

В каждом из обозначенных подходов к определению социальной сущности молодежи выделяется одна из наиболее значимых сторон ее социального взаимодействия с обществом, отражающая ту или иную характеристику ее групповых признаков. Многообразие этих признаков определяет сложную внутреннюю структуру молодежи, ее дифференциацию и различия, в которых раскрываются ее сущностные свойства. Таковыми являются переходность социального статуса, лабильность, экстремальность, трансгрессивность сознания, нарастающая глобализированность и новые формы стандартизации. Эти признаки стали фундаментальными основаниями в существующих теориях молодежи. На их основе разрабатываются механизмы социального становления и продвижения молодежи в разных социальных сферах и на разных этапах жизненного пути, анализируются проблемы неравенства, социальной регуляции и саморегуляции, молодежной культуры и субкультуры, новые способы межгрупповых и внутригрупповых взаимодействий, особенности конструирования реальности.

Ретроспектива траекторий развития научного знания в области социологии молодежи довольно наглядно показывает неравномерность развития теорий. Спады и подъемы в этом процессе как естественные черты развития любого теоретического знания чередуются под влиянием изменений социальной реальности. Новое в социологии вообще и особенно в социологии молодежи возникает в периоды наиболее острых экономических, политических, культурных вызовов, повышающих внимание к молодежной составляющей этих процессов (трансформационные процессы на рубеже 1980–1990-х гг., «цветные революции», виртуализация реальности, формиро-

вание культуры потребления, особенности конкретных субкультур и т.д.). Но при этом высвечиваются не только проблемные стороны молодежи (социальные неравенства, социальное исключение, девиация, экстремизм, риск и пр.), но и позитивные, позволяющие увидеть в ней продуктивную социальную силу, обновляющую социальный и культурный ландшафт. Основные предпосылки нового витка теоретизирования в области исследований молодежи связаны:

- с обострением социальных проблем молодежи, с неопределенностью перспектив реализации ее потенциала и противоречий перехода ее скрытых ресурсов (возможностей) в актуальные состояния (действительность) в периоды общественных кризисов;

- с непониманием обществом амбиций современной молодежи, когда эскалация социальных проблем различных ее групп превращает их в проблему для общества, приводя к их социальному исключению или подавлению;

- с необходимостью переосмысления феноменов изменяющейся реальности, в том числе в молодежной среде, ее социально-возрастных особенностей и социокультурных проявлений, а также способов их восприятия и интерпретации.

Исследования молодежи, начавшиеся на старте XX века, пережили поочередно влияние позитивизма, реализма и затем «конструкционизма», усиление которого пришлось на 1980-е гг. Как отмечает известный финский социолог молодежи В. Пууронен, «конструкционизм» был логичным шагом вперед по отношению к критике позитивизма и одновременно преодолением ограничений реализма в молодежных исследованиях [6, р. 21]. В большинстве новых концепций молодежи признается независимое, объективное существование реальности, но социально конструируемым является знание о ней. Используемые для описания молодежи лингвистические и культурные формы, в которые облекается знание о ней как о феномене наравне с конкретными проявлениями жизнедеятельности самих молодых людей, становятся не менее важным предметом осмысления. В исследованиях молодежи «конструкционизм» стимулировал внимание к самому дискурсу, когда переосмыслению подвергались не только феномены реальности, но и способы их анализа, особенно язык описания молодежи и ее бытия, отражение в языке восприятия молодежи и способов ее социальной и культурной маркировки.

Подобный дискурс актуализируется время от времени, отражая критическую рефлексию и объекта исследования, и способов его познания. Существенная проблема, возникающая в связи с этим, состоит в адекватном понимании того обстоятельства, что молодежь, хотя и является некой теоретической идеей, социальной, культурной, политической конструкцией, тем не менее, она живет и взаимодействует в объективной реальности, испытывая реалистичные социальные проблемы, исследование которых нельзя сводить к одному лишь дискурсивному анализу. Равно как мало продуктивным является преимущественное внимание только к «позитивным» или только к проблемным аспектам жизнедеятельности молодежи, а также объявление приоритетным каких-то отдельных сторон ее повседневного бытия. Поэтому со-

временные исследования молодежи, претендующие на полноту и глубину ее понимания, основываются на сочетании разных парадигм, позволяющих описание происходящего с молодежью в объективной действительности; конструирование ею реальности и отражение этой реальности в ее сознании; восприятие обществом происходящих в молодежной среде изменений.

В России под влиянием социальных перемен развитие социологических теорий молодежи происходило чрезвычайно интенсивно, хотя и неравномерно. Разработка новых подходов к пониманию изменений молодежи и механизмов ее взаимодействия со столь же стремительно изменяющимся обществом, шла независимо, а иногда и вопреки отсутствию социального заказа на подобные разработки и в целом на молодежные исследования со стороны структур управления. Все больше и больше углублялся разрыв функциональной связи науки о молодежи с управленческой стратегией и практикой работы с ней, что весьма негативно отразилось на состоянии государственной молодежной политики в целом и на возможности решения целого ряда насущных проблем молодежи, выходящих за рамки индивидуальных возможностей самих молодых людей. С другой стороны, как пишет С. А. Кравченко, «чтобы поспевать адекватно анализировать «ускользающий» сложный мир, ученым-обществоведам приходится не уточнять и подправлять существующий инструментарий, а, по существу, переоткрывать социальную реальность, которая ныне стала подверженной невиданной ранее рефлексии» [16].

Это активизировало фундаментальную теоретическую рефлексию, результатом которой стало переосмысление многих феноменов реальности, а также разработку новых проблем, возникающих на стыке взаимодействия молодежи и общества и внутри самой молодежи. Как следствие, связь между усложнением динамики общественного развития и социологической теорией выразилась в обосновании новых современных подходов к исследованию российской молодежи. В них отражается иное понимание роли и места молодежи в обществе: акцент в значительной мере смещен с «объектного» подхода, рассматривающего молодежь как пассивный объект управленческих стратегий на «субъектный» – как активная жизнедеятельность самоорганизующегося полисубъектного актора.

Отсюда новый язык, связанный с этим смещением, а также новая тематика исследований. Основу развития современных исследований молодежи составляет полипарадигмальность, позволившая преодолеть ограниченность классических социологических теорий и методов познания в условиях динамизма социальной реальности, отразить нелинейность и диверсификацию внутри молодежи и общества, исследовать новые противоречия в их взаимодействии, увязать многообразие социальных практик.

В современной социальной реальности возникла потребность в разработке новой парадигмы социализации, предпринятой учеными МосГУ под руководством А. И. Ковалевой. Ключевым понятием в ней выступает «множественность социализационных траекторий». В результате многолетних разработок в МосГУ

получила обоснование тезаурусная парадигма конструирования социальной реальности (рук. Вал. А. Луков). Важнейшей ее составляющей явились распространенные в молодежной среде тезаурусы, образующие ценностно-нормативные комплексы.

Неопределенность, являющаяся основной характеристикой современной реальности, стала предметом разработки в ИСПИ РАН рискологической парадигмы социологического изучения молодежи (рук. Ю. А. Зубок). Она основана на концептуализации риска как сущностного свойства молодежи.

Изучение молодежи и ее проблем под углом зрения феноменологии человеческой культуры реализовано в парадигме повседневности, разрабатываемой социологами под руководством Е. Л. Омельченко. Авторы исходят из наличия множественности современных стилей жизни, необходимости формирования индивидуальных и групповых стратегий их реализации.

Эти подходы успешно развиваются исследовательскими центрами Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Ростова-на-Дону, Краснодара, Екатеринбурга, Новосибирска, Иркутска, Уфы, Пензы, Хабаровска и др. Определяя принципы и категориальный аппарат социологических теорий, раскрывающих суть различных областей знания, разрабатываемые парадигмы формируют методологию исследования молодежи в трансформирующемся российском обществе. В совокупности они составляют теоретическую базу современной социологии молодежи.

Закрепление полипарадигмального статуса в отечественной социологии молодежи сопровождалось плюрализацией идей и использованием мультидисциплинарного подхода. Плюрализация наглядно проявляется в отсутствии маркировки теорий «правильных» и «неправильных», апробации их на предмет относительной целостности, полноты и адекватности в отражении разных предметных сторон изучения молодежи. При этом многие теории, как подмечает Вал. А. Луков, представляют собой не столько законченные конструкторы, сколько «базовые основания для интерпретации выявленных фактов», находящиеся в развитии точно также, как изменяется и развивается сама молодежь и те условия, в которых она существует [19, с. 70.]. Мультидисциплинарность является прямым отражением плюрализма подходов, связанных с выходом за границы одной науки и рассмотрением молодежных феноменов не только с позиций социологии, но и с позиций философии, психологии, антропологии, криминологии, биологии, медицины и т.д. При этом обилие и различие когнитивных схем может быть, в конечном счете, сведено к небольшому числу парадигм – объяснительных схем. Последние в области социологии молодежи прошли апробацию. Они стали приемлемыми познавательными средствами, способными дать непротиворечивое знание о новых явлениях (и их связи с ранее познанными), получивших признание в относительно крупном сегменте научного сообщества [19, с. 70–74]. Плюрализм и мультидисциплинарность как характерные черты гуманитарных наук конца XX – начала XXI в. отражают не только раз-

личия концептуальных подходов, но и самих научных сообществ как их носителей, объединенных более или менее схожими взглядами.

В этом смысле проявляет себя «тезаурусная организация гуманитарного знания» [18] и избирательность, сопровождающая любую деятельность, в данном случае – субъектов научного познания (Вал. и Вл. Луковы). Означает ли это обстоятельство столкновение разных векторов теоретического знания в поле социологии молодежи? Скорее наблюдается сосуществование основных векторов: стремление к выработке целостного подхода к исследованию молодежи, к ее изучению во всем многообразии связей и отношений с обществом и познания ее субъективного мира повседневности посредством количественной и качественной методик исследования. С позиций различных наук – социологии, психологии, культурологии, политологии, права – жизнедеятельность молодежи рассматривается как явление, обусловленное ее возрастной принадлежностью, изменениями культуры, образования, трудовых отношений.

В сочетании с историческими и контекстуальными условиями глобализации, информатизации, миграции, детерминирующими более общие процессы переконструирования социокультурного пространства, эти особенности приводят к появлению в ее среде новых норм и культурных практик, дифференциации социокультурных образцов и стратегий социальной интеграции, особенностей взаимодействий и индивидуализации и т.д. Не теряет актуальности проблематика формирования социального капитала и новых форм социального неравенства в условиях глобализации; гражданственности молодежи, противоречий прав и возможностей разных ее групп; изменившихся форм общественно-политического участия, политических инициатив и молодежной проектной деятельности, а также научно обоснованных подходов к реализации молодежной политики на европейском уровне [1; 2; 3; 4; 5;].

Применение рискологического подхода в социологии молодежи способствовало уточнению ряда понятий, используемых в теоретической социологии. В частности, в определении риска. Риск понимается, во-первых, как характеристика условий жизнедеятельности молодежи, в ситуации перехода от состояния неопределенности к ситуации определенности (или наоборот) (средовые проявления риска); во-вторых, как сама деятельность в данных условиях, когда появляется обоснованная возможность выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи или отклонения от цели с учетом действующих морально-этических норм (деятельностная форма проявления риска). Средовые риски проявляются как нарушение всей совокупности необходимых условий для формирования и развития молодежи, когда они не соблюдаются как достаточные и становятся неопределенными. Их источником становятся воспроизводящиеся кризисы и системный характер риска, продуцируемого в результате дисфункций социальных институтов.

Распространяясь в социальном пространстве под влиянием различных экономических, социальных, политических и других факторов, риск в конкретных ситуациях не одинаково воспринимается людьми. Если средовая составляющая риска от-

ражает процесс его эскалации в условиях жизнедеятельности молодых людей, то деятельность характеризуется их установками в отношении рискованных форм поведения. На примере молодежи были выявлены условия локализации и эскалации риска. Как правило, в обществах, переживающих эволюцию без социальных потрясений и сохраняющих благодаря действующим интеграционным механизмам относительно устойчивый уровень социальной солидарности, риск локализуется, принимая латентные формы. Напротив, затяжной характер нестабильности, углубление противоречий и неопределенность конечной цели преобразований вызывают эскалацию риска. В этих условиях выход из одной ситуации риска приводит не к ее устранению, а наслоению новых рискованных ситуаций. Если на уровне макроструктур речь идет о потере управляемости, то на индивидуальном и групповом уровнях это выражается в непредсказуемости жизни и деятельности молодого человека.

Существенно изменяется в обществе риска процесс социального развития молодежи. Если в относительно стабильных социальных условиях развитие связывается с необратимостью, направленностью и закономерностью, что концептуально отражается в его классическом понимании [21, с. 337; 23, с. 305], то в условиях неопределенности и нелинейности эти свойства утрачиваются. Необратимость ставится под сомнение нарушением постоянства процессов накопления количественных и качественных перемен. Направленность как определенная линия, по которой осуществляется накопление изменений, утрачивает однозначность. Закономерность, отражающая повторяемость изменений, свидетельствующих о том, что они совершаются с необходимостью и не являются случайными, сменяется недетерминированностью.

Исчезновение закономерности, необратимости и устойчивости из числа базовых признаков развития заставляет по-новому рассматривать этот процесс. В современных условиях он приобретает нелинейный, многовариантный характер, реализуемый в процессе множества жизненных выборов, совершаемых автономными индивидуализированными актёрами на основе конструируемых ими смыслов и значений. В их основе лежит ориентация на самореализацию, удовольствия и впечатления, которая задает параметры смысловых жизненных целей и средств их достижения. И, хотя общество не является индифферентным по отношению к тому, как протекает этот процесс, конечный выбор остается все же за самими молодыми людьми. Поэтому социальное развитие молодежи сегодня – это скорее развернутый во времени процесс самоактуализации и саморазвития.

По-новому в обществе риска трактуется социальная интеграция молодежи. В ее определении отражается ее сущность не как достигнутого состояния, а как процесса. При этом подчеркивается ее дуальность, когда имеет значение не только процесс включения молодежи в структуры и отношения, но и ощущение своей принадлежности к ним через интернализацию соответствующих ценностно-нормативных образцов. Соотношение степени включения и идентификации позволяет на эмпирическом уровне исследовать направленность и оценивать устойчивость интеграцион-

ных векторов молодежи. Поэтому под социальной интеграцией молодежи понимается характер связей между обществом как целым и молодежью как его частью, возникающих в процессе включения этой социально-демографической группы в социальную структуру, а также совокупность процессов, определяющих различные формы ее внутригруппового единства [11].

В условиях социальной нестабильности и неопределенности интеграция молодежи также приобретает свои особенности. Наблюдается разрыв между двумя составляющими интеграционного механизма – включением молодежи в те или иные структуры и идентификацией с ними. Как следствие, интеграция скорее приобретает вынужденный характер, больше соответствующий механическому слиянию, нежели органически выстроенной связи. Ускорение социокультурных изменений и трансформация знаково-символического мира молодежи придают гибкость молодежным идентичностям, способствуют быстрой смене идентификационных оснований, их «текучести». Происходит диверсификация форм интеграционного поведения: на основе полного или частичного принятия целей и средств – конформизм, инновация, а также на основе их полного или частичного отвержения – ритуализм, ретритизм, бунт. В силу сужения идентификационных оснований интеграционные процессы, как правило, локализуются в рамках отдельных молодежных сообществ [11], где, как отмечает Е. Л. Омельченко, одним из ключевых моментов поддержания групповой идентичности становится эстетическая, художественно-креативная сторона имиджа – внешний вид, язык, музыкальные пристрастия, а также всевозможные стилевые отличия [17; 20].

Основным механизмом интеграции молодежи в общество выступает социализация. В ходе выработки нового современного взгляда на механизмы ее осуществления решается ряд ключевых вопросов, где основным становится соотношение стихийного и целенаправленного, институционально регулируемого и саморегуляционного, нормативного и девиантного. В современных условиях социализационный процесс происходит на фоне всеобщей деформации функций основных институтов социализации, вытеснения одних институтов другими, смены форм и способов социального контроля и снижения целенаправленных влияний институтов на формирование молодежи. Дисфункции проявляются в том, что институты не в состоянии вырабатывать и транслировать общие и непротиворечивые нормы, в их релятивизме и не-обязательности; в размывании социальных ожиданий как основы ролевых моделей, сообщаемых молодежи; в эрозии регулятивного механизма, связанной с неопределенностью степени свободы автономного и независимого по отношению к нормам поведения молодежи, а также неопределенности санкций, как поощрительных, так и карающих; в сбое селективной функции, все больше утрачивающей меритократические основания и приобретающей архаичный характер. Все это не просто меняет формы отражения действительности в сознании и поведении молодых людей, делая их крайне противоречивыми, но и способы конструирования ими собственной реальности.

Эти противоречия приобретают уникальную специфику под влиянием особенностей трансформирующегося российского общества, что проявляется в разветвлении «социализационных траекторий молодежи» (термин А. И. Ковалевой) и в механизмах саморегуляции в молодежной среде. Изменение механизмов саморегуляции, понимаемой как воздействие молодых индивидов и групп на самих себя с целью достижения желаемого состояния, происходит в направлении расширения пространства индивидуального выбора молодежи на фоне сужения институциональных влияний. В условиях увеличения числа альтернатив и снижения регулятивного влияния институтов выбор определяется преимущественно самими молодыми людьми на групповом и индивидуально-личностном уровне, подчиняясь их собственному пониманию целесообразности, рациональности, эффективности и привлекательности. Взаимодействующая с обществом молодежь, таким образом, является далеко не единой группой, а представляет собой множество самоорганизующихся субъектов, активно реализующих индивидуализированные стратегии саморегуляции.

Снижение авторитета и эффективности институтов как регуляторов социальных взаимодействий во многом обусловлено их дисфункциями практически во всех аспектах: нормативном, реляционном, регулятивном, интегративном и т.д. Так, нормативная дисфункция выражается в размытости и противоречивости вырабатываемых норм, слабой их корреляции с ожиданиями молодежи, неадекватным отражением в них изменившейся социальной реальности. Реляционная дисфункция часто сопровождается неясностью ролевых моделей как отражения неопределенности социальных ожиданий молодежи и общества по отношению друг к другу, неясностью того, какие ожидания молодежь и общество в условиях либерализации могут адресовать друг другу. Регулятивные дисфункции весьма наглядно выражаются в сбое нормативно-санкционирующих элементов социорегуляционного механизма, когда неясна степень автономии самоорганизующихся акторов от установленных норм, а коридор для свободного их функционирования то сужается под давлением внезапно проявляющегося авторитаризма, то расширяется до пределов, нарушающих интересы и свободу других участников взаимодействий. Наконец, интегративная функция институтов также деформирована неспособностью предложить наиболее общие основания консенсуса и солидарности.

В результате этих изменений выработка ценностно-нормативных оснований деятельности, ролевых моделей, социальных ожиданий и регулирование интеграционных процессов переходит на индивидуальный и групповой уровень. На фоне дисфункций институтов как социальных регуляторов взаимодействий наблюдается ряд характерных изменений и в саморегуляции.

Во-первых, увеличивается разрыв между индивидуализированными стратегиями и их институциональными основаниями, когда собственные представления молодежи о целесообразности все дальше уходят от институционализированного регламента, отражая не только меру ее эмансипации, но и глубину отчуждения.

Во-вторых, отмечается амбивалентность нормативности, когда, с одной стороны, проявляется ее деструкция (отказ от обязательных норм, изменение их восприятия, релятивизм и необязательность), а с другой – устанавливаются жесткие нормативные стандарты, диктуемые субкультурой, рекламой и модой, принявшими на себя функции социального контроля в молодежной среде. Общие тенденции, возникающие в связи с этими изменениями, выражаются в редуцировании абсолютных ценностей, отсутствии общего знания о должном и всеобъемлющей морали; многоликости, противоречивости и относительности ценностно-нормативных и нравственных критериев саморегуляции; снятии ограничений на любые отклонения; утрате отклонениями смысла девиаций и превращении их в форму «Иного»; переходе к временным договорным связям; конструировании прагматичных систем ценностей, удобных для индивидуального и группового функционирования; снижения опасения санкций. В саморегуляции социальных взаимодействий определяющими становятся личные и групповые амбиции, а критериальная база их самооценки дифференцируется [9; 10].

Учитывая преимущественно социально-групповой характер взаимодействий молодежи, в освоении ею реальности значительную роль играют субкультуры. Распространяющиеся в неформальных субкультурах стилевые практики регулируют способы взаимодействий молодых людей не только в сфере потребления или досуга, но задают параметры их отношения ко многим объектам социальной реальности, формируют специфические образцы ее саморегуляции. Реализация притязаний молодежи связана с преодолением множества внешних и внутренних противоречий, при попытке разрешения которых проявляется экстремальность.

Как одна из характеристик психического состояния, присущего молодежному возрасту, экстремальность отражает различные формы максимализма в сознании и крайности в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях. Она проявляется в импульсивности мотивации, агрессивности, склонности к риску, эпатаже, или наоборот – подавленности, депрессии, пассивности [12]. Склонность к крайностям регулирует поведение молодежи в ситуации неуспеха, провала в реализации часто завышенных притязаний. Разочарование реализуется в стремлении любой ценой добиться цели (фанатизм) или нигилизме (отказ и эскапизм). В обоих случаях неудачный выбор приводит к изменению реальности, ее переконструированию в соответствии с новыми познанными смыслами.

Опирающиеся на них экстремальные формы саморегуляции характеризуются не только крайностями, но и спонтанностью проявлений, при определенных условиях переходящих в экстремизм. Реализация экстремальности молодежи связана с риском. В саморегуляции ее жизнедеятельности риск выступает неотъемлемой частью любого смысложизненного выбора и регулируется противоположными аттитудами – опасности и безопасности. Если первый находится в тесной связи с изменением и развитием, то второй – с самосохранением. Как регуляторы поведения в ситуации выбора аттитуды опасности и безопасности изменяют уровень риска в са-

морегуляционных стратегиях молодежи. Установка на риск является продолжением групповых свойств молодежи (лабильности, импульсивности, экстремальности) и усиливается средовыми условиями жизнедеятельности или манипуляцией. При наличии механизмов снижения неопределенности и средового риска, расширения институциональных форм самореализации риск реализуется в социально значимых формах, в индивидуальном плане претворяя личные амбиции молодых людей, а в общественном плане – инновационную функцию молодежи.

В изменяющейся социальной реальности особую роль приобретает трансгрессивность, отражающая способность молодых людей к символическому преодолению виртуальных границ социального времени и пространства. Проявляясь в виде установки на будущее в рамках префигуративной культуры, трансгрессивность обеспечивает опережающие способы отражения реальности в процессе выбора ориентиров в саморазвитии молодежи и выборе оптимальных стратегий жизнедеятельности в труде, образовании, личностном самоопределении [15]. Основанная на интуитивном предвидении вектора возможных изменений, она позволяет молодому человеку оптимизировать свои ресурсы в настоящем и развивать необходимые компетенции, ориентируясь на образцы незримого, интуитивно ощущаемого будущего. Опережая действительность, молодежь расширяет горизонты социальной реальности, вырабатывая более рациональные стратегии саморегуляции.

Вместе с тем в условиях социальной неопределенности рациональность рассматривается по-новому. Рационализация, предполагающая наличие осознанной цели, наполняет образ различных объектов новыми смыслами и представлениями о новых возможностях, оптимальными в изменяющихся условиях. С учетом новых обстоятельств происходит упорядочение социальных связей молодежи путем введения более эффективной организации собственной жизни на основе изменившихся представлений о разумно обоснованном и целесообразном. Отражаясь в мотивационной сфере сознания – в потребностях, интересах, ценностях, представления о возможных и желательных вариантах жизненного выбора оптимизируются в соответствии с реальными возможностями достижения поставленных целей.

Критерий оптимизации приобретает ценностную форму. Действия, основанные на различных ценностных критериях и рациональных целях, разумные в контексте ситуативных событий составляют суть новой рациональности. В этом смысле рациональность утрачивает значение единственно верного способа реагирования и приобретает такой же многовариантный характер, как сама социальная реальность и тот субъект, который принимает решение, т.е. отдельные молодые индивиды и дифференцированные группы молодежи. Поскольку в условиях неопределенности и нелинейности прямые детерминации отсутствуют, то мотивация как часть саморегуляционного механизма опосредована спонтанно возникающими, случайными факторами. Следовательно, сам процесс рационализации приобретает спонтанный и нелинейный характер.

Инерционная сила традиций проявляется даже тогда, когда изменяется направленность институционального регулирования социальных отношений. Как свидетельствуют результаты исследований, несмотря на нарастающую тенденцию усиления современных ориентаций в молодежной среде в образе семьи, образования, труда, власти, общая их равнодействующая пока еще направлена на воспроизводство традиционной модели социальной реальности. А ее доминанта в саморегуляционных стратегиях молодежи говорит об устойчивости сложившейся традиционной модели в массовом сознании россиян. Этот вывод позволяет понять глубинные причины неэффективности многих реформ в современном российском обществе, сохранение высокого уровня доверия власти, скептицизм основной массы молодых россиян в отношении либеральных идей и многое другое из того, что находится в фокусе внимания социологов, политологов, культурологов. Если традиция обеспечивает функционирование и простое воспроизводство, то инновация – его обновление.

В саморегуляционном механизме она проявляется в «реинтерпретации», наделении прошлого и настоящего другим смыслом, отражающим новый взгляд на события, институты, отношения. Данный процесс Бергер и Лукман называют ресоциализацией, в которой «прошлое перетолковывается для того, чтобы оно соответствовало нынешней реальности» [8, с. 263]. В результате образы реальности наполняются новыми рациональными смыслами и отражают представления молодых людей о новых возможностях. Посредством ресоциализации трансформируется субъективная реальность и критерии рационализации процесса саморегуляции. При этом переосмысление может затрагивать понимание сущности явлений или объектов реальности, не нарушая традиционно существующих форм. Тогда привычные понятия дружбы, любви, долга, гражданственности, безопасности, свободы и пр. в интерпретации молодежи постепенно меняют смысл, а в конечном счете изменяется и их содержание.

Другой формой рационализации становится переосмысление ожиданий по отношению к объектам реальности. Вместо традиционных способов (возможностей) появляются новые, более рациональные в современном контексте и одобряемые массовым сознанием. Столкновение и острое противостояние двух типов ориентаций в механизме саморегуляции социальных взаимодействий – одна из характерных черт современного российского общества. Их единство и борьба поочередно завершаются смещением то в одну, то в другую сторону. При этом векторы смещений имеют нелинейный характер. Это выражается в том, что разнонаправленные процессы распада традиционных аксиологических структур и переориентация сознания молодежи на новые реалии не происходит одновременно.

Как показывают исследования, разрешение противоречия между традиционным и современным происходит в двух формах: поляризации или конвергенции. В первом случае разбегание названных моделей саморегуляции сопровождается формированием двух различных типов социальной реальности, различия между которыми имеют фундаментальный характер, связанный с изменениями в ментальных

структурах, и сопровождаются критическим уровнем взаимного недоверия и экстремальности их носителей (фанатизма в реализации «своих» систем ценностей и нигилизм в отношении «чужих»). Во втором – традиционные образцы не вытесняются, а встраиваются в современные представления о реальности, поэтому формирующиеся на их основе стратегии саморегуляции, носят гибридный характер. В этих двух различных стратегиях по-разному осуществляется идентификация с целями-ценностями и средствами их достижения. Стратегия вытеснения скорее отражается (в терминологии Р. Мертона) в конформизме по отношению к традиционным ценностям-целям жизнедеятельности и способам ее организации, или мятеже – полном отвержении и замене традиционных культурных представлений о целях жизнедеятельности и способах их воплощения на современные образцы глобальной культуры. В свою очередь, конвергентная форма саморегуляции реализуется в форме инноваций как приверженности традиционным культурным ценностям в сочетании с современными способами их воплощения, или ретритизма, когда следование современным целям осуществляется с помощью архаичных средств – «культурных программ и исторически апробированных социальных практик, сформировавшихся в пластах национальной культуры в более простых условиях и не отвечающих возрастающей сложности современного мира» [7, с. 89]. Реализация этой стратегии все чаще приобретает симулятивно-имитационную форму и становится особой компетенцией молодежи в рационализации изменяющейся реальности [14, с. 260-263].

Важную роль в механизме саморегуляции социальных взаимодействий молодежи играет доверие. Как феномен социальной реальности оно отражает степень соответствия ожидаемым и реальным знаниям о партнере взаимодействий как значимом объекте социальной действительности [22; 25]. Соответствие или несоответствие реальных и ожидаемых представлений проявляется в доверии или недоверии партнеру, каковым может выступать структура, группа, другой человек. В социальной реальности доверие рассматривается в диалектической связи с недоверием как единство двух сторон одного явления. Причем недоверие означает не дефицит доверия, а качественно иное состояние взаимодействий между партнерами. В этой диалектике раскрывается саморегуляционная функция доверия [12; 13, с. 41; 24]. Она реализуется в механизмах институциональной, социокультурной, стратификационной, социально-организационной саморегуляции взаимодействий молодежи. В институциональной саморегуляции доверие играет роль критерия надежности, который в процессе институционализации приобретает нормативный характер. В социокультурной саморегуляции – оно придает активную направленность ролевым ожиданиям адекватного поведения со стороны партнеров, благодаря связи с потребностями; способствует рационализации взаимодействий, отражая заинтересованность в партнерских отношениях; наполняет эти отношения определенным смыслом, придавая им ценностную, личную форму. В социально-стратификационной саморегуляции доверие проявляется в перераспределении социальной энергии людей в направлении повышения или снижения уровня социального расслоения. В качестве социально-

организационной составляющей механизма саморегуляции оно обеспечивает упорядоченность внутренних и внешних социальных связей в структуре организации в молодежном сообществе. Анализ связи доверия и недоверия с показателями реализации ожиданий показал, что доверие придает этой связи преимущественно конструктивную направленность, а недоверие – консервативную.

Конструктивный характер связи доверия свидетельствует о реализации преимущественно позитивных ожиданий молодых людей. А при переходе в состояние недоверия связь приобретает консервативный характер, способствуя сохранению на время достигнутого уровня определенности, предохраняя взаимодействия от полного разрыва. Изучение механизмов доверия и недоверия и их влияния на социорегуляционные стратегии перспективно для исследования новых форм солидарностей в молодежной среде как проявления их внутригрупповых взаимодействий. А применение этой концепции для изучения взаимодействий молодежи и общества позволит понять не только долгосрочные перспективы интеграционных процессов на макроуровне, но и причины конкретных протестных действий молодежи. Таким образом, подводя итог проделанному анализу новых подходов в социологии молодежи, можно сделать общий вывод, что каждый из них раскрывает важный аспект социологического изучения этой социальной группы. А в совокупности они способствуют изучению молодежи во всем ее многообразии и целостности.

Библиографические ссылки

1. Crofts J., Cuervo H., Wyn J., Woodman D., Reade J., Cahill H., Furlong A. Life Patterns: Comparing the Generations // Academia [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.academia.edu/30940629/Life_Patterns_Comparing_the_Generations (дата обращения: 18.01.2017).
2. Cuervo H. Understanding Social Justice in Rural Education. Palgrave Macmillan, – 2016. – 221 p.; Furlong A. Youth Studies: An Introduction. – USA: Routledge, 2013. – 300 p.
3. Helve H., Evans K. (eds.) Youth and work transitions in changing social landscapes. – London and U.S.A.: Tufnell Press, 2013. – 330 p.
4. Interrogating conceptions of «vulnerable youth» in theory, policy and practice / Kitty teRiele and Radhika Gorur (Eds). – Rotterdam: Sense Publishers, 2015. – 258 p.
5. Kelly Peter. Young People and the Coming of the 3rd Industrial Revolution: Challenges for Education, Training and Work in the Asian Century // RMIT University [веб- сайт]. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rmit.edu.au/research/researchinstitutes-centres-and-groups/research-centres/cetwac/publications/working-papers/> (дата обращения 25.01.2017).
6. Puuronen V. Methodological starting points and problems of youth research // Helve H. (ed.). Mixed Methods in Youth Research. – Tampere: Juvenes Print, 2005. – P. 15-29.
7. Актуальные проблемы социологии молодежи / под ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2010. – 679 с.
8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
9. Зарубина Н. Н. Между этикой убеждения и этикой ответственности: трансформации нравственной позиции российской молодежи // Социологическая наука и социальная практика. – 2013. – № 3. – С. 92-108.
10. Зубок Ю. А. Молодежь в изменяющейся социальной реальности: проблема саморегуляции выбора // Человек перед выбором в современном мире: проблемы, возможности,

решения: Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 27–28 октября 2015 года, ИФ РАН). В 3 т. – Москва: Научная мысль, 2015. Т. 2 / под общ.ред. д-ра филос. наук, проф. М. С. Киселевой. – Москва: Научная мысль, 2015. – С. 173-189.

11. Зубок Ю. А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. – Москва: Социум, 1998. – 142 с.

12. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий молодежи в изменяющейся социальной реальности // Проблемы развития территорий. – 2016. – № 5 (85). – С. 29-37.

13. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Изменяющаяся социальная реальность в кризисном российском обществе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2017. – Т. 10. – № 1. – С. 41-57.

14. Зубок Ю. А., Чупров В. И., Дивненко О. В. Симулятивно-имитационные формы рационализации как новые компетенции молодежи в условиях изменяющейся социальной реальности // Материалы международной научной конференции (Санкт-Петербург, 10–12 ноября 2016 года (к 100-летию Русского социологического общества имени М. М. Ковалевского) / отв. редактор: Ю. В. Асочаков. – СПб.: Скифия-принт, 2016. – С. 260-263.

15. Зубок Ю. А., Яковук Т. И. Духовная жизнь молодежи в трансформирующемся обществе. – Брест: Альтернатива, 2008. – 204 с.

16. Кравченко С. А. Переоткрытие социальной реальности как показатель валидности социологического знания // Социологические исследования. – 2014. – № 5. – С. 27-37.

17. Латышева Т. В. Феномен молодежной субкультуры: сущность, типы // Социологические исследования. – 2010. – № 6. – С. 93-101.

18. Луков Вал. А. Тезаурусы: Субъектная организация гуманитарного знания. – Москва: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2008. – 784 с.

19. Луков Вал. А. Теории молодежи: пути развития // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 3. – С. 70-74.

20. Омельченко Е. Л. Молодежь: открытый вопрос. – Ульяновск: Симбирская книга, 2004. – 184 с.

21. Социология молодежи: учебник / Ю. Р. Вишневский, В. Т. Шапко. – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2006. – 311 с.

22. Фукуяма Ф. Доверие. – Москва: Хранитель, 2006. – 248 с.

23. Черкасова Т. В. [и др.]. Молодежные проблемы в исследовании социологов. – Уфа: Уфимский государственный университет экономики и сервиса, 2016. – 76 с.

24. Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. – Москва: Наука, 2001. – 231 с.

25. Чупров В. И., Михеева В. В. Доверие в саморегуляции социальных взаимодействий в условиях неопределенности. Почему нет мира в Украине? – Москва: Норма, 2015. – 160 с.

С. Г. Зырянов, Д. В. Аверьянова, В. М. Зырянова

МОЛОДЕЖЬ – О ЖИЗНИ В ЧЕЛЯБИНСКЕ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОЦЕНКИ ГОРОДА

В статье качество жизни и состояние человеческого капитала рассматриваются как индикаторы целей и результатов развития социума. На этой основе выделяются оценки городской среды и комплексный, компонентный подход к ним. На основе материалов исследования «Социальное самочувствие населения города Челябинска в 2017 году» (N = 700) в статье сравниваются оценки комфортности проживания в городе Челябинске молодежи и людей старше 30 лет.

Ключевые слова: качество жизни, человеческий капитал, комфортность городской среды, социальное самочувствие, молодежь.

S. Zyryanov, D. Averyanova, V. Zyryanova

YOUTH - ABOUT LIFE IN CHELYABINSK: THE GENERATIONAL ASPECT OF THE CITY EVALUATION

Abstract. In the article, quality of life and the human capital are seen as indicators of social development goals and outcomes. On this basis, evaluation are highlighted urban environment and integrated, component approach to them. On the basis of the study "the social well-being of the population of the city of Chelyabinsk in the year 2017" (N = 700) in the article compares evaluation of comfort of accommodation in Chelyabinsk, young people and people older than 30 years.

Key words: quality of life, human capital, comfort of urban environment, social well-being, youth.

В последние десятилетия во всём мире на первые позиции в оценке целей и результатов развития социума стали выходить показатели качества жизни человека и состояние человеческого капитала. Одним из факторов, влияющих на данные показатели, является условия и качества жизни в городе, которые можно получить с помощью оценки городской среды. Существует множество методик такой оценки, только на сегодняшний день можно насчитать около десятка проектов по оценке и рейтингованию российских городов по тем или иным параметрам. Так, например, проект «Рейтинг российских мегаполисов» оценивает только те российские города, где проживает свыше 600 тысяч жителей. А итоговый рейтинг составляется на основе двух групп показателей: статистические данные, отражающие качество жизни, и так называемый показатель «народного доверия» – как к городу в целом, так и к отдельным аспектам жизни в нём [1].

На наш взгляд, использование такого «компонентного», комплексного исследовательского подхода позволяет достаточно полно и масштабно подойти к раскрытию проблемы. Особый интерес при этом имеют оценки города и условий жизни в нём, которые дают именно его жители. Вспоминая ставшую уже крылатой фразой «молодёжь – наше будущее», не менее интересным представляется рассмотреть ряд аспектов жизни в городе в контексте сравнения взгляда двух поколений – молодёжи и людей более старшей возрастной группы.

В данной статье мы рассмотрим отношение населения к городу Челябинску и дадим оценку отдельных аспектов и направлений, характеризующих комфортность проживания в городе Челябинске, представив в сравнении данные по двум возрастным группам: от 18 до 30 лет и старше 30 лет. С помощью этой информации попробуем разобраться, существует ли разница в восприятии указанных аспектов в зависимости от возраста. И, если да, то по поводу чего. Почему мнения возрастных групп распределяются именно так?

Молодежь в социологии рассматривается как специфическая социокультурная и демографическая группа. Если использовать социально-психологический подход к определению сущности молодежи, то можно увидеть, что молодежь презентуется социологами и ювенологами в его рамках как социально-демографическая группа, переживающую период становления социальной и психо-физиологической зрелости, адаптации к исполнению социальных ролей взрослых. Как следствие, делается вывод о том, что «возрастные границы молодежи размыты и подвижны, как правило, к молодежи причисляют в возрасте 14–30 лет» [2]. Несколько иной подход к определению понятия «молодёжь» предложен В. Т. Лисовским, который в своих работах определяет молодежь как поколение людей, проходящих стадию социализации, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших, образовательные, профессиональные, культурные и другие социальные функции. Он отмечает, что в зависимости от конкретных исторических условий возрастные критерии молодежи могут колебаться от 16 до 30 лет [3, с. 7]. Отметим, что все существующие подходы к дефиниции понятия «молодёжь», в том числе и определяющие возрастные границы молодого поколения можно встретить в монографии «Актуальные проблемы социологии молодежи», вышедшей в 2010 году под редакцией Ю. Р. Вишневого [4, с. 11-15].

Что касается возрастных рамок, закреплённых в базовых документах, посвящённых основам формирования и реализации молодежной политики, то в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1760-р, возраст молодежи определяется периодом 14–30 лет [5].

Итак, перейдём от определения возрастных границ и сущности молодёжи к заявленной теме – рассмотрению особенностей жизни в городе Челябинске разными возрастными группами. В качестве эмпирической базы исследования используем данные инициативного социологического исследования «Социальное самочувствие населения города Челябинска в 2017 году», проведённого специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии Челябинского филиала РАНХиГС 26-31 мая 2017 года. Объем выборочной совокупности – 700 респондентов, статистическая погрешность данных: +4,0 [6]. Насколько слов скажем об объекте нашего исследования. Челябинск – это седьмой по количеству жителей и четырнадцатый по занимаемой площади город Российской Федерации. Это административный центр Челябин-

ской области и единственный в Уральском регионе городской округ с внутригородским делением.

По информации, с которой можно ознакомиться на сайте администрации города, современный Челябинск – это крупный промышленный мегаполис (в российской классификации), являющийся деловым, научным и культурным центром Челябинской области, а по промышленному потенциалу он находится в первой пятерке городов страны. При этом, стратегия социально-экономического развития города сегодня ориентирована на создание комфортных условий жизни граждан, создания новых рабочих мест, предприятий, соответствующих всем экологическим нормам [7].

А теперь, используя данные социологического исследования, рассмотрим, как сами жители города оценивают комфортность жизни в городе Челябинске. И первый сюжет связан с оценкой того, что вызывает у горожан чувство гордости за Челябинск (табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что вызывает в Вас чувство гордости за город Челябинск?», в сравнении по группам

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
Большое количество спортивных мероприятий всероссийского и международного уровня	29	37	26
Промышленный потенциал (количество промышленных предприятий, их масштаб, известность и т.д.)	28	29	28
Архитектурный облик	27	28	27
Его история и традиции	26	23	27
Культурный потенциал (интересные и разнообразные культурные мероприятия, наличие театров, музеев, цирка и т.д.)	21	24	20
Победы и достижения его жителей (в спорте, культуре, науке и др.)	16	21	15
Жители города	11	7	12
Удобство для жизни (комфортность)	8	9	7
Памятники, достопримечательности	0,3	0,0	0,4
Не испытываю чувства гордости	15	12	16
Затрудняюсь ответить	10	6	12

Согласно данным таблицы, в контексте рассмотрения нашей темы, то есть восприятия жизни в городе разными поколениями респондентов, внимания заслуживают три позиции.

Большое количество спортивных мероприятий всероссийского и международного уровня – наиболее часто упоминаемый повод для гордости среди представителей поколения в возрасте от 18 до 30 лет, в то время как челябинцы старше 30 лет в качестве повода для гордости упоминают эту тему гораздо реже, разница составляет 11,1 процентных пункта. Действительно, проводить спортивные мероприятия самого высокого уровня для нашего региона и конкретно для Челябинска в последние несколько лет стало уже доброй традицией. Эта информация постоянно на слуху и

очень часто обсуждается в региональных средствах массовой информации, а особенно в электронных СМИ, и в социальных сетях.

Чаще, чем представителями старшего поколения, упоминается молодыми людьми позиция «Победы и достижения жителей Челябинска в спорте, культуре, науке и других сферах», то есть то, что с определённой долей условности можно отнести к социальным лифтам: если в возрастной группе старше 30 лет процент отметивших её составляет 14,6 %, то в молодёжной среде данный вариант ответа выбирает более чем каждый пятый молодой челябинец (21,4 %), то есть на 6,8 п.п. больше.

А вот восхищение жителями города высказывает меньшее число представителей молодёжи Челябинска. Данную позицию для оценки выбрали лишь 7 % опрошенных в возрасте до 30 лет и 12,3 % тех, кто перешагнул возрастную отметку в 30 лет (разница – в 5,3 п.п.) в пользу старшего поколения.

Интересен и тот факт, что в группе горожан в возрасте старше молодёжного возраста больше тех, кто не испытывает чувства гордости за Челябинск. В группе челябинцев старше 30 лет тех, кто не видит в городе ни одного повода для гордости, 16,0 %, это больше в сравнении с тем, как отвечают молодые жители города (12,3 %). Таким образом, разница составила 3,7 п.п., а вывод таков, что для молодёжи характерно более позитивное отношение к Челябинску.

Одной из психологических особенностей молодёжи как социально-демографической группы является склонность к более позитивному восприятию окружающей действительности [8] в силу того, что велика вера в свои личные возможности, много амбиций и сильна вера в благополучное будущее. Обратимся к рассмотрению достаточно значимого блока вопросов – об удовлетворённости жизнью в целом и о том, какую роль в удовлетворённости или неудовлетворённости жизнью играет город Челябинск.

Начнём с ответа на вопрос об удовлетворённости своей жизнью (табл. 2-3).

Таблица 2

Удовлетворённость респондентов своей жизнью в целом
(в сравнении, по возрастным группам)

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
Полностью удовлетворен(а) / Скорее удовлетворен (а)	70	83	65
Скорее не удовлетворен(а) / Совершенно не удовлетворен (а)	25	13	29
Затрудняюсь ответить	5	4	6

Как видим, в группе челябинцев в возрасте до 30 лет доля респондентов, удовлетворённых своей жизнью в целом значительно (в 1,3 раза) больше, чем в группе тех, кто старше 30 лет. Учитывая более высокие показатели удовлетворённости жизнью в молодёжной среде, рассмотрим какую роль в удовлетворённости или неудовлетворённости жизнью играет город Челябинск. Сначала обратимся к распределению ответов по группе респондентов, удовлетворённых жизнью.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какую роль в вашей удовлетворенности жизнью играет место вашего проживания – город Челябинск?»
(распределение ответов респондентов, удовлетворенных жизнью)

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
Играет определяющую роль / Играет значительную роль	53	55	52
Играет незначительную роль / Не играет роли	44	41	46
Затрудняюсь ответить	3	4	2

По данному показателю никаких контрастных различий в ходе исследования не выявлено. Несмотря на то, что в группе «до 30 лет» показатель, указывающий на то, что город Челябинск играет значительную, либо даже определяющую роль выше, он всё равно не превышает величину статистической погрешности таких же данных у более старшего поколения. Именно поэтому для каких-либо выводов нет достаточных оснований.

Рассмотрим распределение ответов респондентов на вопрос о роли места проживания респондентов – города Челябинск в удовлетворенности жизнью по группе респондентов, не удовлетворенных жизнью (табл. 4).

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Какую роль в вашей удовлетворенности жизнью играет место вашего проживания – город Челябинск?»
(распределение ответов респондентов, не удовлетворенных жизнью)

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
Играет определяющую роль / Играет значительную роль	55	40	57
Играет незначительную роль / Не играет роли	39	52	38
Затрудняюсь ответить	6	8	5

Так, почти каждые трое из пяти представителей старшего поколения считают, что именно место проживания – город Челябинск – влияет на состояние их неудовлетворённости. Для молодого поколения характерна другая позиция – только два из пяти (в 1,4 раза меньше) фиксируют негативную роль Челябинска как причины неудовлетворённости жизнью. Возможно, ответ кроется в эффекте повышенной самонадеянности, довольно часто свойственной молодёжи. С другой стороны, в молодёжной группе среди тех, кто не удовлетворён своей жизнью в целом, процент респондентов, для кого город Челябинск играет незначительную роль или не играет роли в формировании этой оценки в 1,4 раза выше, чем в группе респондентов старше 30 лет.

Далее обратимся к рассмотрению более «осязаемых» характеристик, проанализировав ряд показателей, характеризующих комфортность проживания в городе Челябинске по отраслевому вектору.

В анкете было предложено для оценки двенадцать сфер жизни города, однако мы рассмотрим лишь пять ключевых, в силу ряда причин. Во-первых, имеет смысл проанализировать состояние тех сфер, которые являются наиболее значимыми как для молодёжи как социально-демографической группы, так и для более старших возрастных групп. Во-вторых, не во всех сферах существует контрастность во мнениях разных поколений. И, наконец, мы попросту ограничены в объёме предлагаемого к анализу материала.

Одним из наиболее значимых факторов, отражающих потребность населения и оказывающими влияние на комфортность проживания в городе, являются архитектурный облик города и его благоустройство. Поэтому рассмотрим оценку этих позиций (табл. 5,6).

Таблица 5

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете архитектурный облик города Челябинска?»

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
скорее хорошо	67	73	64
скорее плохо	24	20	26
затрудняюсь ответить	9	7	10

Таблица 6

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете состояние городского благоустройства в Челябинске?»

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
скорее хорошо	44	50	41
скорее плохо	48	43	51
затрудняюсь ответить	8	7	8

Итак, в вопросе о городском благоустройстве позитивные оценки в группе молодых респондентов, пусть с незначительным перевесом, но побеждают негатив. В Челябинске каждый второй молодых респондент считает, что ситуацию в сфере благоустройства можно охарактеризовать позицией «скорее хорошо» и только два из пяти горожан старшего возраста выбрали эту же оценку. Среди респондентов, считающих, что в городском благоустройстве всё «скорее плохо», ситуация противоположная.

Полученные данные позволяют предположить, что с возрастом у горожан либо повышаются требования к состоянию внешней городской среды, вследствие чего растет и уровень негативных оценок при рефлексии городского населения по вопросам городского благоустройства и архитектурного облика, либо накапливается негативное отношение к жизни в этом городе и самому городу.

Следующий аспект, который предлагается к рассмотрению, представляется достаточно важной характеристикой в контексте разговора о качестве жизни в городе и связан он с оценкой возможностей реализации базовых социальных потребностей молодежи, среди которых мы уделим особое внимание двум переменным – ситуации на рынке труда и оценке культурно-досуговой сферы жизни города (табл. 7-8). По мнению экспертов, ситуация, складывающаяся на российском молодежном рынке труда в последние годы, является достаточно напряженной и характеризуется тенденциями к усложнению, поскольку растут масштабы регистрируемой и скрытой безработицы среди молодежи, а также увеличивается ее продолжительность [9].

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете ситуацию на рынке труда в городе Челябинске?»

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
скорее хорошо	12	18	10
скорее плохо	67	62	69
затрудняюсь ответить	20	20	21

Молодёжь позитивнее, чем представители более старшего поколения, оценивает ситуацию на рынке труда. Более благоприятные оценки, данные городской сфере труда молодежью можно объяснить тем, что она является специфичной группой трудовых ресурсов, характеризующейся весьма высокой социальной и трудовой мобильностью, имеющей способность и возможность к постоянной смене трудовых функций и в большей степени готовых к инновационной деятельности.

Таблица 8

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете ситуацию в культурно-досуговой сфере города Челябинска?»

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
скорее хорошо	70	78	66
скорее плохо	18	11	21
затрудняюсь ответить	12	11	13

Культурно-досуговая сфера представляет собой область пересечения индивидуальных и групповых интересов, открывает для молодого человека возможность стать частью той или иной групповой общности с целью реализации своих культурных, духовных, нравственных потребностей и ценностей. Это важно, поскольку от направленности и уровня развития культурно-досуговой сферы Челябинска зависит возможность и степень социокультурной интеграции в городской социум не только городской молодёжи, но и городского сообщества в целом, а также их самоидентификация как жителей города. Кроме того, эта сфера в известной степени детерминирована социально-экономическими факторами и её оценка представляет большой

интерес. Из приведённых в таблице 9 данных мы видим, что значительная часть молодых респондентов (четверо из каждых пяти), оценивают состояние культурно-досуговой сферы скорее хорошо. Это в 1,2 раза выше, чем у дающих такую же оценку старших возрастных групп.

В заключение рассмотрим весьма сложный для оценки аспект жизни в городе Челябинске, поскольку эта тема является практически «больной мозолью» для регионального центра Челябинской области. Речь идёт об оценке экологической обстановки в городе Челябинске.

Таблица 9

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы оцениваете экологическую обстановку в городе Челябинске?»

Варианты ответов	Σ	Возраст	
		< 30	>30
скорее хорошо	3	3	3
скорее плохо	95	95	95
затрудняюсь ответить	2	2	2

Учитывая чрезвычайно высокую актуальность вопросов экологии для жителей города Челябинска и постоянное обсуждение темы катастрофического состояния природной среды в информационном пространстве региона и города, нет ничего удивительного в том, что обе группы опрошенных – как в возрасте до 30 лет, так и в возрасте старше 30 лет, дали чрезвычайно негативную оценку данному аспекту. Фактов, подтверждающих это, более чем достаточно, например, в 2017 году город пережил 150 дней с состоянием неблагоприятных метеорологических условий и обстановки НМУ.

Подводя итог, отметим, что молодежь, в отличие от представителей более старших поколений, отличается более позитивным взглядом на жизнь. Приведённые в статье данные ещё раз убеждают в этом. Большая, чем у людей старше 30 лет, удовлетворенность молодёжи своей жизнью является важным показателем большей внутренней уверенности в благополучном будущем представителей именно этой социально-демографической группы.

Что касается оценки молодёжью аспектов жизни в городе Челябинске, отметим, что городское пространство включает в себя географические и физические параметры, но не ограничивается ими. Восприятие города связано, прежде всего, с его рассмотрением как пространства реализации социальных потребностей и жизненных планов молодёжи. Соответственно, город воспринимается молодёжью в категориях и актуального настоящего, и планируемого будущего. Поэтому, уже в вопросе о предмете гордости за город, фактор культурного наследия имеет для горожан моложе 30 лет гораздо меньшее значение, по сравнению с настоящим и будущим, актуальными потребностями и возможностью реализации своих жизненных планов и амбиций.

Рассуждая о взглядах разных поколений на жизнь в городе Челябинске, стоит особо подчеркнуть и тот факт, что привязанность к конкретному месту играет важнейшую роль в чувственной системе ценностей любого горожанина, проживающего на локальной территории, ведь подобная привязанность является одной из важнейших потребностей человека, поскольку формирует жизненные смыслы.

Библиографические ссылки

1. Рейтинг городов – 2017. Журнал «Эксперт-онлайн» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://expert.ru/russian_reporter/2017/07/rejting-gorodov---2017/ (дата обращения: 25.01.2018).
2. Кон И. С. Молодежь // Большая советская энциклопедия (БСЭ). 3-е изд. – Москва, 1974. – Т. 16.
3. Лисовский В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. – СПб., 2000. – С.7.
4. Актуальные проблемы социологии молодежи / под общей ред. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2010. – 679 с. (С.11-15).
5. Стратегия государственной молодежной политики в РФ. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1760-р [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fadm.gov.ru/documents/download/450/> (дата обращения: 01.02.2018).
6. Социальное самочувствие жителей города Челябинска в 2017 году. Данные социологического опроса, проведенного 7-11 декабря 2017 г. в городе Челябинске специалистами лаборатории прикладной политологии и социологии. Опрошено 700 респондентов. Статистическая погрешность данных $\pm 4\%$ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://chel.ranepa.ru/science/Sots.%20issledovaniya.php> (дата обращения: 02.02.2018).
7. Челябинск сегодня. Сайт администрации г.Челябинска [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cheladmin.ru/ru/gorod-chelyabinsk/chelyabinsk-segodnya> (дата обращения: 02.02.2018).
8. Молодежь новой России: ценностные приоритеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth_6.html (дата обращения: 03.02.2018).
9. Корчагина, И. А. Проблемы занятости молодежи на региональном рынке труда // Известия Алтайского университета. – 2014.

ДЕВАЛЬВАЦИЯ ТРУДА И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РОСТ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ

Отмечено обесценивание труда и работника, что способствует легковесному отношению последнего и к процессу, и к результату своей работы, а потому и к готовности к постоянному перемещению внутри социально-профессиональной структуры. Показано, что идеал праздности вытесняет идеалы профессионального призвания, мастерства, но при этом и «праздный класс» становится вынужденно мобильным, поскольку персонифицируемый им капитал требует роста производительного, а не растратного потребления.

Ключевые слова: труд, производство, потребление, трудящийся, работодатель, праздность.

A. Kislov, I. Shapko

THE DEVALUATION OF LABOUR AND ITS IMPACT ON THE GROWTH OF SOCIAL AND PROFESSIONAL MOBILITY

Abstract. Devaluation of labor and worker assists a light-weight relation last both to the process and to the job performance, and that is why and to readiness to the permanent moving into a socially-professional structure. The ideal of idleness ousts the ideals of the professional calling, mastery. But also a «idle class» becomes forcedly mobile: персонифицируемый a capital requires a height productive, but not costly consumption them.

Keywords: labour, production, consumption, a worker, employer, idleness.

Одна из болезненных проблем современной России – девальвация труда, которая (и в общественном сознании, и в экономике) произошла, прежде всего, из-за превращения в России и самого труда, и трудящихся в сырье, материал, средство извлечения благ. Произошла потеря самооценности труда, проще говоря, люди забыли про радость труда и гордость за него. Речь идет не о счастливых исключениях, которые, конечно, не перевелись, а об отношении к труду на уровне общественного и массового сознания, СМИ, акцентов в программных и, особенно, нормативных документах государства.

Труд и трудящиеся превратились в одно из средств получения прибыли (не приоритетных, к тому же, средств, если сравнить с тем, что дают, например, углеводороды и другие природные богатства). Девальвация труда и трудящихся усугубилась вследствие отсутствия крепко стоящих на ногах институтов защиты интересов людей труда (профсоюзы и левые партии часто беспомощны или только имитируют защиту и выражение интересов людей труда, являются нередко лишь номинально левыми, а на самом деле декоративными или дегенеративными структурами). Развиваются процессы дискриминации трудящихся и прекаризации труда (при том, что трудовые отношения заведомо асимметричны, сильной стороной в них всегда является работодатель). Девальвированный труд девальвированного трудящегося распо-

лагает к экзистенциальной дистанции от трудовых занятий: в настоящее время труд воспринимается как обуза, наказание, насилие и т. д.

Отчуждение трудящегося от собственного труда, от своих профессиональных занятий, обязанностей, от профессиональной чести и призвания чрезвычайно облегчает отрыв от них, как внутренний, эмоционально-психологический, так и внешний, проявляющийся в манкировании, а то и нескончаемом дрейфе от одного работодателя к другому, от одного вида профессиональной деятельности к другому. Девальвированный труд девальвированного трудящегося обрекает последнего на социально-профессиональную мобильность, которая направлена в большинстве случаев на деградацию (профессиональную, статусную, экзистенциальную).

«Случилась не просто перекомбинация социально-востребованных ролей. Случилась их “разморозка”, и плавление не привело, и вряд ли уже приведет к новой устойчивой комбинации. Комбинаций стало сколь угодно много, а границы между ними весьма и весьма условны»[4, с. 166]. К. Маркс, Ф. Энгельс и многочисленные их последователи не только допускали, но и прогнозировали преодоление отчуждения труда. Однако, по замечанию В. В. Белярова, труд и сегодня отчужден всюду и для всех: «Дело в том, что это – одно из обязательных условий жизни человека именно как общественного создания. Допуская устранение отчужденного труда, надо допустить вместе с этим удаление важнейшего из способов коммуникации между людьми, лежащего в основании образования общественных отношений, а значит, человека и культуры. Но это невозможное допущение» [1, с. 92]. Следовательно, процессы роста социально-профессиональной мобильности и отчуждения в сфере труда вряд ли остановятся, что не сулит трудящимся легких времен. Защита же интересов трудящихся, тем не менее, получила разветвленное юридическое выражение и закрепление (как следствие декоративно-декларативного присоединения к международным правовым стандартам, как какая-никакая компенсация тотальной дискриминации трудящихся постсоветским классом собственников). Сохранились также формы государственного, отраслевого и муниципального признания трудовых заслуг, возникли формы корпоративного признания, включающие в себя и моральную, и материальную составляющие. Общественный резонанс от них, тем не менее, почти отсутствует. СМИ сосредоточились на звездах (случилась так называемая «шоуизация» мировосприятия массового обывателя), вовлекая общественное сознание в праздность как во всеми одобряемую и разделяемую ценность и норму, и даже личностный и общественный идеал.

Стремление к праздности девальвированного трудящегося понять не трудно. Но реальной праздностью располагают, конечно, далеко не все: воз можно, лишь класс собственников (и то далеко не все его представители), да еще маргиналы, чья активность сводится к собирательству того, что «плохо лежит» (прежде всего, на свалках и помойках). При этом праздный класс собственников получил не только юридическое, но и этическое оправдание как имеющий возможность вести аутентичный якобы самой человеческой природе образ жизни [2]. Обязывание к труду

стало рассматриваться сегодня как разновидность насилия, нарушения прав человека, надругательство над человеческой природой или как наказание. «Причаститься» обеспеченного праздного класса, а лучше – приобщиться к нему, и уж совсем хорошо – войти в него – вот социокультурный ориентир, пришедший на смену двум ориентирам коммунистической эпохи: романтическому (квалифицированный и потому хорошо оплачиваемый трудящийся), прагматическому (двигающийся вверх по карьерной лестнице партхозуправленец). Даже маргинал выбирает сегодня «обходной» путь к той же цели (и ценности) – к материально обеспеченной праздности. На этом новом фоне совсем слабо стала звучать тема труда как радости (самоценности): стало ясно, что «мало сделать (произвести), надо сбыть (продать, найти покупателя-потребителя)» [3, с. 74]. Маркетинг, а не производство непосредственно получает (или не получает) деньги как эквивалент не столько общественно полезного труда (по К. Марксу), сколько признания потребителями: признанней (важнее, ценнее) тот, кто получил больше денег. Деньги на сегодняшний день – и мерило, и средство всех радостей, путь к ним – апофеоз, кульминация всяческих радостей, новаявленная «Радость Всех Радостей».

Конечно же, здесь неизбежно «освобождение от контроля со стороны государства и самих тружеников» [3]. Рыночная романтика затмила романтику и религиозную серьезность производительного труда. Корысть признана естественнее, фундаментальнее труда (который всегда требует хотя бы некоторой самоотдачи, самоотречения, бескорыстия). В подобном рыночном обществе – обществе потребления радостей и культивирования праздности – производительный труд (сам труд, а не только его образ в представлениях людей) неизбежно трансформируется: потребителя интересует все более наукоемкий (или шире: культуроемкий) товар, т. е. продукт, вобравший, «потребивший» в себя значительный объем культуры, чреватый, благодаря культуроемкости, большими радостями. Актуализируется тот аспект диалектики производства, который завораживал многих читателей экономическо-философских рукописей К. Маркса [См.:5] в XX в., не ставших отдельным цельным текстом (оставшихся «гумусом» «Капитала», чье содержательное богатство в некоторых местах перевесило значимость объявленного главным сочинения К. Маркса). Итак, сложное производство – это не столько производство, сколько производительное потребление, прежде всего, культуры, вобранной в себя человеком, являющимся и производителем и производительным потребителем, и окружающей человека.

Производство культуроемкого продукта – это, в первую очередь, потребление культуры, что предполагает доступ к ней, точнее, обладание ею. До того, как труженик произведет культуроемкий продукт, он должен (праздно, неутилитарно, «безыдейно») этой культурой обладать, играючи ею распоряжаться. Это значит, что и в сфере производства, в сфере самого труда эпохи общества потребления (в которую и Россия, пытаясь, но вошла) все жестче начинают срабатывать социальные фильтры доступа к культуре как к богатству («пряников сладких всегда не хватает на всех», – остроумно спел Б. Окуджава, в одной из своих песен), т. е. и доступ к культуроем-

кому производительному потреблению обростаёт системой ограничений, а именно радостный (культуроемкий) труд становится трудом для избранных. Такой труд – ещё одна радость в репертуаре наслаждений, служащих идеологическим ориентиром для общества потребления.

Получить доступ к такому труду – одна из привилегий эпохи общества потребления на продвинутой её стадии (когда собственники, грубо говоря, наелись, потом объелись и уже после этого обратились к поиску новых радостей). Среди фильтров доступа к такому труду важнейшими являются: статус (у собственников он есть) и образованность (у собственников она есть далеко не всегда). Статус доступ открывает, но только образованность позволяет этим доступом воспользоваться. Радость обладания культуроемким богатством открывается только образованным людям. Радость от производительного потребления этого богатства (культуроемкого производства) также дана только образованным людям. Потому собственники обречены искать образованность если уж не себе, то наследникам. В этом пункте обнаруживает себя совсем иная мобильность богатых – академическая, т. е. поиск наиболее качественного образования, пусть не всегда для себя, но всегда для своего потомства. Пока же в России наблюдается социальный диссонанс: культура легко доступна финансовой элите, но эта элита не является трудящейся, она, большей частью, сегодня праздна, ориентирована на растратное потребление. Наша элита прошла этапы активности и мобильности – захвата собственности, ограждения ее от многих рисков. Теперь она в состоянии пассивного, немобильного, непроизводительного «переваривания». Собственность (капитал) остается активной, но уже не благодаря собственникам, а лишь своей природе (капитал – самостоятельная сила, не всецело зависящая от собственника, скорее, наоборот, диктующая свою волю собственнику). Капитал требует, на наш взгляд, другого типа собственников, которые будут (активно, мобильно) обслуживать его (капитала) активность, его самовозрастание.

Такому капиталу уже не чужд, тем более не противоположен лозунг «Славим человека труда!», поскольку это эвфемизм, одно из корявых выражений сформировавшейся политико-экономической потребности в новом типе элиты – непраздной элиты, которая способна не только «проедать», т. е. непроизводительно (разрушительно) потреблять, но и потреблять производительно, иначе говоря, производить культуроемкие продукты, организовывать их производство, стимулировать, защищать, развивать. Следовательно, необразованные толстосумы смогут спасти свои капиталы при обязательном условии получения основательного образования если не ими самими, то хотя бы их наследниками.

«Славим человека труда!» – это и кокетливое подмигивание пока ещё множеству (но уже начинающему иссякать) образованных россиян, большую часть которых никак не отнесешь к финансовой элите. Это намек им на возможное срабатывание для них социального лифта, на перераспределение капиталов в пользу активных, непраздных, мобильных его обладателей. «Славим человека труда!» – это еще и этап

признания социкультурным ориентиром, эталоном производительно потребляющей (непраздной) элиты, т. е. активно обслуживающей самовозрастание капитала, занятой в сфере производства культуроемких продуктов.

Именно эта сфера сулит сегодня дальнейший рост капитала, именно туда он готов перемещаться. Значит, нужен и такой обладатель этого капитала, который обеспечит своему капиталу комфортное самовозрастание в данной сфере. Нужен образованный, а потому тоже мобильный капиталист. Такому капиталисту необходим соответствующий потребностям данной сферы работник, которому уже давно есть наименование рабочей аристократии. Только в обществе потребления ее должно стать больше – и количественно, и качественно (она должна стать образованней, постоянно повышать свое образование, а также быть разнообразной и мобильной). На этой основе срастаются экономические, а потому и политические интересы рабочей аристократии и непраздной финансовой элиты. Опереться на их альянс – задача политической элиты. Потому политическая элита должна создать юридические механизмы укрепления и развития этого альянса, оправдывая и пролонгируя тем самым свое политическое лидерство. Именно политическому руководству придется решать также задачу воспроизводства и даже роста слоя потребителей, способных оценить и приобрести культуроемкий товар, т. е. слоя образованных потребителей. Надежным союзником политическому руководству при решении этой задачи может быть только непраздный капиталист. Рабочей же аристократии образованный потребитель может быть (в силу образованности) конкурентом (в связи с тем, что заработную плату работник получает от капиталиста, а не от покупателя произведенного им продукта, потому покупатели в супермаркетах – это еще и конкуренты друг другу на рынке труда).

Такая конкуренция становится социально опасней межклассовой вражды работников и собственников. И предупреждать ее разрушительные последствия – задача государства, в том числе создаваемых им правовых механизмов, отстающих от требований, диктуемых ростом социально-профессиональной мобильности.

Библиографические ссылки

1. Беляров В. В. Труд как прапрецедент культуры (проблема «отчуждения труда») // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2011. – № 4 (24). – С. 87-94.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. – Москва: Прогресс, 1984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.econ.msu.ru/cmt2/lib/c/750/file/Veblen-TPK.doc>.
3. Гончаров С. З. От спекулятивной экономики к экономике креатив- ной // Традиционные и национально-культурные духовные ценности как фундамент инновационного развития России. – Магнитогорск: Изд-во Магнитог. гос. техн. ун-та, 2010. – С. 73-83.
4. Кислов А. Г. О требованиях к содержанию подготовки мастеров производственного обучения в условиях растущей социально-профессиональной мобильности // Социально-профессиональная мобильность в XXI веке: сборник материалов и докладов Международной конференции, Екатеринбург, 29–30 мая 2014 г. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2014. – С. 162-168.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. Москва: Академический проект, 2010. – 775 с.

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ «ДИНАСТИЙНОСТЬ» РАБОЧИХ СЕМЕЙ НА УРАЛЕ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ¹

С позиций исследования проблем профессиональной социализации учащейся молодежи, авторы статьи рассуждают о проблемах преемственности трудового опыта и морали в условиях и средствами родительских семей, о трансформации этого процесса в условиях социально-экономического кризиса и перехода к рыночным отношениям. Выводы и предложения авторов базируются на результатах ряда комплексных исследований, проведенных под их руководством и с их личным участием в 1975-2000 гг. в различных регионах СССР и РФ, в частности в городах и поселениях Оренбургской области и ЯНАО [3, 4, 5, 9, 10, 11, 12].

Ключевые слова: рабочая семья, профессиональная социализация, завод (предприятие), отцы-дети, трудовой образ жизни, династия, реформы.

L. Kogan, B. Pavlov

PROFESSIONAL AND PRODUCTION « DYNASTY» OF WORKING FAMILIES IN THE URALS: THE RETROSPECTIVE VIEW TO THE FUTURE

Abstract. From the researching positions of the problems relating to professional socialization of the studying youth, the authors discuss the problems about continuity of generations in the sphere of labor experience and morality in the conditions and means of the parents' families, about the transformation of this process in the conditions of the social and economic crisis and the transition to market relations. The conclusions and suggestions of the authors are based on the results of the complex studies conducted by them (with their leadership and with their personal participation) in 1969-2000. in different regions of the USSR and Russia, in particular in the cities and settlements of the Orenburg region and in the YNAA. [3, 4, 5, 9, 10, 11, 12].

Keywords: working family, professional socialization, enterprise, fathers-children, working life, dynasty, reforms.

Еще К. Маркс указывал, что будущее рабочего класса, ... следовательно, человечества всецело зависит от воспитания подрастающего рабочего поколения» [7, т. 16, с. 198]. Передача от поколения к поколению навыков, умения, секретов той или иной профессии, тех или иных профессиональных традиций с древних времен являлось объективной потребностью и условием развития производства материальной и духовной культуры, ибо каждое вступающее в жизнь поколение, по образному выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, стоит «на плечах предшествующего», продолжая «развивать его промышленность и его способ общения...» [7, т. 3, с. 42].

Планомерное развитие общественного хозяйства требует постоянного воспроизводства определенной профессионально-квалификационной структуры, иными словами, на различных этапах развития производительных сил обществу требуется определённое количество токарей, инженеров, трактористов, стропалей, певцов, космонавтов.

¹ В статье речь идёт в основном о событиях, фактах и состоянии общественного сознания конца 1970-х – начала 1980-х годов.

© Коган Л. Н., Павлов Б. С., 2018

Причем, территориальное размещение рабочих мест (в разрезе города, области страны) предопределяет необходимость закрепления конкретного работника по той или иной профессии на контурном предприятии, учреждении, стройке. Количество работников той или иной профессии, их относительная численность в общей профессиональной структур регулируется в первую очередь социально-экономическими потребностями общества.

Принцип свободы выбора профессии и места приложения труда, осуществляемый при социализме, основывается на органическом сочетании общественного и личного интереса. При этом единство социальной мобильности работника (в плане выбора и перемены профессии, места работы) с одной стороны, и стабилизации процессов общественного производства за счет удовлетворения нужд производства в постоянных кадрах работников необходимой квалификации – с другой выступает одним из важнейших условий дальнейшего повышения эффективности народного хозяйства. Это единство, в свою очередь, является основой и условием гармонического развития личности каждого работника и прогресса общества в целом. Процесс профессиональной ориентации молодого человека, становление его как работника, гражданина неделимы от социального влияния семьи, в которой родились и воспитывались юноша и девушка.

Если мы внимательно проанализируем и «примерим» озвученные выше положения к условиям общественного воспроизводственного процесса современного российского социума, *«вновь строящего капиталистическое общество»*, то мы должны признать, что они в большей своей части корреспондируются. Поэтому, в рамках ретроспективного метода изучения сложившихся в прошлом тенденций технического, социального, экономического развития объекта с целью выработки формирования возможной стратегии его развития в будущем, обратимся к двум основным социологическим проектам, реализованных авторами статьи в 70-е годы прошлого столетия в Институте экономики УНЦ АН СССР. Речь идёт об исследованиях

«Молодой Рабочий 1930-1970-е годы» – опрос-интервью двух групп уральских рабочих: а) 450 ветеранов уральской промышленности, чья трудовая биография в качестве молодого рабочего начиналась в 20-30-е годы (*метод ретроспективного опроса*); б) 450 молодых рабочих Синарского трубного завода и ряда предприятий г. Свердловска.

«Семьи-Династии-1976» – на предприятиях ряда городов Оренбургской области (гг. Оренбург, Орск, Бузулук, Бугуруслан, Гай) по представительной выборке был проведён опрос 645 взрослых городских жителей и интервьюирование 265 работников предприятий, каждый из которых являлся так называемым «основателем рабочей семьи-династии», а также 3060 родственников, входящих в эти семьи.

У одного из классиков социально-политической мысли мы находим весьма полезное методологическое замечание о том, что «спорить о словах, конечно, не умно... Но надо выяснить точно понятие, если хотите вести дискуссию». [6, т. 30, с. 93]. Последуем совету. Слово «династия» произошло от греческого «dynasties», что означало, по определению Даля, «род. дом, говоря о государе, поколение, из которого вышло несколько последовательно царствовавших лиц»[1]. В настоящее время это слово, наряду

со старым значением, получило и новое содержание. В Словаре русского языка Ожегова (2012) мы, например, находим несколько трансформированное понятие этого феномена: «Династия – ряд последовательно правящих монархов из одного и того же рода; династия о тружениках, передающих от поколения к поколению мастерство, трудовые традиции Д. сталеваров» [8].

В условиях современного образа жизни феномен династичности предполагает унаследование сыновьями, внуками профессий, профессиональных навыков и традиций, сохраненных и приумноженных их отцами, дедами, прадедами. В этих семьях наследуются не только трудовые и профессиональные качества, но и передается любовь и приверженность к определенному предприятию, производственному коллективу.

Специфические условия труда на протяжении нескольких поколений формируют у членов таких семей особые качества и черты. Труд выступал и во многом выступает сегодня своеобразным стержнем, вокруг которого формируется и развивается семья-династия. В общественной практике в печати 1970-х годов выделялись различные типы трудовых семей-династий: рабочие династии, династии хлеборобов, свекловодов, хирургов, ткачей, машиностроителей, рыбаков, музыкантов и т.д. передающих, как отмечала «Правда» в своей передовой, «... из поколения в поколение непреходящую верность патриотическому долгу, трудовой чести» [20].

Прошло несколько десятилетий. Кардинально изменились социально-экономические условия и отношения в сфере общественного труда подавляющего большинства россиян, соответственно и их семей. Как пишет О. А. Ткач, индустриальное общество, или общество модерна, демократизировало смысл термина «династия», привнес в его значение коннотацию многопоколенной профессиональной преемственности. По её мнению, рабочие династии представляют собой один из примеров межпоколенческого воспроизводства социальной позиции. Механизмы социального воспроизводства вписаны в определенный исторический, социально-экономический и идеологический контексты. Феномен заводской династии представляет собой один из примеров межпоколенческого воспроизводства социальной позиции. Заводская династия «определяется как семья, члены которой на протяжении нескольких поколений работают на одном промышленном предприятии в качестве наемных работников. В советском контексте термины «рабочая» и «заводская династия» использовались как взаимозаменяемые» [17]. На сегодняшний день в академических дебатах рабочая династия рассматривается как производная советской цивилизации и характерных для нее этатристической и патерналистской систем [2, 14].

Устойчивое воспроизводство промышленного рабочего класса и, соответственно, рост числа потомственных рабочих на промышленных предприятиях пришлось на период послевоенной модернизации советского общества (1950-60-е гг.). О численных масштабах рабочих династий на советских промышленных предприятиях свидетельствовали советские исследователи рабочего класса, идеологи и публицисты. Так, например, в 1970-х гг. завод «Уралмаш» насчитывал 1700 династий, Нижнетагильский металлургический комбинат – 1073 трудовые семьи и династии, на промышленных

предприятиях Свердловской области одновременно работало более 30 тыс. трудовых династий [16]. По мнению западных социологов, данный феномен являлся одним из проектов коммунистической идеологии, противопоставившей «рабочую аристократию» аристократии дореволюционной сословной России. Идеология воплощалась в ритуалах официального чествования потомственных рабочих как «знатных людей» промышленного предприятия.

Как справедливо подчёркивала О. А. Ткач в 2006 г. [17], при известном многообразии теоретических схем, раскрывающих формирование и трансформацию советской социальной структуры, в научной дискуссии недостает эмпирических исследований этих процессов, как на уровне официальных репрезентаций, так и на микроуровне повседневных стратегий людей. Заводская династия является одним из тех «советских» феноменов, которые представляют элемент современной социальной структуры, традиций заводских сообществ, управленческих стратегий в производственной сфере, а также очерчивают биографические сценарии поколений заводских работников. Соглашаясь в целом с такой оценкой, заметим, что современным исследователям не хватает информации о социологических разработках феномена «профессиональной династийности», реализованной уральскими социологами в 1970-1980-е годы. Попытаемся восполнить этот пробел.

Предметом исследования социологов Института экономики УНЦ АН СССР «*Семьи-Династии – 1976*», о котором мы уже упоминали выше, являлась профессионально-педагогическая деятельность *рабочих семей*, поэтому в дальнейшем, обращаясь к материалам этого проекта, мы будем говорить преимущественно о рабочих семьях-династиях, т.е. о семьях династиях, чей труд был связан с промышленным производством, строительством и, в какой то мере, – со сферой обслуживания. В середине 1970-х годов на различных предприятиях Оренбургской области (как, впрочем, и в других промышленных областях СССР) выделялись несколько разных критериев определения статуса рабочей семьи-династии:

- профессиональная династийность – создание из поколения в поколение семейной традиционной профессии: дед, отец, сын – кузнецы;

- династийность, проявляющаяся в традиционной приверженности семьи к конкретному предприятию, и, следовательно, к конкретной отрасли промышленности (например, все члены семьи в трудоспособном возрасте, или основная их часть работает на одном предприятии).

- династийность, выражающаяся в преемственности социально-классового статуса в обществе: дед, отец, сын – рабочие.

Нельзя не видеть определённой соподчиненность этих критериев выделения семей-династий по профессиональным, производственно-отраслевым и социально-классовым признакам. Наиболее интегрирующим признаком в тот период выступала *социально-классовая принадлежность* семьи. Отношение к средствам производства, место семьи в системе производственно-экономических отношений предопределяли (и продолжает выступать) в главных чертах характер и содержание труда, характер уча-

ствия семьи в производстве, распределении и потреблении материальных благ. *Производственно-отраслевой* признак обуславливает специфические особенности трудовой деятельности семьи в той или иной отрасли промышленности, сельского хозяйства, сфере общественного обслуживания или культуры. И наконец, *профессиональный признак* предопределяют конкретный вид деятельности с применением определенных орудий и средств труда, характеризующиеся определённым набором профессиональных навыков и умений. Все три указанные основания деления трудовых семей-династий находятся в диалектической взаимосвязи общего (социально-классовый), особенного (производственно-отраслевой) и конкретного (профессиональный).

Кратко о выборке опросов «*Семьи-Династии – 1976*». Основное исследование проводилось на следующих предприятиях Оренбургской области: г. Оренбург (Теплово-ремонтный завод – ТРЗ; Швейная фирма; Мебельный комбинат; Завод «Радиатор»), г. Орск (Южуралмашзавод – ЮУМЗ; Завод строительных машин – Строймаш; Комбинат Южуралникель – ЮУНК; Мясокомбинат), г. Бугуруслан (НГДУ «Бугурусланнефть»; Завод «Радиатор»; Мелькомбинат), г. Бузулук (Механический завод им. С.М. Кирова – БЗТМ; Завод им. В.В. Куйбышева). Города Оренбург, Орск, Бугуруслан, Бузулук являлись крупными городскими поселениями области. В них проживало около двух третей (67 %) всего ее городского населения (по состоянию на 1970 г.).

В этих городах сосредоточен и основной промышленно-экономический потенциал. Выбранные нами предприятия представляют собой ведущие отрасли народного хозяйства области: машиностроительную, химическую, нефтедобывающую, легкую и пищевую. В историческом плане они имеют различную «биографию» становления и темпов развития.

По «возрасту» предприятия, на которых проводилось исследование, были подразделены на три группы: 1. Предприятия, основанные до Октябрьской революции; 2. Предприятия, вступившие в строй в годы первых пятилеток. 3. Предприятия, основанные в годы Великой отечественной войны.

Подобная «разновозрастность» предприятий не могла не отразиться на характере становлений династий в производственных коллективах. Таким образом, мы имели возможность сопоставить степень распространенности династий, их социальные параметры в разных по величине городах и на разных предприятиях. Помимо этого исследованием в разной степени был охвачен и ряд других заводов, комбинатов, трестов, управление гг. Оренбурга, Орска, Бугуруслана, Медногорска, Новотроицка – всего 30 предприятий и организаций.

В качестве основного объекта исследования нами была взята рабочая семья-династия, официально признанная на предприятии. Для выявления особенностей развития родословных семей-династий, профессиональной преемственности, ориентации на трудовую деятельность на одном предприятии, для определения изменений социально-демографических характеристик (образование, возраст) членов семей от поколения к поколению, были составлены «карты семей».

Для более детального анализа производственной и внепроизводственной деятельности трудящихся – членов рабочих семей-династий были проведены индивидуальные беседы по формализованным картам-интервью. Исследователей интересовали вопросы, касающиеся профессиональной и общественно-политической деятельности человека на предприятии (способ освоения профессии, разряд, производительность, заработок, участие в рационализации, общественные поручения, награды и т.д.), семейно-бытовые отношения («возраст семьи», число детей, семейный бюджет, организация быта, организация досуга, воспитания детей и т.д.). Всего по таким формальным картам-интервью было опрошено 645 человек.

На тех же предприятиях проводились беседы-интервью с руководителями цехов, участков, партийными, профсоюзными деятелями о проблемах развития движения рабочих династий, особых членов этих семей, их месте и роли производственной и общественной жизни коллективов предприятий. Всего в этих беседах участвовало 75 человек.

Наше исследование 1970-х годов показало, что при определенном стечении социально-экономических условий, в которых шло на протяжении многих десятков лет развитие семей-династий Оренбургской области, в принципе имелась возможность формирования «династийности» отдельных семей *в чистом виде*, по одному из выделенных критериев: *социально-классовому, производственно-отраслевому или профессиональному*. Однако, в действительности, такие четко дифференцированные семьи являлись (*на период исследования*) скорее исключением, чем правилом. Исследование показало, что подавляющее большинство семейных коллективов интегрированы по социально-классовому признаку. Степень этой интеграции можно характеризовать некоторыми показателями.

Один из них состав семьи (табл. 1). Важно учитывать и другое (табл. 2).

Такая высокая степень социально-классовой интегрированности трудовых семейных коллективов – следствие значительной социальной мобильности российского социума в 1960-80 годы, сравнительно высокой потенциальной возможности миграционных передвижений семей трудящихся по стране, реализуемой, прежде всего, представителями молодого поколения.

Таблица 1

Из общего числа обследованных семей-династий (N=265),
имели в своем составе (в %)

Социально-классовые группы и слои	%
Только рабочие	4
Рабочие, служащие-неспециалисты и интеллигенция	33
Рабочие, служащие-неспециалисты, интеллигенция, колхозники	15
Рабочие и интеллигенция	13
Рабочие и служащие-неспециалисты	11
Рабочие и колхозники	9
Рабочие, интеллигенция и колхозники	8
Рабочие, служащие и колхозники	7

Таблица 2

Социальный состав общей совокупности родственников в обследованных семейных коллективах (% по группам)

Группа, слой	Все, включая живущих в другом поселении (N = 3066)	Живущие в одном городе (N = 2104)
Рабочие	57	68
Служащие-неспециалисты	11	12
Интеллигенция	18	15
Колхозники	9	-
Домохозяйки	5	5

Анкетный опрос (N = 2164 чел.) в исследовании «Семьи-Династии - 1976» показал, что у подавляющего большинства рабочих (85 %) нет родственников, имеющих одинаковую с ними профессию. Лишь у 15 % опрошенных имелись такие родственники. В том числе: 10 % имели – 1 такого родственника: 4,7 % – 2-х; и менее 1 % имели – 3-х таких родственников. Лишь в пяти (из более, чем 2-х тысяч) семейных коллективах имелись по 5-6 родственников, работавших по одинаковой профессии. Для сравнения приведем другую цифру: среднее число работавших родственников в одном семейном коллективе по нашим подсчетам составило около 11 человек. Таким образом, на момент исследования основным признаком выделения в производственном коллективе семей-династий являлся производственно-отраслевой, т.е. фактор совместного труда нескольких членов одной семьи на одном предприятии.

На всех предприятиях семья-династия фиксировалась по кругу родственников, работающих на момент опроса (работавших ранее) лишь в данном производственном коллективе. При этом учитывались родственники вне зависимости от их социального статуса на предприятии (рабочие, служащие, ИТР, МОПР). Ограничивающие условия для присвоения рабочей семье статуса династии вводилось на отдельных предприятиях по таким факторам:

а) фактор поколений, как правило, семья династия должна иметь не менее двух поколений родственников (отец – сын, мать – сноха и т.д.) работающих в коллективе; б) степень родства, учитывается лишь прямое родство (родной сын, брат, племянник и т.д.); в) общий стаж отработанных членами семьи лет на данном заводе, фабрике, комбинате, управлении и т.д.; г) положительная общественная оценка деятельности членов семьи (работников этого предприятия) на производстве и вне его.

В целом для Оренбургской области была характерна исключительная неравномерность их выявления на различных предприятиях (табл. 3).

Число зафиксированных династий по 40 предприятиям области

Выявлено число династий	Число предприятий с таким числом семей
До 5-ти	18
6-10-ти	5
11-20-ти	8
21-30-ти	3
31-50-ти	2
Свыше 50-ти	4

Естественно предположить, что число рабочих семей-династий (при прочих равных условиях) зависит в первую очередь от величины предприятия. В коллективах Орско-Халиловского металлургического комбината или Южуралмашзавода, насчитывающих свыше десятка тысяч рабочих, служащих, ИТР, несомненно, имела более широкая база для образования семей-династий, чем на сравнительно небольших предприятиях: Оренбургском инструментальном заводе (примерно 800 человек работающих), БТЗМ (770 чел.), Фабрика пуховых платков (1100 чел.) и др. Вариант семьи-династии, состоящей из двух поколений, в принципе возможен на предприятии любого «возраста», даже на только что организованном, так как на него могут одновременно поступать работать представители сразу двух поколений одной семьи: отец и сын, мать и сноха, дядя и племянник и т.д.

Факт одновременного поступления на предприятие и работы на нем представителей трех поколений одной семьи (по прямому родству дед – отец – внук) на современном этапе развития нашего общества возможен лишь в сравнительно редких случаях. Исследование показало, что момент рождения внука (молодого рабочего – современника проведения опроса) от рождения его деда во времени отстояло по кратчайшей линии генеалогического древа семьи. (т.е. период между рождением деда и его внука-первенца) в среднем 50,5 лет. Средний возраст начала трудовой деятельности молодого рабочего составлял 17,3 года (у мужчин 17,3 года, женщин – 17,4 года). Следовательно, к моменту поступления на работу современного «среднестатистического внука» его деду исполнялось 67,8 лет¹. В этом возрасте подавляющее большинство ветеранов труда в промышленности нашей страны уже находятся на заслуженном отдыхе².

Таким образом, «возраст» предприятия (без учета других факторов) прямо воздействует на качественную характеристику семей-династий: а именно: на протяженность совместного пути (в историко-временном плане) развития предприятия и членов семей, работающих на нем. Однако на практике применялся другой показатель

¹ В семьях оренбургских рабочих встречались в тот период случаи «сверхмолодых» дедов. Например, в семейной династии Чернецовых (мебельный комбинат города Оренбурга) дед Чернецов Г.А. (1909 г.р.) старше своего внука лишь на 39 лет, В Семье Ищенко (ТРЗ) дед Ищенко Г.Л. (1887 г.р.) стал дедом в 37 лет.

² В первую очередь это относится к женщинам и работникам вредных и горячих производств, чей пенсионный ценз ниже.

качественной характеристики рабочих династий: общий трудовой стаж, отработанный членами семьи на данном заводе, фабрике, комбинате.

Из общего числа обследованных нами коллективов (265 семей): 49 династий насчитывали общий стаж на одном предприятии 51-75 лет; 20 династий соответственно 76-100 лет; 30 династий – 101-150 лет и 14 династий – свыше 150 лет. На момент обследования на предприятиях Оренбургской области были рабочие династии, общий трудовой стаж которых насчитывал более 200 лет: например, семья Горябиных с Машзавода г. Оренбурга (около 230 лет), семья Юдиных с Орского мясокомбината (свыше 280 лет). В большинстве случаев основной вклад в общую «копилку династии» делали представители двух последних поколений семьи, работавшие на момент опроса на фабрике, заводе, комбинате.

Исследователи, занимающиеся специально изучением трудовой деятельности, эмпирически установили, что главной отличительной производственной активности рабочего является инициативность. Именно инициативность, – пишут авторы книги «Человек и его работа», – сочетающаяся со значительным выполнением производственных заданий при отличном качестве продукции, характеризует передового рабочего, выделяют его из числа честных и добросовестных тружеников» [19, с. 105].

Проанализируем эту сторону деятельности членов рабочих семей-династий. Каждый третий опрошенный нами рабочий (33,5 %) является рационализатором. На этот вид творческой деятельности принадлежность к династии почти не оказывает влияния. Значительную неравномерность в развитии рационализаторского движения рабочих мы встречали на разных предприятиях. Из общего числа опрошенных рабочих ЮУНК не подали ни одного рационализаторского предложения 29 %, в НГДУ эта цифра составляет 48 %, на ЮУМЗе – 55 %, на швейной фабрике – 57 %, на заводе «Радиатор» (г. Оренбург), 60 %, на Строймаше – 71 %, на мясокомбинате – 78 %. Известный русский педагог К.Д. Ушинский писал: «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания... Только личность может действовать на развитие и определение личности...» [18, с. 265].

В нашем исследовании была сделана попытка выявить насколько широко распространяется влияние родителей на трудовое воспитание молодых рабочих в семьях. Мы предусмотрели несколько вопросов, касающихся с одной стороны ретроспективной оценки рабочими и влияния, которое оказали на них родители в части трудового воспитания, выборе профессии и предприятия. С другой стороны, нас интересовало мнение этих людей (в большинстве своем являющихся родителями) о роли семьи в трудовом воспитании детей. Акцент делался на их отношения в этом вопросе к своим детям.

Выяснилась следующая картина. Большая часть рабочих (68 %) ответила, что их родители в свое время являлись для них примером отношения к труду, к своим

рабочим обязанностям. Вместе с тем, многие из опрошенных нами рабочих (26 %) критически подошли к оценке трудовых качеств своих родителей. Отцы и матери в этой части рабочих семей не подавали (или не подают) пример младшим членам семьи в трудовой деятельности. На современном этапе развития общественных отношений выделение сына или дочери из семьи родителей, связано с отъездом в другой город или населенный пункт, как правило, означает не только ослабление социального контроля семьи, но и резкое уменьшение социальной ответственности родителей за деятельность своих детей. В связи с этим усилия родителей, направленные на профессиональную ориентацию своих детей: на поиск места учебы и приложения труда в этом же городе, на том же предприятии, где работают и они сами, – можно расценивать, помимо всего, и как показатель социальной зрелости родителей, пытающихся сохранить влияние семьи и на последующий, послешкольный период социализации своих детей. Рабочие семьи-династии представляли собой более социально зрелый тип семьи. В нашем интервью (N = 645 чел.) рабочим задавался следующий вопрос: «Повлияли ли на Вас в начале трудового пути Ваши родители (родственники) в выборе предприятия?» (табл. 4).

Таблица 4

Влияние родителей на выбор их детьми предприятия для работы на нем
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Группы «династийных» респондентов		Влияние на решение детей родители		Не ответили на вопрос
		оказали сильное	практически не оказали	
В целом		22	69	9
В том числе:				
по полу опрошенных	мужчины	27	66	7
	женщины	23	65	12
по типу семьи (степень династийности)	1 чел	9	83	8
	2-3 чел.	25	65	10
	4-5 чел.	38	50	12
	6 и более чел.	61	39	-

Нетрудно видеть, что с повышением степени «династийности» рабочих семей заметно растет их роль в ориентации детей на труд в конкретном производственном коллективе. Сам «механизм» ориентации детей в семье на трудовую деятельность на конкретном предприятии представляется нам весьма сложным социальным явлением. Проникновение в его сущность, очевидно, потребует специальных социально-психологических исследований, позволяющих выявить причинно-следственную связь появления тех или иных мотивов и ценностных ориентаций, определяющих поведение молодые людей на пороге их гражданской зрелости.

Наряду с непосредственной формой производственного шефства старших членов семей-династий над младшими на оренбургских предприятиях как, впрочем, и предприятиях других областей нашей страны, получила в настоящее время

наибольшее распространение другая ферма – опосредованная. Молодые рабочие, члены семей-династий, приходя на «предприятия отцов», в большинстве случаев начинают свою трудовую биографию в других цехах и подразделениях завода, а не в тех, где трудятся их отцы, матери, старшие братья. Профессиональное шефство над ними осуществляют «чужие» рабочие-наставники. Однако работающие по соседству родители оказывают моральное воздействие на начинающего рабочего – сына; наставник имеет возможность при необходимости обратиться за помощью к отцу или матери своего ученика. Вместе с тем, социальное влияние семьи на молодого рабочего в этом случае не ограничивается лишь непосредственным контролем родителей и родственников за деятельностью младшего члена семьи.

Любое отклоняющееся поведение рабочего-подростка встречает горячее осуждение окружающих его товарищей по работе. Репутация семьи в производственном коллективе определенным образом усиливает воспитательное воздействие и возможности социального контроля родственников над молодыми членами семьи. Приведем некоторые мнения рабочих по этому поводу:

– *«Ученик старается «держаться» на уровне отца или дяди, чтобы не запачкать совесть, честь семьи»* (механик швейной фабрики, стаж 6-10 лет, 10 кл.).

– *«Стыдно, что пожалуются родителям...»* (столяр, ТРЗ, стаж 16-20 лет, 10 кл.).

– *«Отца все знают, вспоминают добром, спрашивают о его здоровье. Это налагает ответственность»* (электрослесарь, ТРЗ, стаж 11-15 лет, 10 кл.)

– *«Не хочется быть хуже, чем родные, вот и стараешься...»* (электрик, БЗТМ, стаж 11-15 лет, среднее техническое).

Рассматривая вопрос о развитии движения рабочих семей-династий о расширении их участия в воспитании молодой смены рабочего класса и, прежде всего, за счет соответствующей профессиональной ориентации и обучения своих детей, нельзя не учитывать одно обстоятельство, невнимание к которому может привести к негативным последствиям. Речь идет о необходимости выработки специальных мероприятий, предотвращающих установление своеобразного привилегированного положения для рабочих-подростков, являющихся детьми кадровых рабочих предприятия и, в частности, членами семей-династий. О том, что подобная ситуация сегодня не исключается, свидетельствуют хотя бы следующие данные нашего исследования. 276-ти рабочим подросткам оренбургских предприятий, являющимся учениками (подшефными), задавался следующий вопрос: «Скажите, пожалуйста, накую примерно прибавку к своей заработной плате Вы ожидаете после прохождения курса ученичества (получения разряда)?» Выяснилось следующее небезынтересное обстоятельство: величина ожидаемой прибавки весьма существенно зависела от того, где работают родственники у опрашиваемого ученика. Молодые рабочие, которые не имеют родственников на этом предприятии (их в нашей выборке оказалось 169 человек), ожидают прибавку в среднем в сумме 38,7 рубля. Те рабочие-подростки (71 человек), у которых есть родственники на этом предприятии, но трудятся в дру-

гих (чем этот) цехах и подразделениях, ожидают прибавку в 39,1 руб. Третью группу (36 чел.) составили ученики, начинающие свой трудовой путь в одном цехе с кем-либо из своих родных. Их ожидания оказались значительно выше – 54,2 рубля.

Педагогическая деятельность рабочих семей-династий на производстве не ограничивается лишь рамками своей семьи. Необходимо подчеркнуть, что объективные возможности для воспитательного воздействия у членов семей-династий более широкие, чем у других рабочих предприятия. Как показывает опыт, интенсивность педагогической деятельности рабочего в первую очередь зависит от его стажа работы и возраста. Среди рабочих старших возрастных групп относительное количество наставников примерно такое же, как у рабочих среднего возраста. Не имели учеников 37 % рабочих возрастной группы «30-39 лет», 32 % – группы «40-49 лет» и 37 % группы рабочие в возрасте 50 лет и старше. Вместе с тем с возрастом число учеников у рабочих неуклонно возрастает. В отмеченных выше трех возрастных группах среднее число учеников у тех рабочих, которые их имели (в расчете на 10 рабочих-наставников): соответственно насчитывалось 50 чел, 63 чел., 80 человек. Следует добавить здесь одну дополнительную цифру: каждый пятый (19 %) ветеран труда (рабочий в возрасте 50 лет и старше) обучил своей профессии 15 и более учеников.

Оценивая в целом итоги педагогической деятельности рабочих семей-династий, необходимо еще раз подчеркнуть их значительный вклад в дело воспитания молодой смены рабочих кадров своих предприятий. Усилия этих ветеранов предприятия направлены в первую очередь на формирование трудовых качеств у своих сыновей и дочерей, на их профессиональную ориентацию и, в частности, ориентацию на массовые рабочие профессии.

Комплексное исследование заводской династии (рабочих-семей-династий) необходимо для осмысления социальной структуры советского и постсоветского российского обществ. При определении проблемного поля данной работы ключевыми оказались широкая распространенность и устойчивость заводских династий в позднесоветском обществе, их активная идеологическая поддержка, а также востребованность темы современным заводским менеджментом и воспроизводство династий в результате семейных стратегий. В связи с этим, нельзя не согласиться и с выводами О. А. Ткач, которая считает, что феномен заводской династии, предполагающий устойчивую практику трудоустройства на предприятие представителей нескольких поколений одной семьи, «был инкорпорирован в социальную структуру советских предприятий и эффективно задействован в сфере управления трудовыми коллективами». И далее: «В постсоветском обществе заводская династия рассматривается как анахронизм, утративший свою актуальность и не вписанный в институциональные рамки российского рынка труда. Вместе с тем ресурсы заводской династии, основанные на семейных и производственных традициях, обладают потенциалом сохранения и развития кадровой политики современных предприятий» [17].

Опираясь на уникальный многолетний опыт Кировского завода г. Санкт-Петербурга (Ленинграда), социолог О. А. Ткач отмечает, что разрушение советской идеологии «рабочего класса как гегемона» повлекло за собой резкое снижение социальной значимости статуса рабочего и заводского труда, и, соответственно, династий рабочих. Вместе с тем, истории о рабочих династиях, сформировавшихся и получивших известность в советский период, продолжают публиковаться в заводской многотиражке. Репрезентации рассказов о заводских династиях, как одна из традиций современного предприятия, представляют собой его значимый «бренд». Советские рабочие династии обретают статус заводской музейной ценности, они составляют элемент коллективной памяти заводского сообщества, символизируя локальный патриотизм работников, а также стабильность и успешность предприятия в будущем [17].

Ретроспективный подход к изучению опыта воспроизводства трудового потенциала российского социума в XX веке позволяет говорить о возможности его использования в новых социально-экономических условиях. Речь идёт, прежде всего, о поиске реальных и продуктивных социальных технологиях воспроизводства сравнительно малочисленных профессиональных, и особо значимых для общественного производства, группах работников. В частности, речь идёт о корпусе инженерных кадров для предприятий реальной экономики. Важно учитывать, что вопросами модернизации инженерного образования и качества подготовки технических специалистов всерьёз заинтересованы Президент и Правительство РФ, что отмечалось участниками Совета при Президенте РФ по науке и образованию, который проходил в Москве 23 июня 2014 года. Там же были обозначены основные пути, формы и средства решения проблемы воспроизводства и эффективного использования инженерных кадров на российских предприятиях с целью повышения устойчивости и эффективности социально-экономического развития, как региона, так и страны в целом [15].

Проведённый в Институте экономики УрО РАН в 2010-2017 гг. ряд мониторинговых исследований позволяют утверждать, что в современных условиях трансформации общественно-экономических отношений в РФ на крупных промышленных предприятиях (*объединениях*) возможно формирование особой кадровой политики целенаправленного формирования в семьях кадровых, талантливых инженеров целевой установки родителей на сохранение и продолжение профессиональной преемственности детей «делу отцов» (*«профессионально-производственной династичности»*).

В частности, предлагается новое социологическое понятие *«профессионально-производственный коридор подготовки молодых специалистов»*, предполагающие целенаправленное и заинтересованное (*мотивированное*) «сопровождение» процесса профессиональной социализации молодых людей по мере их онтогенетического взросления в рамках 4-х основных институциональных образований: *«РОДИТЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ ⇔ ШКОЛЫ ⇔ ВУЗа ⇔ ЗАВОДа»*. Подобное «сопровождение» способствует адресному воспроизводству структуры кадров региона в

профессиональном и производственно-поселенческом разрезах, создавая реальные условия для удовлетворения текущих и перспективных потребностей подготовки кадров в регионе. Этот процесс может носить как индивидуальный, так и групповой характер. При этом выявлены особенности процесса профессиональной социализации и профессионально-производственной мобильности инженерных кадров в ракурсе влияния гендерного фактора и семейного состояния на процесс воспроизводства инженерного корпуса на промышленных предприятиях Урала.

Актуальность обозначенной цели и соответствующих задач обусловлена прямым заказом на необходимость изучению проблем поддержки и развития семьи, как одного из важнейших социальных институтов, которые обеспечивая воспроизводства духовных скреп нации «... являются носителями традиционных ценностей, исторически доказали свою способность передавать их из поколения в поколение ...мы должны действовать не путем запретов и ограничений, а укреплять прочную духовно-нравственную основу общества. именно поэтому определяющее значение приобретают вопросы общего образования, культуры, молодежной политики. Эти сферы – это не набор услуг, а прежде всего пространство для формирования нравственного, гармоничного человека, ответственного гражданина России» [13].

Библиографические ссылки

1. Даль В. И. Толковый словарь. В 4-х томах, Т. 1, Москва: РИПОЛ Классик, 2006 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://failovik.com/more/knigi/10681-v-i-dal-tolkovyy-slovar-zhivogo-velikorusskogo-yazyka-tom-1-4-2006.html>
2. Ильин В. Государство и социальная стратификация советского и постсоветского обществ. 1917-1996 гг.: Опыт конструктивистско-структуралистского анализа. – Сыктывкар: Сыктывкарский ун-т, Институт социологии РАН, 1996. – 349 с.
3. Коган Л. Н., Павлов Б. С. Молодой рабочий: вчера, сегодня. – Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1976. – 175 с.
4. Коган Л. Н., Павлов Б. С., Поляничко В. П. Трудовые династии Оренбуржья. – Оренбург, 1977. – 95 с.
5. Коган Л. Н., Павлов Б. С., Тарабрина Л. С., Татаркин А. И., Анисимов С. А., Бердник Л. П., Икингрин Е.Н., Стожаров А. В. и др. Проблемы социализации детей и подростков (на материалах исследований в поселениях Крайнего Севера). 1992-1994 гг. – Екатеринбург-Надым: Институт экономики УрО РАН. Надымское управление народного образования, 1994. – 270 с.
6. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. – Москва: ООО «Издательство «Мир и Образование»; ООО «Издательство Оникс», 2012. – 1376 с.
9. Павлов Б. С., Анисимов С. А. Экономическое поведение молодёжи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН, УрФУ. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 604 с.
10. Павлов Б. С. Из школьного в рабочий класс. – Москва: Сов. Россия, 1989. – 240 с.
11. Павлов Б. С. Матери, отцы, дети: Социологический очерк. – Москва: Сов. Россия, 1984. – 192 с.

12. Павлов Б. С. Социально-классовая преемственность и воспитание молодых рабочих. – Москва: Наука, 1984. – 225 с.
13. Послание Президента РФ В. В. Путина Федеральному собранию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.b-port.com/news/item/93504.html> (дата обращения: 14.10.2016).
14. Радаев В., Шкаратан О. Социальная стратификация. – Москва: Аспект-Пресс, 1996. – 318 с.
15. Стенографический отчёт о заседании Совета при Президенте по науке и образованию 23 июня 2014 года // Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/45962> (дата обращения 12.09.14).
16. Талалаев Н. С. Нравственный климат рабочего города // Трудовой коллектив – звено нравственного воспитания: По материалам Всесоюзной научно-практической конференции в Баку (апрель 1979 г.). – Москва, 1979. – С. 149; Мазырин В. П. Учёт всех факторов воспитания. Там же. – С. 34.
17. Ткач О. А. Заводская династия как социально-культурный феномен: советский и постсоветский периоды: автореф. дисс. ... на соискание уч. степени кандидата социол. наук. – Санкт-Петербург, 2008. – 23 с.
18. Ушинский К. Д. Избр. пед. произведения. – Москва: Просвещение, 1968. – 557 с.
19. Человек и его работа. – Москва: Мысль, 1967. – 392 с.
20. Эстафета славных традиций / Правда. – 1975.

А. А. Козлов

ПАРАДИГМЫ «РОССИЯ» И «ЗАПАД» В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматриваются некоторые вопросы конфликта двух парадигм: российской и западной и реакция на них нашей молодежи.

Ключевые слова: молодежь, парадигма, холодная война, пропаганда, позиции и факторы конфликта, патриотизм.

A. Kozlov

THE PARADIGM OF "RUSSIA" AND "THE WEST" IN THE PERCEPTION OF MODERN YOUTH

Abstract. This article discusses some of the issues of the conflict of two paradigms: the Russian and Western, and the reaction to them of our youth.

Keywords: young people, the paradigm, the cold war, propaganda, and the position of Conflict, patriotism.

В данной статье я вовсе не хотел бы определять позиции сторон в конфликте Запад-Россия как правильные или неправильные. Огрехов у каждой из сторон достаточно, равно как и полно спорных моментов. Задача в данном случае заключается в определении позиций сторон как не просто противоречивых, а зеркально противоположных, основанных на глубоких различиях в подходах к тем или иным фактам, событиям, процессам, и несопоставимости в самой основе этих различий. А значит, и в крайней трудности, а порой и невозможности примирения, а в самом лучшем случае – достижения условного и временного согласия конфликтующих сторон, при сохранении ими своих интересов. В связи с обострением отношений между западным блоком, ведущей силой которого являются США, с одной стороны, и Россией, с другой стороны, возникает множество проблем, связанных с работой с молодежью. А заодно, все более актуальными становятся вопросы пропаганды и контрпропаганды в молодежной среде. Причем, работать здесь следует с опережением, при этом не уходить в оборону, а вести непрерывное наступление. И не надеяться на то, что приход нового американского президента все изменит.

Активный прессинг в западных СМИ, и особенно в социальных сетях, потребителями которых является молодежь России, целевая направленность информации, постоянные вбросы дезинформации и т.д. должны обязательно учитываться и отражаться в ответных реакциях с нашей стороны. При этом следует учитывать не только массовое пользование компьютерами и, соответственно, Интернетом, но и значительный в последние двадцать лет рост числа молодых людей, владеющих иностранными языками. А значит, способных пользоваться западными источниками, так

сказать, напрямую. Задача системы образования и в целом работы с молодежью заключается в научении работать с информацией, способности разбираться в вопросах идеологии и в методах пропаганды.

Значительную роль здесь, как показывают исследования, играет гражданско-патриотическая позиция самих молодых людей, в данном случае выполняющая роль как фильтра, отсеивающего зерна от плевел, так и защитного барьера, препятствующего воздействию враждебной пропаганды. Конечно, очень бы не хотелось возвращаться во времена холодной войны, со всей ее спецификой, риторикой, методами, но, увы, обстоятельства требуют, ибо формы и методы, в общем-то, сохранились. А опыт есть и у нас, и у наших противников.

Понятно, что многое изменилось со времен 1970-1980-х годов, но изменился и мир, познавший ледяные метели холодной войны и радости оттепелей и относительно бескризисные времена в экономике. К этому времени многое позабылось, ушли старые кадры организаторов пропаганды и пропагандистов, практически исчезла сама система пропаганды. Исчезли или переквалифицировались и массовые организации, ранее занятые в этой сфере.

Хотя ничего нового за это время не появилось. Сначала потому, что, как казалось, они и не нужны, а само понятие идеологии было стерто, почти вычеркнуто из лексикона, а если и употреблялось, то непременно в отрицательном значении. И так продолжалось двадцать лет, срок достаточный, чтобы потерять квалификацию в этой области. Однако времена опять стали меняться. Началось новое противостояние уже не социальных систем, а цивилизационных образований, где его наиболее острые формы на сегодняшний день можно проследить в отношениях Россия-Запад.

Итак, события последних лет, особенно, начиная с 2014 года, наглядно показали, что противники активно используют средства и методы, характерные для холодной войны. Причем в более жестких формах, нежели в периоды 1930-1940-х и 1950-1970-х годов. А анализ стратегий противостояния говорит, что обе стороны разошлись в принципиальных вопросах, заняв прямо противоположные позиции. Нет ни одной точки, где эта противоположность не ощущалась бы. Разве что осталась приверженность основным принципам мироустройства, где ключевыми остаются демократия, правовое государство и права человека, рыночная экономика и т.д. И то с известными оговорками. Эти слова не сходят с лозунгов противодействующих сторон.

Другое дело, что от лозунгов до реальности расстояние бывает огромного размера. А уж в конкретных вопросах тем более. Достаточно рассмотреть все это на нескольких, конкретных примерах. Во-первых, наступление Запада на Россию с начала 1990-х годов так и не прекратилось. Продвижение на Восток достигло границ нашей страны. А теперь еще и ПРО, опять же у наших границ. Что мы вынуждены были делать – реформировать и укреплять свою армию, выстраивать гарантирующую (относительно, конечно) безопасность оборону. Что в ответ – начался шквал обвинений в агрессивности России.

Во-вторых, знаковым событием, в последние годы отразившимся на отношениях Запад-Восток были события на Украине и в Крыму. Опять шквал обвинений. Но события на Украине начались не только как следствие жесточайшего экономического и политического кризиса (и не только внутреннего), но и прямого, и косвенного, и нескрываемого вмешательства того же Запада, что в совокупности привело к перевороту, поставившего эту страну на грань распада. Вот это и была настоящая агрессия и диктат бывшему украинскому президенту, а затем и антигосударственный переворот. Остальное, скорее, частности. Но в западной пропагандистской картинке виновата во всем, конечно, Россия.

В-третьих, события в Крыму и на юго-востоке Украины были результатом грубого давления на русское население со стороны киевской хунты и, как следствие, народного восстания. Народ этих, и не только этих, областей не захотел жить в составе Украины. На Западе же иное мнение, а именно, что это результат российского вмешательства. При этом применяются разного рода термины, как аннексия, агрессия, блокада и т.д. Показательны в этом смысле решения западных судебных инстанций, определивших эти процессы как военную агрессию России против Украины. Кстати, о своей агрессии на Украину на Западе предпочитают умалчивать. И ко всему различается и аргументация. С одной стороны, одни обвиняют других в нарушении основополагающих принципов международного права, а аргументы обвиняемых сводятся к провозглашению воли народа, как высшего закона. Но не будем вдаваться в подробности, поскольку у нас иная задача.

В-четвертых, в Сирии война ведется коалицией не столько против ИГИЛ (запрещенной в России), и даже не против «кровавого режима» Асада, а, как уже очевидно, против «агрессивной» России. Соответственно, и пропагандистские аргументы сторон выстраиваются соответствующим образом. Здесь важно отметить одну существенную деталь. В качестве инструмента доказательства или оправдания своих позиций опять утвердилась так называемая «черная пропаганда» и оголтелая русофобия.

Но и это не ново. Достаточно вспомнить 1930-1940-е годы. Черная ложь тогда стала непременным атрибутом пропаганды. Примеров множество. Сбил «кто-то» известный самолет, Понятно, что это Россия! Вот недавняя кампания по выбору президента в США. Крики, буквально, вопли о вмешательстве России в кампанию. О том, что ныне победитель в ней чуть ли не русский агент и т.д. Вот и в Германии в период избирательной кампании разыгрывали эту же карту.

А истерия по поводу русской угрозы? В эту кампанию включились почти все западные высшие должностные лица. К ныне существующим системам добавились новые механизмы, они уже раскручены, под них выделены огромные средства. Утверждается долговременная система. А останавливать такие машины, как показывает опыт, крайне трудно. Хотя они очень опасны и не похожи на игру в солдатики. Более того, создатели подобных конструкций не только становятся в крайне неудобную позицию, но, что важнее, со временем, начинают верить в ими же созданное.

А то и становятся заложниками своего «творчества». Доказательств при всем этом как всегда нет. Но это и не важно. Ложь должна быть оглушающей. Как утверждал один известный классик пропаганды, чем более невероятна ложь, тем быстрее в нее поверят. Где он теперь, этот классик? А дело его, к сожалению, живет. Хотя пропаганда и ложь, конечно не родные сестры, но, опять же, к сожалению, обойтись друг без друга, как видно, не могут. Не получается!

В порядке комментария замечу, что вера, особенно в таких случаях, – феномен коварный. Потому сам автор, по возможности, избегает пользования им, принимая за основу другое понятие – «знание». Но от веры до знания слишком большое расстояние, не говоря уже о том, что это весьма разные феномены. Но за приоритет знания следует бороться. Следует серьезно подремонтировать системы образования и воспитания. Именно системы, ибо они, хоть и связаны, но имеют существенные различия, на что, к сожалению, обращается мало внимания.

Тем более что в начале 1990-х годов именно система воспитания была, по сути, ликвидирована, и огромные массы молодежи остались без ее воздействия. Да и гуманитарное образование было изрядно искалечено. А анализировать происходящее, привлекая материалы не только из настоящего, но и из прошлого, заглядывая при этом в будущее, возможно лишь на фундаменте знания, с его законами и строгой логикой, а не на буйстве фантазии, корнями своими уходящего в веру и невежество. Можно и дальше приводить много примеров. Но и так ясно, что позиции и формулировки двух сторон зеркально противоположны. Это приводит к мысли о том, что сближения позиций быть не может. Кажется, это просто невозможно!

Иногда говорят, что нужна перезагрузка, что все нужно начать с чистого листа. Увы, это только пожелание. И даже если таковая произойдет, это будет только демонстрация, после которой начнутся неизбежные расхождения и новые осложнения. И потому, что истинные причины находятся много глубже и вовсе непосредственно не относятся к большинству нынешних конфликтов. А во времени, хотя и исходят из прошлого, но направлены далеко в будущее.

Для наглядности представим разность только приведенных выше позиций сторон в виде таблицы (табл. 1). И так далее. Линейку примеров можно продолжать долго. Но мы говорим о том, каково воздействие идеологических конструкторов Запада и не только Запада (а в России «натовских окопов» нарыто уже предостаточно, и желающие посидеть в них тоже есть!) на сознание молодежи.

Причем, в качестве примера возьмем студенчество, как достаточно взрослую и образованную часть нашей молодежи. И опять же несколько примеров, используя материалы исследований 2014-2015 годов кафедры социологии молодежи и молодежной политики СПбГУ в пяти городах страны (табл. 2-5).

Как видим, оценки студентов достаточно примечательные, преимущественно – позитивные в отношении внешней политики РФ.

Таблица 1

Различие позиций: Запад – Россия

Западный блок	Россия
Рост российской военной угрозы	Ответное укрепление обороноспособности
Крым и Донбасс – следствие агрессии России	Следствие всеобщего народного восстания, поддержанного Россией
Россия в Сирии воюет с оппозицией и с мирным населением	Россия ведет борьбу с международным терроризмом.
Россия вмешивается в избирательные кампании в США и в Европе	В. В. Путин: «Нам это не нужно и невозможно. Народ сам разберется».
Ложь и подрывная деятельность российских СМИ	Ложь и «черная пропаганда» Запада против России и ее курса. 20 направленная на развал Европы

Таблица 2

Оценка студентами событий в Киеве (майдан, переворот) и на Украине

Оценки	%
Следствие заговора западных сил с опорой на радикальных националистов	42
Главная цель не Украина, а Россия	24
Опасная смута	18
Народная революция	16

Таблица 3

Оценка студентами вхождения Крыма в состав России

Оценки	%
Безусловно поддерживаю	69
Не могу сказать определенно	23
Оцениваю негативно	7

Таблица 4

Оценка студентами действий В. В. Путина в Крыму и на Украине

Оценки	%
Путин – блестящий политик, заслуживающий высокой оценки	80
Путин совершил грубую ошибку, за что всем придется дорого заплатить	20

Таблица 5

Студенты об операции в Сирии

Оценки	%
Абсолютно необходимые действия для обеспечения безопасности России	56
Пустая трата средств	24
Авантюра с большой вероятностью печальных результатов	20

Замечу, что студентам самим нелегко. Кризис ударил по ним достаточно остро. Так, сильно ощутили воздействие кризиса два из каждых пяти опрошенных

студентов; в некоторой степени – почти каждый второй; лишь 15 % (каждый седьмой) не ощутили его. При этом, лишь один из шести считает, что кризис продлится достаточно долго, более половины (55 %) уверены, что он скоро пойдет на спад, а каждый четвертый (24 %) даже надеется, что скоро начнется подъем экономики. Они, конечно, оптимисты (возраст обязывает, а, может, и, в определенной степени, трезвый взгляд на положение дел). А вот оценка западных санкций: как некомпетентные действия, основанные на традиционной имперской истерике и желании отхватить жирные куски российского пирога, оценивают четверо из каждых пяти. Наконец, каждый второй уверен, что Россия «выдержит давление Запада в украинском кризисе?» (49 %). Для многих (38 %) такая уверенность сочетается с пониманием необходимости «затянуть пояса». Лишь 3 % ответили, что она «не выдержит» этого давления.

Кстати, об оценке молодежью действий нашей так называемой оппозиции, деятелей из тех самых «натовских окопов», о которых упоминалось выше. Для трех из каждых четырех респондентов это – «скорее, неперспективная тусовка; для каждого пятого – «типичная прозападная агентура влияния. Лишь 5 % видят в них «революционеров, борющиеся за развитие гражданского общества и страны».

Нетрудно заметить, что в высказываниях студентов довольно хорошо просматривается патриотическая позиция. Именно она-то и определяет смысл и форму суждений и позиции молодых людей. Тем более, в условиях холодной войны и информационных атак. Тут важно занять однозначную позицию, ибо сидеть на двух стульях невозможно. Эту истину осознанно или подсознательно большинство наших молодых людей, кажется, усвоили и продемонстрировали высокий уровень патриотизма. А что касается наших больных проблем, как в экономике, так и в социальной области, разберемся, должны разобраться, хотя это и будет нелегко и не сразу.

ОБРАЗОВАНИЕ И РЫНОК ТРУДА: НОВАЯ СИТУАЦИЯ

В статье – на основе анализа данных статистики и социологических исследований, проведенных под руководством или при участии автора – рассматривается противоречивое влияние возрождавшихся рыночных отношений на образование: от снижения привлекательности образования и престижа высококвалифицированных занятий до усиления ориентации молодежи на сферу образования, на поступление в вуз. Но увеличение доступности высшего образования не снизило (а лишь изменило форму) социального неравенства в этой сфере.

Ключевые слова: рыночные отношения, рынок труда, престиж образования, ориентация молодежи на сферу образования, на поступление в вуз, социальное неравенство в сфере образования.

D. Konstantinovskiy

EDUCATION AND THE LABOUR MARKET: THE NEW SITUATION

Abstract. The article is based on an analysis of statistics and sociological research carried out under the direction or with the participation of the author is considered contradictory influence of revival (resurgent) market relations in education: from reducing the attractiveness of education and prestige of highly skilled occupations to enhance the orientation of young people for education, for admission to a University. But increasing the accessibility of higher education did not reduce (but only changed form) social inequalities in this area.

Keywords: market relations, labor market, education prestige, youth orientation towards education, admission to higher education, social inequality in education

В 1980–90-е гг. привлекательности образования, престижу высококвалифицированных занятий предстояли большие испытания. Рынок труда решительно изменился; дипломы старших поколений девальвировались; потеря работы, перемена интеллектуального труда на занятия типа «челночества» стали повсеместным явлением. Можно было услышать суждения такого рода: «Кому нужны твои два высших образования? Вон Петька, он и девяти классов не закончил, а у него два ларька, и он на «Мерседесе» раскатывает!».

Прошло, однако, несколько лет, и на рынке труда появился сегмент, где требовались специалисты высокой квалификации. В то же время и для многих функций в сфере обслуживания работодатель стал требовать диплом вуза. Значимость образования (и его формальных признаков), его роль в трудоустройстве и восходящей социальной мобильности стали возрастать. Ориентация молодёжи на сферу образования, в особенности на поступление в вузы не только восстановилась, но и значительно усилилась [4, с. 5-19].

К этому времени рухнули существовавшие в сфере образования административные барьеры. К тому же вузы избавились от мелочной регламентации и получили возможность (а также оказались вынуждены по финансовым причинам) в большей

мере пойти навстречу ожиданиям молодых людей и их родителей¹. Вузы смогли значительно увеличить приём как в абсолютном выражении, так и относительно числа потенциальных абитуриентов².

Каждый год сотни тысяч выпускников российских школ устремляются в вузы. В 2013 г. около 80 % из них стали студентами [6, с. 235, 357]. Наиболее предпочтительные вакансии для только что окончивших школу – на дневных отделениях вузов, там они составляют большинство и среди абитуриентов, и среди принятых на первый курс (рис.). Это их «экологическая ниша»; на других отделениях их значительно меньше [2, с. 191-193]. Получение вузовского диплома является целью и большей части выпускников других учебных заведений – как готовящих квалифицированных рабочих и служащих, так и особенно часто – предназначенных для подготовки специалистов среднего звена [4].

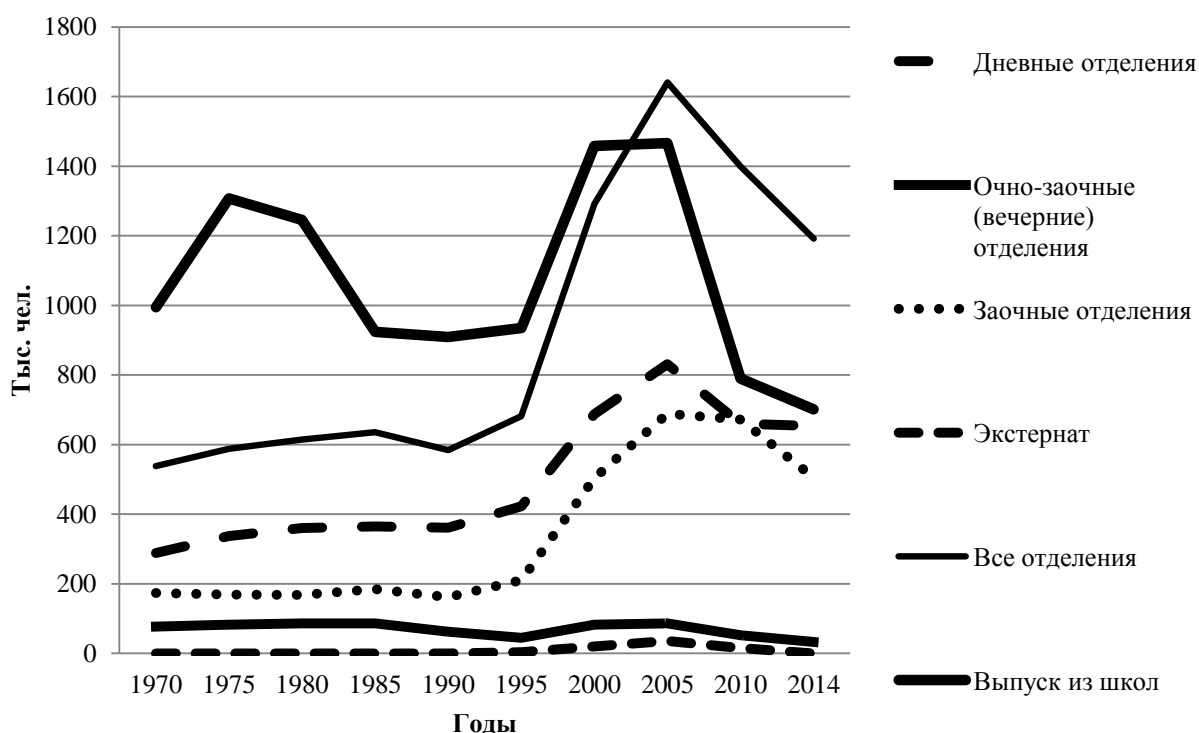

Рисунок – Выпуск из школ и прием в вузы (по отделениям и суммарно)³.

Как можно заметить, вплоть по 1995 г. не каждый выпускник школы имел возможность (гипотетическую⁴) стать студентом, потому что прием в вузы был зна-

¹ Вскоре, правда, выяснилось, что барьеры полностью не исчезли: что-то сохранилось из прежних, что-то возникло вновь или обрело большую, чем прежде, силу.

² 1994 г.: выпуск из школ - 891, 295 (данные Госкомстата РФ); прием на дневные отделения вузов - 396,000 [7]; 2013 г.: выпуск из школ = 735,200 [6, с. 235]; прием на дневные отделения вузов - 664, 500 [6, с. 360].

³ Источники данных: Выпуск из дневных средних школ: 1970-1990 – данные Госкомстата РФ; 1995 – [5]; 2000-2014 – [1, с. 126]. Прием в вузы: 1970-1995 – [7]; 2000-2010 – [6, с. 360]; 2014 – [1, с. 152].

⁴ Следует учитывать, что в вузы поступают не только юноши и девушки, окончившие школу в каждом данном году, но и выпускники прошлых лет, выпускники образовательных организаций для подготовки специалистов среднего звена и

чительно меньше, чем выпуск из школ. Такая ситуация продолжалась в течение десятилетий. Но в 2000 г. и далее каждый выпускник школы в принципе мог стать студентом: прием в вузы (суммарный, на все отделения) стал превосходить выпуск из школ (дневные отделения, однако, не могли вместить всех).

Возможности поступления в вузы и получения диплома, таким образом, значительно выросли. Те, кто вчера был бы аутсайдером и довольствовался, например, средним специальным образованием, теперь появились в вузовских аудиториях, если не на дневных, то на очно-заочных отделениях, с перспективой обрести полноценный диплом о получении высшего образования. Уменьшило ли это неравенство? Правильный ответ: увеличило доступность вузов.

Спрос, складывающийся на рынке труда, транслируется семьям и формирует мотивации молодых людей и их родителей при выборе будущего для своих детей. Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что высокий уровень ожиданий встречается в семьях, где есть соответствующий уровень мотивации и достаточные ресурсы, а там, где их нет, планка aspirations соответственно ниже. Так под воздействием рынка труда формируется спрос семей, связанный со сферой образования. Семьи, в свою очередь, транслируют этот спрос сфере образования. А та, формируя в ответ своё предложение, стремится удовлетворить спрос, тем более что она освободилась от прежней регламентации и обрела возможности сделать это. Можно определить спрос на поступление в вузы как отложенный в советский период и впоследствии получивший возможность удовлетворения (наподобие отложенного спроса на автомобили или поездки за рубеж).

Конечно, влияние рынка труда на ожидания семей и их намерения, и далее – на сферу образования не является прямым или однозначным. Рынок труда посылает сигналы как сильные, так и слабые, как определённые, направленные, так и случайные, и, разумеется, не формализованные. Сигналы эти неизбежно приходят в семьи с искажениями. Кроме того, каждая семья интерпретирует их по-своему, здесь сказываются социодемографические, образовательные и другие характеристики. Влияние семей на сферу образования также не чёткое, определённое или простое; оно скорее носит стохастический характер. Учебные заведения в своей деятельности ориентируются не только на их спрос, но и на другие сигналы, в том числе исходящие от органов власти (государственная поддержка и контроль остаются чрезвычайно важными). Таким образом, это комплексное, неоднозначное взаимодействие между акторами. Также нужно принять во внимание, что взаимодействие происходит не в вакууме, не в изоляции от того, что происходит в обществе в целом. Это взаимодействие испытывает влияние общей ситуации: оно зависит от демографических процессов, состояния национальной экономики, распределения доходов между слоями насе-

---

квалифицированных рабочих и служащих, а также выпускники вузов, желающие сменить специальность. Кроме того, вузам свойственна специфика приема, напр., по баллам ЕГЭ, а, напр., претенденты на поступление из сел должны принимать во внимание стоимость проживания в городе, где расположен вуз, и пр.

ния и т. д. Но взаимодействие «рынок труда – семья – сфера образования» явно прослеживается.

Вторая половина 1980-х и 1990-е гг. предоставляют нам выразительный пример этого взаимодействия. Прежняя экономика требовала большого количества образованных людей (особенно в военно-промышленном комплексе, и не только). Когда эта экономика рухнула, рынок труда послал ясный сигнал: потребности в квалифицированных специалистах практически нет. Руководители исследовательских лабораторий, университетские лекторы, инженеры и многие другие становились продавцами, курьерами, возили дешёвую одежду из Китая и Турции, и пр. Рынок предложил новые, совсем иные возможности для выживания и процветания (кому как повезло, или кто как сумел), и эти возможности требовали не вузовского уровня образования, а иных качеств. Семьи не могли не ответить на этот сигнал. Он повлиял на состояние умов родителей и повлёк за собой соответствующие ориентации в отношении судеб детей, в частности – их образования (не только высшего): оно перестало быть желанной перспективой.

Да и дети немедленноотреагировали на изменение ситуации. Яркий эффект того периода: дети покидали школу, не закончив курса обучения. Отсев из школ был малым и стабильным в ранние 1980-е гг. Он интенсифицировался в 1986-87-м, когда стали ощутимыми первые признаки экономических перемен в стране, и достиг максимума в начале 1990-х. Например, отсев возрос более чем в 8 раз при переходе школьников из 6/7 в 7/8 класс (двойная нумерация классов связана с особенностями школьного обучения). В середине 1990-х гг. школьное образование получала меньшая часть подростков школьного возраста, чем в начале 1980-х [8, с. 28-33].

Сфера образования, в свою очередь, ответила соответственно: приём на дневные отделения вузов, который рос постоянно до середины 1980-х, затем стал уменьшаться, особенно это проявилось в 1989, 1990 и 1992 гг. [Там же, с. 36-38]. Позднее, когда рынок труда начал возрождаться, родители стали иначе планировать будущее своих детей, а учебные заведения (в том числе - или в особенности - вузы) – формировать приём в соответствии с новым спросом на образование.

Нынешняя ситуация также демонстрирует яркий пример такого взаимодействия. Рынок труда посылает сигналы, что обладатели вузовских дипломов имеют преимущества в зарплате и лучше защищены от безработицы, чем работники, имеющие меньший формальный уровень образования [6, с. 82, 90]. Нет необходимости штудировать статистические справочники, чтобы узнать это, такая информация буквально «витает в воздухе». Более того, буквально каждое объявление о приёме на работу содержит едва ли не ставшее сакральным сокращение «в/о», что означает требование диплома высшего учебного заведения. Семьи отвечают на этот сигнал.

Исследование 2014 г. позволило подтвердить факт массового стремления молодёжи в вузы; оно наблюдается и у тех, кто не вполне уверен, что правильно выбрал профессию, и даже у тех, кто вовсе не успел определиться с выбором [3, с. 43]. Сфера образования приняла вызов, увеличивая приём и дифференцируясь по уров-

ням подготовки, а точнее – по целям пребывания в вузе. Дело в том, что рынок труда не только увеличил спрос на работников с вузовскими дипломами. Он также дифференцировал этот спрос. Увеличение приема – лишь один аспект ответа сферы образования на изменение спроса.

Отчасти в национальной экономике сформировался спрос на знания, на квалифицированных специалистов, и на удовлетворение этого спроса направлены деятельность значительного числа школ, образовательных организаций для подготовки специалистов среднего звена, для подготовки квалифицированных рабочих и служащих, наконец, вузов (или отдельных факультетов и отделений в них), усилия части родителей и энергия «продвинутых» молодых людей. Сформировался и массовый спрос со стороны работодателей на более или менее социализированных молодых людей, основные компетенции которых не лежат в какой-либо определенной производственной или иной профессиональной сфере, а заключаются в относительном умении или привычке учиться новому и навыках общения; это стало рассматриваться как результат пребывания в вузе. Пребывания, в течение которого происходит своего рода тренинг, и так или иначе указанные компетенции должны появиться у юношей и девушек. Эта потребность рынка труда быстро выросла прежде всего в результате взрывоподобного расширения сферы обслуживания (в широком смысле слова), ранее существовавшей в неразвитом состоянии и занимавшей мизерный сегмент национальной экономики, называвшейся в советское время народным хозяйством.

Специальность, по которой шло (или должно было идти) обучение выпускника вуза, при этом не важна. Например, для работы продавцом одежды (именуящемся менеджером торгового зала, консультантом или как-то иначе, но весьма звучно) вовсе не нужен специалист по ее конструированию, или дизайнер, или другой профессионал; требуется молодой человек с коммуникативными навыками, который будет внимателен к покупателю, не станет грубить ему и сможет быстро обучиться тому, что должен знать продавец. При приеме на работу важно предъявить свидетельство о прохождении упомянутого тренинга – наличие диплома. А поскольку знания по специальности обучения не существенны, то и не важно, где пребывали несколько лет юноша или девушка: в престижном университете, поступить в который можно только в ходе жесткого отбора, а закончить его лишь в результате упорной учебы, или в филиале мало кому известного института, куда принимали всех желающих за небольшую плату, а учебный процесс не требовал сколько-нибудь значительных усилий. Это только полярные из возможных вариантов; между ними – целый ряд разновидностей существующих сегодня институций, которые могут предоставить молодежи разные виды как образования, так и квази-образования. При лавинообразном всего за несколько лет увеличении приема видоизменение картины высшего образования может принимать сколь угодно причудливый характер.

Обе разновидности спроса транслировались в семьи, где жадно ловили импульсы, исходящие от рынка труда, чтобы верно определиться. Сигналы от рынка

труда неизбежно приходили с посторонними шумами, с искажениями. В семьях, стремясь оптимизировать образовательную траекторию детей, вынуждены соотносить эти сигналы со своими aspirationами. В зависимости от идеалов и ожиданий родителей и детей, их представлений о надлежащем относительно жизненной карьеры, от их компетентности в анализе ситуации в сфере образования, от возможностей семьи (в том числе, финансовых), ресурсов детей (выраженных, в частности, в показателях академических успехов), степени осознания специфики рынка труда - формировались представления о должном и вероятном в отношении будущего образования. При этом неизбежно происходил выбор: квалификация или диплом? Так формировался спрос на образование (две разновидности спроса).

Как происходит трансляция сигналов, удавливаемых родителями? Здесь нет загадочных, таинственных каналов передачи информации. Родители и дети не листают по ночам статистические справочники и труды экономистов и социологов; по объявлениям о приеме на работу, по уровню жизни соседей (и не только) они получают представления о необходимости вузовского диплома для минимизации риска безработицы и максимизации уровня заработной платы. Эта информация доступна каждому на уровне здравого смысла. Далее семьи (родители и дети) передавали спрос сфере образования. А она ответила соответствующим предложением. Так естественным образом создавалась ситуация, которую мы наблюдаем, и которая вызывает столько дискуссий: в одних учебных заведениях (на одних факультетах, отделениях) происходят социализация и приращение человеческого капитала в том смысле, в каком это принято понимать применительно к высшему образованию; а в/на других – социализация (несколько иная, в силу специфики вуза или факультета, отделения) и производство свидетельств о пребывании, выполнение сигнальной функции. Произошло следующее: дифференциация спроса породила дифференциацию предложения. Таков второй аспект ответа сферы образования на изменение спроса.

Следует признать, что и там, где формальными свидетельствами удостоверено не столько владение профессиональными знаниями, сколько наличие навыков, полученных в результате социализации за время пребывания в вузе, - там также, несомненно, происходит приращение человеческого капитала. Но не такого содержания, качества и объема, какой предполагается в понятии высшего образования. Дифференциация учебных заведений и их подразделений озадачивает аналитиков, а администраторов образования подвигает на организационные меры. Но справедливо ли делить вузы (и факультеты, и отделения) на хорошие, эффективные («белые, пушистые») и плохие, неэффективные? Они просто выдают разную продукцию. Здесь производят и получают знания; там – формальные свидетельства и вместе с ними – право на соискание работы соответствующего уровня. Эта дифференциация не составляет трудностей для работодателей: они знают свои потребности, а их кадровые службы определились с тем, из каких учебных заведений следует брать работников, а из каких – ни в коем случае. Не озадачивает она и молодых людей: она предоставляет возможности выбора.

Однако на рынке труда дипломы не равноценны. Диплом, полученный в результате конкуренции при поступлении и затем в ходе упорной учебы, свидетельствующий о наличии квалификации, и диплом, доставшийся легко и не свидетельствующий о накоплении знаний, стоят не одинаково. И, соответственно, сулят разную профессиональную карьеру и разные социальные вознаграждения. Неравенство, таким образом, мимикрирует; раньше на первом плане было (и оказывалось проблемой) неравенство поступления в вузы, а теперь оно потеряло прежнее значение (поступить куда-нибудь стало возможно), - и обратилось неравенством на рынке труда.

Библиографические ссылки

1. Индикаторы образования: 2016. Статистический сборник. – Москва: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016.
2. Константиновский Д. Л., Абрамова М. А., Вознесенская Е. Д., Гончарова Г. С., Костюк В. Г., Попова Е. С., Чередниченко Г.А. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования. – Москва: ЦСПиМ. 2015. – 232 с.
3. Константиновский Д. Л., Попова Е. С. Молодежь, рынок труда и экспансия высшего образования // Социологические исследования. – 2015. – № 11. – С. 37-48.
4. Константиновский Д.Л., Попова Е. С. Отношение молодежи к образованию в современной России // Общественные науки и современность. – 2016. – № 1. – С. 5-19.
5. Образование в Российской Федерации: 2007. Статистический сборник. – Москва, Гос. университет «Высшая школа экономики». – 483 с.
6. Образование в Российской Федерации: 2014. Статистический сборник. – Москва, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – 464 с.
7. Статистика Российского образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stat.edu.ru/scr/db.cgi?act=listDB&t=2_6_13&tttype=2&Field=All. (дата обращения: 22.12.2014)
8. Konstantinovskii D. L., & Khokhlushkina F. A.. The Formation of the Social Behavior of Young People in the Sphere of Education. In *Russian Education and Society*. – 2000. – Vol. 42. – No. 2. – P. 26-58.

О ПРОБЛЕМЕ САМОРАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА¹

В настоящей статье рассматривается проблема саморазвития общества, ее синергичная сложность и такие способы ее преодоления как поэтапная модернизация сверху и снизу, а также формирование социального государства как субъекта гуманистически ориентированного саморазвития.

Ключевые слова: саморазвитие общества, сложность как синергичное качество человека и его сообществ, универсалии человеческих сообществ, креативный характер культуры, модернизация сверху и снизу, региональная инновационная система, социальное государство как субъект модернизации.

N. Lapin

ON THE ISSUE OF SELF DEVELOPMENT SOCIETY

Abstract. this article deals with the problem of self development society, its synergetic complexity and methods of overcoming both the gradual modernization of the top and bottom, as well as the formation of the social (welfare) State as a subject of humanistic oriented self-development.

Keywords: self development society, the complexity of how synergetic human quality and its communities, universals of human communities, creative nature of culture, modernization of the top and bottom, the regional innovation system, the social (welfare) State as a subject of modernization.

Гибель цивилизаций объясняется их недостаточной способностью к саморазвитию, адекватной вызовам истории.

А. С. Ахиезер [3]

От универсального – к антропосоциокультурному эволюционизму. Принцип эволюции, саморазвития утверждается в научной картине мира как универсальный, присущий всем основным формам бытия Универсума – неорганической, органической и человеческой («социальной»). «Представления о саморазвивающихся системах выступают ядром современной научной картины мира. В ней утвердилась идея глобального эволюционизма, предполагающая видение Метагалактики и всех ее подсистем, возникающих в процессе космической эволюции (от Большого взрыва до наших дней) в качестве сложных саморазвивающихся систем... Представления о саморазвитии относятся также ко всем объектам живой природы, рассмотренным в контексте эволюции (доклеточный уровень, клетки, многоклеточные организмы, популяции, биоценоз, биосфера). Наконец, общество в целом и его отдельные подсистемы также предстают как саморазвивающиеся системы» [24, с. 28].

На XIX Харчевских чтениях (октябрь 2017 г.), темой которых стало «Метатеоретизирование в науке: возможности и перспективы», я постарался показать, что идею глобального эволюционизма, выдвинутую академиком Н.Н. Моисеевым и философски обоснованную академиком В. С. Степиным [17; 23], с учетом предложен-

---

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 18-011-00386а.

© Лапин Н. И., 2018

ной М. С. Каганом концепции исторической *метаморфозы биологической формы бытия* в антропосоциокультурную [10, с. 52-60], в применении к изучению человека и его сообществ целесообразно конкретизировать как принцип антропосоциокультурного эволюционизма (АСК-эволюционизма) [См.: 15].

В настоящей статье отмечу, что принцип АСК-эволюционизма находится в русле социокультурного подхода Макса Вебера, а более конкретно – опирается на гениальное прозрение Питирима Сорокина, которое он выразил в синтезирующем тезисе: «Личность, общество и культура как неразрывная триада». Возражая представителям Чикагской школы, которые пытались свести предмет социологии к социальному аспекту, П. Сорокин, в фундаментальном труде «Общество, культура и личность: их структуры и динамика» (1947 г.) уточнил: «Ни один из членов этой неразделимой триады (личность, общество и культура) не может существовать без двух других» [22, с. 218]. Далеко не во всем соглашавшиеся с Сорокиным Талкот Парсонс и его коллеги позднее, в подытоживающем труде «К общей теории действия» (1965 г.), фактически обосновали утверждавшуюся им неразделимую триаду на уровне *каждого акта* социального действия [19, с. 421-422].

В последние десятилетия исторические науки, используя совокупность аналитических и синтезирующих методов, включая реконструирование, сформировали более конкретные представления о «преистории» человека, человечества. Они обобщенно изложены в шеститомной «Всемирной истории» (гл. ред. Академик А. О. Чубарьян, автор разделов о преистории член-корреспондент РАН Х. А. Амирханов). Впечатляют данные о «культуре ранней первобытности». «Все предшествующее биологическое развитие человека, протекавшее параллельно с развитием социальным, подготовило к верхнему палеолиту такой уровень культуры, который был способен обеспечивать самостоятельно дальнейший прогресс и далее оказывать обратное воздействие на биологическую основу человека... В верхнем палеолите и мезолите человек осваивает практически все экологические ниши, занятые им в настоящее время», включая Австралию и Америку [6, с. 11-16].

Опираясь на сказанное выше о «неразрывной триаде» и трансформации биологической формы бытия в антропосоциокультурную, можно предположить, что триада фундаментальных, но разнородных качеств человека (биологического, социального, духовного, т.е. человека культуры [см.: 31, с. 7-10]) *формировалась, взаимопроницающая и синергично взаимодополняя* друг друга, образовав *антропосоциокультурное* существо, обладающее принципиально новой, синергичной *сложностью*.

Первобытные стада предков *homo sapiens* также трансформировались в качественно более сложные образования – *антропосоциокультурные сообщества*. Их базовыми составляющими стали две триады универсалий. Первая триада – антропно-сущностные универсалии: 1) *человек* как разумно-деятельное биосоциокультурное существо; 2) его *социальные отношения* с другими людьми в процессах их взаимодействий, или *социум* в узком смысле слова; 3) *культура* людей как совокупность ценностей, норм и результатов их деятельности, различных форм поведения.

Вторая триада – ресурсно-экологические универсалии и их регуляторы: 4) *природно-климатические условия* человеческого бытия; 5) синергийно возникающая АСК-энергия индивидов и их сообществ; 6) *институциональные регуляторы* потоков АСК-энергии и использования природно-климатических условий. Эти универсальные составляющие каждого сообщества, включая *общество*, также взаимопроницают, взаимодополняют друг друга и реально существуют только в синергийном единстве. Саморазвитие этой новой, антропосоциокультурной формы бытия осуществляется на много порядков сложнее, многообразнее, нежели биологической (органической) и неорганической форм бытия.

На современном этапе глобального развития человечества стала очевидной синергийная сложность функционирования и эволюции антропосоциокультурной формы бытия. Она проявляется в умопомрачающих кентавр-проблемах и фантомах, нарастающее многообразие которых выявлено в трудах известных западных и российских социологов [см.: 4; 5; 12-13; 25-27 и др.]. Но если феноменологический слой сложности современных обществ неоднократно фиксирован, то его глубинное содержание пока не вполне ясно. В последнее время специалисты в области методологии науки стали обращать внимание на латентное содержание феномена сложности (или «сложности» [2]) как синергийного качества нового мира сложности.

Латентное содержание сложности людей и их сообществ я вижу именно в синергийном *взаимопроницании* их качественно разнородных универсалий, о которых я сказал выше, а сложность познания и регулирования эволюции таких объектов можно охарактеризовать, вслед за одним из ведущих исследователей сложностей, как *отказ от упрощения* [18, с. 44]. Такой отказ означает *требование конструктивных решений проблем саморазвития сообществ людей путем рефлексирования их изучения и повышения сложности их самоорганизации*. Иными словами, для успешной эволюции российского общества и его региональных сообществ ключевым становится повышение сложности способов их самоорганизации.

Сделаю несколько уточнений. Первое: в Новое время, по мере углубления разделения труда, базовые универсалии человека и его сообществ интенсивно дифференцировались и существуют ныне в виде множества институционализированных структур, укрупненно предстающих нашему взору как экономические, политические и другие, за которыми скрыты базовые универсалии. Ныне очевидно их взаимное обособление и даже отчуждение (например, государства от гражданского общества), а их взаимопроницание оказалось латентным. Эта *самодифференциация универсалий* обуславливает дробление знаний о человеке и его сообществах, принятие простых решений, препятствующих эффективному их функционированию.

Второе: *социум* как совокупность отношений между людьми, вырастает не только из их сознательной деятельности, но и из не вполне сознаваемых форм поведения, отчасти свойственных человеку как биологическому организму. Напротив, *культура* – *чисто человеческая универсалия*: она представляет собой надбиологический код жизнедеятельности людей и совокупность ее результатов, является креа-

тивной компонентой, рождающей инновации, первичным источником саморазвития человека и его сообществ. Но ее состояние и развитие зависит от условий и правил ее функционирования, во многом определяемых социальными отношениями – социумом, который может и стимулировать и тормозить, блокировать саморазвитие культуры.

Третье: взаимопроникновение универсалий возбуждает (индуцирует) взаимодействие энергии каждой из них и преобразует ее в качественно новую, *антропосоциокультурную энергию* (АСК-энергию) человека и его сообществ, благодаря которой реализуются их синергические качества. Анализ способов индуцирования АСК-энергии, определение ее единиц (квантов) позволит точнее измерить масштабы АСК-энергии разных сообществ людей – от малых групп до самодостаточных сообществ, цивилизаций и человечества.

Четвертое: в отечественной литературе не уделяется должного внимания такой характеристике общества как самодостаточность, которая отличает его от других сообществ, в том числе от входящих в него регионов. В социологии эта характеристика общества наиболее полно раскрыта структурным функционализмом. Т. Парсонс в «Системе современных обществ» (1971) отметил: «Мы определяем общество как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей и другие социальные системы... Самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимообмена и способность контролировать взаимообмен в интересах своего функционирования». Этой способностью должна характеризоваться и каждая подсистема общества – личностная, социальная, культурная. Соответственно, «если подавляющее большинство членов какого-то общества испытывает крайнее «отчуждение», то говорить об этом обществе как о самодостаточном нельзя». Самодостаточность определяется также «степенью, в которой институты общества легитимизированы согласованными ценностными приверженностями его членов», доверием граждан к этим институтам [20, с. 20-22].

В динамическом аспекте самодостаточность общества как целого удостоверяется его готовностью адекватно отвечать на *вызовы истории*, которая как раз и определяется его способностью к саморазвитию; такая способность цивилизаций обстоятельно рассмотрена А. С. Ахиезером [3]. Еще раз отмечу: источником такой способности служит возможность свободного саморазвития культуры индивидов и всего общества. Как показывает исторический опыт наиболее развитых обществ, культура их населения (прежде всего наука, образование, художественное творчество) имеет возможность *свободно* развиваться и реализоваться на всех уровнях, начиная с индивидов и их первичных сообществ. Напротив, в менее развитых обществах свободному саморазвитию культуры препятствуют *социальные отношения* (социум), которые позволяют меньшинству населения, находящемуся у власти, использовать регуляторы АСК-энергии общества в своекорыстных интересах, блокировать саморазвитие культуры, всего общества,

В разных цивилизациях и обществах, на разных этапах их эволюции использовались различные социальные способы и свободного саморазвития культуры, и блокирования ее развития. Помимо известных способов социально-политического господства-подчинения и экономической эксплуатации одних социальных групп, классов другими, существуют разные способы взаимодействия социума и культуры: от обоюдодополнительного взаимодействия (социокультурного мутуализма, сказал бы социобиолог), основанного на *честности* и *ненасилии* его субъектов, до социокультурного паразитаризма, когда одни социальные группы, страты, классы наносят ущерб другим, используя социальный *обман* и *насилие* (вымогательство, взяточничество, убийства, другие способы). Эти различия способов взаимодействия социума и культуры закрепляются в различных социокультурных типах общества.

Подытоживая результаты многолетних исследований и размышлений о прошлом и настоящем России, я пришел к выводу, что в российском обществе, начиная с эпохи империи, своекорыстные социальные отношения слишком часто блокировали развитие культуры и сводили к минимуму механизмы саморазвития; советское общество также страдало дефицитом таких механизмов, это стало одной из основных причин того, что его системный кризис разрешился лишь через распад СССР.

Становление эффективных способов саморазвития российского общества, включая его региональные сообщества, – первоочередная задача. Это, прежде всего, свободное саморазвитие многонациональной культуры и обеспечение спроса на культурный потенциал населения и его актуализацию в качестве человеческого капитала. Решение этой задачи будет отличать новую Россию от всех прежних ее состояний. Такова суровая необходимость перед лицом больших вызовов современного этапа развития России и мира – внешних и внутренних. Возможно, сегодня это и есть *самый большой вызов*.

Какую стратегию и тактику целесообразно принять органам управления, чтобы российское общество могло дать адекватный ответ на большие вызовы современного этапа развития страны и мира? Изучение исторического и сегодняшнего опыта убеждает, что в условиях России наиболее эффективной является *эволюционная стратегия поэтапных изменений, регулируемых одновременно сверху и снизу* – и от центральных органов власти, и от региональных и местных органов [1, с. 307-309].

Тактики осуществления этой стратегии могут быть весьма разнообразны, в особенности из-за необходимости максимально учитывать своеобразие регионов, которые должны рассматриваться не просто как единицы административного управления, но прежде всего как субъекты Российской Федерации и антропосоциокультурные сообщества большого российского общества. По самодостаточности регионы уступают всему российскому обществу, но по антропосоциокультурному потенциалу немало российских регионов сопоставимы со многими суверенными государствами мира.

Одним из способов осуществления стратегии изменений сверху и снизу может стать *многоуровневая национальная инновационная система*, первичными уровнями

которой будут региональный и муниципальный, координируемые с федеральным уровнем. Основные характеристики региональных инновационных систем (РИС), их параметры и показатели достаточно понятны. Я предложил их структуру в докладе на 5-м социологическом форуме в Тюмени [14]. Регионы, т.е. субъекты Российской Федерации, имеют немало административно-правовых и финансово-экономических возможностей создавать РИС и добиваться их поддержки со стороны федеральных органов.

Администрации некоторых регионов сделали немало шагов в этом направлении. Но их деятельность в этом направлении существенно сдерживается отсутствием прямых директив из Центра о создании РИС в тех регионах, которые считают это целесообразным. По большому счету, необходима Федеральная целевая программа «Развитие инновационных систем в регионах как необходимый уровень национальной инновационной системы». Инициативы регионов, опирающиеся на результаты научных исследований, могут ускорить появление такой программы. Почему бы не проявить такую инициативу регионам Уральского федерального округа? Не только геополитически, но и культурно-исторически, этно-конфессионально совокупность регионов этого округа образует своего рода ось российской цивилизации... Осевое положение сопровождается ожиданиями.

Как видим, даже в простом случае модернизации не обойтись без государства как активного субъекта (это не противоречит активизации других субъектов). Но мы хорошо знаем, что не любое государство может стать таким субъектом. Так, им не может быть государство, которое руководствуется либеральным принципом «ночного сторожа» или действует в интересах финансиализированных корпораций, которые ориентированы на вывоз доходов от добычи и продажи сырьевых ресурсов страны и их размещение в наиболее доходных точках мировых финансиализированных потоков (см. статью американского специалиста Дж. Эпштейна [32]).

В постсоветской России финансиализация экономики произошла стремительно, о ее результатах свидетельствуют такие данные. По оценке советника Президента РФ Сергея Глазьева, за последние 30 лет из российской экономики были вывезены более 1 триллиона американских долларов, из них примерно половина возвращается между оффшорами и российской экономикой [7]. А по данным экспертов международного уровня (включая Т. Пикетти), представленным в докладе Национального бюро экономических исследований США, оффшорное богатство состоятельных россиян «сопоставимо по величине с финансовыми активами России» [33, р. 4]. Или, проще говоря, «это означает, что за последние 30 лет из страны было вывезено столько капитала (а точнее, национального достояния), что на него можно было бы построить еще одну Россию» [9, с. 12]. В результате такого корпоративно-олигархического «капитализма для своих», Россия в 2015 г. по состоянию социального неравенства опустилась на уровень 1905 г.: если доля доходов 10 % самых богатых россиян с 1905 по 1990 г. снизилась с 45 % до 25 %, то в 1990-2015 гг. эта доля вновь поднялась до 45 %; по данным государственной статистики, в 2015 г.

около 70 % национального богатства России концентрировались в руках 10 % наиболее богатых людей [9, с. 11-14]. А по сведениям депутата Госдумы Олега Шеина («Справедливая Россия» [29]), в России в 2017 г. 1 % населения имел 71 % национального богатства. Эти данные в сравнении с данными по всему населению Земли – еще не рекорд, но уже близко его манящее дыхание; во всяком случае, они на уровне ряда африканских обществ с их социопаразитарными структурами.

Сохранение асоциального неравенства доходов уже в близком будущем может привести к утрате доверия всем высшим органам власти, т.е. к значительному снижению самодостаточности российского общества. В этом не заинтересованы ни органы власти, ни бизнес, включая корпоративно-олигархический. *Ради самосохранения им придется пойти на социальный компромисс с большинством населения.* Можно выделить три формы компромисса и, соответственно, три этапа компромиссной эволюции.

1) Максимально быстрый отказ от плоской шкалы *налогов на доходы* и поэтапный переход к прогрессивной шкале, добровольная репатриация беглых миллиардеров и их капиталов на Родину. Это позволит им сохранить несправедливо приобретенную собственность, а государству – постепенно усиливать социальную политику при имеющейся структуре экономики и внешних санкциях, сохраняя доверие населения и необходимую самодостаточность общества. Этот этап укрепления социально минимального государства предполагает сильную политическую волю Президента России. Он не может быть длительным и должен использоваться для подготовки второго этапа.

2) Реализация принципов и правил *социального рыночного хозяйства*: послевоенный опыт «немецкого чуда», основу которого составил так называемый ордолиберализм – обеспечение государством гарантий частной собственности, безмонопольной конкуренции и свободных рыночных цен, но в отдельных случаях регулируемых государством [см. 34]. В России реализация этого этапа потребует немало времени. Но при этом также необходимо разрабатывать программу формирования социального государства, обсудить ее проект и получить поддержку независимых экспертов и населения.

3) Осуществление программы *формирования социального государства* как государства нового типа, которое обеспечивает саморазвитие культуры населения, переход всего общества на новый уровень самоорганизации и на новую, гуманистически ориентированную траекторию саморазвития. Фактически социальное государство может стать новым типом общества, привлекательным не только для населения России.

Почему целесообразно обратиться к идее социального государства, которая в настоящее время мало популярна, даже сомнительна в научной литературе и общественной практике? Мы помним, что еще в середине XIX в. ее выдвинул немецкий философ и историк, экономист и государствовед Лоренц фон Штейн (1815-1990). Он неоднократно был подвергнут критике К. Марксом за попытку подменить борьбу

рабочего класса с буржуазией их примирением под эгидой существовавшего государства как якобы социального. Идея Штейна была по-своему воспринята Бисмарком, затем Лассалем и немецкими социал-демократами. После второй мировой войны термин «социальное государство» в иных, но по сути близких формулировках, вошел в конституции ряда развитых стран – ФРГ, Франции, Италии... В 1993 г. он был закреплен в действующей Конституции России.

Социальное государство – полузабытый конституционный принцип Российской Федерации. Сомнения понятны. С одной стороны, социальное государство – один из конституционных принципов Российской Федерации, декларированный в Конституции в главе 1. «Основы конституционного строя». Очевиден социально-гуманистический характер этого принципа, ориентирующего политику государства на обеспечение фундаментальных ценностей современной цивилизации: «достойная жизнь» и «свободное развитие человека». При подготовке проекта Конституции сторонники крайних либеральных взглядов опасались, что само понятие социального государства реабилитирует социализм. «С превеликим трудом, да и то в седьмой, а не в первой статье, содержащей общую характеристику государства, удалось ввести его определение как государства социального» [30, с. 814]. Сторонники данного определения и сейчас видят в нем одно из юридических закреплений модели будущей экономики благосостояния, «в которой используются инструменты как рыночного, так и государственного регулирования» [11, с. 1059]. Наличие этой формулировки в немалой степени способствовало поддержке проекта Конституции всенародным референдумом 12 декабря 1993 г.

С другой стороны, реальные действия Президента и Правительства России после принятия Конституции, в течение 1990-х гг., не имели ничего общего с движением в направлении социального государства или социальной политики благосостояния. По оценке О. И. Шкаратана, после принятия Конституции авторитарный режим Б. Ельцина «строился на неустойчивом взаимодействии номенклатурно-чиновничьих и квазiburжуазных олигархических сил... Подлинно же всевластным оставался Президент, под чьей защитой и паразитировали «приватизаторы» национальных ресурсов» [8, с. 21-22]. Горькая правда состоит в том, что, «завоевав массовую поддержку прежде всего под лозунгами борьбы с привилегиями, бóльшей социальной справедливости, индивидуальных свобод и равенства возможностей для всех, реформаторы вынуждены были поначалу маскировать истинную направленность своей политики за маской «социального государства» – именно так охарактеризовано Российское государство в Конституции страны. Но для большинства представителей политической элиты истинный характер нового Российского государства изначально не являлся тайной. Реформы означали для них лишь возможность сбросить с себя ярмо обязанности заботиться о народе в условиях резко возросших собственных appetитов и новых стандартов жизни, с одной стороны, и колебаний доходов от экспорта природных ресурсов в условиях неустойчивости цен на эти ресурсы на мировых рынках – с другой» [там же, с. 446].

Тем не менее, никто официально не отменял социальных обязательств российского государства перед его гражданами. Более того, Президент России и иные лица «первого эшелона» настаивают на выполнении этих обязательств – «несмотря ни на что». Уже одно это свидетельствует о намерениях властей к определенному компромиссу с населением. Пока это, прежде всего, идеологический «компромисс». Но и в такой форме он оказывается обязательным, потому что принцип социального государства – это конституционный, т.е. *институциональный факт*, закрепленный в Основном законе РФ.

Этот факт не ограничивается приведенной выше статьей 7, а предполагает учет всей совокупности принципов, закрепленных в «Основах конституционного строя» и предъявляют *utbi et orbi* Российскую Федерацию как государство, которое (в котором):

- является демократическим федеративным правовым с республиканской формой правления;
- человек, его права и свободы – высшая ценность, а многонациональный народ – носитель суверенитета и единственный источник власти;
- является социальным, его политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;
- признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности;
- признается и гарантируется местное самоуправление, органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти;
- признается идеологическое многообразие, никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной;
- признается политическое многообразие, многопартийность; общественные объединения равны перед законом;
- которое является светским, никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Пора формировать российское государство как социальное. Приведу дополнительные аргументы в пользу изложенных выше этапов компромиссной эволюции к гуманистически ориентированному социальному государству. В XX в. развитые капиталистические страны накопили немалый опыт эволюции в направлении государства благосостояния: в сложных условиях великой депрессии, Второй мировой войны и преодоления ее последствий. Утвердилась концепция «второго поколения» прав человека – социальных прав на медицинское обслуживание, образование, достойное пенсионное обеспечение. Для их осуществления была радикально изменена структура распределения национального дохода¹.

---

¹Вот заключение известного французского экономиста Томаса Пикетти: «В XIX веке и накануне Первой мировой войны во всех странах налоги составляли менее 10 % национального дохода... Взимая налоги в размере 7-8 % национального дохода, можно финансировать основные государственные институты (полицию, правосудие, армию, внешнюю политику, общую администрацию и т.д.), но не более того... С 1920-1930-х до 1970-1980-х годов во всем богатом мире

Как это было сделано?¹ Т. Пикетти выразил ключевое противоречие капитализма формулой $r > g$: «Главная дестабилизирующая сила обусловлена тем, что частная доходность капитала r может заметно и в течение длительного времени превышать темпы роста дохода и производства g . Неравенство, выраженное формулой $r > g$, означает, что рекапитализация имущества, накопленного в прошлом, протекает быстрее, чем растут производство и зарплаты. Это неравенство выражает фундаментальное логическое противоречие. Предприниматель неизбежно склонен превращаться в рантье и усиливать свое господство над теми, кто владеет лишь собственным трудом. Накопленный капитал воспроизводит сам себя быстрее, чем увеличивается производство. Прошлое пожирает будущее... У этой проблемы нет простого решения... Правильное решение заключается во введении ежегодного прогрессивного налога на капитал. Это позволит избежать бесконечной спирали неравенства и вместе с тем сохранить силы конкуренции и стимулы, обеспечивающие постоянное накопление новых капиталов» [Там же, с. 585-586].

Укрепление социального государства в развитых капиталистических странах произошло отчасти в ответ на вызовы «реального социализма» и под давлением международного коммунистического и рабочего движения. Но в самом СССР, в драматичных условиях международной изоляции 1920-х – начале 1930-х гг. и Великой Отечественной войны, было создано социальное государство, ограниченное минимальными стандартами, отчужденное от человека и оплаченное высокой человеческой ценой. В постсоветской России сначала был значительно разрушен советский социальный минимум. Остатки слабого, «минимального» социального государства оказались в ловушке механизма долгосрочной эволюции распределения богатства, выражаемого формулой $r > g$. Последовательность компонент этого механизма можно выразить так:

Неограниченный рост доходности корпоративного капитала → низкий социально-экономический рост → социогуманитарная рецессия.

Среди части политиков и высших чиновников России высказываются опасения, что прогрессивный налог на доходы невозможно собрать, его введение повысит долю теневых зарплат, вызовет напряжения среди населения и т.п. Но эта мотивация

наблюдалось существенное увеличение доли национального дохода, которая приходится на налоги и на государственные расходы (прежде всего на социальные расходы). Во всех развитых странах всего за полвека доля налогов в национальном доходе выросла как минимум в три-четыре раза (иногда в пять раз, как в странах Северной Европы). Опять-таки во всех странах можно констатировать практически полную стабилизацию доли национального дохода с 1980-х до 2010-х годов. Эта стабилизация произошла на разных уровнях: всего 30 % в Соединенных Штатах, около 40 % в Великобритании и от 45 до 55 % национального дохода в странах континентальной Европы (54 % в Германии, 50 % во Франции и около 55 % в Швеции... Все богатые страны без исключения в XX веке перешли от баланса, в рамках которого налоги и государственные расходы составляли менее десятой части национального дохода, к новому балансу, в рамках которого на эти цели уходит от трети до половины национального дохода» [21, с. 472-474].

¹ По оценке Т. Пикетти: «Ключевой инновацией XX века в налоговой сфере стало создание и развитие прогрессивного подоходного налога. В минувшем столетии он сыграл ведущую роль в снижении неравенства... То же касается прогрессивного налога на наследство, который представляет собой вторую важную инновацию XX века... Налог – это вопрос не технический, а прежде всего политический и философский, притом самый важный из всех. Без налогов не может быть общности судьбы и коллективной способности действовать» [Там же, с. 494].

говорит о недееспособности самих чиновников, поскольку получение налогов – изначальный признак государства как такового.

А как относится население России к целесообразности такого налога? Очередной опрос в рамках всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (2015 г.) принес *хорошую новость*: среди населения преобладают ожидания *умеренно прогрессивной* шкалы налога, т.е. в пользу постепенного укрепления российского государства как социального [1, с. 315]. Это знак от населения институтам власти о готовности к компромиссам.

Еще один аспект укрепления социального государства – *сокращение неравенства доходов регионов и муниципалитетов, в целом повышение ими востребованности человеческого потенциала*. Здесь важную роль играет межбюджетная политика, определение пропорций распределения налогов между муниципальными, региональными и федеральным бюджетами. В результате радикальных изменений 1991-2000 годов существенно расширились социальные функции местного самоуправления (многие из них прежде обеспечивались предприятиями и организациями), но это расширение не сопровождалось адекватным перераспределением финансовых ресурсов в пользу местного самоуправления. В итоге нарастает дисбаланс между расходными обязательствами и доходными возможностями местных бюджетов, в котором сосредоточилась значительная часть бюджетного дефицита [16, с. 557]. При этом Федеральное законодательство обязывает органы местного самоуправления обеспечивать удовлетворение жизненных потребностей населения (они отнесены к компетенции органов власти муниципальных образований) не ниже минимальных государственных социальных стандартов.

Многие эксперты считают обоснованной необходимость повышения уровня доходной самодостаточности местного самоуправления, в том числе путем изменения пропорций распределения налогов между бюджетами разных уровней власти в пользу местных бюджетов. Но благодаря реформаторству Минфина России, с принятием Налогового и Бюджетного кодексов РФ большая часть налогов ушла с муниципального на региональный и федеральный уровни. В результате второй муниципальной реформы (2003-2008 гг.) еще сильнее обострились коллизии муниципального регулирования, в центре которых оказалась финансовая проблема. Предложения по стабилизации состояния местных бюджетов постоянно выдвигает Конгресс муниципальных образований РФ. Специалисты Комитета Государственной Думы по вопросам местного самоуправления предлагают законодательно закрепить на долгосрочной основе нормативы распределения налоговых поступлений между бюджетами разных уровней. Вопросы обсуждаются, но не решаются.

Дополнительными аргументами в пользу справедливой межбюджетной политики могут служить результаты названного мониторинга. Респондентам не предлагались варианты распределения налогов – они по собственному усмотрению называли цифры процентов, при условии, что сумма трех долей бюджетов должна составлять 100 %. Поскольку респонденты – не эксперты, а обычные граждане с различ-

ным уровнем подготовки, около трети затруднились ответить на столь непростой вопрос. Ответы двух третей респондентов объединяет простое правило: чем ближе фирмы (индивидуальные предприниматели, малые и средние фирмы) к жизненным мирам населения, тем большая доля налогов должна оставаться по месту их создания; и наоборот. Это правило можно интерпретировать как существующие в массовом сознании «естественные нормы» (аналогичные нормам естественного права) или нравственные народные правила *приоритетного обеспечения социальных потребностей населения*: в жилье, инфраструктуре жизненного пространства, медицинском обслуживании, образовании – за счет налогов тех компаний, фирм, которые находятся *на территории данного региона, поселения*, т.е. на которых занято живущее здесь население [1, с. 314-317].

Этот пласт массового сознания не может долго оставаться не услышанным, какие бы калькуляции государственной важности ему ни противостояли. Первая забота государства – о сбережении народа, а общегосударственные потребности должны обеспечиваться преимущественно за счет предприятий государственных и с государственным участием. По этому вопросу должно быть достаточное *взаимопонимание* между работниками органов государственной власти и широкими слоями населения.

Однако, пока нет консенсуса. Тем не менее, политикам, чиновникам, бизнесменам, всем гражданам определенно предстоит руководствоваться положениями Конституции Российской Федерации о социальном государстве в России, в соответствии с новой «Стратегией национальной безопасности Российской Федерации» [28]. В ней, несмотря на отсутствие термина «социальное государство», содержатся многие его составляющие – как *стратегические национальные приоритеты*. Отметим первоочередные для укрепления *социального государства*. Подраздел о повышении *качества жизни* граждан открывается словами: «Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан являются развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства населения...» (ст. 50), «достойное пенсионное обеспечение» (ст. 52). В подразделе об экономическом росте одним из главных направлений обеспечения безопасности *на региональном уровне* определено создание механизма сокращения социально-экономической дифференциации между субъектами РФ (ст. 65). Угрозы диспропорций развития регионов целесообразно устранять путем стимулирования их «самостоятельного экономического развития», укрепления их «бюджетной обеспеченности, совершенствования межбюджетных отношений» (ст. 66). Имеются и специальные подразделы о повышении качества образования и здравоохранения. К *основным показателям* состояния национальной безопасности отнесены: удовлетворенность граждан степенью защищенности своих конституционных прав и свобод, личных и имущественных интересов, в том числе от преступных посягательств; ожидаемая продолжительность жизни; ВВП на душу населения; децильный коэффициент (соотношение 10 % наиболее обеспеченного

населения и 10 % наименее обеспеченного населения); уровень безработицы; доля расходов в ВВП на развитие науки, технологий и образования; доля расходов в ВВП на культуру (ст. 115).

Не оставляя сомнений в практической направленности Стратегии, ее статья 1 гласит: «Настоящая Стратегия является базовым документом стратегического планирования, определяющим национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации, цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу».

Все, кому дороги интересы не узких слоев, а всего населения России, будут исходить из незыблемости *факта фундаментальной законности социального государства в Российской Федерации*. Этот факт может стать основой компромиссной и потому успешной эволюции российского общества на ближайшие десятилетия и в течение всего столетия. Задача воплощения этого нормативного факта в повседневную реальность жизненных миров населения России должна стать предметом общественного дискурса. В качестве исходной я предлагаю гипотезу: потенциальное социальное государство в России – это такое, которое создает условия для правового демократического саморазвития человека, его культуры и гражданского общества, социального рыночного хозяйства, общества в целом и всей российской цивилизации; альтернативой может оказаться цивилизационный регресс.

Библиографические ссылки

1. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы. Редк.: Н. И. Лапин (сост., отв. ред.), Л. А.Беляева, Н. А.Касавина. – Москва: Весь мир, 2016. – 360 с.
2. Аршинов В. И. На пути к наблюдателю эволюции сложности // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В. С. Степина / под ред. В. И.Аршинова, И. Т.Касавина. – Москва: Альфа-М, 2014. – 767 с.
3. Ахиезер А.С. Динамика цивилизационного анализа российского общества // История России: теоретические проблемы, вып. 1: Российская цивилизация: опыт исторического и междисциплинарного изучения. Отв. ред. А.С.Сенявский. – Москва: Наука, 2002. – С. 90-111.
4. Бауман З. Текучая современность. – СПб.: Питер. 2004. – 240 с.
5. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – Москва: Прогресс-Традиция. 2000. – 383 с.
6. Всемирная история: в шести томах. Том 1: Древний мир. Редк. Гл. ред. А.О.Чубарьян. – Москва: Наука, 2011. – 1166 с.
7. Глазьев С. Из российской экономики вывели более \$ 1 трлн за 30 лет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.mail.ru/politics/32376118. Запрос от 29.01.2018.
8. Государственная социальная политика и стратегия выживания домохозяйств / под общ. ред. О. И. Шкаратана. – Москва, ГУ ВШЭ, 2003. – 463 с.
9. Ильин В. А. «Капитализм для своих» – источник социального неравенства в современной России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – Вологда, 2017. – № 6. – С. 9-23.

10. Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. – СПб, 2-е изд., 2003. Кн. 1. – 383 с. Кн.2. – 320 с.
11. Клишас А. А., Шахрай С. М. Конституция 1993 года как план будущего для России // Вестник РАН. – 2008. – № 12. – С. 1059-1064.
12. Кравченко С. А. Становление сложного социума: к обоснованию гуманистической теории сложности. – Москва: МГИМО-Университет, 2012, – 306 с.
13. Кравченко С.А. и др. «Нормальная аномия» в России и современном мире. – Москва: «МГИМО-Университет». 2017. – 287 с.
14. Лапин Н. И. Большие вызовы новой России и развитие инновационных систем ее регионов // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2017. – № 3. – С. 8-18.
15. Лапин Н. И. Антропосоциокультурный эволюционизм – метатеоретический принцип изучения сообществ людей // Социологические исследования. – 2018. – № 3 (в печати).
16. Лексин В. Н., Швецов А. Н.. Реформы и регионы. Системный анализ процессов реформирования региональной экономики, становления федерализма и местного самоуправления. – Москва: URSS, 2011. – 1024 с.
17. Моисеев Н. Н.. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. – 1989. – № 8. – С. 52-66.
18. Морен Э. Метод. Природа Природы. – Москва: Канон+, 2013. – 464 с.
19. Парсонс Т. О структуре социального действия. – Москва, Академический проект. 2000. – 880 с.
20. Парсонс Т. Система современных обществ. – Москва: Аспект Пресс, 1997. – 270 с.
21. Пикетти. Томас Пикетти. Капитал в XXI веке. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с. (Thomas Piketti. Le Capital au XXI sie`cle., 2013; англ. пер., 2014).
22. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / под общ. ред, сост. А. Ю. Согомонов. – Москва: Политиздат, 1992. – 543 с.
23. Степин 2000. В. С. Степин. Универсальный эволюционизм – основа современной научной картины мира // Он же. Теоретическое знание. – Москва, 2000. – С. 641-671.
24. Степин В. С. Философские беседы: десять лет спустя В.С.Степин отвечает на вопросы И. Т.Касавина // Наука и социальная картина мира. К 80-летию академика В. С. Степина / под ред. В. И.Аршинова, И. Т.Касавина. – Москва: Альфа-М, 2014. – С. 18-52.
25. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек. Москва: Юнити-Дана. 2008. – 543 с.
26. Тощенко Ж. Т. Кентавр-проблема. Опыт философского и социологического анализа. – Москва: Новый хронограф. 2011. – 552 с.
27. Тощенко Ж. Т. Фантомы российского общества. – Москва: ЦСП и М, 2015. – 668 с.
28. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. – 2015, 31 декабря.
29. Шеин О. Система в России предполагает обогащение 1 % населения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: news.mail.ru/economics/28320941. Запрос от 02.01.2017.
30. Шейнис В. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX-XXI веках. – Москва: Мысль, 2014. – 1087 с.
31. Шубкин В. Н. Насилие и свобода. Социологические очерки. – Москва, 1996. – 264 с.
32. Эпштейн Дж. Финансиализация превратила глобальную экономику в карточный домик // Мир перемен. – Москва, 2017. – № 3.
33. Novokmet F., Piketti T., Zucman G. From soviets to oligarchs: inequality and property in Russia, 1905-2016 // National Bureau of economic research / Cambridge MA August 2017.
34. Социальное рыночное хозяйство – основоположники и классики / ред.-сост.: К. Кроуфорд, С.И. Невский, Е. В. Романова. – Москва: Издательство «Весь Мир», 2017. – 416 с.

А. В. Меренков

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ СРЕДНЕГО УРАЛА

В статье в рамках многолетних исследований профессионального самоопределения учащейся молодежи акцентируется внимание на наименее изученную группу молодежи – учащихся колледжей (2016 г., N = 950). Рассматривается роль колледжей в процессе профессионального самоопределения молодого человека. Выявлены особенности профессионального самоопределения студентов колледжей, поступивших после окончания 9 или 11 классов. Исследуется мотивация выбора разных профилей обучения и влияние этого выбора на жизненные планы и дальнейшее профессиональное самоопределение молодых людей.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, учащиеся колледжей, выбор профессий, колледж как социальный институт профессионального самоопределения

A. Merenkov

PROBLEMS OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION OF STUDENTS IN SECONDARY VOCATIONAL SCHOOLS OF THE MIDDLE URALS

Abstract. The article focuses on the least studied group of young people - students of colleges (2016, N = 950), within the framework of long-term studies of professional self-determination of students. The role of colleges in the process of professional self-determination of a young man is considered. The peculiarities of professional self-determination of students of colleges received after the termination of 9 or 11 classes are revealed. The motivation for choosing different training profiles and the effect of this choice on life plans and further professional self-determination of young people are investigated.

Keywords: professional self-determination, students of colleges, choice of professions, college as a social institution of professional self-determination.

Изучением проблем профессионального самоопределения учащейся молодежи Среднего Урала активно занимаются социологи, среди которых особо выделяются труды исследователя молодежи Ю. Р. Вишневого [1]. В них рассматриваются не только общие теоретические подходы к этой проблеме, но и конкретные варианты ее решения [2]. Исходя из указанных в работах известного уральского социолога методологических подходов, рассмотрим результаты социологического исследования, проведенного нами в конце 2016 года. Его целью являлось изучение содержания профессионального самоопределения студентов колледжей в процессе учебы и после ее завершения при трудоустройстве.

Были опрошены методом анкетирования студенты Екатеринбургского экономико-технологического колледжа, Первоуральского металлургического колледжа, Уральского государственного колледжа им. И. И. Ползунова, Уральского железнодорожного техникума, Уральского колледжа технологий и предпринимательства, Нижнетагильского машиностроительного техникума, Екатеринбургского политех-

никума. Среди 950 опрошенных обучаются после окончания 9 класса – 86 % и 11 класса – 14 %. По курсам обучения 28 % учатся на 1-2 курсах, 72 % - на старших курсах. Среди опрошенных 51 % осваивают технический профиль обучения, 33 % экономический и юридический, 10 % информатики и программирования, 8 % гуманитарный.

Прежде всего, следует отметить, что студенты колледжей состоят из двух групп обучающихся: тех, кто получает специальность после окончания 9 класса, и тех, кто учится, закончив 11 классов. Представители первой группы одновременно со специальностью приобретают общее среднее образование. Они завершают учебу в колледже в 17-18 лет. Представители второй группы, в зависимости от специальности, на один год позже.

Важной особенностью профессионального самоопределения студентов колледжей является то, что они два раза после окончания школы осуществляют профессиональный выбор. Первый раз, когда поступают по тем или иным причинам в организации среднего профессионального образования, а не продолжают учиться в 10 классе или не смогли поступить после окончания школы в вуз. Второй раз осуществляют профессиональное самоопределение после окончания колледжа, выбирая поступление в высшее учебное заведение, либо пытаясь трудоустроиться по приобретенной или иной специальности.

Профессиональное самоопределение выпускников колледжей является фактором, который влияет на увеличение доли рабочих, имеющих среднее профессиональное образование, а также заполнение вакантных мест на специалистов с таким образованием. С одной стороны, предприятия, организации, на которых используется труд таким работников, должны быть заинтересованными в том, чтобы к ним приходили молодые люди, подготовленные к выполнению всего объема профессиональных обязанностей. При этом учитывалось то, что многие обучающиеся в колледжах намерены получить, в конечном счете, высшее образование. Колледж – для многих молодых людей только ступенька движения к статусу специалиста с высшим образованием. С другой стороны, сам процесс формирования у молодых людей, обучающихся в колледжах, установок на реализацию приобретенных во время учебы знаний, умений в соответствии с полученными знаниями, или на рабочих местах, не исследуется. Отсутствует явно выраженная система влияния на профессиональное самоопределение выпускников колледжей со стороны семьи, бизнес-сообщества, общеобразовательных школ, самих преподавателей данных организаций. В результате степень реализации приобретенных ими знаний и умений оказывается не очень высокой.

Не сложилась система управления процессом профессионального самоопределения выпускников вузов. Их личные желания могут существенно расходиться с тем, что предлагают работодатели, к чему готовят преподаватели данных учебных заведений. Актуальной проблемой становится изучение социологическими методами профессионального самоопределения разных по направлению подготовки выпуск-

ников колледжей (техникумов), а также критериев выбора ими содержания труда, места желаемой работы.

Исследование позволило выяснить, прежде всего, проблемы, связанные с поступлением в колледж на конкретные направления подготовки (табл. 1-2).

Таблица 1

Мотивы выбора специальности, в % к числу ответивших

Мотивы	специальности				Σ
	Технические	Экономика, юриспруденция	Информатика, программирование	Гуманитарные	
Получить профессию, которая интересует	29	34	53	37	38
Получить какую-нибудь профессию, чтобы зарабатывать на жизнь	25	27	30	23	26
Получить востребованную профессию	16	11	10	8	11
Получить модную профессию	3	2	0	3	2
Учиться недалеко от места жительства	7	7	3	5	6
Учиться там, куда легко поступить	6	6	3	3	4

Полученные данные показывают, что большее всего тех, кто стремился при поступлении в колледж получить интересную для себя специальность, среди осваивающих IT -технологии. Молодые люди еще в детстве заинтересовались компьютерными программами, имеют некоторый опыт работы на ПК. Их выбор достаточно обоснован.

При этом выделяется проблема обоснованности выбора конкретного направления подготовки. Среди выбравших технические специальности меньше всего подростков, учитывающих такой фактор, возможность реализовать свои способности в будущей профессиональной деятельности. Лишь каждый шестой сделал этот выбор на основе знаний о том, какие работники востребованы на том предприятии, где они бы хотели трудиться после окончания учебы в колледже.

Фактор моды на отдельные специальности не играет какой-либо особой роли при профессиональном самоопределении молодых людей, поступающих в техникум (колледж). Каждый четвертый респондент отметил, что стал учиться ради того, чтобы получить какую-нибудь профессию, обеспечивающую самостоятельную жизнь.

Следовательно, среди обучающихся на данной ступени профессионального образования, только около трети опрошенных осознанно выбрали ту специальность, которая соответствует их склонностям, способностям. Они, вероятнее всего, станут достаточно квалифицированными специалистами. Остальные будут трудиться после получения профессии ради заработка, решения материальных проблем. Одной из причин возникновения такой ситуации является то, что работа по профориентации на учебу в колледжах в школах почти не ведется. В лучшем

случае, учащиеся старших классов один-два раза встречаются с представителями тех учебных заведений, которые заинтересованы в увеличении набора.

Во время учебы у студентов несколько меняется представление о том, насколько приобретаемая профессия соответствует их желаниям и возможностям.

Таблица 2

Мнение о специальности, возникшее во время учебы,
в % к числу ответивших

Мнения	специальности				Σ
	Техниче-ские	Экономика, юриспруденция	Информати-ка, програм-мирование	Гумани-тарные	
Интересно учиться по специальности	20	20	11	24	19
Специалисты востребованы на рынке труда	29	18	27	12	21
Профессия частично соответствует моим желаниям	22	34	28	28	27
Профессия соответствует моим способностям	18	19	31	26	24
К приобретаемой профессии не имею склонностей	10	9	3	9	8

Среди тех, кто учится работать на машинах и механизмах, больше всех, кто убедился в востребованности на рынке труда получаемой специальности. Также получили информацию об этом будущие программисты, хотя им учиться не интересно. Гуманитарии узнали, что им найти работу по специальности будет сложнее других выпускников колледжей, однако каждому четвертому учиться интересно. Исследование показало, что среди изучающих IT-технологии, больше всех тех, кто утвердился в правильности своего профессионального самоопределения. Среди гуманитариев более 25 % считают, что профессия соответствует их склонностям. Меньше всех удовлетворены профессиональным самоопределением *будущие станочники, машинисты, строители*.

Проблемы, связанные с обоснованностью выбора специальности, усиливаются в процессе обучения в колледже. Учеба не приносит удовлетворения, так как не ней не раскрываются и не реализуются те склонности к определенным видам труда, которые имеются у студентов. Их будущая трудовая деятельность, скорее всего, будет носить вынужденный характер, так как не возникает ориентация на самореализацию в ней. Настоятельной необходимостью является создание системы раннего выявления склонностей учащихся 7-8 классов к конкретным типам профессиональной деятельности. Соответствующие методики существуют, но используются крайне редко.

Неудовлетворенность учебой сказывается на жизненных планах обучающихся после окончания колледжа (табл. 3).

Таблица 3

Жизненные планы после окончания учебы, в % к числу опрошенных

Планы	Специальности				Σ
	Техниче-ские	Экономика, юриспру-денция	Информатика, программиро-вание	Гумани-тарные	
Поступить в вуз по другой специальности	13	19	14	6	13
Совмещать учебу в вузе с работой	30	39	37	58	41
Найти работу по специальности	34	27	39	25	31
Найти любую работу, лишь бы хорошо платили	14	15	24	8	15
Поступить в вуз по приобретенной специальности	23	22	37	21	26
Выйти замуж (жениться)	8	9	11	8	9
Пока не имеют четких планов	11	6	6	4	6
Найти работу по смежной специальности	9	10	20	7	11

Среди получающих технические специальности лишь каждый третий намерен искать работу, на которой можно реализовать приобретенные знания и умения. По смежной – каждый двенадцатый. При этом желают совмещать работу с учебой около 30 % опрошенных, поступив в высшее учебное заведение. При этом многие не по той специальности, которую получили в колледже. Это, возможно связано с тем, что «обучение в школе, колледже, по мнению Ю. Р. Вишневого, это период профориентации, выбора профессии и первичной профподготовки»[3, с. 91]. Молодые люди получают возможность выяснить для себя, какое же направление подготовки в большей степени соответствует их природным склонностям.

Среди получающих экономическое и юридическое образование больше тех, кто намерен поступить в вуз по другой специальности. Среди тех, кто осваивал ИТ-технологии, больше всего желающих трудиться как по полученной специальности, так и готовых работать по смежной. Также в этой группе значительна доля ориентированных на любую работу, лишь бы больше платили.

В целом около трети опрошенных намерены сразу после окончания учебы сделать профессиональный выбор в пользу трудоустройства на производство по полученной специальности. Остальные будут экспериментировать с поступлением в вуз, в основном, на заочное отделение. Такие установки доминируют у получивших гуманитарную подготовку. Следует обратить внимание на то, что в целом около 40 % опрошенных планируют работать и учиться в вузе не по приобретенной профессии. Сказывается отсутствие обоснованного выбора при поступлении в колледж, а также степень информированности о возможных местах трудоустройства.

Исследование выявило высокую активность преподавателей в предоставлении студентам сведений о том, где они смогут работать после окончания учебы. Также представители тех предприятий, где обучающиеся проходили практику, давали информацию о возможном трудоустройстве. Однако они редко приглашали на собственное предприятие будущих экономистов, специалистов в гуманитарной сфере и даже программистов. В целом влияние работодателей на профессиональное самоопределение выпускников колледжей оказалась незначительной. Выявлялась проблема участия руководства учебной организации в помощи выпускникам в трудоустройстве. Пока его активность была оценена респондентами очень низко. Традиционно молодым людям приходится надеяться на родственников, знакомых при поиске места работы (табл. 4).

Таблица 4

Субъекты информации о возможном трудоустройстве,
в % к числу ответивших

Планы	специальности				Σ
	Технические	Экономика, юриспруденция	Информатика, программирование	Гуманитарные	
Преподаватели, ведущие специальные предметы	44	46	44	44	44
Представители тех предприятий, на которых проходили практику	14	6	9	7	9
Представители разных предприятий	7	6	7	3	6
Руководство учебного заведения	11	8	7	8	8
Родственники, знакомые	13	19	16	25	19
Никто	8	13	17	12	7

Самостоятельно станут искать работу с помощью объявлений на сайтах вакансий предприятий около 30 % опрошенных. При этом среди выпускников, владеющих IT-технологиями, таких в два раза больше. Надеются на получение конкретных предложений от предприятий, организаций 40 % опрошенных, независимо от направления подготовки. Думают, что получают помощь руководства колледжа, около 20 %. В службу трудоустройства могут обратиться 15 % опрошенных. При этом респонденты при выборе места работы руководствуются следующими мотивами (табл. 5).

При этом уровень зарплаты является определяющим для 75 % выпускников технических, экономических и юридических направлений подготовки и 58 % – гуманитарных. Учитывают условия труда 57 % тех, кто учиться на техника, и 82 % обучающихся на учителя начальных классов. Наименее важным фактором при трудоустройстве для обучающихся по гуманитарным направлениям является перспектива карьерного роста – 43 %. В этой группе респондентов только 41 % озабочены возможностями профессионального роста. Больше всего интересуются этим будущие специалисты по информатике.

Таблица 5

Мотивы трудоустройства выпускников колледжа,
в % к числу ответивших

Мотивы	%
Приемлемый уровень зарплаты	66
Условия труда	64
Соответствие работы моим интересам	57
Перспективы карьерного роста	53
Возможности профессионального роста	50
Возможности получения высшего образования	45
Соответствие работы полученной специальности	39
Перспективы приобретения жилья	33
Экономическое положение предприятия	26
Близость к месту жительства	26
Техническая оснащенность предприятия	22

Выявилась проблема значимости потребности в получении работы, которая соответствует приобретенной специальности. Среди опрошенных только каждый третий стремится реализовать приобретенные во время учебы знания и умения. Возникает закономерный вопрос о смысле учебы. Государство тратило значительные средства, надеясь получить квалифицированных работников для отечественных предприятий, организаций. Молодые люди тратили силы, время, чтобы получить специальность, которая им, как они осознали к моменту окончания учебы, оказалась не нужна. Таковы следствия того, что изначально не были созданы условия для обоснованного профессионального самоопределения учащихся девятых классов, которым потребовалось после получения общего образования получать профессиональное

Ведущими факторами при выборе будущей работы для выпускников колледжей выступают внешние, связанные с уровнем зарплаты, условиями труда, перспективами карьерного роста, а не внутренние, определяемые склонностями к конкретной трудовой деятельности. Соответствие желаемой работы полученной специальности занимает только 7 место в иерархии мотивов профессионального самоопределения после окончания учебы. В этом, на наш взгляд, заключается главная проблема обучения в системе среднего профессионального образования.

Возникает вопрос: кого и для чего готовят обучающихся на данной ступени профессионального образования? Людей, способных активно участвовать в развитии производства, благодаря реализации приобретенных профессиональных знаний и навыков, или работника, готового заниматься любым видом труда, если будет достаточно высокая зарплата и обещание продвижения по карьерной лестнице?

Следует отметить, что у выпускников техникумов существует возможность трудиться на рабочих местах. Исследование показало, при каких условиях респон-

денты готовы реализовать этот вариант профессионального самоопределения. Ведущим фактором выступает, как и ожидалось, возможность получения высоких заработков. На них ориентированы в наибольшей степени будущие программисты и экономисты. Скромнее по своим запросам гуманитарии, так как они понимают, что получаемое образование не связано с рабочей профессией, которая высоко оплачивается (табл. 6).

Часть респондентов надеется получить престижную работу в качестве обычного рабочего. Однако, во-первых, возникает вопрос, какие рабочие специальности могут освоить те, кто имеет бухгалтерское образование? Во-вторых, какие рабочие специальности являются престижными в наше время?

Таблица 6

Факторы предпочтения трудоустройства в качестве рабочего,
в % от числа ответивших

Факторы	Специальности				Σ
	Технические	Экономика, юриспруденция	Информатика, программирование	Гуманитарные	
Если предложат высокую зарплату	39	42	53	27	40
Если будут перспективы льготного приобретения жилья	16	12	21	6	10
Если предложат работу на новой технике	10	4	14	1	7
Если предложат престижную работу	23	30	35	26	28
Если не найду работу, соответствующую полученному образованию	26	28	40	24	39
Я планирую сразу стать рабочим	7	3	8	1	5
если никакой другой работы не найду	15	16	29	22	40
Я сейчас получаю рабочую специальность	21	5	12	6	11
Ни при каких	1	0	2	2	1

Выявилась проблема готовности выпускников колледжей занять вакантные места рабочих. У большинство опрошенных такая установка не возникла. По их мнению, не для этого они учились в колледже. Поэтому надежды на то, что люди, получившие среднее профессиональное образование, является той группой, которая станет активно пополнять ряды рабочих, не имеют реальных оснований. Ими станут те, кто уже в настоящее время в колледжах получает рабочую специальность, которая прежде приобреталась в ПТУ. Требуется специальное изучение эффективности такого соединения двух разных ступеней профессиональной подготовки.

Студенты, принявшие участие в социологическом исследовании, высказали свои предложения по созданию условий для трудоустройства выпускников колледжей по полученной ими профессии.

В среднем 40 % считают необходимым: предлагать достойную зарплату молодым работникам; рекламировать возможности профессионального роста; показывать перспективы работы на конкретных предприятиях.

Около 30 % предлагают: информировать о востребованных профессиях тех, кто еще учится в школе; проводить встречи представителей разных предприятий со студентами старших курсов; работодателям давать заявки на выпускников колледжей (техникумов).

20 % считают нужным: проводить экскурсии школьников на предприятия, нуждающиеся в конкретных специалистах; проводить постоянную профориентационную работу в школе силами предприятий; предоставлять льготы для приобретения жилья молодым специалистам после нескольких лет работы.

Исследование показало, что профессиональное самоопределение выпускников колледжей (техникумов) характеризуется наличием нескольких проблем, требующих своего решения. Прежде всего, отмечаются трудности в реализации потребности молодых людей в получении помощи от предприятий, организаций, самих образовательных учреждений в осуществлении обоснованного профессионального самоопределения как на этапе выбора места учебы, так и после ее завершения. Однако пока респонденты фиксируют низкую активность представителей промышленных предприятий, организаций в профориентационной работе с теми, кто оканчивает учебу в школе, а затем в системе среднего профессионального образования, выбирая реализацию полученных знаний на производстве или стремясь продолжить учебу в вузах. При этом, часто сочетая учебу с работой, что требует сохранения сети заочного, вечернего образования, которое в настоящее время ликвидируется.

Видимо, до сих пор у определенной части представителей крупного, среднего бизнеса, руководителей государственных, муниципальных предприятий ценность специалистов со средним профессиональным образованием не очень высока. Считается, что лучше принять на работу, с которой может справиться работник с средним профессиональным образованием, выпускника вуза. В итоге, воспроизводится несоответствие между обязанностями специалиста и уровнем полученного им образования. Такое положение резко снижает значимость как высшего, так и среднего профессионального образования как для молодых людей, так и общества в целом.

Следует существенно повысить ценность среднего профессионального образования, выбирая уже среди старшекурсников колледжей тех, кого предприятия, организации готова взять на вакантные должности. Это обеспечит:

- повышение значимости выбора учебы в колледжах выпускников 9 и 11 классов;
- возрастет учебная активность студентов колледжей при наличии информации о востребованности их на конкретных предприятиях;
- возникнет возможность обучения на старших курсах под заказ конкретных работодателей;

- предприятия, организации станут получать специалистов со средним профессиональным образованием, способных с первых месяцев своей работы активно решать поставленные перед ними профессиональные задачи;
- полнее станут учитываться те факторы выбора того или иного предприятия молодыми специалистами, которые были выявлены в ходе исследования;
- оптимизируется количество бюджетных мест на подготовку специалистов со средним профессиональным образованием по разным направлениям подготовки, поскольку они станут выделяться на основе реального заказа организаций, которые предлагают им рабочие места.

Одним из перспективных вариантов работы с учащимися 9 и 11 классов школ является распространяемая через СМИ, социальные сети информации предприятий о том, какие им нужны специалисты со средним профессиональным образованием на конкретные рабочие места.

Следует проводить не менее двух раз в учебном году презентации предприятиями Свердловской области на специальных выставках вакантных мест для выпускников колледжей, раскрывая преимущества труда на рабочих должностях, возможности профессионального роста, сочетания работы с учебой в вузе.

Библиографические ссылки

1. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Социология: курс лекций для техн. вузов. – Екатеринбург: УГТУ, 2000. – 278 с.
2. Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Певная М. В. Проблемы профессионального самоопределения молодежи: анализ ценностных ориентаций и профессиональных стратегий. – Екатеринбург: УрФУ, 2011. – 167 с.;
3. Банникова Л. Н., Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В. Исследование проблем профессионального самоопределения студенчества Свердловской области // Университетское управление. – 2000. – № 2 (13). – С. 74-80.
4. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / под общей редакцией доктора философских наук, профессора Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – 904 с.

Б. С. Павлов, Е. И. Пронина, Д. Б. Павлов

УЧЕБА СТУДЕНТА В ВУЗЕ КАК НЕПРОСТОЙ СТАРТ ВО ВЗРОСЛУЮ ТРУДОВУЮ ЖИЗНЬ

Опираясь на результаты ряда социологических опросов, проведённых в 2010-2017 гг. в уральских ВУЗах, авторы анализируют наиболее существенные социально-экономические и социально-психологические трудности, которые предстоит преодолевать будущим молодым специалистам на пути к заветному диплому.

Ключевые слова: рабочая семья, профессиональная социализация, завод (предприятие), отцы-дети, трудовой образ жизни, династия, реформы.

B. Pavlov, E. Pronina, D. Pavlov,

STUDY AT THE UNIVERSITY AS A DIFFICULT START TO THE ADULT WORKING LIFE

Abstract. Based on the results of sociological researchers conducted in 2010-2017 in the Ural Universities, the authors analyze the most significant social and economic and social and psychological difficulties which future young specialists should overcome on the way to the cherished diploma.

Keywords: student, professional socialization, educational and extracurricular work, the economics of study, the parental family, social risks.

По мнению белорусского социолога В.А. Клименко, профессиональная социализация личности представляет собой, *с одной стороны*, процесс интеграции индивида в профессиональную деятельность, профессиональную среду, обусловленный состоянием социальных структур (институтов, организаций) и особенностями их воздействия; *с другой* – как процесс формирования психических структур индивида, регулирующих его взаимоотношения с той частью социальной среды, которая связана с профессиональной деятельностью [2]. В широком социальном контексте профессиональная социализация включает, *с одной стороны*, профессиональное становление и развитие личности, *с другой стороны* – включает процесс социального становления индивида, усвоение им социального опыта, ценностей, норм, образцов поведения с последующим воспроизводством их в ходе своей трудовой деятельности. Поэтому правомерно согласиться Клименко, который предлагает развести понятие «профессиональная социализация» на два составляющих его понятия: «*профессиональное становление*» и «*социализация*» [2, с. 94].

В соответствии с предметом анализа заявленной статьи кратко остановимся на проблемах хозяйственно-экономической и социально-психологической адаптации студентов уральских ВУЗов (бывших учащихся средних общеобразовательных школ) к самостоятельной жизни. В качестве эмпирической базы нами будут использоваться результаты двух социологических опросов, проведённых в уральских ВУ-

Зах в 2009 и 2017 гг. проведённых авторами (с их непосредственным участием), в частности:

– 2009 г. – опрос 200 семейных студентов четырёх факультетов УГТУ-УПИ (далее – «УГТУ-УПИ-2009»).

– сентябрь 2016 г. – февраль 2017 г. межрегиональное исследование по проблемам профессиональной социализации инженерных кадров в уральском регионе¹ (опрос 500 студентов I и IV курсов инженерно-технической направленности: Южно-уральский государственный университет (ЮУрГУ, Челябинск) – 100 чел.; Уральский государственный аграрный университет (УрГАУ, Екатеринбург) – 100 чел.; Уральский государственный университет путей сообщения (УрГУПС, Екатеринбург) – 100 чел.; Уральский федеральный университет (УрФУ, Екатеринбург) – 200 чел. (далее «Урал-ВУЗ-2017»)).

Предваряя анализ учебно-познавательной и социально-бытовой жизнедеятельности уральских студентов дадим некоторую характеристику их социального состава. Прежде всего, важно оценить *стартовые социально-экономические условия их обучения в ВУЗе*. Ниже приводятся некоторые социально-демографические характеристики студентов, участвовавших в опросе «Урал-ВУЗ-2017» (табл. 1):

Таблица 1

Город (населенный пункт) где вы окончили школу и потом поступили в ВУЗ
(% по группам)

Тип поселения	Муж. N=270	Жен. N=230
Екатеринбург	35	33
другой город Свердловской области	19	24
другой город Урала	35	27
другой город России	7	7
сельская местность	4	7
Другое	0	1

На 01.01.2011 г. с учетом итогов Всероссийской переписи населения 2010 г. всё население Свердловской области составляло 4298 тыс. чел., в том числе сельское – 692 тыс. чел. (то есть около 15 %) [10]. А теперь посмотрим соотношение студентов, принимаемых в технических вузах из сельской местности. По данным опроса «Урал-Семья-ВУЗ-2017», эти показатели таковы: УрГУПС – 5 %; УрФУ – 7 % и, наконец, «колыбель сельских технических кадров» УрГАУ – 6 %. Подобный «расклад» свидетельствует о существенных изъянах политики ассимиляции сельской молодёжи к урбанистическому образу жизни населения России. «Наращивая свою красоту, фешенебельность, силу и инвестиционную привлекательность, они («старшие урбанистические братья») не должны забывать о глубинных корнях-источниках такого «всплеска» развития. Другими словами, речь идет о воссоздании своеобразного

¹ В реализации указанных проектов помимо социологов Института экономики УрО РАН, активное участие принимали сотрудники кафедры социальной безопасности ФТИ УрФУ Н. И. Разикова, А. И. Подвысоцкий, Я. И. Матюшенко.

института «урбанистического патернализма», т.е. заботы и непреложной ответственности больших городов за «социально-экономическое здоровье» и достойное выживание окружающих их селитебных территорий. В народе есть поговорка: «Не руби сук, на котором сидишь» [6, с. 97].

Почти половина студентов технических вузов Екатеринбурга и Челябинска после школы продолжают свою учёбу в вузе в том же городе, где живут их родители, проживая, как правило, совместно с ними. Другая половина студентов живет отдельно от родителей (в студенческом общежитии, снимают частное жильё, реже – имеет собственную квартиру). Около 5-7 % студентов 2-4-х курсов образовали собственные молодые семьи (табл. 2-3).

Около 70 % студентов технических вузов Урала – выходцы из полных родительских семей (жили с отцом и матерью), около половины росли без братьев и сестёр, два из каждых пяти росли с братом (сестрой), а каждый одиннадцатый рос в многодетной семье (три и более детей). Около 40-45 % нынешних студентов воспитывались при участии своих бабушек и дедушек, других старших родственников. Наиболее существенные различия в семейно-социальном статусе нами зафиксировано среди студентов разных уральских вузов.

Таблица 2

«Состав семьи Ваших родителей на период вашей учебы в школе в 9-11 классах?» (% по группам)

Состав семьи	Муж. N=270	Жен. N=230
Мама	93	90
Папа	72	67
Еще один (а), кроме меня брат (сестра)	43	40
Еще двое и более, кроме меня сестер (братьев)	9	5
Бабушка	31	29
Дедушка	16	18
Другие родственники	14	4

Таблица 3

«С кем вы проживаете в настоящее время?» (% по группам)

Состав семьи	Муж. N=270	Жен. N=230
Не имею своей семьи живу совместно с родителями	47	47
Не имею своей семьи живу отдельно от родителей	45	45
Имею собственную (молодую) семью, живем отдельно от родителей	4	4
Имею собственную (молодую) семью, мы живем совместно с родителями мужа/жены	1	1
Другой вариант	3	3

По данному показателю заметны различия по вузам:

Таблица 4

Семейный статус и место проживания студентов технических ВУЗов Урала
(% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу)

Варианты ответов	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ
Не имею своей семьи, живу совместно с родителями	65	28	52	46
Не имею своей семьи, живу отдельно от родителей	30	58	42	47
Другой вариант	5	14	6	7

О происшедших изменениях можно судить, сравнив с данными опроса 200 студенческих семей «УГТУ-УПИ-2009» (Табл. 5)

Таблица 5

Жилищные условия молодых студенческих семей в УГТУ-УПИ в 2009 г.
(% от общего числа опрошенных по каждой группе)

Жилищные условия на момент опроса		Группы						
		В целом	1-2 курс		4-5 курс		В целом по полу	
			М	Ж	М	Ж	М	Ж
Снимали квартиру		32	32	26	32	38	32	32
Жили в общежитии		23	24	10	24	38	22	24
Комната в коммуналке		9	8	14	12	2	10	8
Жили с родителями	Мужа	13	8	34	4	6	6	20
	Жены	10	16	10	12	2	14	6
Жили у друзей		5	8	4	4	4	6	4
Собственная квартира		8	4	2	16	10	10	6

В оценке материального положения проявилась зафиксированная и другими коллегами-социологами тенденция к «усреднению»

Таблица 6

К какой категории по уровню жизни, достатку Вы относите себя, свою семью в настоящее время?»: (% по группам)

Категория	Муж.	Жен.
Пока живем в полном достатке	29	27
Имеем средний достаток	58	57
Живем на грани бедности	9	15
Живем за чертой бедности	4	1

По самооценкам наших респондентов, подавляющая часть их родительски семей (и, соответственно, их самих) «не бедствуют», имеют, как минимум, средний достаток (по оценкам молодых мужчин – 87 %, женщин – 84 %). Лишь каждый одиннадцатый юноша (девушка) считает, что он (она) живёт «на грани бедности» – 9 % или даже «за чертой бедности» – 4 %. У женщин, соответственно, эти цифры составили 15 и 1 %%. Вместе с тем, попытаемся ответить на вопросы: каково социально-экономическое самочувствие уральских студентов? Хватает ли им денег для

удовлетворения сравнительно широкого круга материальных и духовных потребностей? Как материально и финансово сопровождает родительская семья учёбу своих детей?

В исследовании «Урал-ВУЗ-2017» студентам предлагалось ответить на вопрос: анкеты: «На какие основные расходы у Вас, как правило, не хватает денег?» (табл. 7).

Таблица 7

Статьи расходов уральских студентов, на которые, «как правило, не хватает денег» (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу)

Денег, как правило, не хватает:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ
На путешествия, поездки	81	71	89	40
На организацию досуга, общения с друзьями	39	41	52	42
На одежду, обувь	24	33	29	34
На поддержание здоровья, лечение	20	26	47	28
На оплату жилья	12	13	7	3
На питание	10	19	9	6
На оплату учебы	9	20	11	15
Другое	9	3	1	1

Нетрудно видеть, что дефицит бюджета большей части уральских студентов обусловлен неудовлетворённостью первичными, жизненно важными потребностями (питание, оплата жилья, оплата за учёбу), а более «возвышенными» (путешествия, досуг, модная одежда, обувь и пр.). Эта ситуация во многом объясняется тем, что основные расходы студентов во время учёбы в вузе по обеспечению жизненными благами в настоящее время несёт родительская семья [3, 5]. Наш опрос вновь подтвердил это.

Таблица 8

Кто несёт основные расходы на обучение уральских студентов (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу)

Варианты ответов на вопрос:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ
По преимуществу за всё платят (платили) мои родители (родственники)	64	70	67	56
Помимо родителей, сам зарабатывал деньги на своё содержание и учёбу	22	22	22	42
На свою учёбу и своё содержание я зарабатывал (а), преимущественно, сам (а)	8	5	10	3
Другой вариант	6	3	1	0

Наиболее перспективными в сложившейся ситуации являются методы определения числа бедных, в нашем случае *«бедных студентов»*, основанные на распределении «доходов и ресурсов», необходимых для жизни. Однако, до сих пор не выработано единого мнения о том, что считать минимально необходимым для жизни. Структура потребления прожиточного минимума – это идеальная модель, которая не всегда соответствует реальности. Но, даже если специалисты приходят к соглашению о необходимом наборе продуктов и перечне первоочередных непродовольственных товаров, то остается много неясного при определении их стоимости и источников удовлетворения.

Сравнивая данные ряда исследований, проведённых социологами ИЭ УрО РАН в городах и сельских поселениях Среднего Урала, позволяет нам сделать несколько важных выводов. В частности, молодые люди, обучающиеся в школах и ВУЗах, *«живут в значительно более богатых семьях»* чем их родители. *Повышенный материально-экономический «оптимизм молодёжи»*, своеобразный диссонанс в оценке уровня жизни своих родителей (*естественно, и самого себя*) необходимо, прежде всего, связывать с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, взрослеющие дети в полном объёме не включаются родителями в решение тех острых материально-финансовых проблем, с которыми ежедневно (постоянно) сталкиваются взрослые члены семьи. В силу этого, налицо фактор «потребительской некомпетентности» младших членов семьи в сфере экономической деятельности родителей [7].

Во-вторых, молодому человеку (подростку) не всегда приятно «признаваться» окружающим, что он живёт в «бедной» семье. Более престижен в глазах товарищей вариант проживания в обеспеченной и *«преуспевающей»* родительской семье.

И, *в-третьих* (наиболее объективном факторе), в финансовых взаимоотношениях «родители-дети» традиционно проявляется родительский альтруизм в пользу детей. Нетрудно заметить, что средние и старшие поколения уральцев (в нашем случае, родители взрослеющих детей) более «скромно» (*и, по нашему мнению, более адекватно*) оценивают уровень благосостояния своих семей, чем их сыновья и дочери (учащиеся школ, студенты).

И ещё одно немаловажное обстоятельство. Традиционно, *молодёжь относят к слабозащищённой части общества*. Социалистический лозунг «Всё лучшее детям!», при всём его *фактическом социальном лицемерии* призывал к смягчению социального неравенства между двумя основными потребительскими группами населения: *«работающими»* и *«неработающими»* [8]. О том, насколько чувствуют себя «бедными» и «обделёнными» современные уральские студенты, можно, в какой-то мере судить по результатам нашего опроса «Урал-ВУЗ-2017».

А, насколько «тяготит» студентов такая «нехватка денег» можно судить по результатам ответов на другой вопрос этого же исследования: *«Представьте себе, что у Вас лично ежедневно «появились» 1-2 часа ничем не занятого времени. На что бы*

Вы «потратили» это свое свободное время?». Ответы уральских студентов распределились следующим образом – табл. 9.

Таблица 9

Прожективные занятия студентов в случае «появления у них дополнительного свободного времени» (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу)

Варианты ответов на вопрос:	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ
На общение со своими друзьями	58	47	30	53
На занятия физической культурой, на спортзал	50	39	46	24
На просмотр фильмов, слушание музыки	45	39	36	30
На чтение книг, журналов	52	36	10	53
На прогулки на свежем воздухе	36	35	23	34
На дополнительную подработку	22	31	38	7
На хозяйственно-бытовые дела	27	18	16	28
На хождение в кино, на концерты	29	35	31	22
На дополнительные учебные занятия	31	11	7	1
«Посидеть» в Интернете, «полазить» по сетям	29	21	19	12
На прогулки по лесу, на водоёмах	24	17	9	18
На посещение кафе, дискотеки	14	15	16	20
На езду на мотоцикле, машине	12	23	10	7
На просмотр интересных телепередач	12	20	7	37
На шитьё, вязание, рукоделие, на занятие своим хобби	9	12	6	28
На авиа-, авто- моделирование и конструирование	6	5	0	3

Нетрудно видеть, что большинство молодых людей не стремятся «поправить свои финансовые дела» за счёт собственных трудовых усилий. Устоявшаяся за предыдущие школьные годы потребительская позиция при решении своих проблем за счёт «родительского кошелька» не претерпевает особых изменений и за период учёбы в вузе.

О стремлении молодых людей к более быстрому и успешному освоению выбранной профессии, тем самым, повысить свою конкурентоспособность при вступлении на рынок труда, можно судить в какой-то мере по ответам 500 студентов технических вузов Урала («Урал-ВУЗ-2017») на вопрос «Если Вы согласны (намерены) подрабатывать, то в качестве кого, на каком виде работ?» – табл. 10.

Важнейшей чертой современных обществ является нарастание неопределённости социального развития, вступление мира на рубеже веков в «эпоху неопределённости», которую У. Бек трактует как «общество риска». Для молодого поколения россиян, чья социализация в целом (и профессиональная, в частности) происходит в условиях противоречивых неопределённостей социально-экономического развития, эти риски как бы «удваиваются». Риск присущ сегодня практически, любой сфере

профессионально-трудовой деятельности человека (независимо – осознаёт он его или нет).

Таблица 10

Профессионально-трудовые предпочтения уральских студентов при выборе дополнительного внеучебного производительного труда (% от общего числа опрошенных по каждому ВУЗу)

Предпочтения в работе	ЮУрГУ	УрГУПС	УрГАУ	УрФУ
По профессии (специальности), на которую учусь в вузе	39	38	26	39
На предприятии, в организации, где достаточно хорошо платят и работа не очень мешает учёбе в вузе	36	44	57	47
На предприятии, в организации, где предполагаю (хочу) работать после окончания вуза	19	12	15	13
Где и Как ещё, допишите	6	6	2	1

Для молодёжи особо значимыми являются риски, связанные с процессом профессионального самоопределения, выбора и освоения специальности (в процессе обучения в ВУЗе). Особенно актуализировалась сегодня проблема риска в области высшего профессионального образования, включение России в процесс постиндустриального становления общества в мире резко повысилась ценность знания в жизни человека, приобретения им профессионализма и – одновременно включения в успешную профессиональную деятельность. Процесс профессиональной социализации студентов вузов Н. Г. Хорошкевич предлагает анализировать с точки зрения совокупности трёх групп рисков: а) риски выбора профессии и поступление; б) риски, связанные с получением профессии, в) риски, связанные с поиском работы по окончании ВУЗа [11].

По оценкам московских социологов, техническое образование в РФ к началу XXI в. по социально-экономической престижности среди населения в целом и, в первую очередь, среди молодёжи, занимало аутсайдерские позиции, заметно уступая профессиям распределительной сферы, где аккумулируются финансовые и материальные ресурсы общества. Данный показатель зеркально отражался в притоке молодёжи в эту сферу [12, с. 18]. Внутри высшего технического образования интенсивно происходила дифференциация по социально-статусным и социально-культурным характеристикам. Престижные специальности притягивают наиболее обеспеченных студентов, а непрестижные – удел основной массы. По мнению социолога Л. С. Буркиной, в условиях преимущественно стихийной адаптации к «новым капиталистическим» отношениям высшее техническое образование предлагает абитуриенту отсрочку от вступления во взрослую жизнь, «снижая требования к социально-мобилизационным и социокультурным качествам и поощряя социальное аутсайдерство студенческой молодёжи. Для студентов технического вуза высшее образование

становится инструментальной ценностью, принимает формальный (номинационный) характер, не имеющий проекции профессиональной карьеры в сертифицированную сферу». Недостаток мотивации к получению образования, по мнению социолога, усиливает безучастность к профессиональной ориентации и неготовность (нежелание) следовать нормам кодекса профессионального поведения, и, как результат, *«профессиональная социализация в таких условиях выполняет скорее иллюзорно-компенсаторную функцию»* [1].

«Образование, – подчеркнул Президент РФ в своем выступлении на VIII съезде Российского Союза ректоров, – это важнейший ресурс развития интеллектуального, духовного и нравственного потенциала всей нации, и от его успешного развития зависит само будущее – и нашей страны в целом, и наших детей» [9]. Эта взаимозависимость значительной частью вузовской общественности, к сожалению, сегодня не осознается и зачастую – игнорируется.

И, последнее. Система образования или конкретный вуз в отдельности не могут обеспечить результативность профессиональной социализации специалиста. Данный процесс осуществляется только в комплексе с другими социальными институтами, агентами социализации. Таким образом, результативность профессиональной социализации достигается системным воздействием всех звеньев процесса. В нашем случае это взаимное сотрудничество социальных институтов «РОДИТЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ ⇔ ШКОЛА ⇔ ВУЗ ⇔ ЗАВОД».

Библиографические ссылки

1. Буркина Л. С. Социальная дифференциация студентов технических вузов в контексте профессиональной социализации: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Новочеркасск. 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа // <http://cheloveknauka.com/sotsialnaya-differentsiatsiya-studentov-tehnicheskikh-vuzov-v-kontekste-professionalnoy-sotsializatsii> (дата обращения: 22.5.17).
2. Клименко В. А. Профессиональная социализация студентов: структурно-функциональная модель // Социологический альманах. – 2012. – № 3. – С 92-102.
3. Лоншакова Н. А., Павлов Б. С. Студенческая молодёжь на региональном рынке труда: проблемы ориентации и адаптации (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург-Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 81 с.
4. Павлов Б. С., Анисимов С. А. Экономическое поведение молодёжи на Урале: социально-психологический анализ / Институт экономики УрО РАН, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. – 604 с.
5. Павлов Б. С., Багин В. В., Лоншакова Н. А. Рынки труда и образовательных услуг в контексте социальной безопасности региона (на материалах межрегиональных социологических исследований). – Екатеринбург-Чита: ИЭ УрО РАН, 2003. – 93 с.
6. Павлов Б. С., Бондарева Л. Н. О проблемах воспроизводства сельского населения на Урале // Аграрный вестник Урала. – 2013. – № 12. – С. 90-94.
7. Павлов Б. С. Потребление и потребительство молодежи в «интерьере» бедности родительских семей (на примере Урала) // ЭКО. – 2013. – № 7. – С. 128-138.
8. Павлов Б. С. Диссонанс потребительских притязаний и трудовой активности в молодежной среде на Урале // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 4. – С. 153-164.

9. Путин. В. В. Выступление на VIII съезде Российского Союза ректоров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vovr.ru/upload/7-06.pdf> (дата обращения: 18.10.2016).
- 10.. Социальный атлас российских регионов [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://atlas.socpol.ru/portraits/sverd.shtml> (дата обращения: 29.5.2017).
11. Хорошкевич Н. Г. Социальные риски молодежи в высшем профессиональном образовании: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06, – Екатеринбург. 2004. – 145 с.
12. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежь в общественном воспроизводстве: проблемы и перспективы. – Москва, 2000. – 212 с.

М. В. Певная, А. А. Кузьминчук

ПРАКТИКИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА УНИВЕРСИТЕТОВ, ОРГАНОВ ВЛАСТИ, СТЕЙКХОЛДЕРОВ В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ¹

В статье дается краткий обзор авторского подхода к пониманию практик социального партнерства в сфере высшего образования. Кратко характеризуются основные (возможные) партнеры в контексте межсекторного взаимодействия. Авторы анализируют представленность практик социального партнерства в информационной повестке вузов УрФО за 2017 г. На основе содержания взаимодействия и его результатов, специфики организации и управления партнерством выделяются конкурсные, социально-технологические, организационно-структурные, процедурные (переговорные) и комплексные (комбинированные) практики.

Ключевые слова: социальное партнерство университетов, высшее образование, нелинейное развитие высшего образования.

M. V. Pevnaya, A. A. Kuzminchuk

PRACTICES OF SOCIAL PARTNERSHIP OF UNIVERSITIES, AUTHORITIES, STEAKHOLDERS IN THE URAL FEDERAL DISTRICT

Abstract. The article gives a brief overview of the author's approach to understanding the practices of social partnership in higher education. The authors briefly describe the main (possible) partners in the context of intersectoral interaction. In the article, the authors analyze the representation of social partnership practices in the information agenda of the Urals Federal District universities in 2017. Based on the content of the interaction and its results, the specifics of the organization and management of the partnership, competitive, socio-technological, organizational, procedural (negotiating) and integrated (combined) practices are singled out.

Keywords: social partnership of universities, higher education, non-linear development of higher education.

Материал данной публикации имеет непосредственное отношение к научному творчеству одного из самых близких для нас, уважаемых уральских социологов – Юрия Рудольфовича Вишневого. Проблематика развития высшего образования всегда была и остается в поле научных интересов, профессиональной педагогической и управленческой деятельности этого замечательного человека. Во-первых, в последние годы он серьезно начал обращаться к истории и методологии социологии образования в поисках ответов на вопросы: что происходит и что делать в наше непростое для российских университетов время социальных, экономических и политических перемен и потрясений? [3]. Во-вторых, продолжительный опыт эмпирического изучения уральского студенчества всегда позволял профессору Вишневскому оставаться самому и наращивать потенциал своей научной школы в работах учеников и молодых коллег (его кафедралов), пристально изучая следствия и последствия

---

¹ Статья выполнена при поддержке РНФ, проект № 16-18-10046 «Формирование нелинейной модели российского высшего образования в регионе в условиях экономической и социальной неопределенности».

© Певная М. В., Кузьминчук А. А., 2018

трансформации высшего образования в нашей стране. Именно он всегда старается давать критическую оценку постоянному реформированию образовательной сферы через изучение суждений и действий молодого поколения, эмпирический анализ включения студенчества в поле институциональных взаимодействий образования, рынка труда, власти, СМИ и т.д. [1; 8]. В-третьих, как один из последователей и учеников Л. Н. Когана, Юрий Рудольфович всегда акцентирует внимание на важности изучения социологами самореализующегося в культуре человека, необходимости переноса исследовательского внимания с оценки способностей и потребностей людей на их реализацию в творческих процессах, в различных новых, иногда инновационных социальных и культурных практиках [2].

Такие практики, на наш взгляд, могут рождаться и рождаются очень часто как в рамках, так и за пределами нормативного контекста системы высшего образования за счет сетевых связей или социального партнерства университетов, экономических и политических институтов. Серьезный потенциал нелинейного развития высшего образования как одного из реальных сценариев выхода из тупика постоянного реформирования последнего в нашей стране, как нам кажется, скрыт не только в традиционном взаимодействии образовательных общностей с властью и работодателями, но и в партнерстве с институтами гражданского общества, которые пытаются занимать свое место не в политической, но в социокультурной сфере многих российских городов и регионов.

В условиях социальной и экономической неопределенности устойчивость многих социальных институтов начинает зависеть от следующих аспектов их функционирования. Во-первых, важной оказывается способность к адаптации и быстрой перестройке правил и норм поведения основных общностей, которые осуществляют деятельность в рамках этих институтов. Поведение и действия конкретных людей и коллективов, их реакции на вызовы времени определяют характер и скорость внутренних институциональных изменений рынка, экономики, образования, социальной сферы и т.д. Во-вторых, определенной гибкостью должна характеризоваться и система управления, обеспечивающая жизнеспособность различных организаций и внутриинституциональных структур. В-третьих, важнейшую роль начинают играть межинституциональные взаимодействия, их скорость и результативность для конкретных людей, отдельных организаций и территорий, общества в целом.

В определении векторов развития нелинейности в высшем образовании все выше перечисленные аспекты могут проявляться в социальном партнерстве университетов и ключевых стейкхолдеров высшего образования в границах муниципальных образований либо макрорегиона. В этом смысле мы рассматриваем социальное партнерство как один из практических подходов в реализации нелинейной модели высшего образования, обеспечивающий, в первую очередь, основания для развития такого ее элемента, как сетевое взаимодействие вузов со стейкхолдерами. Кроме того, практики социального партнерства способны оказывать позитивный эффект на переход в макрорегионе к новому типу отношений между вузами и различными эко-

номическими и социальными субъектами, быстро и конструктивно реагирующими на политические, социальные и экономические вызовы.

Как правило, различные практики социального партнерства вписываются в процессы межсекторного взаимодействия. Институты публичной власти, гражданского общества и бизнеса начинают объединять ресурсы для решения актуальных социальных проблем. Такое взаимодействие является устойчивой нормой, сформировавшейся практикой для большинства развитых стран, рассматривается в качестве объекта теоретических и эмпирических исследований социологов, экономистов, политологов и т.д.

В современной зарубежной литературе под межсекторным социальным партнерством понимается сотрудничество между государственными учреждениями, бизнес-корпорациями и некоммерческими организациями с целью достижения устойчивого развития конкретной территории. Межсекторное социальное партнерство, как правило, трактуется в западной науке как «беспроблемная модель высокого потенциала, в которой сотрудничество между тремя секторами общества увеличивает возможности решения насущных проблем и делает важный вклад в развитие гражданского общества, а также выгодно другим партнерам сотрудничества» [6]. Социальное партнерство представляет собой «процесс, в ходе которого различные субъекты общества ищут взаимно определенное решение поставленной цели, которую они не могут достичь в одиночку» [4, с. 30-31]. Такое партнерство требует добровольного, автономного членства в конкретном проекте, подразумевающим выделение ресурсов на «общее дело».

Ключевыми характеристиками межсекторного социального партнерства выступают: 1) непрерывный характер взаимодействия; 2) выгода для всех участников партнерства; 3) синергетический эффект от объединения ресурсов стейкхолдеров; 4) устойчивое развитие соответствующей территории; 5) активное участие всех субъектов. Обозначенные признаки социального партнерства в полной мере применимы и к сетевому взаимодействию вузов со стейкхолдерами, что позволяет нам рассматривать эти практики как близкие, взаимодополняющие друг друга способы перехода к нелинейной модели высшего образования.

Российские исследователи делают попытки систематизировать различные подходы к определению «межсекторного социального партнерства». В отечественной науке показывается вариативность данного социального феномена и возможности его изучения с точки зрения деятельностных, системных, управленческих, нормативно-правовых, аксиологических, сетевых характеристик [4, с. 26-32]. В контексте управления чаще всего применяется подход В. Н. Якимца, который определяет межсекторное социальное партнерство как «конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор), «выгодное», в первую очередь, населению территории и каждой из взаимодействующих сторон» [11, с. 78]. Таким образом, такое партнерство всегда должно иметь видимый социальный эффект.

Некоторые авторы проецируют обозначенное определение и на сферу профессионального образования. В данном контексте под социальным партнерством в сфере образования понимается «взаимодействие предприятий (работодателей), общественных организаций, государственных органов власти (в сфере образования, труда и занятости), учреждений профессионального образования, профессионально-педагогического сообщества и граждан, которые намереваются получить, получают или уже получили профессиональное образование (обучающиеся образовательных учреждений, их родители, работники). Взаимодействующие стороны объединяет консенсус, взаимный учет интересов и потребностей в целях повышения эффективности профессионального образования и удовлетворения спроса на профессиональные компетенции рабочей силы на рынке труда» [5, с. 63]. Так как речь идет только о профессиональном образовании, в качестве стейкхолдеров авторы не рассматривают академические институты, включение которых в практики социального партнерства в сфере высшего образования, по нашему мнению, является необходимым.

Важно отметить, что социальными партнерами или взаимодействующими сторонами в сфере образования в целом преимущественно выступают те общности, организации, институты, которые имеют пересечение интересов и способны оказывать влияние друг на друга. Исследовательский ракурс в конкретных проектах охватывает понимание специфичности социального партнерства в определенном секторе или сфере. Особенности сферы детерминируют выделение ключевых стейкхолдеров как агентов влияния, специфику осуществления процесса (его результативности на разных стадиях) взаимодействия конкретной организации, а также структуры и технологии, благодаря которым осуществляются те или иные проекты. Результативность социального партнерства в сфере высшего образования, по мнению исследователей, «зависит от четкости определения целей, формулировки задач, правильности распределения ролей, обязанностей и ответственности всех сторон на основе взаимных интересов» [10, с. 583].

Под социальным партнерством в сфере высшего образования нами понимается разработанная сообща всеми стейкхолдерами система совместных действий как совокупность правил, способов, технологий и документации по организации, обеспечению ресурсами и реализации совместных работ (проектов, акций). Данная система должна быть встроена в схему функционирования конкретных вузов и социальной сферы территории, на которой они функционируют. Эта система совместных действий университетов и конкретных стейкхолдеров должна быть направлена на решение социально значимых задач с учетом действующих нормативных и правовых актов и воспроизводима в будущем без участия ее инициаторов [11]. Однако практики социального партнерства развиваются в определенной институциональной среде, в сфере российского образования достаточно проблемной. Этот внешний контекст институционального взаимодействия высшего образования, институтов работодателей и публичной власти в регионах (макрорегионах) кратко можно охарактеризовать как «замороженный» или статичный. Типичная позиция органов государственной власти

в российских регионах характеризуется ограниченным интересом к тому, что происходит в высшем образовании, вызванным объективными и субъективными причинами. За очень редким исключением в макрорегионах и субъектах РФ отсутствуют нормативно-правовые механизмы, и соответственно не закладываются в бюджеты экономические ресурсы, необходимые для вовлечения публичной власти регионов в постановку задач перед конкретными университетами.

Ситуативно появляющиеся примеры и практики взаимодействия региональной власти и учреждений высшего образования, в том числе на условиях социального партнёрства, находятся в прямой зависимости от воли глав регионов, их личных возможностей, интересов, способностей и желаний стратегически мыслить, а также видеть перспективы развития тех территорий, на которых они живут и которыми они руководят. Таким образом, большинство видимых в информационном пространстве официально заявленных практик социального партнерства власти и университетов носят преимущественно имитационный характер, так как ограничиваются формальными соглашениями, обсуждениями, планами и обозначенными перспективами, которые не всегда реализуются на практике.

Как мы уже отмечали выше, одной из причин такого положения дел является проблематичность финансового обеспечения такого партнерства. Перераспределение ресурсов федерального и регионального уровней на поддержку инициативных социальных проектов в некоммерческом секторе заставляет нас обратить особое внимание на финансирование социальных проектов, инициированных некоммерческими организациями, в том числе аффилированными с учебными заведениями региона. Университеты как субъекты государственного сектора не могут напрямую претендовать на такие ресурсы, но в образовательном пространстве вузов сосредоточены источники и носители социальных инновационных идей – инициативные преподаватели, члены сформировавшегося профессионального сообщества и деятельные молодежные лидеры, которые могут давать и дают таким проектам жизнь.

Вузовская среда традиционно является пространством солидаризации активных молодых людей, которые не только формируют коллективы и команды, но и поддерживают традиции социального участия молодежи. Потенциал развития проектов социального партнёрства аккумулируется и в профессиональных объединениях, которые могут инициировать сами исследователи и преподаватели. Определяющими факторами успешности практик социального партнерства, безусловно, являются интересы конкретных людей, понимающих цели и результаты сотрудничества, и их усилия по продвижению таких инициатив.

Еще одним стейкхолдером, участие которого важно для развития высшего образования, является бизнес-сектор. Российские вузы преимущественно готовят специалистов для регионального рынка труда, но основная нагрузка по обеспечению образовательного процесса ложится либо на государство, либо на конкретных людей, оплачивающих свое образование. Российский бизнес не совсем готов инвестировать в развитие высшего образования. Бизнес по целому ряду причин не всегда го-

тов вкладывать ресурсы в образовательный процесс, однако руководствуясь принципами корпоративной социальной ответственности, принимает участие в жизни местных сообществ, включается в социальные проекты, которые инициируют региональные университеты. Определяющим мотивом такого взаимодействия или социального партнерства для крупных корпораций является имиджевая составляющая. Партнерами вузов, как правило, выступают крупные российские или международные компании, их аффилированные фонды, которые предоставляют гранты, инициируют среди студентов, исследователей и преподавателей конкурсы и т.д. Таким образом, можно констатировать, что практики социального партнерства в сфере высшего образования нельзя характеризовать как системно развивающиеся. Как правило, они реализуются в форме проектов, что, безусловно, определяет их жизнеспособность, в том числе благодаря инициативам отдельных людей, организаций и коллективов.

Мы постарались дать оценку представленности практик социального партнерства в информационной повестке вузов УрФО. Подробные результаты анализа, подкрепленные цитатами экспертов, представлены в монографии «Актуальные проблемы трансформации высшего образования в макрорегионе». В ходе анализа новостного контента официальных сайтов ведущих вузов УрФО за 2017 г. были определены наиболее распространенные типы проектов, в которых реализованы практики социального партнерства вузов, работодателей, институтов публичной власти, регионального управления и местного самоуправления, институтов гражданского общества. В анализе этих практик в сфере высшего образования была применена типология В. Н. Якимца, в которой на основе содержания взаимодействия и его результатов, специфики организации и управления партнерством выделяются конкурсные, социально-технологические, организационно-структурные, процедурные (переговорные) и комплексные (комбинированные) практики межсекторного социального партнерства [9, с. 7]. Представим примеры сотрудничества вузов и стейкхолдеров системы высшего образования с позиции перехода к нелинейной модели высшего образования в макрорегионе.

Анализ показал, что самым распространенным типом являются конкурсные практики. Они предполагают проведение по заранее утвержденной схеме и правилам различного рода конкурсов по выделению ресурсов организациям, коллективам, сообществам или отдельным людям для решения каких-либо социально значимых задач, а именно для реализации общественных, научных, творческих, политических инициатив, обучения или продвижения отдельных людей, сообществ или их идей. Во взаимодействии «вуз-работодатели» чаще всего реализуются стипендиальные программы предприятий, конкурсы проектов как для студентов, так и для преподавателей и исследователей.

На конкурсной основе предприятия прицельно осуществляют отбор образовательных организаций для повышения квалификации своих сотрудников. Рассматриваемые примеры сотрудничества вузов и органов власти представляют, в первую

очередь, многочисленные грантовые конкурсы для преподавателей и студентов. Грантовые конкурсы характерны и для партнерства вузов с некоммерческими организациями и фондами, финансирующими как научные исследования, социальные проекты, так и предоставляющими тревел-гранты ученым и студентам. Социальный эффект запуска и активизации таких практик в сфере высшего образования проявляется в развитии академического сообщества, накоплении социального и репутационного капитала молодыми исследователями и преподавателями, социальными предпринимателями, активными студентами и т.д.

Социальный эффект для жителей городов и регионов, где функционируют университеты, заключается в распространении системных практик реализации научных и социальных проектов, которые нацелены на четко обозначенный результат и решают конкретные проблемы отдельных социальных групп, предприятий, организаций. Кроме того, конкурсные проекты расширяют границы свободы деятельности основных образовательных общностей, позволяют инициативным студентам, исследователям и преподавателям реализовывать нелинейные стратегии личностного и профессионального развития, развивать новые подходы в образовательной и научной деятельности.

Однако, на наш взгляд конкурсные практики в УрФО являются недостаточно распространенными. В соответствии с результатами конкурса РНФ 2016 г. на проведение фундаментальных и поисковых научных исследований отдельными научными группами от Уральского федерального округа было подано около 200 заявок, из которых 23 были поддержаны [7]. По рассматриваемому показателю УрФО уступает Центральному, Сибирскому, Северо-Западному и Приволжскому округам. В стипендиальной программе благотворительного фонда В. Потанина принимают участие всего 7 вузов УрФО.

Следующий по распространенности в университетской среде тип – это организационно-структурные практики. Их реализация обусловлена объединением стейкхолдеров для создания новой организационной структуры, выполняющей интегративные функции при их ресурсной поддержке всеми партнерами. К таким практикам можно отнести проекты взаимодействия «вуз-работодатель». В ведущих вузах создаются корпоративные исследовательские центры крупных организаций, либо возрождается традиция образования базовых кафедр на предприятиях. Начинают запускаться совместные публичные образовательные проекты, магистерские программы и т.д. Однако подобные практики не являются массовыми и реализуются, в первую очередь, в инженерно-технической сфере.

Во взаимодействии «вуз – институты науки» такими структурами выступают научно-образовательные центры, совместные кафедры, лаборатории, центры коллективного пользования. Социальный эффект от активизации таких практик, как правило, актуализируется в управление территорией за счет развития человеческого капитала, создания новых рабочих мест, поддержания стабильности на региональном рынке труда. Следует отметить, что в переходе к нелинейной модели высшего обра-

зования этот тип социального партнерства на текущий момент наименее результативен. Кризис реформирования, затронувший не только высшее образование, но и академические институты, на фоне дестабилизации управления во многих российских регионах и экономического кризиса в стране и мире, осложняет реализацию таких организационно-структурных решений.

Наиболее выраженный социальный эффект, безусловно, демонстрируют социально-технологические практики партнерства, предполагающие внедрение социальных инноваций в различных сферах, которые дополняют существующие подходы к решению проблем сообществ отдельных городов. Данный тип, как правило, выражен в локальных практиках взаимодействия академических структур с различными стейкхолдерами. Именно такие практики обеспечивают реализацию так называемой «третьей функции» университетов (вклад в развитие сообщества конкретной территории), приобретающей все большую актуальность в условиях социально-экономической нестабильности. Рассматриваемые практики способствуют переходу к нелинейной модели высшего образования в части развития социального капитала образовательных общностей, формирования просоциального поведения граждан, без участия которых реализация новой модели не осуществима.

Менее функциональны в среде высшего образования макрорегиона процедурные (переговорные) практики взаимодействия. Они основаны на правилах сотрудничества нескольких стейкхолдеров «при решении определенного класса задач (без организации конкурсов, без создания новых организационных структур в форме юридических лиц и без опоры на какие-либо новые технологии). Они формируются в ходе совместного обсуждения и чаще всего оформляются в виде специального соглашения, действующего в течение фиксированного периода времени» [9, с. 7]. В качестве таких практик могут рассматриваться публично представленные процедуры заключения договоров, соглашений о сотрудничестве с органами власти различного уровня, предприятиями и организациями, как коммерческими, так и некоммерческими. К ним можно отнести и событийный контент взаимодействия университетов с ключевыми стейкхолдерами, а именно проведение конференций, форумов, форсайт-сессий, круглых столов, совещаний и т.д. В целом рассматриваемый тип практик во многом является основанием для развития сетевого взаимодействия, выступает первоначальным этапом его реализации. Однако, несмотря на распространенность такого рода практик, многие из них носят декларативный характер и не подкрепляются реальными действиями.

Комплексные (комбинированные) практики – это наиболее сложные системы межсекторного взаимодействия, которые несут в себе черты как минимум любой пары рассмотренных выше практик. С нашей точки зрения, в качестве наиболее распространенной практики социального партнерства такого типа может рассматриваться создание волонтерских центров на базе большинства российских вузов. Организация и координация добровольчества и благотворительной активности молодежи требует целого спектра организационных, конкурсных и социально-технологических

решений. Именно социальные инициативы – наиболее привлекательный повод партнерства практически для всех стейкхолдеров университетов. Их реализация объединяет интересы органов местного самоуправления, региональной государственной власти, некоммерческих организаций и предприятий. Такие центры представляют определенную организационную структуру, которая может ресурсно поддерживаться вузом, публичной властью, донорами.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что реализуемые практики социального партнерства вузов и стейкхолдеров высшего образования могут быть четко разделены на мега проекты и локальные практики, направленные на развитие местного сообщества и решение его проблем. Мега проекты социального партнерства, как правило, связаны с государственным финансированием, выступают одним из механизмов реализации государственной политики. Крупные вузы макро-региона включаются в эти мега проекты, реализуют различные варианты рассмотренных практик социального партнерства, используют их в качестве информационных поводов для своего продвижения, осуществляя репрезентацию своего участия в таких проектах в медиасреде.

Локальные практики представлены в информационном пространстве реже, однако они достаточно разнообразны и широко распространены в среде высшего образования. С нашей точки зрения, именно такие инициативы следует рассматривать в качестве драйверов развития социального партнерства в сфере высшего образования, так как они быстрее всего работают на удовлетворение конкретных актуальных потребностей в обществе, способствуют технологизации новых проектных решений и практик межсекторного взаимодействия. Важно подчеркнуть, что такие инициативы требуют организационной и информационной поддержки со стороны университетского управления для того, чтобы в дальнейшем они могли оставаться жизнеспособными, системными и тиражируемыми.

Библиографические ссылки

1. Вишневский Ю. Р. «Верить в молодежь, изучать молодежь, доверять ее мнению...» [Электронный ресурс] // Дискуссия. – 2013. – № 1. – С. 6-13.
2. Вишневский Ю. Р., Вишневский С.Ю., Шапко В. Т. Л. Н. Коган о социологических проблемах культуры и личности // Социологические исследования. – 2011. – № 8. – С. 62-72.
3. Вишневский Ю. Р. История зарубежной социологии образования. Ч. I. Классический этап (сер. XIX в. – нач. XX в.): Тенденции развития и уроки. – Екатеринбург: УрФУ, 2014. – 514 с.
4. Галлямов Р. Р., Горбунова Г. Д. Отечественные и зарубежные определения понятия «межсекторное социальное партнерство»: сравнительный анализ основных подходов // Вестник ВЭГУ. – 2013. – № 1 (63). – С. 26-32.
5. Задорина М. А., Тесленко И. В. Изучение социального партнерства в профессиональном образовании на региональном уровне (по материалам исследования в Свердловской области) // Мониторинг общественного мнения. – 2013. – № 5 (117). – С. 61-69.
6. Плотников А. И. Межсекторное партнерство как социальная инновация для муниципальной власти России // Современные научные исследования и инновации. – 2011. – № 1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web.snauka.ru/issues/2011/05/404> (дата обращения 10.10.2017).

7. Результаты конкурса РНФ 2016 года на проведение фундаментальных и поисковых научных исследований отдельными научными группами // Официальный сайт РНФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rscf.ru/sites/default/files/infogra-doc/results_winners_013_0.pdf (дата обращения 15.10.2017).

8. СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала : монография / Л. Н. Банникова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Ю. Р. Вишневого. – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – 904 с.

9. Технологии общественного участия и межсекторного социального партнерства / под ред. М. Б. Горного. – СПб.: Норма, 2013. – 96 с.

10. Чванова М. С., Храмова М. В., Молчанов А. А. Социальное партнерство – один из механизмов совершенствования социально-инновационной деятельности вуза // Образовательные технологии и общество. – 2012. – Т. 15. – № 2. – С. 581-601.

11. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство: Основы, теория, принципы, механизмы. – Москва: Эдиториал УРСС, 2004. – 384 с.

Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ РОССИИ, ЕЁ СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ И МОЛОДЕЖИ

В статье обращается внимание на необходимость решения ряда важнейших задач, касающихся развития страны, уровня жизни российского народа. Решение этих глобальных задач, как считают авторы, напрямую связано с возрождением в России духовности, истинных смыслов и ценностей русской (российской) культуры. Без духовного возрождения России невозможно сохранить российскую государственность, основы российской традиционной семьи, решать многие вопросы, связанные с её многонациональной целостностью, воспитать истинного гражданина и патриота России.

Ключевые слова: духовность, нравственность, российская молодежь, базовые ценности российской молодежи, российская культура, российская государственность.

T. Rostovskaya, A. M. Egorychev

SPIRITUAL AND MORAL FOUNDATIONS OF RUSSIA'S DEVELOPMENT, ITS SOCIAL INSTITUTIONS AND YOUTH

Abstract. The article draws attention to the need to solve a number of important tasks relating to the development of the country, the standard of living of the Russian people. The solution of these global problems, according to the authors, is directly related to the revival of spirituality in Russia, the true meanings and values of Russian culture. Without the spiritual revival of Russia, it is impossible to preserve Russian statehood, the foundations of a Russian traditional family, to solve many issues related to its multinational integrity, to educate a true citizen and patriot of Russia.

Key words: spirituality, morality, Russian youth, basic values of Russian youth, Russian culture, Russian statehood.

Мировая цивилизация находится накануне мощных социоприродных событий, которые должны полностью изменить весь социально-политический, экономический и социокультурный ландшафт мирового сообщества, пишут многие отечественные философы, политики, экономисты, учёные-эксперты (В. П. Казначеев, А. И. Субетто, А. Н. Дмитриев, А. Д. Лопуха, В. Н. Турченко, А. В. Шитов, А. М. Егорычев, Б. А. Астафьев, В. О. Евсеев, Е. А. Спирин, мн. др.).

В канун 2017 года Римский клуб опубликовал доклад, где утверждается мысль о том, что возникла реальная необходимость и неизбежность смены мировой формации, в основе которой лежит устаревшая либеральная идеология капиталистического производства и потребления. Тем не менее, эпоха капитализма не собирается мирно уступать место новому времени. Самая большая проблема в России, заключается в том, что большая часть российской элиты (политической и экономической) никаким образом не хочет (не может) принять данную реальность. Принятие данной реальности позволило бы решать многие вопросы долгосрочного стратегического развития страны на более высоком и реальном уровне.

Основной тенденцией, предопределяющей все процессы, которые составляют логику развития современной мировой цивилизации начала XXI века, выступает глобализация, которая полностью охватила все социальные сферы и институты гражданского общества: финансы, экономику, культуру, образование, науку, коммуникацию, систему социальной защиты населения, весь бытийный мир современного человека. В орбиту глобализации втянуты все народы и государства мирового сообщества, практически все социальные группы (дети, подростки, молодежь, взрослые и пожилые граждане) [2; 3; 4].

Россия, как развивающаяся страна, стремящаяся удержаться на лидерских позициях, вынуждена «играть» по правилам мирового сообщества и при этом, сохранять своё «лицо», свою государственную и национальную идентичность. Весь период, начиная с 1991 года, выступает для России как этап поиска своего пути, который определит её будущее. Данный этап не может длиться бесконечно, на это указывают многие отечественные ученые и политики (С. Ю. Глазьев, А. А. Проханов, С. Н. Бабурин, А. Д. Лопуха, А. М. Егорычев, Т. К. Ростовская, В. Н. Турченко, мн. др.). Отставание в развитии страны сегодня, как отмечают ученые, означает превращение России в сырьевой придаток развитых стран.

Наступило время проведения глубокого критического анализа той реальной ситуации, которая сложилась в России, в её важнейших сферах (финансы, экономика, культура, наука, образование, здравоохранение, сельское хозяйство, промышленности, молодежная политика, социальная защита). Перед Россией стоит ряд проблем, которые требуют своего незамедлительного решения. Это касается, прежде всего: поднятия жизненного уровня российского народа; сокращение разрыва между доходами бедными и богатыми; приостановки детской и молодежной преступности, алкоголизма, наркомании; остановка разрушения традиционных смыслов и ценностей, российской семьи; модернизация отечественного образования на основах русской культуры; возрождение сельских поселений; вывод отечественной науки на должный уровень; создание своей сферы передовых технологий в промышленности.

Здесь возникают три очень важных вопроса:

1. Почему наша страна, обладая огромными ресурсами, до сих пор не может выйти на устойчивое развитие?
2. Почему все разрабатываемые многочисленные концепции, проекты и стратегии развития страны имеют слабую эффективность?
3. Что необходимо сделать, чтобы огромная российская держава «проснулась», произошла концентрация всех жизненных сил великого народа, которая была бы направлена на выполнение исторической миссии Руси-России – построение горного мира, счастливого и справедливого общества?

Вопросы непростые, требующие высокой интеграции интеллектуально-политической и духовно-нравственной мысли России. Все разрабатываемые варианты Стратегии развития России должны тщательно рассматриваться (подвергаться

экспертизе) с позиции её исторического социокультурного кода, связываться с долгосрочными прогнозами.

Глобализация начала XXI века породила совершенно новые явления и процессы, не свойственные ранее человечеству, которые требуют своего глубокого анализа и осмысления. Необходим футурологический прогноз ожидаемых результатов, связанных с использованием инновационных явлений (продуктов) в реализации проектов социально-экономического развития страны. В своей основе мировая глобализация опирается на принципы рыночной экономики, подчиняя все и вся получению пресловутой прибыли. В такой жизненной парадигме человек рассматривается как определенный капитал, который должен приносить максимально возможную прибыль. Этому подчинены все смыслы и ценности общественного развития, нацелены все социальные институты и структуры государства и социума. Сила и энергия глобализма вызвала небывалый по масштабам процесс реформирования мировой культуры и цивилизации, связанный со сменой культурно-ценностных ориентаций, девальвацией традиционного уклада жизни всех народов планеты Земля. Шкала ценностей современного мира сегодня определяется критериями, напрямую связанными с коммерческими целями, достижением личностного успеха и благополучия.

В современной России также идет повсеместное утверждение принципа личностного благополучия независимо от нарушения гражданских и этнических (национальных) норм поведения. С огромной скоростью разрушается традиционный уклад жизни русского (российского) человека, это касается, прежде всего, института семьи и воспитания подрастающего поколения [5].

Регулятивными образцами поведения и деятельности для современных детей, подростков и молодежи, становятся не лучшие образцы творчества СМИ, которые демонстрируют (навязывают), утверждают сексуальную свободу, образ жизни вне духовно-нравственных рамок и традиционных ценностей. Погоня за потребительскими благами и материальными ценностями становятся жизненной прагматикой основной части российской молодежи, естественно порождая крайний нигилизм, бездуховность, нравственное безразличие.

Можно утверждать, что идет беспрецедентная и беспощадная война за сознание и душу русского (российского) человека, прежде всего, подрастающего поколения. Современная ориентация государственной политики России на развитие рыночной экономики, в ущерб политике социокультурного и духовно-нравственного развития российского общества, подчиняет этой ориентации все социальные структуры и институты, воздействует на индивидуальное и коллективное сознание детей, подростков, молодежи, порождая негативные тенденции, ведущие к нарушению здоровья подрастающего поколения (физического, психического, социального, духовного).

Воспитание как система формирования сознания и мировоззрения подрастающего поколения, практически была вытеснена из системы отечественного образования всех уровней. Преимущественная его ориентация на компетентностный подход

почти полностью вытеснило понятие «личность» из воспитательно-образовательного процесса. Результаты, полученные за время реформирования российской государственной и общественной системы налицо: рост детско-юношеской преступности, необъяснимая с точки зрения здравого смысла подростковая агрессия и жестокость, кризис молодой семьи, пр. Здесь необходимо говорить не об отдельных конкретных случаях и фактах (их просто множество), а о складывающихся тенденциях.

Одна из тенденций – повсеместное падение нравственности и духовности среди российской молодежи, отсутствие четких социально-политических позиций и ориентаций [6; 7; 8]. Настоящая тенденция может иметь страшные последствия для России. Растет новая категория людей, не обремененных моралью. Они способны, в силу складывающихся обстоятельств, принять ту сторону, которая им обещает больше материальных дивидендов. Отсутствие у таких людей патриотичности, гражданской и национальной идентичности, делает их космополитами, для которых отсутствуют такие понятия, как Отечество, Родина-мать, Святая Русь, родная Земля. Предание забвению исторического смысла и ценности Руси-России, их игнорирование в разработке государственной социальной политики, исключение из базовых основ отечественного образования – первый шаг к уничтожению русской культуры и цивилизации, движение по пути к разрушению российской государственности.

Начиная с 1991 года в Российском социокультурном пространстве, идет активный и целенаправленный процесс внедрения в сознание российской молодежи универсальных ценностей западной культуры, ориентированных на полное разрушение традиционных ценностей великой России. Этой цели были подчинены самые базовые социальные институты страны, влияющие на сознание подрастающего поколения, формирующие его мировоззрение: СМИ и образование. Дух порочного либерализма прочно закрепился практически на всех каналах отечественного телевидения, транслирующего бесконечные шоу и, к сожалению, в системе российского образования, которое подвергается бесконечной модернизации и реформированию.

Отечественное образование – есть надстройка над родовым базисом русской (российской) культуры, которая выступает основанием развития российского государства и общества. Опираясь на мощный фундамент русской (российской) культуры, её смыслы и ценности, система отечественного образования реализует свою основную миссию – формирует человека русского мира, готового жить в России и честно и плодотворно трудиться на её благо. Отечественное образование можно рассматривать как наиболее надежный фактор устойчивого развития Российской Федерации, всего российского многонационального сообщества, объединяющего 193 этноса, народа и народности, которые имеют свою уникальную культуру, свои национальные особенности в организации своего бытийного мира (семьи, социальных отношений, видов деятельности, верований, пр.). Именно отечественное образование способно профессионально решать задачи воспитания, обучения и развития подрастающего поколения, наполнять их смыслами и ценностями русской культуры, формировать мировоззрение (установки, взгляды, убеждения, идеалы жизненные прин-

ципы) в соответствии с теми смыслами жизни, которые утверждались многими поколениями наших великих предков.

Здесь хотелось бы отметить важный социальный институт российского общества, который выступает первым воспитательно-образовательным звеном для ребенка – семьей. Семья начальное звено развития, воспитания и социализации личности ребенка, развитие его духовно-нравственной культуры, формирования мотивов и норм поведения, подготовки к труду и жизни в обществе [6; 7; 8]. Во все исторические времена традиционная русская (российская) семья обеспечивала развитие и стабильность российского государства и общества.

Именно семья формирует воспитательное социокультурное пространство, наполняет его особыми смыслами и ценностями, системой межличностных отношений, в котором происходит личностное становление подрастающего и взрослеющего ребенка, формируются основы мировоззрения (Л. В. Мардахаев, Т. К. Ростовская, А. М. Егорычев, В. Г. Бочарова, Т. Е. Быковская, В. Н. Дружинин, И. А. Дядюнова, Е. В. Селезнева, Л. Б. Шнейдер, и др.).

Учитывая исторические реалии развития российского общества, ту роль, которую играла в этом традиционная русская семья, можно по праву её отнести к одному из уровней отечественной системы образования. Сегодня перед российским государством и обществом стоит важнейшая задача – сохранение архетипических смыслов и ценностей русского (российского) народа (культуры, ментальности, этнических традиций, норм и стереотипов поведения, родного языка, жизненного уклада, традиционных семейных ценностей, др.). Именно эти архетипические смыслы и ценности являются социальным геномом русской цивилизации, выступают её родовой матрицей, не позволяющей ей исчезнуть, раствориться на эволюционных волнах.

Обозначенное предполагает, что задача по сохранению русской культуры и ментальности её народа должна стать приоритетным направлением государственной социальной политики современной России.

Именно такая политика будет выступать гарантом:

- сохранения жизненных сил, социального благополучия и развития социального здоровья всех граждан Российской Федерации, включая подрастающее поколение;
- разработки эффективной долгосрочной Стратегии развития России на основании исторического опыта её развития, с учетом отечественной национальной культуры;
- разработки базовых положений для государственной социальной молодежной политики, касающихся решения проблем российской молодежи;
- модернизации российского образования с учетом огромного исторического отечественного опыта воспитания и обучения подрастающего поколения.

Широкая дискуссия в политическом и научно-образовательном сообществе нашей страны о роли духовно-нравственной культуры и традиционных ценностей в

воспитании молодежи показывает: назрела ситуация, требующая необходимости разработки новых подходов и сценариев в реализации государственной молодежной политики. В новых направлениях государственной молодежной политики должны просматриваться идеи и ценности русской культуры, её духовности, соборности, православного воспитания. Их реализация непосредственно связана с системой отечественного образования.

К сожалению, в сфере современного российского образования проблем предостаточно. Самое главное, в ней отсутствует четкий идеологический вектор развития института образования, нет выверенного методологического обоснования всем проводимым модернизациям и реформам, многочисленным разрабатываемым концепциям, программам, стратегиям. Отсутствие дальнесрочной Стратегии развития отечественного образования, на базе исторической преемственности, учитывающей огромный исторический потенциал русской культуры, содержащий смыслы и ценности воспитания и обучения, не позволяет на высоком уровне решать извечные задачи: воспитывать, обучать и готовить к жизни подрастающее поколение великой страны.

Все это, несомненно, требует корректив в её цели и содержание:

Во-первых, необходимо разработать идеал российского человека и законодательно его закрепить в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации». Для многомиллионной армии педагогов и воспитателей страны, этот идеал будет выступать четким ориентиром в их педагогической деятельности: какого человека они должны воспитать и сформировать.

Во-вторых, необходимо четко определить цели отечественного образования, законодательно их закрепить в Федеральном Законе «Об образовании в Российской Федерации». Каждый профессор и учитель, должен четко представлять, какова его основная цель профессиональной деятельности.

В-третьих, необходимо возродить институт воспитания на всех существующих уровнях образования, сделать его необходимым звеном в образовательном процессе всех образовательных организаций нашей страны.

В-четвертых, необходимо разработать идеал российского общества, который также должен иметь законодательное закрепление. Каждый гражданин России должен четко представлять какое общество строит государство, куда вливается его труд, чему он посвящает свою жизнь.

Великой Российской Державе, всем её гражданам (детям, подросткам, молодежи, взрослым и пожилым) необходимы четкие цели движения вперед, идеалы, которые должны определять сущность и содержания их жизни, быть вектором в реализации огромного потенциала жизненных сил русского (российского) народа. Без четких социально значимых целей и идеалов, возрождения истинных смыслов и ценностей русской (российской) культуры, без их внедрения во все социальные структуры и институты гражданского общества страны:

– будет невозможно сохранить российскую государственность;

- ставить и решать глобальные социальные проблемы, которые будут обеспечивать прорыв России в новое будущее;
- решать сложные вопросы, связанные с её многонациональной целостностью, формированием единой общности – российский народ;
- сохранить и развить институт традиционной русской (российской) семьи, воспитывать истинных граждан и патриотов России.

Спустя 25 лет выбора Россией нового цивилизационного пути, идет трудный процесс осмысления это выбора, приходит понимание, что без традиционных базовых смыслов, ценностей и традиций русской (российской) культуры дальнейшее устойчивое развитие российского государства и общества просто невозможно. Сегодня Россия от всех своих пассионариев ждет честное, веское и компетентное слово в защиту русской духовности, ее традиционных смыслов и ценностей, которые нарабатывались многими тысячелетиями, бережно сохранялись и передавались от поколения к поколению. Она ждет от своих граждан твердости в отстаивании своих убеждений, касающихся отечественной культуры, православной веры, любимой Отчизны.

Библиографические ссылки

1. Волков В. Н. Постмодерн и его основные характеристики // Культурное наследие России. – 2014. – № 2.
2. Егорычев А. М. Национальная культура и система отечественного профессионального образования: интеграция как возможность эффективного развития // Ученые записки РГСУ. – 2016. – Т. 15. – № 6 (139). – С. 78-85.
3. Егорычев А. М. Национальная традиция жизни и социальное образование в России // Alma-mater (Вестник высшей школы). – 2016. – № 10. – С. 20-28.
4. Егорычев А. М. Национальные духовные традиции в формировании российской системы образования // Экономика образования. – 2011. – № 11. – С. 37-42.
5. Егорычев А. М. Национальные и духовные традиции в формировании российской системы образования // Alma-mater (Вестник высшей школы). – 2010. – № 2. – С. 32-38.
6. Ростовская Т. К., Егорычев А. М. Роль государственной семейной политики в формировании и развитии традиционных семейных ценностей: исторический аспект // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2017. – № 1 (17). – С. 52-57.
7. Ростовская Т. К. Семья и семейный образ жизни в системе ценностей поколений // Человек в мире культуры. – 2015. – Т. 2. – С. 3-9.
8. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья – важная составляющая ценностного ядра молодых россиян // Ценности и смыслы. – 2017. – № 1 (47). – С. 121-133.
9. Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства: Коллективная монография // под ред. чл.-корр. РАН, С. В. Рязанцева и Т. К. Ростовской. – Москва: ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. – 600 с.

СЕМЬЯ И ЗДОРОВЬЕ: НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ КОНТЕКСТЫ

В статье представлены научно-исследовательские контексты, обеспечивающие интеграцию тематического пространства социологии семьи и социологии здоровья. Среди таковых выделяется, во-первых, роль семьи в формировании здоровьесберегающего поведения на основании спонтанного анализа семейного анамнеза, исследование практик протективного поведения и их соответствие медицинским рекомендациям. Данный аспект рассматривается как проявление социализирующей функции семьи. Второй аспект – динамика семейных субинститутов (родительства, супружества, сиблинговых отношений), обусловленная медико-биологическими проблемами. Среди таковых – соматическая или психическая инвалидность ребенка, а также одного или обоих родителей, ведущая к распаду семьи, парентизации детей и общей дисфункциональности. Подвергается критике категория созависимости, традиционно используемая для анализа подобных процессов внутри семьи; вводится понятие вынужденной дисфункциональности – интенционально обусловленного нарушения жизнедеятельности семьи в целях ее сохранения. Это принципиально отличает ее от обычной дисфункциональности, в основе которой лежит девиантное поведение родителей, поддающееся контролю. Помещение проблематики здоровья в пространство исследований семьи способствует смещению фокуса с институциональных характеристик на особенности ее функционирования как малой группы. В основе этого лежит реактивная природа семьи, способность изменяться в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств. Представленные темы отражают содержание основных исследовательских направлений кафедры общей социологии и социальной работы ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет им. Н. И. Лобачевского».

Ключевые слова: социология семьи, функции семьи, вынужденная дисфункциональность, семейные субинституты, социология здоровья, здоровьесбережение.

FAMILY AND HEALTH: RESEARCH CONTEXTS

Z. Kh.-M. Saralievа, S. A. Sudin

Abstract: The research contexts providing the integration of family sociology and sociology of health are presented in the article. The family role in formation of health saving behavior on the basis of the spontaneous family anamnesis analysis, research of the protective behavior practices and their compliance to medical recommendations is distinguished. This aspect is considered as the example of the socializing function. The second aspect – dynamics of family sub-institutions (parenthood, marriage, siblings relations) caused by medical problems. Among those – the somatic or mental disability of child and also one or both parents leading to disintegration of family, a parentization of children and the general dysfunctionality. The category of codependence which is traditionally used for the analysis of similar processes in family is exposed to criticism; the concept of the compelled dysfunctionality – intentionally caused violation of family activity for her saving is entered. It essentially distinguishes it from usual dysfunctionality based on parent's deviant behavior which might be controlled. Placing of health in space of family surveys enables a shift from institutional characteristics of family to its functioning as a small group. The jet nature of family, ability to change depending on external and internal circumstances is the cornerstone of it. The topics presented reflect the content of main research directions realized on the department of general sociology and social work FGAOU VO "National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod".

Key words: family sociology, family functions, compelled dysfunctionality, family sub-institutions, sociology of health, health saving behavior.

Взаимосвязь предметного пространства социологии семьи и социологии здоровья формирует широкое тематическое поле, способное дать новые исследовательские импульсы и перспективы обоим теоретическим направлениям. Понимание здоровья как социального ресурса позволяет не только отойти от традиционной медико-биологической модели данного феномена, но и рассмотреть его как фактор динамики социальных институтов, структур и процессов, по сути, наделив его новыми функциями. С другой стороны, введение категории «здоровье» в семейную тематику заставляет по-новому взглянуть на функционирование данного института, определяемое не только социально-психологическими или экономическими факторами, но и переменными биологического характера, степень влияния которых еще предстоит оценить.

В силу широты общего пространства социологии семьи и социологии здоровья мы вынуждены существенно ограничить круг рассматриваемых вопросов. В данной статье мы обращаемся лишь к темам, представляющим перспективные исследовательские направления кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н. И. Лобачевского [1].

Одной из таких тем является изучение здоровьесберегающего поведения в практиках современной российской семьи. Определение здоровья как состояния физического, психического и социального благополучия выводит его далеко за пределы медицинского дискурса и затрагивает вопросы его социально-культурной обусловленности. Факт, что здоровьесберегающее поведение опосредуется семьей, очевиден. Практики здорового или нездорового образа жизни закладываются в процессе воспитания, основываются на укоренившихся традициях и представлениях о причинах здоровья и болезни и являются составляющей общей культуры семьи.

Изучение семейных традиций и практик здоровьесберегающего поведения представляет исключительную важность в силу значимости семьи как основного института социализации индивида. Поведенческие образцы, усвоенные в семье, обладают чрезвычайной устойчивостью, сохраняются на протяжении всей жизни индивида и воспроизводятся в последующих поколениях. Это относится к представлениям о природе болезней, опыту их преодоления, отношению к вредным привычкам, формам защитного (протективного) поведения.

Роль семьи в процессе социализации индивида актуализирует проблему качества транслируемой информации, в том числе, касающейся здоровья и техник его сохранения. В наших исследованиях мы намеренно избегаем использования понятия «здоровый образ жизни» для анализа протективного поведения. Это связано с доказательным характером практик ЗОЖ и его опорой на медицинские факты и достижения; здоровьесбережение, в нашем понимании, – это результат обыденных представлений о здоровье, сформировавшихся в результате спонтанного анализа семейной истории и жизненного опыта. Очевидно, что эти представления зачастую противоре-

чат общеизвестным медицинским фактам, выступая средством психологической защиты от осознаваемой необходимости серьезной заботы о себе.

О верности выбранной стратегии говорят следующие факты. Позитивные тенденции демографического развития последних лет – повышение ожидаемой продолжительности жизни и увеличение суммарного коэффициента рождаемости не носят общероссийского характера. Данная тема особенно актуальна для Нижегородского региона. По официальным данным Росстата, по итогам 2016 года смертность в Нижегородской области почти на 30 % превысила рождаемость. В 2016 году в регионе скончались 50 079 человек. Естественная убыль населения, таким образом, составила 10 714 человек [2]. Несмотря на снижение смертности в январе-августе 2017 года на 2,5 % по сравнению с аналогичным периодом 2016 года, ее уровень остается предельно высоким: Нижегородская область по данному показателю находится на предпоследнем месте среди других субъектов ПФО.

Очевидно, данную ситуацию невозможно объяснить лишь особенностями структуры населения, например, относительным преобладанием лиц старших возрастных групп, вступлением в репродуктивный период малочисленных когорт, рожденных в конце 90-х гг. прошлого века и низкой рождаемостью, поскольку эти тенденции характерны и для других регионов. Необходимо признать, что в основе сложившейся ситуации лежат поведенческие факторы, среди которых ведущая роль принадлежит образу жизни. Роль семьи в его формировании нам представляется решающей, а потому достойной глубокого изучения и анализа.

Подобная межпоколенная преемственность практик здоровьесбережения является примером реализации социализирующей функции семьи, которая может оцениваться неоднозначно в зависимости от характера транслируемой информации, ее содержания и поведенческих паттернов. Здесь очевидна зависимость от таких переменных, как тип семьи, ее социально-экономический статус, уровень образования родителей, опыт взаимодействия с серьезными болезнями и многих других обстоятельств. Нарушение внутрисемейных коммуникаций зачастую актуализирует влияние сторонних акторов, характер которого также нуждается в изучении и оценке.

Болезнь, точнее отсутствие здоровья, помещенное в жизненное пространство семьи, может обусловить ее глубокую дисфункциональность, которая в данном случае будет носить вынужденный характер. Категория «вынужденная дисфункциональность», введенная нами в научный оборот, обозначает интенционально обусловленное нарушение процесса исполнения семьей ее функций, носящее компенсаторный характер и не связанное с такими традиционными факторами, как, например, алкоголизация обоих родителей, их насильственное поведение или пренебрежение нуждами ребенка. Именно проблемы со здоровьем являются наиболее частой причиной вынужденной дисфункциональности семьи. Рассмотрим ее через динамику основных семейных субинститутов: родительство, супружество, сиблинговые отношения [3].

Тяжелая травма, психическое заболевание одного или обоих родителей неизменно влекут за собой парентизацию ребенка вследствие наделения его функциями, несовместимыми ни с его возможностями, ни с необходимостью исполнять иные социальные роли, свойственные его возрасту. Проблема усугубляется латентным характером явления, не позволяющим провести хотя бы приблизительную оценку его масштабов, а также несовершенством системы стационарного и надомного обслуживания лиц, нуждающихся в уходе. Ситуация особенно сложна в случае душевного расстройства одного или обоих родителей, что обусловлено важностью психического здоровья как основы личностного развития и возможности исполнения абсолютного большинства социальных ролей. В этом случае родитель, переключившийся на свои проблемы, больше не может быть примером для своего ребенка, который нередко подвергается опасности, рискуя быть включенным в его болезненные сюжеты. К этому примешивается чувство вины из-за состояния близкого человека, а также страхи развития психического расстройства и у себя. К сожалению, эти опасения беспочвенны.

Ситуация, когда в семье заболевает ребенок, не менее драматична, но ресурсы, предоставляемые институтом брака – помощь, взаимовыручка и поддержка, могут частично сгладить трагедию. Однако исследования показывают, что болезнь ребенка, в особенности психическая, в России чаще всего оказывается для брака непреодолимым препятствием. В случаях, когда семью удастся сохранить, дисфункциональные тенденции будут проявляться в перераспределении ролей, увеличении нагрузки на работающего члена семьи, постепенном иссякании адаптационного потенциала семейной системы.

Отношения между сиблингами, один из которых страдает психическим расстройством или соматическим нарушением, также носят черты вынужденной дисфункциональности. Ее специфичность в данном случае обусловлена особенностями взаимодействия братьев и сестер, характером взаимного обмена между ними и наибольшей продолжительностью среди отношений, возникающих в семейной системе [4, 5].

Особенности взаимодействия в подобных семьях традиционно описывались категорией «созависимость», на наш взгляд, не отражающей реальные характеристики протекающих процессов. Это происходит в силу концентрации созависимости на случаях алкоголизма и наркомании, расплывчатости диагностических критериев и игнорировании условно положительных сторон социализации в условиях наличия особенного родственника. Новизна наших исследований заключается, в числе прочего, в попытках создания социологического подхода к анализу подобных семей при помощи понятия вынужденной дисфункциональности. Помещение проблематики здоровья в пространство исследований семьи способствует смещению фокуса с институциональных характеристик на особенности ее функционирования как малой группы. Это связано с реактивной природой семьи, с ее способностью изменяться в зависимости от внешних и внутренних обстоятельств.

Библиографические ссылки

1. Судьин С. А. Медико-социальные аспекты функционирования семьи. Глава в монографии «Жизненные миры современной российской семьи». – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. – С. 178-203.
2. Смертность в Нижегородской области почти на 30 % превысила рождаемость по итогам 2016 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.niann.ru/?id=503582> (дата обращения: 30.01.2018)
3. Судьин С. А. Семья и психическое здоровье (по материалам зарубежных исследований) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2016. – № 1 (37). – С. 153-162.
4. Судьин С. А. Факторы формирования межсиблингового взаимодействия в семьях с психически больным ребенком // Женщина в российском обществе. – 2016. – № 2 (79). – С. 3-11.
5. Судьин С. А. Психическая болезнь как проблема социализации в межсиблинговом взаимодействии // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2016. – № 2 (42). – С. 111-118.

СОЦИАЛЬНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КАК ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ

В статье предлагается новый методологический подход к определению сущности и содержания категорий социальный и экономический потенциал общества. Социальный и экономический потенциалы региона рассматриваются как системы элементов непосредственно формирующих экономическую, социальную активность и возможности получения значимых результатов в различных сферах общественного бытия. Значительное место уделяется раскрытию роли социального и экономического потенциала в развитии страны и ее регионов.

Ключевые слова. Экономический потенциал, социальный потенциал, структура социально-го и экономического потенциала, реализация потенциала.

SOCIAL AND ECONOMIC POTENTIAL AS A FACTORS DEVELOPMENT OF REGIONS

Abstract. The article proposes a new methodological approach to determining the nature and content of the categories of social and economic potential in modern society. Social and economic potentials of the region are considered as system elements directly shaping the economic, social activity and the possibility of obtaining significant results in various spheres of social life. Special attention is paid to revealing the role of social and economic potential in the development of the country and its regions.

Keywords: economic potential, social potential, social structure and economic potential, the implementation potential.

В условиях качественных преобразований общественных отношений социально-экономический потенциал остается важнейшим фактором не только прогресса страны в целом, но и создания самодостаточности и конкурентоспособности регионов, обеспечивающих устойчивость развития и высокое качество жизни своему населению [7, с. 26]. Не вызывает сомнения что от уровня познания социально-экономического потенциала и разработки механизма эффективного его использования зависит научная обоснованность и совершенствования управления социально-экономической жизнью страны и ее регионов. Именно этим в первую очередь обусловлена актуальность изучения проблем потенциала общества и эффективной его реализации. В связи с установлением различных санкций со стороны США и ЕС на современном этапе развития нашей страны их актуальность еще более возросла.

Социальный потенциал каждого региона имеет свои особенности. Анализ этих особенностей и основных факторов, воздействующих на современное состояние социального потенциала, выявление имеющихся противоречий в этой сфере, разработка механизма эффективного его использования определяют интенсификацию социально-экономического и духовного развития региона. Все эти проблемы носят фундаментальный характер и от их решения зависит преодоление кризисных явлений в регионе, обеспечение безопасности его функционирования и, соответственно, создание

условий для прорыва страны на более высокий уровень общественного прогресса и сохранения ее суверенности в мировом сообществе. В практическом плане разработка этих вопросов необходима для совершенствования социально-экономической политики и управления развитием регионов.

Однако, в отечественной литературе, посвященной анализу проблем формирования и развития потенциала общества, обнаруживается отсутствие какого-либо единого методологического подхода к определению и интерпретации его сущности и содержания, что оказывает существенное отрицательное влияние на дальнейшее расширение и углубление исследований в этой области.

Одной из главных причин различия в трактовке содержания категории потенциал объясняется его использование в самых разных сферах науки и практики. Он широко применяется в физике, химии, биологии, философии, экономике, социологии, военном деле, политике, психологии, педагогике и т.д.

Противоречия и неоднозначная трактовка этого феномена обнаруживается уже в системе категорий, представленной Аристотелем. Сегодня одни ученые потенциал отождествляют с возможностями, другие способностями, третьи ресурсами. Так, А. Н. Самаукин утверждает, что «потенциал» характеризуется совокупностью ресурсов [6, с. 7]. Р. А. Белоусов рассматривает потенциал, как определенные способности [2, с. 3]. В. Г. Беломестнов пытается обосновать идею о том, что потенциал – это совокупность возможностей [1, с. 196]. Однако понятия «возможность», «способность» и «ресурс» раскрывают лишь отдельные аспекты сущности и содержания категории «потенциал», и ни одного из них нельзя отождествлять с анализируемым феноменом. В связи с этим ряд исследователей в своих работах расширяют количество составляющих элементов потенциала. А это приводит к дальнейшей путанице в категориальном его толковании. Следует отметить, отождествление сущности потенциала с возможностями, на наш взгляд, расширяет содержание этой категории, а определение его как системы способностей, наоборот, сужает его границы.

Категория «возможность» является понятием, охватывающим более широкий круг явлений, чем потенциал, поэтому эти категории не могут быть тождественными. Различные естественно-природные и социальные системы, обладающие определенным потенциалом, имеют разные возможности, эти возможности определяются условиями бытия. Потенциал, прежде всего, отражает тенденции самосохранения системы, ее качественных преобразований. В объективной реальности эти тенденции могут реализоваться и не реализоваться. В процессе развития объекта происходит своеобразный «выбор» возможностей из некоторого их множества. Сам этот выбор зависит от многих факторов как внутреннего, так и внешнего характера. В этой ситуации имеющийся потенциал может или реализоваться или же оставаться в абстрактном состоянии в зависимости от наличия реальных возможностей. К этому следует добавить, что наличие различных возможностей изменения объекта не означает еще, что они отражают его потенциал. Что же касается понятия способности,

следует отметить, что оно так же по своему содержанию не совпадает с категорией потенциал. Категория способность отражает, прежде всего, характеристику материальных и духовных систем, определяющих возможности саморазвития и воздействия на других объектов, используя самые различные способы и методы. Формирование потенциала и способностей, их развития, безусловно, являются взаимосвязанными процессами. Но это не значит, что они полностью совпадают. Если объект обладает определенным потенциалом, это не свидетельствует о том, что он имеет соответствующий уровню развития его способностей. Способность – это важнейший фактор формирования и реализации потенциала. Субъекты, обладающие большим потенциалом развития, могут оказаться не способными его реализовать под воздействием различных внешних причин.

Рассмотрение потенциала ресурса, как понятий отражающих один и тот же феномен, имеет так же методологические недостатки. В научной литературе ресурсы определяются как совокупность носителей свойств и характеристик, которые создают возможности для существования, функционирования и развития различных материальных и духовных систем. Потенциал в отличие от ресурса, является атрибутом конкретной системы и определяет основные тенденции ее функционирования и развития. Исследования взаимосвязи ресурсов и потенциала необходимо особенно для разработки социально-экономической политики. Ресурсы являются важнейшим структурным элементов потенциала. Вместе с тем необходимо учесть, что не все его элементы входят в группу составляющих потенциала и, соответственно, не оказывают какое-либо воздействие на его состояние и развитие. Следует так же отметить, нарушение баланса в системе формирования ресурсов, различные неудачные комбинации элементов ее структуры, ресурсно-затратная политика, могут привести к разрушению системы и торможению реализации потенциала общества.

По нашему мнению, потенциал представляет собой органически взаимосвязанные внутренние элементы и силы материально-духовной системы, определяющие закономерности ее функционирования и тенденции развития. Потенциал – это феномен, исследование которого дает возможность определить будущее состояние явления, прогнозировать его и разрабатывать научно-обоснованную политику развития.

В содержании понятия «потенциал» можно выделить два уровня: формальный и реальный [9, с. 356]. При этом под реальным потенциалом понимается комплекс элементов и внутренних сил, воздействующих или же способных оказать влияние на функционирование и развитие системы в случае возникновения возможностей и создания определенных условий. Формальный потенциал – это обозначение, отражающее образ потенциала на уровне формально абстрактного мышления, наличие которого не обнаруживается в реальной действительности.

На основе изложенного подхода, содержание понятия «потенциал» можно определить следующим образом, потенциал – это органическое единство, целостность внутренних элементов и сил, материально-духовных систем, создающие необ-

ходимые предпосылки и условия для самосохранения и обеспечения саморазвития на основе реализации возможностей, способностей и использования имеющихся ресурсов. Таким образом, содержание категории «потенциал» нельзя отождествлять с содержанием понятий «возможность», «способность», «ресурсы», которые отражают различные его аспекты. Что же касается определения сущности феномена «социально-экономического потенциала региона», разработка концепции, установления его состояния и реализации в современных условиях расширения компетенций административно-территориальных систем, они дают возможность предсказать, прогнозировать, модернизировать развитие конкретных республик, областей регионов, краев, и т.д., и использовать его как фактор интенсификации социального прогресса. Социально-экономический потенциал региона, следует определить как возможности и способности указанных систем региона за счет использования собственных региональных ресурсов обеспечить достижение в своей административно-территориальной границе долгосрочного, устойчивого социально-экономического развития, позволяющего гарантировать населению территории необходимый уровень и качество жизни, соответствующий стандартам развитых стран мира. Следует отметить, что в литературе преимущественно используется категория «социально-экономический потенциал». Действительно, социальный и экономический потенциалы тесно взаимосвязаны и взаимно обуславливают друг друга. Поэтому, их необходимо исследовать в диалектической взаимосвязи друг с другом. Но вместе с тем, как нам представляется их содержание, необходимо разводить.

В отечественной литературе существуют в трактовке сущности социально-экономического потенциала различные подходы к определению содержания экономического потенциала. Среди них можно выделить два наиболее распространенных направления. В первом из этих направлений утверждается, что экономический потенциал не что иное, как совокупность ресурсов хозяйствующих субъектов – страны, региона, предприятия и т.д. По мнению исследователя второго направления, экономический потенциал отождествляется в основном стоимостью доступных ресурсов и активов. Отсутствуют единство и в понимании структуры экономического потенциала. Одни утверждают, что основными структурными элементами являются естественно-природный, производственный, научно-технический, инвестиционный, финансовый трудовой ресурс и инфраструктура территории. Другие считают, что экономический потенциал складывается из возможных условий и ограничений естественно-природного, финансового, организационно-технического, законодательного и территориально-отраслевого характера феноменов.

Нам представляется, что экономический потенциал – это возможности, условия и способности экономической системы за счет использования собственных ресурсов обеспечить достижение в границах своей территорий устойчивого экономического развития и достойного уровня жизни населения. Его структура может характеризоваться на основе целей исследования и принятия практических решений. Но основными характеризующими этот феномен являются естественно природная сре-

да, мощности промышленности и сельского хозяйства, вся инфраструктура и трудовые ресурсы.

Необходимо подчеркнуть что, отождествление в научной литературе категорий «возможность», «способность» и «ресурсы» с понятием потенциала вообще распространяется и на понятие «социальный потенциал». Так в «Социологической энциклопедии социальный потенциал определяется как «интегральное понятие, характеризующее возможности государства, фирм, общественных организаций, объединений, личности, групп населения, отраслей хозяйства, регионов, различных сфер жизнедеятельности и общества в целом в решении перспективных задач социального развития» [5, с. 236.] Г. И. Плюсуля предлагает социальный потенциал рассматривать как способность системы к самоорганизации [4, с. 16]. По мнению А. А. Дрегалю и В. И. Ульяновского социальный потенциал представляет собой «совокупность имеющихся ресурсов общества для достижения поставленной или заданной цели [3, с. 86]. Социальный потенциал, по нашему мнению, следует рассматривать как систему элементов, непосредственно формирующих социальную активность и возможности в получении социально значимых результатов в различных сферах общественного бытия. Социальный потенциал, как и потенциал в целом, нельзя отождествлять категориями «социальный ресурс», «социальные возможности», «система способностей», «имеющиеся условия».

Учитывая все сказанное, социальный потенциал региона следует определять как органическое единство возможностей и способностей населения территориального образования сформированной за счет использования собственных ресурсов социума, обеспечивающей достижения устойчивого социально-экономического развития, гарантирующего необходимый уровень и качество жизни. Социальный потенциал региона имеет достаточно сложную иерархическую структуру, как и общество в целом. Более точно - она соответствует структуре потенциала общества.

Особенности регионального потенциала определяются естественно-природными условиями, уровнем развития его структурных компонентов и их сбалансированностью. В составе структуры социального регионального потенциала в целом целесообразно выделить производственный, трудовой, научно-образовательный, инновационный, организационный, социально-демографический, социально-политический и другие потенциалы. Естественно каждый указанный потенциал является относительно самостоятельной системой и имеет большое количество своих составляющих элементов. Все структурные элементы социального потенциала находятся в органической взаимосвязи и взаимообусловленности. Возникающие в результате тесной взаимосвязи различных потенциалов синергетический эффект, во-первых способствует усилению социального потенциала региона в целом и его отдельных элементов. Во-вторых, он формирует особенности потенциала региона в целом. Поэтому при исследовании и разработке системы управления все структурные элементы социального потенциала должны рассматриваться в их взаимосвязи и взаимообусловленности. Как известно, инновации в политике должны

стать важнейшим фактором развития России [8, с. 58; 3, с. 345]. Поскольку развитие региона в современном обществе зависит в первую очередь от эффективности развития и использования его потенциала. Именно в этой сфере огромные возможности для инноваций. Поскольку развитие региона в современном обществе зависит в первую очередь, от эффективности развития и использования его потенциала именно эта сфера нуждается в инновациях. Инновации, способствующие активизации процесса реализации социально-экономического потенциала, в обязательном порядке должны предусматриваться в стратегической программе социально экономического развития административно-территориального образования. Она должна, прежде всего, осуществляться на базе учета ряда моментов: во-первых, на основе оценки имеющего в настоящее время потенциала. Во-вторых, она должна реализовываться на фундаменте появившихся новых ресурсов и инвестиций. В-третьих, следует учитывать, также то, что достижение высокого качества жизни, в свою очередь, приводит к положительным изменениям социально-экономического потенциала региона и всех его составляющих элементов, которые должны найти свои отражения в программных документах управления развитием административно-территориальных систем. Использование всех этих факторов, несомненно, будет способствовать повышению эффективности использования социально-экономического потенциала региона.

Поскольку устойчивое развитие региона зависит в первую очередь от эффективности развития и использования его потенциала, то следует это осуществлять на основе разработки стратегической системы управления данным процессом. Она должна, прежде всего, реализоваться на базе учета двух моментов: во-первых, на основе оценки текущего имеющего в настоящее время потенциала, который проводится, не зависимо от определенной уже стратегии и цели развития административно-территориального образования, во-вторых, на фундаменте возможностей наращивания потенциала новых ресурсов и инвестиций. К этому следует добавить, также то, что достижение высокого качества жизни в свою очередь, приводит к положительным изменениям социально-экономического потенциала региона и всех его составляющих элементов, которые должны найти свои отражения в программных документах управления развитием административно-территориальных систем.

Библиографические ссылки

1. Беломестнов В. Г. Проблемы управления эконномическим потенциалом социально-экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2005. – № 1,2 (13/14). – 195-201 с.
2. Белоусов Р. А. Рост экономического потенциала. – Москва: Экономика, 2001. – 261 с.
3. Дрегало А. А. Ульяновский В. Н. и др. Социальный потенциал региона как фактор развития северных территорий. – Архангельск. Изд-во СГМУ, 2008. – 400 с.
4. Плюсуля Г. И. Потенциал социальной системы. Сущность, проблемы выявления и развития: автореферат дисс. ... к. филос.н. – Москва, 1992 – 19 с.
5. Самоукин А. Н. О содержании понятие потенциал общества. В сб.: Методология статисти-ческого изучения социально-экономического потенциала. – Москва, Экономика, 1986. – 267 с.

6. Социологическая энциклопедия в двух томах. Руководитель проекта Семигин Г. Ю.; Главный редактор Иванов В. Н. Т. 2. – Москва : Мысль, 2003. – 236 с.
7. Файзуллин Ф. С. Устойчивое развитие – приоритетное направление исследований АН РБ // Проблемы Востоковедения. – № 4 (74). – 2016. – С. 26.
8. Файзуллин Ф. С., Шафиков М. Т. Особенности динамики научно-образовательного потенциала в условиях глобализации // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Социально-гуманитарные науки Выпуск 5. – 2006. – № 02 (57). – 186-194 с.
9. Яковлева О. И. Определение показателей инновационного развития экономики // European Social Science Journal. – 2012. – № 5. – 345-351 с.

Об авторах

Аверьянова Дарья Валерьевна,

младший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Челябинский филиал, Челябинск, РФ

Акулич Мария Михайловна,

доктор социологических наук, профессор, Тюменский государственный университет, Тюмень, РФ.

Амбарова Полина Анатольевна,

доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Багирова Анна Петровна,

доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Багирова Тамара Борисовна,

старший преподаватель, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Банникова Людмила Николаевна,

доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Белова Ольга Рудольфовна,

старший преподаватель, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ.

Боронина Людмила Николаевна,

кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Вишневский Сергей Юрьевич,

доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Вишневский Юрий Рудольфович,

доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Гаврилюк Вера Владимировна,

доктор социологических наук, профессор, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, РФ

Гаврилюк Татьяна Владимировна,

кандидат социологических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, РФ

Грошев Игорь Львович,

кандидат социологических наук, профессор, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, РФ

Грошева Ирина Александровна,

кандидат социологических наук, доцент, Московский институт государственного управления и права, Тюменский филиал, Тюмень, РФ

Грошева Любовь Игоревна,

кандидат социологических наук, ст. преподаватель, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, Тюмень, РФ

Дидковская Яна Викторовна,

доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Дзевенис Анатолий Александрович,

кандидат философских наук, профессор, Дальневосточный государственный аграрный университет, Благовещенск, РФ

Докторов Борис Зусманович,

доктор философских наук, профессор, независимый аналитик и консультант

Дулина Надежда Васильевна,

доктор социологических наук, профессор, Волгоградский государственный университет, Волгоград, РФ

Егорычев Александр Михайлович,

доктор философских наук, профессор, Российский государственный социальный университет, Москва

Заборова Елена Николаевна,

доктор социологических наук, профессор, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, РФ

Зборовский Гарольд Ефимович,

доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Зайцева Екатерина Васильевна,

кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Запарий Владимир Васильевич,

доктор исторических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Засыпкин Владислав Павлович,

доктор социологических наук, профессор, первый проректор, Сургутский государственный педагогический университет, Сургут, РФ

Зборовский Гарольд Ефимович,

доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Зубок Юлия Альбертовна,

доктор социологических наук, профессор, заведующая Отделом, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, РФ

Зырянов Сергей Григорьевич,

доктор политических наук, профессор, директор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Челябинский филиал, Челябинск, РФ

Зырянова Валерия Михайловна,

кандидат философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Челябинский филиал, Челябинск, РФ

Икингрин Елена Николаевна,

кандидат социологических наук, доцент, вице-президент РОС, Нижневартовское отделение РОС, г. Нижневартовск, РФ

Ильина Илона Валерьевна,

старший преподаватель, Тюменский государственный университет, Тюмень, РФ

Кеммет Елена Викторовна,

магистр, ассистент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Кислов Александр Геннадьевич,

доктор философских наук, профессор, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Екатеринбург, РФ

Клюев Алексей Константинович,

кандидат философских наук, доцент, директор, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Коган Лев Наумович,

доктор философских наук, профессор

Козлов Анатолий Александрович,

доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ

Константиновский Давид Львович,

Доктор социологических наук, профессор, Руководитель Центра социологии образования, науки и культуры Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, РФ

Коровина Эльвира Борисовна,

магистрант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Кузьминчук Анна Александровна,

кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Лапин Николай Иванович,

доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, Руководитель центра, Институт философии РАН, Москва, РФ

Меренков Анатолий Васильевич,

доктор философских наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Мосеева Полина Сергеевна,

магистрант, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Мылтасова Ольга Валерьевна,

старший преподаватель, Уральский государственный экономический университет

Нархов Дмитрий Юрьевич,

кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Орешкина Татьяна Анатольевна,

кандидат социологических наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Павлов Борис Сергеевич,

доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт экономики, Уральское отделение РАН,

Павлов Денис Борисович,

магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Москва, РФ

Певная Мария Владимировна,

доктор социологических наук, профессор, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Пронина Елена Ивановна,

старший научный сотрудник, Федеральный социологический центр РАН, Москва, РФ

Ростовская Тамара Керимовна,

доктор социологических наук, профессор, Институт социально-политических исследований РАН, Российский государственный социальный университет, Москва

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна,

доктор исторических наук, профессор, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, РФ

Сенук Зинаида Викторовна,

кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, РФ

Судьин Сергей Александрович,

доктор социологических наук, доцент, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.

Файзуллин Фаниль Саитович,

доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Башкортостан, Уфимский государственный авиационный технический университет

Чевтаева Наталья Геннадьевна,

доктор социологических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы, Уральский институт управления (филиал) Екатеринбург, РФ

Чупров Владимир Ильич,

доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований РАН, Москва, РФ

Шапко Ирина Валерьевна,

кандидат философских наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, РФ

About authors

Akulich Maria M.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Ambarova Polina A.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Averyanova Darya V.,

Junior Researcher, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia

Bagirova Anna P.,

Doctor of Economic Sciences, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Bagirova Tamara B.,

Senior Lecturer, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Bannikova Ludmila N.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Belova Olga R.

Master of Management, Senior Lecturer, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Boronina Ludmila N.,

PhD in Philosophical sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Chevtayeva Natalya G.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department, Ural Institute of Management (Branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Yekaterinburg, Russia

Chuprov Vladimir I.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher; Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Didkovskaya Yana V.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Doctorov Boris Z.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, an Independent Analyst and Consultant

Dulina Nadezhda V.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department, Volgograd State University, Volgograd, Russia

Dzevenis Anatoly A.,

PhD in Philosophical sciences, Professor, the Far Eastern State Agrarian University, Blagoveshchensk, Russia

Egorychev Alexander M.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian State Social University, Moscow, Russia

Fayzullin Fanil S.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academician of the Academy of Sciences RB, Head of the Department, Ufa State Aviation Technical University, Ufa, Russia

Gavrilyuk Tatyana V. ,

PhD in Sociological sciences, Associate Professor, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Gavrilyuk Vera V.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia

Groshev Igor L.,

PhD in Sociological sciences, Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after marshal A.I. Proshlyakov, Tyumen, Russia

Grosheva Irina A.,

PhD in Sociological sciences, Associate Professor, Moscow Institute of Public Administration and Law», Tyumen Branch, Tyumen, Russia

Grosheva Lyubov I.,

PhD in Sociological sciences, Senior Lecturer, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after marshal A.I. Proshlyakov, Tyumen, Russia

Ikingrin Elena N.,

PhD in Sociological sciences, Associate Professor, Nizhnevartovsk branch of the Russian Society of Sociologists, Nizhnevartovsk, Ufa, Russia

Ilina Ilona V.,

Senior Lecturer, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Kemmet Elena V.,

Master of Management, Assistant Lecturer, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Kislov Alexander G.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russian State Vocational and Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Klyuev Alexey K.,

PhD in Philosophical sciences, Associate Professor, Director of the Institute of Public Administration and Enterprise Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Kogan Lev N.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor,

Konstantinovskiy David L.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department, The Federal Center for Sociological Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Korovina Elvira B.,

Master's Degree student, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Kozlov Anatoly A.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Kuzminchuk Anna A.,

PhD in Sociological sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Lapin Nicolai I.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Head of the Department, Institute of philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Merenkov Anatoly V.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Moseeva Polina S.,

Master's Degree student, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Myltasova Olga V.,

Senior Lecturer, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Narkhov Dmitry Y.,

PhD in Sociological sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Oreshkina Tatyana A.,

PhD in Sociological sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Pavlov Boris S.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Institute of Economics of the Urals Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

Pavlov Denis B.,

Master's Degree student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

Pevnaya Maria V.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Pronina Elena I.

Senior Researcher, The Federal Center for Sociological Research of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Rostovskaya Tamara K.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department, Russian State Social University, Moscow, Russia

Saralyeva Zarathan H.-M.,

Doctor of Historical sciences, Professor, Head of the Department, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Senuk Zinaida V.,

PhD in Philosophical sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Shapko Irina V.,

PhD in Philosophical sciences, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Sudin Sergei A.,

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Vishnevsky Sergey Y.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Vishnevsky Yury R.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Zaborova Elena N.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of (the) Department, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Zaitseva Ekaterina V.,

PhD in Sociological sciences, Associate Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Zapariy Vladimir V.,

Doctor of Historical sciences, Professor, Head of (the) Department, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Zasyarkin Vladimir P.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, First Vice-Rector, Surgut State Pedagogical University, Surgut, Russia

Zborovskiy Harold E.,

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Zubok Yulia A.,

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department, Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Zyryanov Sergey G.,

Doctor of Political Sciences, Professor, Director, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia

Zyryanova Valeriya M.,

PhD in Philosophical sciences, Associate Professor, Chelyabinsk branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk, Russia

Научное издание

НЕ РАССТАНУСЬ С МОЛОДЕЖЬЮ, БУДУ...

*Сборник научных статей к 80-летию
профессора Ю. Р. Вишневого*

Редактор Е. В. Кеммет
Корректор Е. В. Кеммет
Компьютерный набор и верстка Д. Ю. Нархов

Подписано в печать 26.02.2018 г. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Цифровая печать. Усл. печ. л. 20,05.
Уч.-изд. л. 22,54. Тираж 500 экз. Заказ 104.

Издательство Уральского университета
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 389-94-79, 350-43-28

Отпечатано в типографии ИГУП УрФУ
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 13Б
Тел.: +7 (343) 371-10-03, 371-56-04
Факс: +7 (343) 371-56-04
E-mail: igup@urfu.ru